А.А. ТИМОФЕЕВА-ЕГОРОВА
"БЕРЕЗА"
КАК СДЕЛАНО
НАУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства

Это воспоминания о военных годах летчика-штурмовика А. А. Тимофеевой-Егоровой. Женщина летчик-штурмовик редчайшее явление нашей военной истории. Здесь и боевая работа летчицы, и немецкий концлагерь, и двадцать лет ожидания заслуженного звания «Герой Советского Союза».

- А. А. Тимофеева-Егорова
  - Обманула радуга
  - Отчий край
  - Нарекли Егором
  - Морячки
  - Подземка
  - Красные ворота
  - Из шахты в небо
  - «Выходи за меня замуж!»
  - Первый полет
  - Я — летчица!
  - Ландыш
  - Приданое
  - Лука Муравицкий и Аня Полева
  - Прыжок в пропасть
  - Судьба играет человеком
  - Спаси, господи, от напраслины!
  - Сам
  - Коккинаки
  - Дочушка, не упади!
  - Девчата, война!
  - Ближе к фронту
  - Природное чутье или все от бога?
  - Брошенная
  - Ворюга
  - Метростроевцы
  - Встретимся после победы
  - Желторотик
  - Бисов хлопец
  - Земляк
  - Мужика не нашлось для генерала?..
  - «Катюши»
  - Хулиган на дороге
  - Родился в рубашке

- Ад кромешный
- Приказ НКО № 227 или «Ни шагу назад!»
- «В штрафную роту захотела?»
- Летающий танк
- Не женщина — боевой пилот
- Путь полка
- Вражеская затея
- Вынужденная посадка
- Факир
- Бомбометание по лаптю
- ЧП
- «Ну, поплачь, голубушка!»
- «А ля малина»
- Крылом к крылу
- Тамань
- «Анюта, давай ростом меняться!»
- Няньки штурмовиков
- А ну-ка, девушки!
- Тит Кириллович
- Петр Карев
- Комдив 230
- Голубая линия
- Жили два друга в нашем полку
- Летчик Кузьма Грудняк
- Баба на корабле
- На курсы под «конвоем»
- Художник из Нижнего Тагила
- Воздушный стрелок
- Оружейницы
- Сон в руку
- Геройское
- Спасибо, друг «Ильюша»
- Штангистка
- Метростроевцы в боях
- Наследница
- Отцовский подарок
- «Сам погибай, а товарища выручай!»
- Женихи
- Назаркина — стрелок отличный!
- Гибель командира
- Два Ивана
- Войско Польское
- Пани Юзефа
- Пир в имении князя Желтовского

- ○ «Уходи на свою сторону!»
- ○ Погибла смертью храбрых
- ○ Солидарность
- ○ Русский доктор
- ○ «Сестрица, помоги!»
- ○ Вперед на Берлин!
- ○ Сквозь Дантов ад концлагерей
- ○ «Смерш»
- ○ Верная гадалка
- ○ Сватовство полковника
- ○ «Где же вы, друзья однополчане?»
- ○ Как нестерпимое стерпеть?
- ○ Не имей сто рублей, а имей сто друзей
- ○ Марта
- ○ «Живым не верится, что живы»
- ○ Включи, Аннушка, радио!

А. А. Тимофеева-Егорова
Я — «Берёза»! Как слышите меня?..

Обманула радуга

Проводы запомнились, как яркий солнечный праздник. Хотя, вполне вероятно, день был и пасмурным. Но улыбки друзей, смех, шутки — все это так ослепляло, так кружило голову, а радость, переполнявшая меня, так туманила взор… Когда поезд отошел, уже в тамбуре вагона я долго смотрела перед собой зажмурившись, полузакрытыми глазами и ничего-то не могла разобрать…

Выбор сделан — я стану профессиональным летчиком! Только так! Нельзя делить себя на две части, нельзя отдавать сердце сразу нескольким привязанностям. А небо предъявляет к человеку особые права, безраздельно захватывая все твои чувства…

В Ульяновске сразу же с вокзала я умчалась на «Венец» — это самое высокое место над Волгой. И такая невообразимая ширь открылась там, такой простор, что дух захватило!

Вот она, могучая русская река, дарящая России богатырей… И удивительное дело! — над Волгой, затянутой молодым декабрьским ледком, вдруг засветила радуга. Она перекинула свое разноцветное коромысло от берега к берегу, через все синее небо — и это зимой-то? А может, мне только почудилось?.. Но я уже звонко смеялась, веря, что это — радуга, и что она к счастью.

Снова, как и там, на Казанском вокзале в Москве, в моей груди рождались волны радости, их брызги радужным туманом застилали горизонт. Да шутка ли, с блеском сданы экзамены, придирчивая медицинская комиссия дала «добро» — и я зачислена курсантом летной школы!..

А вот нам выдали обмундирование: брюки, гимнастерки с голубыми петлицами, ботинки с крагами. Кажется, лучшего наряда в своей жизни я не носила, хотя размер его и был явно великоват. Словом, все-то мне нравилось в школе, начиная с подъема и физзарядки до прогулки с песней перед отбоем ко сну. Занимались мы много. По учебе у меня все шло хорошо. Но однажды…

Как страшный сон видится тот день.

— Курсант Егорова! К начальнику училища.

Когда я вошла в кабинет и доложила, как положено, все сидящие за столом встретили меня молча и только хмуро посмотрели в мою сторону.

Помню, я стою по стойке «смирно» и жду.

— У вас есть брат? — слышу чей-то голос, и я отвечаю:

— У меня пятеро братьев.

— А Егоров Василий Александрович?

— Да, это мой старший брат.

— Так почему же вы скрыли, что ваш брат враг народа?!

На мгновение я растерялась.

— Он не враг народа, он коммунист! — гневно крикнула, хотела еще что-то сказать, но у меня сразу пересохло во рту и получился какой-то шепот.

Я уже и лиц сидевших в кабинете не видела, и слышала плохо, только в груди все сильнее и сильнее стучало сердце. Оказывается, мой брат был в беде. А я ничего не знала… Как приговор долетело откуда-то:

— Мы исключаем вас из училища!

Не помню, как я вышла из кабинета, как переоделась в каптерке в свое гражданское платье, как за мной закрылись ворота летной школы.

Отлучили от неба… Обманула радуга… Счастья не получилось… И опять я оказалась на крутом берегу Волги, только теперь не на «Венце», а далеко за городом. Порылась в карманах — нашла паспорт, комсомольский билет, красную книжечку с эмблемой метро, благодарность от правительства за первую очередь Метростроя. И все.

В мучительных терзания и тревоге я решила поехать к маме в деревню, там, в родных тверских краях, меня всегда поймут и поддержат. Но я тут же спохватилась, ведь у меня ни копейки денег, не на что даже купить билет на дорогу. И тогда я направилась к горкому комсомола…

Отчий край

Каждый на всю жизнь сохраняет в памяти годы своего детства и родительский дом. И золотая пора юности навсегда остается красочной, незабываемой страницей. Неугасимый огонек сердечной близости с отчим краем постоянно манит нас до преклонных лет, сохраняя в душе естественную потребность посетить родные места, повидаться с близкими, поклониться могилам ушедших.

Наш тверской край испокон веков славился гостеприимством. По престольным праздникам с широким русским размахом у нас принимали своих дорогих гостей со всей близлежащей округи. Традиционно собирались не только родственные семьи: приходили близкие по духу люди, приезжали гости и издалека. Загодя готовилось к таким торжествам угощение.

Помню, моя мама на престольные праздники всегда варила пиво. Оно было такое сладкое, вкусное, что даже и нам, детям, давали его понемножку. Для пива у нас в огороде на высоких тычинах рос хмель. По осени мы его щипали впрок, а на печи в мешке долго лежал ячмень, пока не прорастет на солод. Из солода мама варила в русской печи в больших чугунах сусло. В сусло добавляла хмель, дрожжи. Все это потом процеживалось в бочонки, и через сутки-двое пиво готово. Кто заходил в дом, всех угощали из больших кружек, из ковшиков.

Вообще-то наша деревенька Володово, затерянная в лесах между Осташковом и древним Торжком, была в одну улицу. К 1930 году всего сорок пять дворов. Летом здесь все собирали грибы и ягоды в лесах и перелесках Галанихи и Микинихи, в Заказнике и на Сидоровой Горе. Основным же занятием в наших краях, заботой многих поколений был лен. Когда он цвел, глаз не оторвешь от сине-голубого моря, а когда созревал, море золотое. А какой у нас воздух в разнотравье полей и лугов! А хрустально чистые родниковые ключи на Вешне и в Песчанке, на Лотках и Ясеницах… По извилистым берегам речки Яременки было много черной смородины. Зимой мы катались на лыжах и санках с Молошной горы, на Сопках и Шише, играли в простые деревенские игры. Мужики долгими зимними вечерами чинили хомуты и сбрую, женщины пряли лен и рукодельничали, а молодежь организовывала танцы. В солнечную погоду с горы Шиш (никакой горы тут не было — просто сохранился один из холмов Валдайской возвышенности, теперь там стоит тригонометрическая вышка с отметкой высоты над уровнем моря) были ясно видны золотые кресты Торжокских соборов, на которые

мы бегали любоваться. Когда ранней весной подсыхала земля и взрослые и дети там играли в лапту. Начало Торжка теряется, по поговорке, во тьме веков. Роль Торжка, построенного по соседству с Волгой, на ее притоке Тверце, невозможно переоценить. Это был город, самим своим местоположением предназначенный для торговли, для двух огромных торговых потоков, сходившихся тут один с севера, другой с юга. Здесь встречались пушнина и ткани, соль и оружие, мед и кожи и множество других товаров, которые привозили купцы со всего света. Но главное, Торжок был поставщиком хлеба. С самого основания Торжок представлял собой огромный амбар. Еще Торжок с древних времен славился удивительным народным искусством золотым шитьем. Завезли это чудо не то из Византии, не то из Ассирии, а может быть из Вавилона. До наших времен сохранилось в Торжке золотошвейное искусство.

После окончания четвертого класса Сидоровской сельской школы, мама решила отвезти меня в Торжок и определить в школу золотошвеек. Привезла. Но оказалось, что не подхожу по возрасту. Мама упросила начальницу принять меня условно и уехала. В школе было очень интересно. Учились одни девочки. Учителя — важные дамы рассказывали нам о золотошвейном мастерстве.

Вечерами, помню, нас парами вводили в большой зал, где стоял рояль. Старая дама в пенсне садилась за инструмент, играла, а мы хором тянули: «И мой всегда, и мой везде, и мой сурок со мною…» «И что это за зверюшка такая?» — засыпая думала я. А через неделю запросилась домой, потому что поняла — не смогу сидеть целыми днями над шитьем, поняла своим детским умом, что к такому искусству надо иметь еще и призвание. Золотошвейка из меня не состоялась. Но учиться было негде — средней школы в наших краях не было и тогда старший брат решил взять меня в Москву, а сестренку Зину увезли к родственникам в Ленинград (ныне опять Санкт-Петербург).

…Шагаем по Москве. Вася одной рукой тянет меня, в другой несет корзинку с моими пожитками. Я упираюсь, останавливаюсь, ошеломленная страшным шумом стуком по булыжной мостовой колес от телег ломовых извозчиков, звонками трамваев, гудками паровозов — и удивленная великолепием трех вокзалов Каланчевской площади. Особенно приглянулся мне Казанский вокзал — с высокой башней, удивительными часами на ней. Я никогда не видела таких высоких и красивых зданий — разве только во сне. А вот трамваев, столько спешащих куда-то людей в свои одиннадцать лет я и во сне не видела.

— А куда это народ-то бежит? — спрашиваю у брата. Вася смотрит на меня, улыбается и говорит:

— По своим делам.

Я удивленно думаю: «Что это у них за дела такие? Я вот еду без дела, так. А может быть, и не без дела?..»

В вагоне трамвая мне страшно, особенно когда с грохотом проносится мимо встречный вагон. Я даже глаза зажмуриваю, цепляясь обеими руками за брата.

— Сухаревский рынок, — объявляет кондуктор.

Брат подталкивает меня:

— Смотри, смотри вправо. Видишь, посреди улицы высокий дом с часами?

— Вижу.

— Это Сухарева башня. В верхних этажах ее раньше помещались большие баки водопровода, снабжавшие Москву водой.

— А почему она Сухаревой называется? — спрашиваю робко.

— Тут уж история! — смеется Василий. — А историю своей родины, своего народа, каждый человек знать обязан. Это наука очень нужная наравне с математикой и родной речью.

— Ты слышала что-нибудь про царя Петра Первого и стрельцов?

— Нет. Зачем мне про царей знать да каких-то там стрельцов?

— Так вот, был такой хороший царь Петр.

— Хороших царей не бывает, — не утерпела я.

— Ну хорошо, пусть не бывает. Отвечаю на твой вопрос. Сухаревой эта башня называется в честь стрелецкого полковника Сухарева. Он — единственный, кто со своим полком остался верен царю Петру во время стрелецкого бунта.

— А почему здесь базар устроили? — не унимаюсь я.

— А ты слышала о войне 1812 года?

— Это когда французы Москву сожгли?

— Ну, допустим… — Мой брат терпелив. Он готов отвечать на тысячи моих вопросов. — Так вот, после войны с французами, после пожара Москвы жители города стали возвращаться домой и разыскивать свое разграбленное имущество. Генерал-губернатор издал приказ, в котором объявил, что все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только раз в неделю, в воскресенье, на площадь против Сухаревой башни.

Уже давно кондуктор трамвая прокричал: «Са-мо-те-ека», «Каретный ря-ад», еще какие-то интересные названия остановок. Мы уже два раза пересаживались с трамвая на трамвай, а Василий

все рассказывал и рассказывал и, мне кажется, что все пассажиры его слушают с вниманием, и я мысленно горжусь своим старшим братом.

— Кра-а-а-сная Пре-е-сня, — протяжно кричит кондуктор, и тут Василий говорит:

— Вот и приехали.

По дороге к Курбатовскому переулку, где брат живет с семьей, он рассказывает мне о событиях 1905 года, о том, как рабочие Пресни забаррикадировали улицы и героически сражались с царскими войсками и жандармами. Брат показывает улицу под названием «Шмитовский проезд», названную так в честь студента Московского университета, владельца мебельной фабрики Николая Павловича Шмита. Его фабрика во время Декабрьского вооруженного восстания стала бастионом революции на Пресне, а он сам — активным участником событий. После подавления восстания, Шмита заключили в Бутырскую тюрьму и там убили.

Брат еще что-то рассказывал и показывал мне, но я уже плохо слушала и плохо видела заплаканными глазами. Мне было жалко Шмита, жалко погибших рабочих. А тут еще вспомнила тихую нашу деревню Володово, подружек, с которыми так весело было играть, и еще пуще заревела. Василий купил мне в одном из лотков Моссельпрома, которые попадались на каждом шагу, длинную конфету в красивой, яркой, витой обертке с кистями, но и это меня не утешило. Тогда он стал расспрашивать о доме, о матери, о братьях.

— Как папа умер, — всхлипывая и размазывая по лицу слезы, принялась рассказывать я, — мама стала часто болеть, плакать и молиться богу. Она и нас стала заставлять ходить в церковь, молиться, когда садились за стол. Зина с Костей хитрые — крестятся и на маму смотрят. А я так не могу, обязательно на икону взгляну.

— А почему тебе нельзя на икону смотреть?

— Да я ведь пионерка, крестный! Ты что, не видишь разве — на мне галстук пионерский?

Брат впервые внимательно оглядел меня.

У меня, действительно, был линялый-прелинялый галстук, выглядывавший из-под воротника пальтишка. На ногах — яловые полусапожки с резинками, сшитые маминым братом дядей Мишей. На голове платок, а из-под него торчали две косички с бантиками.

— Галстук пионерский мне сшила из своей кофточки сестра Маня, моя крестная, — похвалилась я, и тут брат заметил:

— Ты меня, пожалуйста, крестным-то не зови, я ведь

коммунист, депутат Моссовета…

Так, разговаривая, мы дошли до дому.

В семье брата мне было хорошо, особенно от теплых ручек годовалого Юрки. Он не отпускал меня ни днем ни ночью, а если случалось, что меня не оказывалось рядом, начинал так реветь, что будил всех в квартире.

В школу я не ходила, так как опоздала на два месяца. Гуляла с Юркой, с ребятами из нашего двора по Курбатовскому переулку, помогала по дому, бегала в магазин за хлебом. Как-то послали нас с Томкой, подружкой, жившей этажом ниже, за керосином на Малую Грузинскую улицу. Но вместо керосиновой лавки нас занесло в парикмахерскую. Остригли мы там косы и попросили сделать самую модную в то время прическу — «чарльстон». Ну и получили — чуть ли не под первый номер, на лбу завитушка какая-то в сторону. Вышли с Томкой из парикмахерской, посмотрели друг на друга и заплакали. Чтобы не напугать домашних, пришлось в аптеке купить по аршину марли да завязать свои легкодумные головушки. На оставшиеся деньги мы купили по два фунта керосину в каждый бидон и отправились домой. Приближаясь к дому, идем все тише и тише, наконец, наши шаги на лестнице совсем замедлились. Однако вот и Томкина дверь. Я позвонила — и через ступеньки вверх! Вскоре на весь подъезд раздались вопли моей подруги… Долго я поднималась к себе в квартиру, долго стояла у двери, но решив — будь что будет, позвонила. Открыла Катя, жена брата. Увидела меня с забинтованной головой и запричитала:

— Нюрочка, девочка, что с тобой? Да лучше бы я сама сходила за керосином! — И стала медленно, боясь сделать мне больно, разматывать с моей головы марлю. Сняла и обомлела.

— Нет, я тебя пороть не буду, дрянная девчонка! Пусть брат тебя проучит. Садись и решай десять задач и двадцать примеров из задачника, который я тебе купила! — Катя взяла Юрку, бидон, из которого уже успели вытечь те два фунта керосина, и ушла.

Я подтерла керосиновую лужу и села решать задачки. А тут зашла соседка по квартире — спросить, почему так сильно пахнет керосином, увидела меня во всем великолепии цирюльного искусства и ахнула:

— Где же твои косы, Нюрочка?

— В парикмахерской остались, тетя…

Соседка взяла ножницы, подстригла мою завитушку на лбу, расчесала получилась челочка.

— Вот так лучше, — сказала она и ушла, а я опять села за задачки.

Вечером, перед приходом брата, Катя выпроводила меня к

Томке:

— Иди, посиди у Фроловых, а я Васю подготовлю.

И подготовила. Когда я заявилась домой, брат сердито посмотрел на меня, ухватил за ухо и начал трепать да приговаривать:

— Ах, ты негодница! Самовольница! Надо бы тебя бритвой побрить!.

От наказания меня спас Юрка. Увидев такое надругательство над своей любимицей, услышав мой неистовый рев, он громко заплакал, скатился с дивана, поднялся на еще неокрепшие ножки и сделал первые шаги в его жизни — в мою сторону, защищать!

Мир в доме был восстановлен. За ужином Катя даже сказала:

— Вася, посмотри-ка на нее — а ей идет челочка…

Зимой в нашем дворе залили каток. Привязав веревками самодельные деревянные коньки к валенкам, мы даже выписывали на льду какие-то фигуры. Побывала я в цирке — выступал сам дедушка Дуров. Сводил меня брат и в Большой театр. Помню, шла опера Бородина «Князь Игорь». Я не понимала тогда ни музыки, ни пения, но половецкие пляски и арию князя Игоря запомнила на всю жизнь.

Забегая вперед, скажу, что однажды мне придется слушать эту арию в плену у гитлеровцев. Пленный итальянец Антонио будет ее петь для синьорины Анны, пока немцы не расстреляют его. Годы спустя, когда у меня родится второй сын, я назову его в честь русского князя — Игорем…

Так, со всякими разностями, открытиями, восторгами отроческого возраста, прошла моя первая московская зима.

Нарекли Егором

На лето нас с Юркой отвезли в деревню.

Мама, узнав, что внук не крещеный, решила исправить этот непростительный грех, и в тайне от сына и невестки окрестила Юрку в церкви и нарекла Егором. Когда брат с женой приехали в отпуск, то из каких-то источников узнали о крещении их сына. Вася рассердился на маму и стал ей выговаривать, что вот уже двенадцать лет Советской власти, а она все тянет назад. Невестка же, мать Юрки, перевела все в шутку, долго смеялась, и все еще и еще раз просила рассказать, как крестили ее сына, и как он не хотел вылезать из купели, бил руками по воде, брызгался и весело смеялся.

Когда отпуск у брата окончился, в Москву они уехали без меня. Мама воспротивилась моему отъезду:

— Нечего там в Москве баклуши бить. Пусть здесь ходит в пятый класс, хотя и далековато — пять километров туда, да пять обратно, по бездорожью… Но ничего, выдюжит. Сказывали, что Ломоносов с Севера из Архангельска за грамотой в Москву пешком пришел.

— Так то Ломоносов — отозвался брат. — Мы ведь тоже ходили и теперь еще ходят в начальную школу с первого по четвертый класс за четыре километра от нашей деревни да в любую погоду.

— А старики рассказывали, что раньше-то в нашем Володове была своя школа и свой учитель, который учил крестьянских ребятишек грамоте еще до отмены царем крепостного права, — разговорилась мама.

— Каким еще царем? — спросила я.

— Да Александром Вторым. Разве ты не видела у нас в амбаре на полке лежит чугунная плита с изображением царя Александра освободителя?

— Вот новости!

— Да какие новости. Мой дядя, отец Гавриил, рассказывал, что в нашей деревне в 1859 году был учитель, портной и пастух остальные занимались сельским хозяйством. В школе училось одиннадцать мальчиков и восемь девочек, а всего в деревне было двадцать дворов. Нынче, Слава Богу, наконец-то открыли семилетку в деревне Ново, вот и пойдешь туда учиться.

Так и порешили с моим образованием. А в тот вечер, помню, мама продолжала рассказывать вспоминая о былом:

— Мы, володовские, были приписаны к Бараньегорскому приходу. Какая же там была красивая церковь с высокой

колокольней! Один колокол был такой голосистый, что даже у нас в деревне было слышно, как он зазывает к заутрене или обедне. Все порушили при советской власти…

Староста вот был в деревне. Все вопросы решали на сходке и не нужно было идти к районным властям за десять километров. Придешь, а там или обеденный перерыв, или заседание, или скажут что приема нет сегодня, — вот и хлюпай обратно по бездорожью не солоно хлебавши.

— Так, что, по твоему, раньше — до Октябрьской революции жили лучше?

— Несомненно! — твердо ответила мама. — Ведь был порядок. Если нагрешишь, — идешь в церковь к священнику исповедоваться и вроде на душе станет легче. С жалобой идешь к своему старосте, он вот тут недалеко жил от нашего дома. Староста по справедливости рассудит, потому что он наш, деревенский, у всех на виду и напраслины не допустит.

— Довольно, мама, дореволюционное время восхвалять. Посмотреть кругом одна нищета осталась нам, строителям социализма, — по-пионерски уже сопротивлялась я «пережиткам прошлого». Но у мамы был свой взгляд на жизнь.

— Ой, дочушка! Так прошла первая мировая война, потом эта Октябрьская революция, затем гражданскую развязали. Сколько из-за этого разрушений, крови, слез… Комиссары после революции начали все разрушать, богохульствовать…

В тот год в деревне Ново открылась семилетка ШКМ — школа крестьянской молодежи, и я поступила в пятый класс. В ту школу из нашей деревни ходило семеро ребятишек. Каждый день — пять километров туда, пять обратно — и в стужу, и в дождь, и по занесенным снежным дорогам, и по непролазной грязи. В шестой класс мы уже ходили только вдвоем. Я, да Настя Рассказова.

Учились, помню, во вторую смену, домой возвращались поздно. Особенно плохо было ходить осенью: темень, грязь по колено. Полем идти веселей, чем лесом, и мы пели песни, а приближаясь к лесу, замолкали. Лес пугал своей таинственностью, все казалось, что стоит только в него войти, как схватит кто-то страшный. Иной раз и волчьи глаза светились в темноте…

Из школы мы с Настей стали возвращаться все позже и позже. Учитель математики и физики Константин Евгеньевич Белаевский оставлял нас порешать непрограммные, придуманные им самим задачи. Радовался он, да и мы тоже, если решали те задачки «своим» способом! Он загорался, смотрел в наши тетрадки, искренне, как нам казалось, удивлялся нашим способностям и предлагал «раскусить еще один орешек», который

якобы и сам не сумел одолеть. Константин Евгеньевич учил нас самостоятельности мышления. Нередко мы «из ничего» делали приборы для физических и химических опытов, мастерили игрушки и разные поделки для украшения класса и школьного зала. А с учительницей русского языка и литературы репетировали, а потом ставили спектакли, да не только в нашей школе, но и в деревнях Замошье, Прямухино, Велеможье (вельможи здесь жили Полторацкие), Тавруево, Обобково, Баранья Гора… Названия все древние. Взять хотя бы Тавруево и Обобково. Здесь была битва против татаро-монгольской орды. Когда татары взяли Торжок, новоторжокская дружина отступила в леса. На помощь ей вышла новгородская дружина. Соединившись, они дали татарам большое сражение. Вот тут оно и было — у Бараньей Горы. Вернее-то не Баранья Гора, как теперь говорят и пишут, а Бранья Гора. Была брань. Здесь наши и остановили татар-то. Здесь и погибли полководцы Батыя — Таврул и Обоб. Их похоронили, а войско без полководцев — ничто. Орда не дошла до Новгорода. Обо всем этом нам рассказывала учительница истории и мы даже всем классом написали на эту тему пьесу.

До сих пор с благодарностью и душевным восторгом вспоминаю я учительницу Анну Дмитриевну. Она, бывало, войдет в класс — высокая, с гладко причесанными русыми волосами, в своей постоянной «униформе» — белой кофточке и черной юбке, как-то по-доброму сверкнет синими глазами, скажет: «Дети, сегодня поговорим об истории нашего родного края», — и мы, зачарованные и гордые, слушаем, дивимся и радуемся тому, что вот какая красивая наша Родина и какие героические были наши предки…

Она нам рассказывала еще о том, что на Бараньей Горе (кстати, горы тут особой нет, а есть несколько холмов, на которых небольшая деревенька с церковью) бывали художники Н.К. Рерих, а позднее К.Ф. Юон. У Рериха о здешних древних местах написана картина «Горец» а Юона — «Табун».

Ходили мы и на экскурсию в знаменитое Прямухино. А знаменито оно было хозяевами имения, его гостями и парком. Парк вместе с деревней и усадьбой основан еще при Петре I — это легенда, а настоящая его история началась с 1790 года, когда здесь поселился молодой дипломат, доктор философии, поэт и переводчик А.М. Бакунин. У Бакуниных было одиннадцать детей. Старший сын Михаил, в молодости артиллерийский офицер, затем член кружка философов и поэтов, и прославил род Бакуниных.

Морячки

Однажды в наш в класс пришел молодой человек и отрекомендовался секретарем Каменского райкома комсомола. Он рассказал нам о Программе, Уставе ВЛКСМ, а затем спросил:

— Кто желает быть комсомольцем? Прошу поднять руку.

Мы все подняли руки. Через неделю тот же паренек в присутствии учителей торжественно вручал многим из нас комсомольские билеты. Помню, выходили мы по одному к столу, покрытому кумачом, и произносили слова клятвы — быть всегда в первых рядах строителей и защитников своей Родины. Выступали мы впервые, говорили кто как мог, краснея и заикаясь, но с великим наслаждением и гордостью стали носить защитного цвета гимнастерки, подпоясанные широким ремнем с портупеей. На портупее — узеньком желтом ремне — красным огоньком сиял Кимовский значок (КИМ — Коммунистический Интернационал Молодежи). Деньги на эти костюмы мы заработали, разгружая дрова на станции Кувшино. Рассказывали, что эту станцию построила хозяйка здешней каменской бумажной фабрики Ю.М.Кувшинова. На первое прошение, которое она написала царю с просьбой разрешить построить железною дорогу от Торжка до Каменного, протяжением сорок верст, был отказ с мотивировкой мало расстояние. Кувшинова не успокоилась. Наняла частных проектировщиков и договорилась с ними на увеличение в проекте расстояния железной дороги на семнадцать верст. Проект был сделан и царь его утвердил. Дорога была построена.

Вот почему теперь, подъезжая к Кувшинову, поезд начинает вилять то в право, то влево, нагоняя километры. Здесь-то, на станции, мы часто и грузили дрова да разные товары — для заработка, а то и без заработка — на субботниках.

Еще о Кувшиновой. Кроме железной дороги она построила для рабочих больницу, народный дом, две школы, детский сад. На фабрике в ночную смену обязательно кипятился чай в самоварах, рабочие могли и в обеденный перерыв попить чаю с дешевыми конфетами и баранками «за счет конторы» как говорили здесь. После Октябрьской революции Кувшинова сразу же передала все движимое и недвижимое имущество Советской власти. Железнодорожная станция, а теперь и город именуются Кувшиново.

Да, так вступили мы в комсомол. Теперь ко всем нашим делам прибавились комсомольские поручения. Меня и Настю Рассказову от нашей комсомольской ячейки включили в агитбригаду по созданию колхозов в Новском сельском Совете. В

бригаду входили уполномоченный райисполкома, председатель сельского Совета, директор нашей школы и мы с Настей — представительницы комсомола.

Первый поход за колхоз — в деревню Жегини. И вот в большой избе, уставленной скамейками, собрались крестьяне. Под потолком две десятилинейные керосиновые лампы, от самосада сизой тучей дым над головами. Уже шестой раз держит речь уполномоченный райисполкома, доказывая преимущества коллективного хозяйства над единоличными. Он говорит о том, что трактором куда легче и быстрее можно вспахать землю, чем однолемешным плугом или сохой, что трактором-то десять десятин за сутки обработаешь, а сохой или плугом работы на всю весну или осень.

— Хватит нам сказки рассказывать, — крикнул кто-то. — Где он, трактор-то твой?

— Вот вступите в колхоз и трактор получите.

Когда стал выступать директор нашей школы Николай Николаевич Поляков, в задних рядах зашумели:

— А ты сам-то вступил в колхоз?

— Но я же учитель, учу ваших детей.

— Так вот ты на жалованье, а мы чем будем кормиться, когда все отдадим в колхоз? — не унимались в избе. — А комсомолки твои вступили?

Я вспомнила, какой сегодня утром был тяжелый разговор с мамой. Она ни за что не хотела вступать в колхоз и мне сказала:

— Ты вступай, если хочешь, а меня не трожь! Последнюю коровенку на общий двор не поведу…

Собрание в Жегинях продолжалось. Председательствующий все просил приступить к записи желающих, но никто первым на этот шаг не решался. Наконец к столу вышел худой, в рваном полушубке и подшитых валенках крестьянин и заявил:

— Стало быть, делать нечего — пишите!

К утру записалось в колхоз двадцать с лишним семей. А через две недели, когда скот и живность начали обобществлять, колхоз распался. Помогло этому еще и то, что в газетах была напечатана статья Сталина «Головокружение от успехов». И тут же начались аресты и ссылки кулаков. Откуда только взялись они в наших-то тверских деревнях? Тогда же образовались комитеты бедноты из самых ленивых, понятно, бедных крестьян. Я помню несколько показательных судов в нашей Новской школе, которые проходили по ночам.

Отца моей подружки Насти Рассказовой — Василия Рассказова, — имевшего в хозяйстве одну корову, одну лошадь и две овцы объявили кулаком, а мою маму, имевшую к тому

времени одну корову, — подкулачницей, потому что она защищала, как могла, своего соседа Рассказова. «Кулаков» судили, а то и просто без суда и следствия ссылали невесть куда…

Меня с Настей за невыполнение комсомольского поручения и за «связь с кулаками», долго не думая, из комсомола исключили. С какой же душевной болью положила я на стол перед Толькой Гурьяновым, нашим активистом, свой комсомольский билет! Ему многие возражали, отстаивая нас, но он уперся и долго читал какие-то цитаты из «Капитала» Маркса. Я стояла поникнув, ничего не слыша, ничего не понимая. А дома всю ночь писала длинное-предлинное письмо в обком комсомола, в котором просила разобраться в моем деле, восстановить меня в комсомоле и строго наказать Тольку Гурьянова…

К окончанию школы в комсомоле меня восстановили. На выпускной вечер мы с Настей пришли, как говорили у нас в деревне, разнаряженные «в пух и прах». На нас были черные юбки из «чертовой кожи», белые кофточки из коленкора с матросскими воротниками, на ногах прорезиненные тапочки и белые носочки. На вечере мы пели песни, читали стихи, танцевали. Нас с Настей, как «морячек», упросили исполнить «Яблочко», и мы с радостью выплясывали, как умели.

Вместе со свидетельствами об окончании школы всем нам дали рекомендации на дальнейшую учебу. Меня и Гурьянова рекомендовали в педагогическое училище, Настю Рассказову — в сельскохозяйственный техникум. Никитину, Милову, Лиде Раковой рекомендовали закончить девятилетку и учиться дальше в институте.

Подземка

Но страницы газет звали нас на стройки пятилетки, и почти весь наш выпуск разъехался — кто куда. Все стремились, как тогда говорили, участвовать в индустриализации страны. Мы хотели работать и учиться.

В то лето брат Василий с семьей отдыхал в деревне. Маме он помог накосить сена для коровы, заготовил дров на зиму. Много рассказывал о Москве, о стройках, о том, что в столице будет подземная железная дорога — метрополитен.

— Это зачем же ? — спросила мама.

— Чтобы быстрее добираться до работы, — ответил Вася. — Во многих развитых странах метрополитен построен еще в середине прошлого века. В Лондоне «подземка», как ее там зовут, была открыта в 1863 году с поездами паровой тяги. В Нью-Йорке — в 1868 году, в Париже — в 1900-м…

Мы все удивлялись осведомленности брата, а больше всего тому, что в Москве будет метрополитен. Не слыханное ранее слово! Про себя я уже твердо решила, что поеду с братом и постараюсь устроиться работать на этой загадочной стройке. Но когда объявила об этом маме, она запротестовала, запричитала: мол, вот растила, растила детей, а они все разлетаются из родного гнезда и останется она одна — одинешенька. Вася убедил маму, что в Москве я буду обязательно учиться дальше. С тем и уехали.

По приезде в столицу я первым делом отправилась искать райком комсомола. С робостью вошла в здание и начала гадать, в какую бы дверь постучаться.

— Что вы ищете, девушка? — спросил меня парень, одетый в спецовку.

— На Метрострое хочу работать!

— Комсомолка?

— Да!

— Пиши заявление, — предложил парень и спросил проходившую мимо девушку: — Куда ее пошлем?

— А что она умеет делать?

— Пока ничего, — ответил он за меня.

— Тогда давай в ФЗУ «Стройуч» Метростроя.

— Добро!

И парень тут же в коридоре у окна написал мне на клочке бумаги адрес училища: Старопетровско-Разумовский проезд, дом 2.

— Езжай на двадцать седьмом трамвае до конца, а там

спросишь.

И я поехала.

В ФЗУ, в приемной комиссии, мне сказали, что Метрострою очень нужны арматурщики. Что такое арматура, для чего она — я не знала, но твердо ответила:

— Хорошо, буду арматурщицей!

Метростой был стройкой комсомола — «Комсомолстроем», и профессию каждый выбирал себе не ту, что нравилась, а ту, какая требовалась.

Три с половиной тысячи коммунистов, пятнадцать тысч комсомольцев в спецовках, касках, «метроходах» (так назывались резиновые сапоги) стояли в авангарде замечательного строительства. И это определило успех: в короткий срок — за три года — была сооружена первая очередь подземки. Работа была тяжелой. Без привычки первое время болели руки, спина, но никто не унывал. Девчата ни в чем не хотели отставать от парней. Врачи не пропускали нас на работу под землю, но мы всячески добивались этого разрешения. А когда женщинам категорически запретили работать в кессоне, три делегатки отправились искать правду к самому Калинину.

Председатель Верховного Совета СССР согласился не сразу.

— Как мне известно, при кессонном способе проходке тоннеля, рабочие находятся в герметически закрытой камере, куда нагнетается сжатый воздух, рассуждал Михаил Иванович. — Его нагнетают до тех пор, пока давление не остановит напор плывуна- водонасыщенного грунта. Сжатый воздух отжимает своим давлением грунтовые воды и осушает породу. Как же такое может выдержать хрупкий женский организм? Нет, нельзя девчатам в кессон, рожать не сможете.

— Родим, Михаил Иванович, обязательно родим и метро построим, — убеждали метростроевки Всесоюзного старосту и добились своего стали работать в кессоне.

Газета «Ударник Метростроя» писала о первой девушке — кессонщице: «Когда Соня Киеня 29 июня 1933 года натянула на себя жесткую брезентовую спецовку и неуклюже отправилась в забой, многое ей показалось необычным и даже страшноватым. Она признавалась, что под бровями ломило, а в ушах ощущалось пудовая тяжесть. Но она выдержала кессон.»

В Софье Киене так счастливо и неожиданно сочетались твердый характер, требовательность, шахтерская хватка и удивительная женственность, доброта, словом, красота внешняя и душевная. Соня стала любимицей Метростроя, его гордостью. Ее избрали на десятый съезд комсомола. В Кремле первой в мире девушке — кессонщице М.И.Калинин вручил орден Трудового

Красного Знамени. Центральные газеты и журналы печатали портреты Сони, ей посвящали стихи, и белокурая красавица-метростроевка стала маяком не только в Метрострое. Она стала получать много писем от женщин из-за рубежа. Жена английского портового рабочего писала ей: «Ваш пример, Соня, обнадеживает нас. Борьба будет упорной, но мы победим, и если не сами, то наши дочери смогут быть счастливыми, как и вы». Из Англии же одна богатая леди прислала Соне журнал мод и подписала, мол, вот платье на двенадцатой странице будто для вас, оно так элегантно в сочетании с вашими белокурыми волосами…

Софья Александровна Киеня легендой вошла в историю Метростроя. А родилась она в глухой белорусской деревне. Отец рано умер и осталось у матери на руках шестеро малолетних детей. Школы в деревне не было. В распутицу и в мороз в домотканной одежонке, в лаптях ходила Соня в соседнее село, где старая учительница учила детей грамоте. В Москву ее привез дядя, материн брат. Русского языка она не знала, говорила только по-белорусски, школьная подготовка была слабая и пришлось ей, тринадцатилетней, пойти в третий класс. После школы Соня поступила в техникум, а в 1933 году с путевкой комсомола пришла в коллектив метростроевцев…

А я пока учусь в метростроевском ФЗУ «Стройуч». Ежедневно четыре часа практики, четыре часа теории. Гляжу, как играют в руках инструктора Нефедова кусачки. У нас, фабзайчат, они становятся тяжелыми, из рук падают, когда мы начинаем вязать проволоку или откусывать ее. С чертежами еще труднее разобраться.

Чтобы быть ближе к ФЗУ, я перебрался в общежитие, находившееся там же. Это был целый городок из бараков. В бараке четыре большие комнаты, в комнате в три ряда кровати с тумбочками, посередине — стол. За этим большим столом из досок, покрытым клеенкой, мы и уроки делали, и чай пили. Завтраков, обедов, ужинов как таковых у нас не было. Был хлеб, немножко сахара да кипяток из кубовой. На двадцать восемь рублей, которые получали, много-то не разгуляешься.

Вот и сейчас пишу, а сама смеюсь, вспоминая, как мы с подружкой Тосей Островской на Бутырском рынке продавали чай, полученный по карточкам. Нам дали по ордеру на ботинки, а денег выкупить их не хватало, вот мы и решили сделать «бизнес». Стоим на рынке, дрожим. Я держу в руках две пачки чая, Тося — в роли зазывалы. Подходит к нам какой-то мужик и с ходу начинает хулить сорт нашего чая, видимо сбивая цену. Я не стерпела такой напраслины и как выпалю ему:

— Понимаешь ты в чае, как свинья в апельсинах!

Эх как он взвился:

— Милиционер! Милиционер!

Мы пустились бежать со всех ног, куда глаза глядят. Пришли в себя в Тимирязевском парке. Одну пачку чая при вынужденном отступлении потеряли. Вторую тут же решили отвезти Тосиной бабушке на станцию Сходня. Бабушка пожурила нас, мы дали ей слово никогда в жизни не зарабатывать деньги таким путем и отправились в училище.

Запомнился мне с тех давних лет наш инструктор Нефедов. Замечательный был мастер своего дела и очень добрый к нам, его ученикам. Жил он с многочисленной семьей в семейном бараке, занимая совсем небольшую комнату. «В тесноте, да не в обиде», — любил говорить инструктор и приглашал нас к себе в гости. Мы, придя к Нефедовым гурьбой, человек семь-восемь, вначале стеснялись, долго не раздевались, топтались у порога. Но со временем осмелели, оттаяли от доброты учителя и его семьи и стали приходить и званые и незваные — в любой день.

Когда что-то в работе не получалось, Нефедов терпеливо, не повышая голоса, показывал, рассказывал, держа в своей умелой руке чью-нибудь худенькую руку с кусачками, и приговаривал:

— Ничего, ничего… Не боги горшки обжигают.

Теорию у нас читали преподаватели с инженерным образованием, что в те времена было редкостью и большой роскошью. Мало-помалу и я научилась и чертежи читать, и держать правильно кусачки, научилась различать диаметр железных прутьев и обжигать тонкую проволоку для вязки их. Экзамены мы сдавали в шахте 21-21бис «Красные ворота», где проходили практику. Здесь нас и оставили работать арматурщиками.

Красные ворота

Красные ворота — не только великолепный памятник архитектуры. Это, прежде всего, памятник в честь победы русского оружия в Полтавской битве.

Сначала — при Петре I — были «Триумфальные ворота». После пожара 1737 года московское купечество построило на их месте новые — для въезда на коронацию в Кремль царицы Елизаветы. Эти тоже сгорели. Тогда, по проекту Д.В.Ухтомского, в 1753-57 годах опять были построены ворота, опять «Триумфальные», а позднее за ними прочно установилось название «Красных ворот», поскольку через них шло движение из центра города в «Красное село».

В 1928 году у «Красных ворот» была снесена церковь «Трех Святителей». На этом месте расположилась шахта Метростроя №21, а позднее, в 1934 году, построили вестибюль станции «Красные ворота».

Так вот здесь, во дворе шахты, что у Красных ворот, мы и сделали первые заготовки балок для железобетонной «рубашки» тоннеля. Все заготовки поднимали на эстакаду, оттуда грузили в клеть и спускали в шахту. Тогда, на первой очереди Метростроя, спускали в шахту и поднимали из шахты подъемником только грузы, шахтеры же спускались и поднимались по лестнице. Эта лестница запомнилась мне на всю жизнь — узкий колодец, или ствол, а в нем почти отвесная лестница с маленькими площадками. Если поднимается или спускается кто-то навстречу, то разминуться на лестнице очень трудно — такая она узкая, вся обледенелая, скользкая да полутемная. Рукавицы с рук приходилось снимать, так как в них не удержишься за скользкие-то ступеньки. Свет от малюсеньких лампочек в плотном тумане теряется, на руки, держащиеся за ступеньки, наступают сапоги спускающихся следом шахтеров. Страшно, очень страшно было первый раз спускаться в шахту!..

Но чем дальше от поверхности земли, тем светлее и теплее, и вот мы уже на глубине 40-50 метров. Наша арматура лежит в стороне, а к стволу непрерывно подходят вагонетки с породой, которые стволовой вкатывает в клеть и отправляет на-гора.

Стволовой — шахтер, принимающий и отправляющий грузы вверх и вниз. Одет он в резиновую куртку, сапоги, широкополую резиновую шляпу, сразу не разберешь мужчина это или женщина. Он кажется великаном не только по одежде, но и по тому, как лихо расправляется с доверху нагруженными породой вагонетками. Однако клеть отправлена, и стволовой, сняв сначала

свою шляпу, а потом и кепочку, повернутую козырьком к затылку, поправляет пышные белокурые волосы.

— Зина! В кино пойдем сегодня? — спрашивает парень, подкативший очередную вагонетку.

— Нет, — строго отвечает белокурый стволовой, — у меня сегодня учеба, — и вновь нахлобучивает шляпу, натягивает рукавицы и стаскивает груз, спустившийся в шахту.

Мы, бригада вчерашних фабзайчат, взваливаем арматуру на плечи и, согнувшись от тяжести, шагаем вперед — по штольне к тоннелю, туда, где должны собрать ее точно по чертежам, связать проволокой каждое перекрестье. Затем плотники сделают опалубку из досок, а бетонщики зальют все это сооружение бетоном. Движемся по штольне цепочкой. Идти трудно: груз очень тяжелый, и хочется его сбросить, распрямиться, отдохнуть. Но мы несем дальше, и кто-то тихонько начинает песню:

По долинам и по взгорьям…

Неожиданно резкий толчок, яркая, как молния, вспышка — и тьма. А во тьме отчаянные крики… Меня сильно ударило током. Очнулась на шахтном дворе. Несут куда-то. Вижу машину «скорой помощи». Испугалась, вырвалась из рук, несущих меня, и кинулась было в сторону кучи гравия…

В Боткинской больнице я пролежала две недели. Когда вернулась на шахту, то узнала, что погиб Андрей Дикий, крючками арматуры зацепив за оголенный электропровод. Смерть Андрея потрясла нас всех, но еще более взволновало письмо его отца, пришедшее уже после смерти сына. Он писал ему:

> «Ридный сыну!
>
> Гроши вид тебе мы с мамой одержалы и дуже вдячны за заботу про нас, старых людей.
>
> Выбач нас: мы тоди противились твоему видизду и не дали тоби нашего благословения.
>
> Сынку! Мы не знали твою адресу, а теперь на недели прииду до тебе. Е на дорогу гроши, кабаньчика закололы — привезу тоби домашней колбасы и сала. Мать хвора и поихать не зможе…»

Прочитав письмо, мы, девчонки, разревелись, а ребята, посовещавшись, решили созвать комсомольское собрание.

И вот протокол общего собрания комсомольцев первого участка смены инженера Алиева:

«Постановили: 1. Организовать комиссию в количестве пяти человек для встречи отца нашего товарища, комсомольца Дикого Андрея, погибшего на посту.

2. Силами и средствами комсомольцев привести в порядок

могилу Андрея Дикого на кладбище. Сделать ограду и по договоренности с мраморным заводом Метростроя — плиту с высеченными на ней именем и фамилией погибшего.»

В память о товарище мы сделали все, что могли, и это было единственным утешением для убитого горем отца.

Меня до работы не допустили, а в шахткоме предложили путевку в плавучий дом отдыха. Я отказалась: решила поехать в деревню к маме. Ей я ничего не писала о приезде, а когда вышла из вагона на станции Кувшиново очень удивилась встречающим меня маме и сестре Марии — моей крестной.

— Как вы узнали, что я приеду? — спросила я сестру. Мария разъяснила просто:

— Да маме сон какой-то приснился, вот она спозаранку приехала ко мне и говорит: «Поедем встречать Аннушку — сегодня приедет». А ты знаешь нашу маму, она, как командир — прикажет — и выполняй без разговорчиков! У нее же сердце вещун, как она любит повторять.

Мама остановила Марию, обращаюсь ко мне:

— Ты что так похудела, дочушка? Да и бледная уж очень…

— В поезде укачало, — схитрила я, — ведь ты знаешь, как за Торжком железная дорога виляет.

— Да, уж не приведи бог, — сказала мама. Мы уселись в телегу и поехали в Володово.

Как раз начинался сенокос, цвели травы. Мама будила меня еще затемно, и полем мы шли к лесу, где должны были косить. Солнышко только — только поднималось, освещая землю. Просыпались птицы и начинали щебетать на все голоса. Дойдя до леса, мама укладывала под ель старый пиджак, узелок с пищей, точила свою и мою косы и со словами: «Ну, дочушка, становись за мной» , начинала косить.

Вначале коса у меня то залезала носком в землю, то за куст задевала, но потом дело пошло на лад. Когда солнце начинало пригревать, мама отбирала у меня косу и заставляла отдыхать в тени под елочкой. Какое это было блаженство — растянуться на свежескошенной траве! Немного болели руки и ноги от непривычной работы, но эта усталость была приятной, настроение приподнятое, и я незаметно засыпала на теплой родной земле, которую сейчас именуют так административно сухо — «Нечерноземье»…

Проснусь, а рядом сидит мама, в руках у нее берестовый кулечек, в нем лесная земляника. На чистом полотенце разложены два больших ломтя хлеба, два яйца и бутылка молока. Все такое вкусное — кажется, в жизни своей я никогда ничего вкуснее не ела.

Отпуск мой пролетел незаметно, и вот я опять в шахте. С сентября учусь на рабфаке Метростроя — то утром, то вечером — посменно. Работали мы по шесть часов с полной отдачей сил, не считаясь ни с чем. Порою не выходили из шахты по две смены. Однажды, отработав вечернюю смену, остались в ночь. Помнится, вязали арматуру под сводом в тоннеле. Ужасно уставали руки, поднятые с кусочками вверх. А в тоннеле душно, жарко, хочется спать, особенно к утру. Кто-то из нас, свернувшись калачиком, заснул на ступенях лесов. Вдруг, как нарочно, под землю спустились начальник нашей шахты И.Д.Гоцеридзе и нарком путей сообщения. Увидели спящего, остановились.

— Почему дети в шахте? — грозно спросил нарком.

— Это комсомольцы, — ответил Гоцеридзе.

— Немедленно отправьте наверх!

И отправили бы. Но мы взбунтовались. Отстаивая свое право работать в шахте, правдами и неправдами прибавляли себе года. Труднее было тем, кто ростом не вышел. Через неделю все уладилось мы вновь вязали арматуру, но на глаза начальству старались не попадаться.

Странное дело, сколько бы раз я не проезжала станцию метро «Красные ворота», она мне кажется самой красивой. Иногда выйду из голубого экспресса, подойду к пилонам из красного мрамора, оглянусь — не смотрит ли кто в мою сторону? — и легонько поглажу холодный камень: моя комсомольская юность…

Когда мне говорят, что «Красные ворота» не из самых красивых станций метро, что есть станция куда краше ее, я сержусь. В 1939 году на архитектурной выставке в Париже станции «Красные ворота» была присуждена высшая награда гран-при! Не случайно же. Не случайно и теперь наша станция — архитектурный памятник, который находится под охраной государства. Здесь все монументально, значительно: широкий карниз поддерживается мощным невысокими столбами пилонами. Белый свод, темно — красные пилоны, в промежутках между пилонами видны арки. Пол из квадратов красной и желтой метлахской плитки. Авторы архитектурного проекта нашей станции академики И.А.Фомин и Н.Андриканис.

Американский консультант, а на первой очереди были иностранные специалисты и консультанты, категорически запрещал строить станцию такой, какой она была запроектирована и какой стала. Здания, мол, наверху не выдержат. Но мы мечтали и о красивых улицах Москвы, и о легком, свободном передвижении по городу — о быстром транспорте. Мы не могли отказаться от своей мечты и считали точнее. Работали лопатой да кайлом, мороженую землю

разогревали и добились своего.

На шахте нашей была такая атмосфера, Что в забой спешили все с какой-то радостью, удовольствием. Ведь это счастье — с радостью идти на работу и считать себя нужной, полезной людям, сознавать, что после тебя останется на родной земле что-то сделанное тобой, твоими руками.

Да что говорить, удивительно боевой дух был у молодежи. Нас беспрестанно влекло что-то сделать, чему-то научится. Я и Тося Островская сначала сдали нормы на значки ГТО — «Готов к труду и обороне!», ГСО — «Готов к санитарной обороне!», потом — на значок «Ворошиловский стрелок» — и все мало. Записались в хор, стали ездить в Сокольники кататься на роликовых коньках. Тося хорошо каталась, а я уже разбила себе и локти и колени, но упорно поднималась с асфальта, продолжая учиться, и наконец — ура! — научилась.

Из шахты в небо

Однажды в шахтном буфете я прочла объявление о приеме в планерную и летную группы аэроклуба Метростроя. А перед этим IX съезд комсомола выдвинули призыв: «Комсомолец — на самолет!». Выездная редакция «Комсомольской правды» была у нас на Метрострое, агитировала. Она появилась у нас в марте 1934 года в тяжелые дни шахты 21-21бис. Вагон «Комсомолки» со своим неизменным прицепом был установлен в одном из тупиков Казанского вокзала. Руководил выездной редакцией известный тогда фельетонист Семен Нариньяни. 190 дней проработала «Комсомольская правда» на строительстве станции метро «Красные ворота». За это время было пропущено 115 номеров газеты, 18 газет-молний, всевозможные плакаты. Завершилась работа выездной редакции выпуском специального объемистого номера, сброшюрованного как журнал и покрытого «мраморной бумагой». Этот номер предназначался «Первому пассажиру Московского метро» так значилось на нарядной обложке. В тоже время наша многотиражка «Ударник Метростроя» — сообщала, что неподалеку от станции Малые Вяземы метростроевский аэроклуб получил площадку под аэродром, четыре самолета У-2 и три планера. Будущие планеристы, летчики, парашютисты приглашались для корчевания пней, строительства полевого аэродрома, ангаров для самолетов и планеров. Что ж, корчевать так корчевать! По правде сказать, втайне я давно мечтала о полетах, как мечтают о далеких странах, манящих, но недосягаемых. И вот, прочтя объявление о приеме, набралась смелости и сделала первый шаг — отправилась по указанному адресу, на улицу Куйбышева, 3.

Нашла. А заходить боюсь. Уже прочитала все плакаты, стенгазету, объявления, развешенные по коридору, а к заветной двери с надписью «Приемная комиссия» подойти все не решаюсь.

— Вы кого ждете, девушка? — спрашивает меня военный в форме летчика.

Я не видела его лица: уставилась на нарукавный знак, вышитый золотом, эмблему ВВС. Вот такую эмблему мне в далеком далеке подарят летчики, узники Костринского лагеря. Они сплели сумочку из соломы, на которой спали, вышили на ней эмблему ВВС (пропеллер самолета) с моими инициалами — А.Е. (Анна Егорова) и тайно передали мне… А тогда, заикаясь я начала говорить, что очень хочу поступить в летную школу аэроклуба и вот даже заявление принесла.

— Заявления мало, — сказал он. — Нужны рекомендации с

шахты, от комсомольской организации, медицинское заключение, свидетельство об образовании и метрика. Когда все документы соберете, приходите с ними на мандатную комиссию. Комиссия решит — принять вас или нет.

Поблагодарив летчика, окрыленная тем, что начало сделано, я выскочила на улицу и, не чувствуя под собой ног, помчалась в сторону Красных ворот, на шахту.

В комитете комсомола мое поступление в аэроклуб одобрили, а вот в бригаде…

— И куда тебя несет нелегкая, — мрачно прокомментировал Вася Григорьев. Лучше бы тебе, Егорова, в институт пойти учится, а летать пусть — пусть парни летают.

— Да куда ей, дохлой такой, лезть в летчики! От удара током еще не оправилась, — высказалась Тося Островская.

Эх, Тося, Тося, а еще задушевная подружка… Спали, можно сказать, вместе — в общежитии рядом койки стояли, работали в одной бригаде, на рабфаке учились вместе. Даже платья и кофточки у нас были «взаимозаменяемые», вернее, одна вещь на двоих: сегодня она в юбке с кофтой, а я в платье, завтра — наоборот. Тося мечтала стать врачом, а я еще не решила, кем быть, и на этой почве у нас случались споры. Забегая вперед, скажу — Антонина Сергеевна Островская выучилась-таки на врача и всю войну была на фронте хирургом. А тогда она очень хотела, чтобы и я шла с ней вместе в медицинский институт.

Все сомнения, несогласия со мной остановил наш бригадир.

— Она жилистая, выдюжит. Пусть поступает! — заключил он и дал мне рекомендацию.

Теперь предстояло пройти медицинскую комиссию, да не одну, а две. Сомнений было много. Пугали какими-то лабиринтами, ямами, якобы придуманными врачами для тех, кто хотел летать. Но, к моему удовольствию, никаких лабиринтов и ям на комиссии не было. В обыкновенных кабинетах сидели обыкновенные врачи, которые прослушали, простукали нас, повертели на специальном кресле, испытывая вестибулярный аппарат, и, если не находили никаких отклонений, писали: «Годен».

Правда, на вторую комиссию из двадцати человек пришли только двенадцать. Для меня все обошлось благополучно. Все врачи написали одно, самое чудесное из всего русского языка слово — «здорова».

Оставалась еще мандатная комиссия.

Люди, кто в военной (летной) форме, кто в сугубо штатских пиджаках, убеленные сединами и совсем молодые вот уже который час сидели за большим дубовым столом и решали, кто

достоин чести подняться в небо. Справки, характеристики, рекомендации…

Груда их на столе. Читай, разбирайся, мандатная комиссия. Но что документы — сухота одна. Нужно посмотреть на кандидата, подумать, определить, на что он годен, задать вопросы, не предусмотренные справками.

И вот, отработав в шахте ночную смену, я помылась в душе, переоделась, позавтракала в шахтной столовой и направилась на мандатную комиссию. Располагалась она в бывшей церкви в Яковлевском переулке, что у Курского вокзала. Теперь здесь были классы и кабинеты аэроклуба.

Меня долго не вызывали, и я — после ночной-то смены — заснула, сидя в углу на деревянном диване. Но стоило услышать свою фамилию — вскочила и, не оправившись ото сна, влетела в кабинет. Надо было предстать перед высокой комиссией по-военному, доложить по всем правилам, а я только и сказала:

— Это я, Аня Егорова, с двадцать первой шахты…

Все сидящие за большим столом дружно засмеялись.

Вопросов же ко мне было бесконечно много: спрашивали о родителях, о братьях, о сестрах, и о работе, и о географии.

— Определите долготу и широту города Москвы, — помню, предложил кто-то из дотошной комиссии.

Я подошла к карте, висевшей на стене, долго водила пальцем вверх по меридиану и вправо по параллели, наконец объявила. Все снова засмеялись. Но почему? Оказывается, перепутала долготу с широтой.

— Она же смущается, — вмешался представитель комсомола. Ударница она.

— Ну, если ударница… — шутливо протянул летчик, тогда скажи, девушка, в какую группу ты, собственно, желаешь поступить?

Я поняла, что «мычать» больше просто невозможно, нужно взять себя в руки и заговорить нормально, толково, иначе все рухнет, выгонят и только. Второй раз не позовут. Я вздохнула поглубже и сказала:

— Пилотом хочу быть!

— Э-э, какая шустрая, оказывается, а комсомол уверял, что она смущается. Сразу не куда-нибудь, в летную требует…

Кто-то из-за стола буркнул:

— Рановато, по возрасту не подходит, годок подождать надо.

Что за притча: из-за возраста меня в золотошвейки не принимали, из-за возраста из шахты на-гора выпроваживали и вот опять, когда я, сделав подлог, прибавила себе два года, опять по возрасту не подхожу?

— Пойдешь пока на планер…

— А что это такое?

— Не знаешь? Странно… Летательный аппарат. Ну как тебе попроще объяснить: самолет без мотора…

— Так, значит, я напрасно о моторе мечтала? — вырвалось у меня, я подошла к столу вплотную и заговорила быстро-быстро, обращаясь по существу лишь к летчику:

— Планер планером, а мне на самолет надо… Ведь я же очень, поймите, очень летать хочу…

— В этом году полетаете на планерах, понравится в летную группу переведем.

— Следующий!

Закрыв за собой дверь, я бессильно опустилась на кем-то любезно подставленный стул. Со всех сторон сыпались вопросы: «Ну, как там?», «Куда тебя?», «Строго спрашивают?».

Всю зиму мы занимались теорией. Трудно было совмещать работу и учебу на рабфаке, в аэроклубе. Но мы ухитрялись с Тосей и в кино сходить, и на танцы изредка. Театр оперетты шефствовал над нашей шахтой, и нам часто давали билеты на спектакли. Нашим кумиром был артист Михаил Качалов, я даже была влюблена в него. Старалась попасть на спектакли с его участием и тогда садилась поближе к сцене, слушая его бархатный голос, как завороженная.

Ранней весной стали мы ездить в село Коломенское на практику, туда, где когда-то холоп Никитка, соорудив себе крылья, прыгнул с высокой колокольни. Там с крутого берега Москвы-реки и парили на планерах. Конечно, по нынешним временам все делалось тогда весьма примитивно. Планер УС-4 устанавливали на крутом берегу, закреплялся штырем, в кабину садился курсант, а остальные спускались на склон, брались за концы амортизаторов, прицепленных к планеру, и по команде инструктора: «Натя-ги-вай!» — растягивали их, чтобы «выстрелить» сидящего в кабине безмоторного аппарата как из рогатки.

Чтобы побыть в воздухе две-три минуты, а остальное время так вот натягивать амортизаторы планера, я ездила в Коломенское, отработав смену в шахте, все лето, каждый день.

К осени на шахте уже в наклонном стволе в ноздри ударил уютный запах теплой сырости, малярки и лака. Добрый запах отделочных работ, верный признак того, что дело близится к завершению, рождал в груди приятные чувства. Ощущение чего-то праздничного, волнительного сопровождало нас и тогда, когда мы шли по почти готовому перрону станции. Кто-то заботливый тщательно выгреб и вымел еще накануне лежащий здесь

строительный мусор, убрал с глаз все ненужное, уложил на пол фанеру и рубероид. Вот когда рождалась традиционная чистота московского метро! Первыми ее ревнителями были сами строители. И мы шагали по бетонному перрону осторожно, будто по зеркальному паркету. А ведь стены станции еще стояли «раздетыми». Еще несли и несли тяжелые ящики с электрооборудованием. Еще архитекторы и инженеры прикидывали, что где доделать. В общем, еще требовалась уйма труда, чтобы сказать москвичам: «Добро пожаловать!» Вчерашние арматурщики сегодня займутся облицовкой. Привычное явление для тогдашнего метро. Люди хотели возводить станции от начала до конца, осваивали несколько смежных специальностей. Начальник смены подвел нашу бригаду к одной из стен, возле которой стояли ящики с облицовочной плиткой, носилки с цементным, сказал:

— Вот стоит, понимаете, красавица. Наряд требует. Оденете ее до обеда?

— Конечно оденем!

— Дам распоряжение, чтобы цемент вам шел без перебоя. Договорились?

Со стеной мы управились досрочно и нам всем выдали талоны на ударный обед в шахтерской столовой. Вторую половину смены мы устанавливали красные мраморные плиты и полировали пилоны.

В октябре 1934 года в метро прошел пробный поезд из двух красных вагонов. Какое же было тогда ликование! Мы кричали «ура», пели песни, обнимались, плясали, бежали вслед за вагонами.

Мы были несказанно рады,
Дыханьем сдували
Последнюю пыль
С ореховой балюстрады…

Первая поездка в поезде Метрополитена оставляет неизгладимое впечатление. Что творилось под землей 6 февраля 1935 года, когда строители «промчались» через свои тринадцать станций! А 15 мая 1935 года Московский метрополитен был открыт для всеобщего пользования. За ударную работу на метро Московской комсомольской организации была вручена высшая правительственная награда орден Ленина. Большую группу строителей метро тоже отметили орденами и медалями. Замечательной школой мужества, становления характера и закалки стал для нас Метрострой.

«Выходи за меня замуж!»

… — Ну хватит землю копать, пора браться за ум. Поступайка в институт, а пока, я договорился, поработаешь в редакции газеты «Труд». Должность не ахти какая, но зато будешь среди умных и образованных людей, глядишь, повлияют на твой партизанский характер, — заявил брат и отвез меня во Дворец труда на Солянку, где размещалась редакция.

И стала я читать письма рабкоров, читать да определять — в какой отдел отнести. Работа интересная, но мне не хватало коллектива энтузиастов «Комсомолстроя». Так что, «промучившись» в «Труде» четыре месяца, я удрала на строительство второй очереди метростроя, на шахту 84-85 — «Динамо». Только теперь стала работать слесарем по ремонту отбойных молотков и перфораторов, заодно и общественным библиотекарем при шахткоме, а вечерами занималась уже в летной группе. Рабфак и планерная школа были окончены — я получила среднее образование, являлась инструктором-планеристом.

В аэроклубе мы изучали теорию полета, аэронавигацию, метеорологию, «Наставление по производству полетов» и материальную часть самолета У-2. К весне по воскресеньям стали ездить с инструктором на аэродром в Малые Вяземы для наземной подготовки. Садились на Белорусском вокзале на паровичок, электричек тогда еще не было, — и полтора часа до Вязем. Оттуда через лес вдоль речки Вяземки километровый поход до аэродрома.

Наш аэродром!.. Он уже ждал нас — за деревней Малые Вяземы большое, обрамленное лесом, поле. Были построены ангары, служебные помещения, жилой дом — все руками курсантов-метростроевцев. Тех самых комсомольцев, которые по велению сердца пришли в шахты Метростроя, а теперь горели желанием взлететь из-под земли в просторное небо Родины.

Подготовке к полетам мы, курсанты, обучались по небольшой книжечке в голубом переплете. Называлась она «Курс учебно-летной подготовки школ ВВС РККА» или просто КУЛП. Нам строго внушали, что книга эта написана кровью летчиков. В ней были и указания курсанту-летчику по изучению и освоению курса летной подготовки, и общечеловеческие советы.

Возьмем, к примеру, пункт пятый: «Постоянно воспитывать в себе: воинскую дисциплинированность, как на земле, так и в полете; организованность, культурность в работе и в быту; постоянную внимательность даже к мелочам, аккуратность,

точность, быстроту в действиях и особенно разумную инициативность при выполнении поставленной задачи». Очень дельные советы!

Тогда мы учили страницы этой замечательной во всех отношениях книги чуть ли не наизусть. Вот, пожалуйста, еще один из ее пунктов: «Не падать духом при временных неудачах: наоборот, при неудачах проявлять еще больше настойчивости, упорства и воли, еще больше работать над преодолением трудностей, при успехе не зазнаваться, не допускать ослабления внимания, расхлябанности, насмешек над товарищами. Помнить, что в летней работе серьезное осмотрительное отношение к каждому полету и занятию, к каждой мелочи необходимо каждому летчику, независимо от его качеств, летного умения и стажа. Нарушение этого правила обязательно кончается поломкой или аварией, соблюдение его обеспечивает постоянную безаварийную высококачественную работу».

Десятки раз мы перечитывали ее страницы перед полетом, перед выполнением очередного упражнения, при подготовке к экзаменам. Учили и «Наставление по производству полетов» — НПП. На аэродроме же первым делом держали экзамен перед механиком по знанию самолета и мотора. Затем, установив самолет на штырь, по очереди садились в заднюю кабину (в передней сидел инструктор) и, действуя рулями, учились взлетать, разворачиваться, приземляться на три точки. Инструктор терпеливо показывал, как проектируется горизонт на различных режимах полета. Для этого мы на руках то поднимали хвост самолета, то опускали, то заносили его в стороны.

Наконец сданы все зачеты, окончена наземная подготовка, и в следующее воскресенье мы должны летать.

Как долго тянется время, когда ждешь… Я уже опять работаю в шахте, в бригаде Залоева, расчеканщиком. Чеканим швы тюбингов (это гидроизоляция тоннелей). Очень трудно чеканить свод тоннеля — устают поднятые вверх руки с чеканочным молотком. К тому же вода льется сверху прямо в рукава и по всему телу. Стоишь, как под ливнем. Когда чеканишь лоток тоннеля, трудности возникают другие. Нужно убрать много мусора, земли, все это унести на носилках и ведрах к стволу в вагонетки. Затем очистить от грязи болты, швы тюбингов и тряпками протереть их досуха. Затем пескоструйным аппаратом прочистить швы, продуть сжатым воздухом и уже только тогда начинать чеканочным пневматическим молотком закладывать в швы свинец и утрамбовывать раствор. Работа наша считалась вредной, то и дело буфетчица подвозила нам молоко прямо к рабочему месту и заставляла пить — сколько сможем!

В бригаде каждому поручалось определенное задание. Моя задача — сделать раствор из цемента, жидкого стекла, песка и других компонентов, согласно дозировке и заложить его в швы тюбингов. Работа не сложная, но в рукавицах это делать очень неудобно да и неспоро. Тогда я сняла их и давай ладошками втискивать раствор между стенок тюбингов, а они чугунные, неровные.

После смены отмыла руки, гляжу, а кожи на них нет, и они страшно болят. «Как же полеты?» — мелькнула тревожная мысль. Прибежала в санчасть — доктор так и ахнула:

— Что же ты, глупая, наделала!

— А к воскресенью они у меня заживут? — спрашиваю. — Мне ведь на полеты нужно.

— Какие там полеты! — заворчала докторша, смазывая чем-то мои руки и забинтовывая их. Выдала бюллетень и запретила снимать повязки и мочить.

На второй день я все же вышла на работу, но забивать раствор в швы не смогла даже в рукавицах. Стала тогда носить ведрами цемент и песок. Чтобы не тревожить больные ладошки, ведро я брала как дамскую сумочку и несла на согнутой в локте руке.

Электроники да автоматики в те времена не было. В тоннеле у нас, однако, работал щит с рукой эректора. Щит делал проходку, рука эректора укладывала чугунные тюбинги по тонне каждый в кольцо. Здесь они закреплялись толстыми болтами.

Проходя с очередным ведром цемента, я вдруг услышала крики. Спорили парни из бригад проходчиков. Шуму и так было много — от отбойных молотков, чеканочных, работающих на сжатом воздухе, от шипения шлангов, от вагонеток. Но парни перекричали весь этот производственный шум.

— Аня! Аня! — слышу, зовут меня. — Скажи, как правильно: — опера или опера?

Передо мной два здоровых парня — красные от спора, сжимающие в руках огромные гаечные ключи. Я встала между ними, на всякий случай, и примирительно говорю:

— Давайте лучше поговорим об оперетте. Ведь театр оперетты наш шеф. Ну, а об опере… Что вам сказать?.. — тяну, надеясь, хоть, что-то вспомнить. — Если по-французски, то будет опера, а по-русски — опера.

Парни поутихли, посочувствовали, что руки мои забинтованы, и один спрашивает:

— Почему тебя никогда на танцах не видно?

— Некогда, я же учусь в летней школе нашего аэроклуба.

— И уже летала? — спросили шахтеры в один голос.

— Конечно, — слукавила я, покраснела и, нацепив на руку ведро, пошагала к себе на участок.

— Что у вас, Егорова, с руками? Почему несете ведро с цементом на бедре, а не в руке? — спросил идущий навстречу начальник смены.

— Мне так удобно, — ответила я и прибавила шагу. В начале смены бригадир не допускал меня до работы, но я убедила его, что хоть немного, но буду помогать бригаде в выполнении плана, и осталась.

К концу второй пятидневки руки мои поджили, и я тут же отправилась в аэроклуб. На аэродром теперь надо было ездить каждый день.

На шахте дела шли хорошо, но вот когда я попросила перевести меня в одну утреннюю смену, так как летать предстояло каждый день, бригадир Залоев запротестовал:

— Не пущу! Не имеешь права!

Какой же он красивый, как бы впервые увидела я своего бригадира. Черные с синевой огромные глаза горят огоньками из-под пушистых длинных ресниц. Брови взлетели, как два крыла. Кудрявые волосы выбились из-под шахтерской шляпы. Высокий, статный. Уродливая спецодежда будто ему идет. А он, пока я его рассматривала, что-то еще кричал на своем родном осетинском языке и бегал взад-вперед по площадке, размахивая чеканочным молотком. Вот, думаю, по своей кавказской горячности стукнет меня молотком, а Залоев, успокоившись, примирительно говорит:

— Нэ сэрдыс на мэня, добра тэбе хочу. Брось свой полеты, можешь голову потэрят. Вот построим станцию, пойдешь учиться в институт на дневное отделение, в какой только захочешь, а сейчас, Аня, надо работать.

— Нет, Георгий, спасибо за совет, но полеты я не брошу.

И вот, отработав смену в шахте, собираемся, как на праздник, — на свидание с небом!

В вагоне по дороге на Малые Вяземы шумно, весело. Поем песни. Запевает красивая белокурая девушка в синем вельветовом платье с красными пуговицами. На шее у нее шелковая косынка под цвет глаз — голубая. Это Аня Полева тоже учлет аэроклуба.

Незаметно пролетает полтора часа — вот уже и к аэродрому идем пешком. За неделю, что здесь не были, позеленели лужайки. Красивы были и волнистые линии вспаханного поля. Вдоль ручья и тропинки к аэродрому сплошные заросли орешника и ольхи с золотыми сережками. А кое-где уже и черемуха расцвела. Виктор Кутов сбегает с тропинки и лезет в кусты — первые мне цветы. Я еще сержусь на него, но подарок, однако, принимаю. А сержусь я на Виктора вот за что. Когда был призыв Хетагуровой к девушкам,

чтобы ехать на Дальний Восток, я горячо откликнулась и принялась увольняться с работы. Перестала даже посещать занятия в аэроклубе. Отдел кадров увольнять никого не торопился и отослал меня в шахтком к председателю Шабовте — старому шахтеру, уважаемому очень человеку. Мы его не просто уважали, а любили и шли к нему со всеми радостями и горестями, как к отцу.

Когда я подала ему заявление об увольнении, он надел очки, прочитал, потом посидел молча, подумал, посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Я не видел твоего заявления, уходи…

А вечером приехали «делегаты» из аэроклуба — Кутов и Тугуши.

— Почему не посещаешь занятия?

— Уезжаю на Дальний Восток, — сказала я.

— А почему? — спросил Тугуши. — Ведь и наша стройка комсомольская, и не менее важная, чем Дальний Восток.

— Замуж, может, захотела выйти? Так зачем так далеко ехать? Выходи за меня, — горячился Виктор.

Я стала говорить, как на уроке политграмоты, что это патриотический призыв, что еду я по зову партии и по велению сердца.

— А почему только девушек призывают? Вам что, проще и легче осваивать тайгу, чем парням?

В душе я соглашалась с ребятами, но упрямо доказывала «делегатам» обратное.

Тем не менее на второй же день заявление об увольнении порвала и вечером пошла на занятия в аэроклуб.

И вот в руках черемуха от Виктора. Отламываю малюсенький лепесточек и начинаю гадать: вместо обычного «любит — не любит», шепчу про себя: «Полечу не полечу…» Выходит «полечу», и, радуясь, я бегу легко и свободно навстречу своему будущему…

Первый полет

Все было чудесно в то утро — и солнце, и небо, и земля, которая пружинит под ногами, и казалось, только раскинь руки как крылья — и полетишь.

А что в жизни удивительнее полета?..

Помню так. Летное поле с жаворонками — колокольчиками. В ряд выстроились наши самолеты и мы — в синих новеньких комбинезонах, осоавиахимовских шлемах с очками. Каждая группа напротив своей машины.

Начальник аэроклуба принимает рапорт начлета. Все замерли. А ветерок в лицо, дышится легко, свободно. И так хорошо жить на белом свете, так радостно! И думаешь: никогда-то не будет конца ни твоей молодости, ни самой-то жизни…

— По самолетам! — летит команда начальника аэроклуба.

Наш инструктор — Георгий Мироевский садится в первую кабину, во-вторую учлет Тугуши. Мы все очень завидуем товарищу: ему первому посчастливилось подняться в воздух.

— За-апус-кай моторы! — подает команду начлет.

— Выключено! — глядя на техника, стоящего около винта самолета, произносит инструктор. — Зальем!

— Есть, зальем! — кричит техник, проворачивая винт.

— К запуску!

— Есть, к запуску!

— От винта!

— Есть, от винта! — и техник, сильно дергая лопасть — срывая компрессию, отбегает в сторону.

Винт закрутился, мотор заработал, почихивая чуть заметным дымком. Инструктор выбросил в стороны руки, что означало — убрать из-под колес колодки. И вот самолет плавно порулил к старту.

С инструментальной сумкой, колодками, чехлами мы сидим в «квадрате» и наблюдаем за самолетом. «Квадрат» — это такое место, где находятся все свободные от полета учлеты аэроклуба и техники. Каждый не сводит глаз со своего самолета. Вот наш сделал несколько кругов над аэродромом и приземляется.

Все срываемся встретить его, но техник строго останавливает:

— Пусть-ка одна Егорова встретит.

Ухватившись рукой за дужку крыла, бегу широкими легкими шагами, стараясь не отстать от машины. Инструктор, не включая мотора, приказывает садиться следующему, а мы окружаем Тугуши и засыпает его вопросами.

— Ну как, хорошо?

— Хорошо! — отвечает, улыбаясь во весь рот.

— Как хорошо? — спрашиваю я. — И ничуть не страшно?

— Нет, не страшно.

— А что ты видел?

Тугуши задумывается:

— Голову инструктора, счетчик оборотов с зеркалом, в зеркале лицо инструктора.

— И больше ничего?

— Ничегошеньки, — серьезно отвечает Тугуши под наш общий смех.

Подошла моя очередь.

— Разрешите садиться? — обращаюсь к инструктору.

Мироевский кивком головы разрешает, и я забираюсь в кабину, пристегиваюсь ремнями, соединяю шланг переговорного аппарата. Стараюсь делать все степенно, не спеша, чтобы не выдать волнения.

— Готова? — нетерпеливо спрашивает инструктор, наблюдая за мной в зеркало.

И, силясь перекричать гул мотора, я кричу:

— Готова!

Через переговорный аппарат получаю указания: в полете инструктор все будет делать сам, а я — только мягко держаться за управление и запоминать действия рулями.

— Старайтесь заметить направление взлета, ориентиры разворотов. Взлетаем! — слышу наконец команду.

В воздухе говорит один инструктор:

— Старт юго-западный. Справа Голицыно, Большие Вяземы, слева железнодорожная станция Малые Вяземы. Выполняем первый разворот.

Я вся — внимание. Стараюсь запомнить, что там, внизу, не упустить бы и работу с рулями самолета…

— Под нами станция Малые Вяземы. А вот здесь второй разворот, запоминайте, — настойчиво продолжает Мироевский.

Когда мы пролетаем над пашней, самолет сильно качнуло. Я, бросив управление, ухватилась обеими руками за борта, а инструктор словно и не заметил моего движения.

— Высота триста метров, летим по прямой. Управляйте самолетом !

Вот этого я не ожидала. Но принимаюсь работать педалями, ручкой управления, сектором газа.

Спокойно летевший в горизонтальном полете самолет начал крениться то в одну сторону, то в другую, то задирать нос выше горизонта, то опускать его как лошадь у плохого седока.

Помню, была у нас в деревне лошадка по кличке Лидочка.

Купили ее по дешевке, не зная ее характера. А характер у Лидочки оказался трудный. Очень она не любила работать. То не хочет везти воз — ляжет прямо в оглоблях и не встает, пока не проголодается. То задумает седока сбросить и сделает это именно тогда, когда от нее и не ждешь.

Попросили как-то меня отогнать Лидочку в луга. Села я на нее верхом и поехала. Все шло сначала хорошо, но стоило мне ослабить повод, как она сразу же с рыси перешла в галоп — и понесла, понесла… Пытаюсь остановить ее, дергаю за повод, кричу: «Тпру, тпру!» — куда там! Она несет прямо на лес, а я подпрыгиваю на ее спине без седла, ухватившись руками за гриву, и ору что есть мочи: «Помогите!..»

Но все напрасно. Скоро лес, и надо прыгать. Прыгнула, но ногой зацепила за повод. Лидочка протащила меня по земле какую-то малость и остановилась…

Так было и в том полете. Машина в неумелых руках не желала подчиняться. И мне казалось, что прошла целая вечность, прежде чем инструктор взял управление. Самолет сразу успокоился, а меня охватило отчаяние: «Все, отлеталась! Неспособная, да к тому же трусиха…» Хотелось только одного чтобы никто не знал о моем позоре: не справилась с самолетом даже на прямой! Рушилась моя надежда стать летчиком.

А Мироевский как ни в чем ни бывало говорит о третьем развороте, просит следить за посадочным «Т» — параллельно ли знаку идем. Закончив третий, инструктор убирает газ, и со снижением мы подлетаем к последнему, четвертому, развороту. Я держусь за ручки управления, но так, чтобы не мешать инструктору.

Вот он переводит машину на планирование, затем выдерживает над землей и приземляет ее на три точки.

— Все, — слышу голос в наушниках. — Приехали! Теперь рулите на стоянку.

А я перевожу по-своему: «Все, отлеталась. Отчислит, как неспособную».

Сам зарулив машину на место, Мироевский выключил мотор и стал вылезать из кабины.

Я, отстегнув ремни, тоже неловко выбралась на крыло и спрыгнула на землю.

— Разрешить получить замечания? — спросила тихо, не поднимая головы.

— Что с тобой, Егорова? Не плакать ли собралась?

— Ничего у меня не вы-хо-ди-ит!

— А у кого сразу выходит? — засмеялся Мироевский. — И Москва не сразу стоилась…

Я — летчица!

Первое воскресенье июня день был, как день: яркий, теплый, летний.

С рассветом кое-где на горизонте еще высились причудливые дворцы белых облаков, но к началу полетов и они растаяли. Небо высветилось. Погода что надо — авиационная. Ветерок, правда, шалил немного. Но в меру.

Аэродром по привычке проснулся рано. И когда диск солнца поднялся над вершинами деревьев, высокий, худой наш инструктор Мироевский уже обходил молча строй учлетов. Он почему-то сегодня придирчиво осматривал нас, как солдат в строю, наше летное обмундирование. Как всегда, как много раз до этого. И так же приветливо своим красивым, неожиданно низким голосом произнес:

— Первой со мной полетит Егорова, если нет возражений.

Какие уж тут возражения. Шаг из строя, и вся моя фигура выражает полную готовность.

— Разрешите садится?

— Садитесь…

Я ловко вскочила на крыло. Затем перемахнула в кабину. Заднюю. Так положено. В передней — место учителя.

— Выруливайте!

Послушный У-2, переваливаясь уткой с боку на бок, порулил по жесткой траве к взлетной полосе.

— Берите управление на себя! — скомандовал Мироевский.

— Есть взять управление…

Это был обычный совместный с инструктором полет по кругу.

Привычно поднялись, привычно сели. Подрулили к месту стоянки. Затем место инструктора занял командир звена.

И снова — в воздух. И снова — приземление. И тут удивило меня появление в неурочный час у взлетной полосы начальника летной части.

Командир звена уже отстегивал привязные ремни, перекинул через борт ногу. Пора подниматься и мне. Но комзвена сделал знак рукой: сиди, мол. На добром продолговатом лице Мироевского, подошедшего к машине, — улыбка. Значит порядок, значит — доволен.

А тем временем к самолету уже направляется сам начлет аэроклуба, на ходу застегивая шлем, натягивая кожаные перчатки. Начальник летной части аэроклуба Лебедев был простой и сердечный, доброжелательный человек. Мы, учлеты, не слышали, чтобы он, даже в трудный момент, вспылил, накричал

на кого-то, унизил чье-либо человеческое достоинство. Он внимательно выслушивал нас, своих подчиненных, тактично делал замечания, давал полезные советы. Читая лекции, он внушал нам, что человек в небе обучается не только летнему мастерству. В небе он формирует свой характер, свой взгляд на жизнь.

Успехами своими каждый пилот обязан не столько природным задаткам и способностям, сколько умению работать. Вся ваша летная жизнь еще впереди. Так что собирайте все лучшее, что есть в вас — отвагу, выдержку, любовь к делу, и трудитесь! Только на этом пути вы сможете заслужить благодарность народа…

И летчик Лебедев был изумительный. Рассказывали, что он награжден китайским орденом за отличную подготовку летчиков из китайцев в объединенной авиационной школе в городе Урумчи. А какого мастерства надо было достичь в обучении китайских летчиков — неграмотных, не знавших русского языка, в жизни не видевших самолета?.. Мы, все курсанты, очень хотели попасть на проверку к начлету, а не к начальнику аэроклуба.

«Неужели выпустят самостоятельно?» — мелькнула дерзкая, волнующая мысль. Впрочем, тут же я устыдилась ее: «И как на ум пришло такое? Ведь еще ни один учлет не летает самостоятельно..»

«Что-то будет!..» — думаю, а начлет уже усаживается в первую кабину.

— Произведите полет по кругу. Высота триста метров, посадка у «Т» на три точки, в ограничители, — слышу его голос через переговорный аппарат.

Повторяю задание и запрашиваю разрешение выруливать.

— Выруливайте и взлетайте! — Начлет демонстративно положил руки на борта кабины, тем самым показывая, что все я должна теперь делать сама, а он здесь человек почти посторонний и в управление не вмешивается.

Ну что ж, сама так сама. Я ведь давно управляю машиной, просто присутствие инструктора как-то успокаивает: все-таки знаешь: случилось что — непременно поможет.

Плавно увеличиваю обороты мотора и взлетаю. Делаю все так, как учили. Вот уже и последняя прямая «коробочки» — самая ответственная. Планирую. Определяю высоту выравнивания. Чуть заметным движением беру ручку на себя, и самолет приземляется на три точки возле посадочного «Т».

— Заруливайте! — слышу команду начлета.

Когда самолет остановился, Лебедев приказал мне оставаться в кабине, а сам направился к Мироевскому. Что-то сказал ему, и

тогда инструктор крикнул, чтобы в первую кабину положили мешок с песком. Делалось это для сохранения центровки самолета, когда учлет вылетал самостоятельно. Так оно и оказалось. Инструктор, заглянув ко мне в кабину, сказал:

— Полетишь самостоятельно. Делай все так, как сейчас с начлетом.

Вот когда у меня пересохло во рту и вспотели ладошки! Мне хотелось поблагодарить инструктора за то, что научил летать, что выпускает в группе первой, хотелось найти много добрых и хороших слов, но, так ничего и не сказав, только шмыгнув носом, я стала натягивать на глаза летные очки раньше времени, уже не обращая внимание на то, как техник самолета пристраивал к сиденью мешок с песком. Сколько месяцев я ждала этих коротких слов лети сама, этого знака высшего доверия для молодого летчика. Грезила им, на разные лады произносила и все думала, в какой обстановке оно прозвучит. И вот прозвучало… Мироевский стал помогать технику привязывать мешок с песком в первой кабине и приговаривал:

— Это Егоровой, чтобы не скучно было. Меня заменит. Ну, смелее, летчица… Все будет в порядке… Спокойнее.

— Контакт!..

— От винта!

Снова пропеллер пустился считать свои обороты. Снова вздрогнула машина. Все мое внимание сосредоточено на приборах.

Инструктор Мироевский, взявшись за консоль крыла, шел рядом до исполнительного старта. И от его крепких, умелых рук через все тело самолета невидимыми импульсами передавалась мне уверенность. Вот они: ручка управления, сектор газа, рукоятка магнето… Сотни раз трогала их, вертела. Заставляла машину выполнять сложные маневры. Но все это было под контролем старшего товарища. А теперь одна отвечаешь за каждое движение своего и самолета. Сама. Странное дело, если несколько секунд назад ответственность придавила меня, то сейчас у старта тяжести как не бывало.

Развернула У-2 на взлете. Сердце бьется ровно, дышится легко четко работает мысль, память молниеносно подсказывает запрограммированные действия. Предельная собранность и целеустремленность. Нет, полеты с инструктором даром не прошли. Машина набирала скорость… Еще мгновение и шасси оторвались от земли. Я лечу! Все шло как надо. Главное было — четко и грамотно выполнить все элементы полета…

Многие ли люди знают, что такое полет? Скажете: миллионы. Вот сколько их переносится из города в город, с континента на

континент. Но разве можно сравнить открытую кабину учебного самолета с наглухо задраенным салоном пассажирского лайнера? В нем все словно в автобусе. Стены, окна, потолок. В нем можно ходить, двигаться, не обращая внимания ни на какие атмосферные условия. Комфорт. В его условиях у вас иллюзия полета. Вы не летите, а едете по воздуху.

Другое дело на учебной машине. Хотя бы на том же У-2! Здесь все отдано воздуху. Голова, плечи, руки. Опусти ладони в жесткие воздушные волны и ощутишь тугую леденящую струю. Обернись вокруг — никого в целом свете. Лишь небо, ты и самолет, послушный твоей, человека, воле. Он поднимает тебя все выше и выше к звездам, к солнцу. Хочешь развернуть его в сторону развернется, хочешь опустить ниже — опустится. Ты — его господин.

Счастье переполняло меня. Хотелось петь, кричать в простор. Кричать о том, что я — летчица, что я могу повелевать самолетом! Я — простая русская девчонка, девчонка с Московского метростроя.

Чудо, которое показалось мне вечностью, длилось всего несколько минут, ровно столько, чтобы успеть совершить круг над аэродромом.

И вот У-2 уже снова бежит по траве. Около посадочного «Т» стоит Мироевский. Он поднял вверх большой палец и сделал белым флажком какой-то знак. Сначала я не поняла, в чем дело, а потом догадалась: разрешает второй полет. Значит, все исполнила как надо. Во втором полете не было предела моей радости! Я пела, потом что-то кричала, наконец, сняв ноги с педалей, попыталась выбросить какие-то коленца и не заметила, как приблизилась уже к четвертому развороту.

… Стараюсь, очень стараюсь посадить машину как можно точнее. Мне это удается: сажусь у самого «Т» на три точки. Встречает самолет наш старшина Хатунцев. Одной рукой он ухватился за крыло, а другую держит поднятой вверх с оттопыренным большим пальцем. Я в отместку за то, что заставлял мыть хвост самолета, показываю ему язык и прибавляю обороты мотора. Самолет рулит быстрее, Ваня бежит во весь дух, сопровождая меня. И так радостно мне в эти минуты, так ликует душа, что кажется, нет в мире человека счастливее меня! Зарулив на стоянку, выключаю мотор. Ребята, облепив самолет, задают какие-то вопросы, поздравляют, но я спешу доложить руководству аэроклуба о выполнении задания.

— Молодец, Егорова. Летайте и дальше так, — сказал начлет и крепко пожал мне руку.

В тот день из нашей группы вылетели самостоятельно трое Хатунцев, Петухов и я.

После полетов идем в распоряжение техника, и опять старшина Хатунцев «доверил» мне мыть хвостовое оперение самолета. Я не сержусь, а наоборот, сегодня с удовольствием взялась за тряпку, мыло и ведро с водой. Вечером на разборе инструктор объявил нам благодарность, а Тугуши отругал:

— Почему вы смотрите в полете только на приборную доску? Где ваш объем внимания? Так летать нельзя! Вы разобьетесь сами и меня убьете. На посадке только хочу дать вам управление, гляну в зеркало, а вы смотрите не на землю, а на приборную доску. У нас ведь не слепые полеты!.. А еще надо свободнее вести себя в воздухе, не напрягаться и не бояться. Самолет надежный, — и, смеясь, добавил:

— История знает случай, когда наш самолет У-2 взлетел и сел без пилота.

Мы все смеемся, а Мироевский вновь терпеливо рассказывает о полете по кругу, показывает маршрут на макете, рисует на доске, затем просит Тугуши повторить все.

Учлет повторяет толково. У него ведь инженерное образование. На словах получается даже лучше, чем у инструктора, а в следующем полете он опять смотрит на приборы. Инструктор снова заставляет его тренироваться на земле, в кабине самолета. И вот наконец лед тронулся. Тугуши догнал нас.

Ландыш

К концу июля, когда мы все вылетели уже самостоятельно, нам предложили взять на работе отпуск и выехать в лагеря, на аэродром.

На шахте мне никаких препятствий не чинили. Напротив, наш комсомольский «бог» Женя на всех собраниях ставил меня в пример.

— Время сейчас грозное, суровое. С Запада надвигаются тучи войны. Империализм, опираясь на набравший силы фашизм, готовит нападение на страну Советов, — гневно говорил он и призывал ребят вступать в члены Осоавиахима, приобретать военные специальности.

На призыв секретаря комитета комсомола откликнулись многие юноши и девушки. В том числе Алеша Рязанов — слесарь механической мастерской нашей шахты.

Забегая вперед, скажу, что Алеша окончил аэроклуб, затем Борисоглебскую военную школу летчиков-истребителей и в первый же день войны начал боевой счет сбитым фашистским самолетам. Рязанов защищал небо Москвы, Сталинграда, Кубани, Прибалтики. За мужество и героизм, проявленные в боях с врагами, наш метростроевец Алексей Константинович Рязанов дважды был удостоен звания Героя Советского Союза… Ведь как тогда было? Работали, учились, и еще учились защищать Родину.

Взять хотя бы Мотю Астахову. Работая в шахте, она овладела многими специальностями прямо «на ходу». Бетонщицей, изолировщицей, лебедчицей, штукатуром, мраморщицей, то есть, какая специальность в данный момент нужнее, тем она и работала. Училась на рабфаке Метростроя и посещала курсы радисток в школе Осоавиахима.

В апреле 1942 года было принято постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) о призыве на военную службу женщин. В начале в войска связи, следом за первым постановлением было принято следующее — о призыве девушек в Военно-Воздушные Силы.

Далеко до принятия этих постановлений Мотя Астахова была уже на фронте тяжело ранена в грудь…

Получилось так. В глубокий тыл противника забросили группу разведчиков в составе восьми человек. Семь мужчин и одна девушка — радистка — Мотя Астахова.

Разведсводки, посылаемые Астаховой на Большую землю, шли регулярно, но вот однажды связь оборвалась… Фашисты напали на след разведчиков, окружили и, казалось, выхода нет,

но смельчаки с боем вырвались из кольца и устремились вперед. Шальная пуля, посланная фашистами вслед беглецам, догнала Мотю. Тяжело раненная радистка упала вместе с рацией в глубокую воронку от бомбы. Товарищи успели только оставить Астаховой фляжку с водой, забрать у нее рацию и прикрыть девушку хворостом, оказавшимся под рукой.

Десять дней не могли придти к тому месту, где оставили радистку, а когда пришли, то к великой радости, Астахова оказалась на месте, живой, но была в тяжелом обморочном состоянии.

Все это происходило на территории Литвы.

Разведчики соорудили тогда носилки и понесли своего боевого товарища на ближайший хутор к крестьянке, с которой у них была уже договоренность.

Хозяйка хутора, когда увидела израненную девушку, закрестилась, заплакала и вытирая фартуком слезы, стала что-то причитать на своем языке. Затем показала на верх сарая, где в сене была устроена ниша.

Разведчики понимали, что грозит хозяйке хутора, если у нее фашисты обнаружат разведчицу, да и сама литовская женщина все это знала, но по-матерински приняла радистку.

Какими-то травами, примочками лечила мужественная крестьянка разведчицу…

Наконец, Мотя стала поправляться, чем искренне радовала свою спасительницу.

Под Новый год за Астраховой пришли товарищи по разведгруппе. Горячо поблагодарили разведчики хозяйку хутора за спасение попавшей в беду русской девушки. Как при встрече, прощаясь, простая литовская крестьянка горько плакала и целовала Мотю.

И опять на Большую землю полетели разведсводки «Ландыша» такой у радистки был позывной.

После войны Астахова вернулась на родной Метрострой. Вышла замуж. Родила, а затем и вырастила сына, продолжая работать на Метрострое. А о том, как она воевала, как сумела выстоять и выдержать, вернее выжить, попав в такую страшную беду, не любила вспоминать. Обычно, когда ее спросишь, Мотя отвечала смеясь:

— Я же русская, славянка. Помните, как у Некрасова:

Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет…

И все же, однажды поведала она мне: «Лежа на дне воронки

от бомбы — это я после узнала, а так просто в яме, на дне которой была вода, — все мое внимание, все мои силы были направлены на то, чтобы не потерять сознание и не выдать себя стоном. Я знала, что кругом фашисты и мне было очень страшно, да и очень болела грудь…».

Много лет спустя, командир отряда разведчиков, в котором служила Астахова, надумал писать воспоминания и стал собирать материал. Работая в архиве, он наткнулся на интересные данные о «Ландыше». Оказывается, что радистка Астахова за годы войны передала по своей рации столько разведсводок, что ей, по статусу, положено было присвоить звание Героя Советского Союза. А у Моти всего-то был один орден — «Отечественной войны».

Последний раз я видела Матрену Никифоровну в Доме культуры Метростроя, выступающей перед молодежью. Она вышла на сцену — худенькая, небольшого росточка, с копной русых волос, в красивом синем костюме цвета ее глаз и со смущенной, но обаятельной улыбкой на лице.

С трибуны она говорила о том, что женщине не свойственно брать в руки оружие. Женщина — мать, продолжательница рода человеческого, хранительница очага. А потом Матрены Никифоровны Астаховой не стало. Не стало нашей русской мадонны, которая положила на алтарь Отечества всю свою волю, храбрость, силы, разум, молодость.

Но жизнь продолжается. Ее сын Владимир, окончив МИИТ тоннельный факультет, работает инженером на метрострое, там, где трудилась его мать. Подрастают внуки… Жизнь продолжается!

Приданое

Однако вернемся опять на шахту 84-85, что у стадиона «Динамо» в Москве.

Я быстро оформила отпуск. Получив деньги, почти все отослала маме в деревню и написала в письме, что еду в лагеря, а в какие — не объясняла.

В лагерях распорядок дня нам установили армейский. Подъем, физзарядка, уборка палаток, завтрак — если полеты во вторую смену. Когда в первую, то подъем еще затемно, а начало полетов — с зорькой. Вскоре мы все отработали полеты по кругу и приступили к самому интересному — пилотажу.

Опять штудируем «Наставления по производству полетов», где сказано, что цель фигурного пилотажа — научить пилота полностью использовать летное качества самолета. Это помогает в совершенстве овладеть маневром машины, необходимым летчику в боевой работе.

Летаем на пилотаж пока что на земле. Инструктор Мироевский держит в руках модель самолета и разбирает с нами все элементы полета: куда смотреть, что видеть, как действовать рулями не только по направлению но и по темпу, размаху движений.

— Егорова, — спрашивает он, — что это за фигура — «мертвая петля»?

— Петля, — отвечаю я, — это замкнутый круг в вертикальной плоскости.

— Молодец. Садись, — подбадривает Мироевский и шутливо обращается к Петухову: — А что же такое штопор — с чем его едят?

Иван встает степенно, сгоняет за спину сборки комбинезона, опускает руки по швам, серые глаза его загораются, и он начинает:

— Штопором называется быстрое вращение самолета по крутой спирали со снижением. Возникает при потере скорости самолета. Штопор как фигура не имеет самостоятельного значения. Но при тренировках обязателен для всего летного состава.

Ваня с детства привык делать все добротно, с чувством собственного достоинства. Родился он в крестьянской семье под Волоколамском. А приехал как-то в Москву к старшей сестре на каникулы, да так и остался у нее. Он окончил школу, затем ФЗУ. Ваня мастер на все руки. Со своим закадычным дружком Костей Рябовым из автолома они собрали автомобиль. Так что на

аэродроме у нас бочки с бензином стали подвозить к самолетам не на подводе, а на автомашине.

— Штопор необходимо научиться делать для того, — продолжает Петухов, чтобы выработать у каждого летчика уверенные навыки вывода самолета из непроизвольного вращения, которым может закончиться любой элемент полета при неправильном его выполнении.

— Тугуши! А что вы знаете о бочке? — спрашивает Мироевский.

— Это двойной переворот через крыло в горизонтальной плоскости. Вывод в направлении ввода, — отчеканивает на одном вдохе учлет, — но на нашем самолете У-2 «бочку» не сделаешь — скорость мала.

Тугуши, как научился летать, переменился. Когда у него не получалось с полетами, он ходил поникший, без улыбки, даже черные глаза его тогда казались бурыми. А теперь Тугуши весь сияет На аэродром приезжает в белой рубашке с галстуком. Серый коверкотовый осоавиахимовский костюм тщательно отутюжен, ботинки начищены до блеска — на них даже аэродромная пыль не садится. Побрит Тугуши до синевы, глаза сверкают! Мы между собой начали называть его грузинским князем.

— А вот иммельман как выполняется? Кутов! — дотошно выспрашивает инструктор.

Виктор Кутов, кареглазый паренек с нежным, как у девушки, лицом, показывает порядок выполнения этой сложной фигуры. Виктор работает на мраморном заводе Метростроя и учится в вечернем техникуме. Он очень любит читать, пишет стихи и собирает книги. Покупает он их обычно в двух экземплярах. Один — себе, другой мне. Мне-то негде хранить книги, и я отношу их в нашу шахтную библиотеку. Иногда в дарственной книге я обнаруживаю стихи, написанные от руки. Автор их — Виктор Кутов. Я бережно беру стихи из книжки, когда нет никого рядом, читаю, перечитываю, складываю в сумочку, а в общежитии прячу подальше, в свою заветную шкатулку…

Но вот и теория, и самостоятельные полеты по кругу, и наземная подготовка пройдены. Нас уже допустили в «зону» — на отработку пилотажа. Виражи, мертвые петли, штопор из красивых терминов учебников становятся реальными показателями нашего мастерства. А мы неудержимо стремимся дальше — как можно лучше овладеть искусством самолетовождения. Виктор Кутов и Тугуши стали моими постоянными спутниками, даже в столовой старались сесть за мой стол.

Виктор мне нравился, а вот Тугуши — нет, хотя он старался

изо всех сил угодить мне, пытался даже льстить: «Ты, Аня, будто родилась в машине, даже завидно. В первый раз поднялась самостоятельно в воздух и никаких замечаний не получила. Да что там замечания, самолет в твоих руках, Аня, как конь объезженный. А меня ни черта не слушает». Я промолчала, да и что я могла ответить — если бы это высказал Виктор… Настроение у всех бодрое, приподнятое: каждый день открывает что-то новое. То и дело слышишь:

— А знаешь, я на «мертвой петле» чуть не сорвался в штопор!

— Да не виражи у тебя получаются, а «блинчики».

— Ну и пикирнул сегодня Витя!..

И вот однажды идем со старта, как всегда, строем и во всю силу легких поем свою любимую:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц…

Вдруг кто-то из ребят перебивает:

— Смотри-ка, братцы, что это в девчачьей палатке краснеет?

Песня оборвалась. Все еще издали начали рассматривать нашу палатку с поднятыми боками. А подойдя ближе, увидели, что моя армейская койка застелена сверху роскошным красным стеганым одеялом. Рядом на табуретке сидит женщина — моя мама.

— Братцы, вот это приданное!.. — все дружно захохотали.

Старшина тогда разрешил мне выйти из строя. Я наспех поздоровалась с мамой и выпалила:

— Ну зачем ты привезла одеяло? На смех людям!..

— Дочушка, так ведь тебе холодно под солдатским-то. Как чуяло мое сердце.

— Мне, как и всем, нисколечко не холодно! И забери ты его, пожалуйста, обратно, а то меня совсем засмеют.

Но тут подошел мой инструктор, познакомился с мамой, полюбовался одеялом и сообщил, что я хорошо летаю, а скоро буду прыгать с парашютом.

— Как летает? — воскликнула мама и встала с табуретки, бессильно опустив руки.

Удивился и Мироевский:

— Почему же ты, Егорова, не написала матери, что учишься летать?

Я промолчала, а мой инструктор стал объяснять маме, по возможности популярно, что же это такое — самолет У-2.

— Не волнуйтесь за дочку! Наш самолет совершенно безопасен ну как телега. Только телегу везет лошадь, а у самолета

мотор в несколько лошадиных сил. А вот что одеяло привезли — это хорошо, по ночам-то мерзнут все: лес близко, речка…

Мама успокоилась и доверительно обратилась к инструктору:

— Уж вы приглядите за ней, сынок, а то она у меня какая-то взбалмошная: то под землей выдумала работать, то в небо полезла…

— Хорошо, мамаша, хорошо. Будет полный порядок. Не беспокойтесь за дочку.

В тот же день мама уехала в Москву. Одеяло осталось у меня, но, правда, довольно часто стало пропадать. Раз в дождливую погоду я решила его разыскать и нашла в палатке у ребят: завернувшись в него, как в спальный мешок, крепко спал Лука Муравицкий…

Лука Муравицкий и Аня Полева

В шестнадцать лет приехал Лука в Москву к родному дяде. Дядя расспросил племянника о здоровье родителей, о родной деревеньке, затерянной в белорусских лесах, о братьях, сестрах и племянниках.

Затем, не жалея времени, повел он племянника показывать достопримечательности столицы и как бы между прочим спросил:

— Ты, Лукаша, где хочешь учиться? В школе или в ФЗУ — спросил так, как будто вопрос уже решен — оставаться Луке в Москве, а не ехать обратно в деревню.

— Пойду в ФЗУ, — ответил паренек, — получу профессию, а там видно будет…

Шло время, Лука уже работал проходчиком в шахте Метростроя, учился в аэроклубе. По окончании программы он был направлен вместе с Рябовым, Харитоненко, Петуховым Вильчиком, Хатунцевым, Кутовым и другими аэроклубовцами в Борисоглебскую военную школу летчиков. После училища младший лейтенант Лука Захарович Муравицкий служил на Дальнем Востоке.

Война застала Муравицкого в Московском военном округе. Он участвовал на своем «ястребке» в воздушных боях на дальних подступах к столице, а затем под Ленинградом.

Командира звена Муравицкого отличали не только трезвый расчет и храбрость, но и готовность идти на все, чтобы одержать победу над врагом. Самолетов в начале войны у нас было мало и как-то Муравицкому пришлось лететь одному прикрывать железнодорожную станцию под Ленинградом, где шла разгрузка эшелона с боеприпасами. Истребители, как правило, летали парой, а тут один… И странностью казалось всем, что Лука на каждом своем «ястребке» белой краской выводил по фюзеляжу «За Аню». Командование приказывало Муравицкому стереть надпись, но опять перед вылетом в бой на фюзеляже самолета по правому борту -«За Аню»… Никто не знал, кто же это такая Аня, о которой Лука помнит, даже идя в бой…

Однажды прямо перед боевым вылетом командир полка приказал Муравицкому немедленно стереть надпись и больше такое, чтобы не повторялось! Тогда-то Лука и рассказал командиру, что это его любимая девушка, которая вместе с ним работала на Метрострое, училась в аэроклубе, что и она любила его, собирались пожениться, но… Она разбилась, прыгая с самолета. Парашют не раскрылся… Пусть она не в бою погибла, продолжал Лука, но готовилась стать воздушным бойцом,

защищать Родину. Командир смирился.

В этом вылете все шло спокойно. Лейтенант зорко следил за воздухом в районе станции, но как усмотришь, если над головой многослойные облака, дождь. Когда Муравицкий делал разворот над окраиной станции, в промежутке между ярусами облаков он увидел немецкий бомбардировщик. Лука резко увеличил обороты мотора и помчался наперерез «хейнкелю-111». Атака лейтенанта была неожиданной и на «хейнкеле» не успели открыть огонь, как пулеметная очередь прошила бомбардировщика и тот, круто снижаясь, стал удирать. Муравицкий догнал гитлеровца, вновь открыл по нему огонь и вдруг пулемет замолчал. Летчик сделал перезарядку, но, видимо, кончились боеприпасы. И тогда Муравицкий решил таранить врага. Он увеличил скорость самолета — «хейнкель» все ближе и ближе. Вот уже видны в кабине гитлеровцы, не уменьшая скорости, Муравицкий приближается почти вплотную к фашистскому самолету и винтом ударяет по хвосту. Рывок и винт истребителя рассек металл хвостового оперения «хейнкеля-111»! Самолет противника врезался в землю за железнодорожным полотном на пустыре. Лука тоже сильно ударился головой о приборную доску, прицел и потерял сознание. Очнулся — самолет падает к земле в штопоре. Собрав все силы, летчик с трудом прекратил вращение машины и вывел ее из крутого пикирования. Лететь дальше он не мог и пришлось ему посадить машину у станции…

Подлечившись, Муравицкий вернулся в свой полк. И снова бои. По несколько раз в день вылетал в бой командир звена. Он рвался в бой и опять, как до ранения, по фюзеляжу его истребителя было тщательно выведено: «За Аню».

22 октября 1941 года, через четыре месяца после начала войны Лука Захарович Муравицкий за образцовое выполнение боевых заданий, за мужество и отвагу был удостоен звания Героя Советского Союза. В какой-то из армейских газет я прочитала стихи М.Матушевского в честь Луки.

Старший лейтенант Муравицкий
Если быстро растворился вражеский клин,
Пулеметы теплы от стрельбы,
И от сбитых горящих фашистских машин
Возникают на небе столбы,
И в испуге меняющий курс «мессершмит»
Не вступает в решительный бой,
А простроченный «юнкерс» , как свечка горит,
Оставляя дымок за собой,
И подстреленный «ворон» лежит вдалеке,

Винт отрублен и корпус пробит,
Значит, в первом звене на своем «ястребке»
Муравицкий в атаку летит.

30 ноября 1941 года летчик-истребитель командир звена Герой Советского Союза Лука Захарович Муравицкий геройски погиб, защищая Ленинград…

Прыжок в пропасть

… Но это еще все впереди. А пока работаем на Метрострое, летаем в аэроклубе — пилотируем в зонах неподалеку от аэродрома, выполняем полеты по маршрутам.

В нелетную погоду мы изучаем устройство парашюта, его укладку и правила прыжка. Предстоит постичь и это — возможно, пригодится… Все очень просто в изложении инструктора парашютиста Владимира Антоненко. Но когда время пришло прыгать — ночь я спала беспокойно

На утро погода выпала ясная — значит, прыжки состоятся. Помню, надела я парашют, зарядила его, то есть натянула тугие резинки, прицепила их прочными крючками к петлям клапанов. Инструктор проверил «зарядку», а медсестра Ира Кашпирова — пульс, и тут начало что-то у меня «шевелиться» и болеть в груди…

Иду к самолету по-медвежьи, парашют связывает движения. Неловко взбираюсь на крыло и устраиваюсь в переднюю кабину, в задней — летчик Николай Лазарев. Взлетаем, набираем высоту 800 метров.

— Приготовиться! — слышу голос летчика.

— Есть приготовиться, — отвечаю я, суетливо вылезаю на плоскость и, держась за стойку, смотрю вниз.

Ой, как страшно! Хочется обратно в кабину, и я, наверное, залезла бы, но летчик убрал газ, крикнул:

— Пошел — и легонько подтолкнул меня.

— Есть пошел! — кричу и прыгаю в «пропасть»…

Дальше действую, как учили. Дергаю за кольцо, но почему-то кажется, что тросик не вытягивается и хлопка не будет, а, значит, и парашют не раскроется.

Вдруг сильно встряхивает, над головой раскрывается белоснежный купол, а я сижу как в кресле, на ремнях. Вокруг удивительная тишина, но меня охватывает безудержная радость, и я не то пою что-то, не то кричу. Но вот земля уже близко. Я поджимаю немного ноги и падаю на правый бок — все по правилам.

Затем быстро встаю, отстегиваю парашют, гашу купол и начинаю его собирать. Тут подоспевают ребята, помогают мне, и мы дружно договариваемся прыгать еще и еще. Уж очень большое удовольствие!

После прыжка чувствую и землю как-то по особенному и себя тоже. Появилась какая-то уверенность, что все могу. Невольно вспомнились стихи нашего метростроевского поэта Сергея

Смирнова:

И, впервые выйдя из забоя,
Вытер лоб, который был в росе,
И впервые землю под собою
Ощутил во всей красе.

Это чувство было, как находка,
Я впервые шел не семеня
Крупная, хозяйская походка
Стала появляться у меня…

Осенью, когда учебная программа на самолете У-2 была закончена, к нам на аэродром приехала государственная комиссия НКО (Наркома Обороны). Вначале экзаменовали по всем теоретическим предметам, затем стали проверять технику пилотирования. Все мы пилотаж в зоне выполнили на отлично. Комиссия осталась вполне довольна.

Настало время расставаться и нам с лагерем, аэродромом, инструктором, товарищами. Было радостно и чуточку грустно. Радостно, что обрели крылья, а грустно — расставаться ведь всегда грустно…

Я по-прежнему работаю на шахте, после работы открываю библиотеку, расположенную в шахтной столовой. Вместо стеллажей для книг — буфеты, и я сижу за ними как буфетчица и выдаю духовную пищу — книги.

Через месяц выпускной вечер аэроклубовцев. В театре на Малой Бронной мы вновь собрались вместе. Все принаряженные. Ребята даже галстуки надели. Доклад делал начальник нашего аэроклуба Гюбнер. Он сообщил, что большинство ребят, окончивших аэроклуб, направляются в военные школы летчиков-истребителей, и вдруг несколько торжественно, повысив голос, а может быть, мне просто показалось, объявил:

— Есть и одна «женская» путевка. В Ульяновскую школу летчиков Осоавиахима. Ее мы решили предоставить… Анне Егоровой.

От неожиданности и радости у меня перехватило дыхание. Неужели мечта, которую вынашивала, осуществится?..

В перерыве меня все поздравляли, а я все еще не верила, боялась верить, что так будет. Поверила только тогда, когда получила направление в школу и проездные документы до Ульяновска.

Среди провожающих выделялась красивая девушка в красном берете, красном шарфе, перекинутом небрежно через плечо за

спину, а другим концом развевающимся на груди. Одета она была в черное пальто, а на ногах туфли на французском каблуке. Вздернутый носик и голубые глаза придавали лицу веселое выражение. Это была Аня Полева. Она также как и я прошла летную подготовку в нашем метростроевском аэроклубе.

Аня по-хорошему завидовала мне, уезжающей в летное училище, и говорила, что обязательно продолжит полеты в тренировочном отряде аэроклуба и также добьется путевки в Ульяновское училище.

— А как же Лука?

— Что Лука? Он уехал в училище. Я тоже буду учиться, а когда «выйдем в люди» , обязательно поженимся…

В аэроклубе все знали о большой любви между Аней Полевой и Лукой Муравицким. Они не скрывали своей любви, она была у всех на виду, при полной открытости и гласности. Аня работала в шахте камеронщицей, а Лука с отбойным молотком и перфоратором — проходчик. Он бывал в ее семье в Лоси — в Подмосковье, а она у него, жившего у родного дяди. Везде бывали вместе. Конечно, здоровый буреломный шахтер часто злился на «недотрогу». Лука жаловался Виктору Кутову, что вот «верчусь» около нее более трех лет и никак не уговорю пойти за меня замуж. Правда, за эти годы она из меня кое-какую дурь выбила, вроде как подготовила к своей жизненной линии. Вот и летчиком стал из-за нее…

— Понимаешь, — говорила Аня, — я не могу теперь без неба, без аэродрома, его бензинового воздуха, — и, смеясь добавляла, — я больна полетами и Лукашкой!

— Понимаю, понимаю, — отвечала я ей.

Мы нежно с ней распрощались и не знала я того, что через год Анны Полевой не станет…

Судьба играет человеком

Отлучили меня от неба в Ульяновском летном училище, порушили мечту. Обманула радуга…

Секретарь горкома комсомола, куда я обратилась, долго молчал. Потом потер руки, почесал затылок, причесал пальцами рук ежик русых волос и горячо воскликнул:

— Придумал, Егорова! Пойдешь работать пионервожатой в трудколонию НКВД для малолетних правонарушителей. Будешь там до очередного набора в училище. За это время все утрясется, брата твоего обязательно освободят, и ты поступишь опять. Начальником колонии хороший человек — он поймет. А впрочем, идем к нему…

Так я поселилась при колонии в маленькой комнатке деревянного дома. Колония занимала большое трехэтажное здание из красного кирпича, почти в центре города на Базарной площади. К дому примыкал большой двор с сараями и мастерскими. Все ребята четыре часа учились в классах и четыре часа работали тут же во дворе, в мастерских.

Конечно, трудно было из малолетних преступников создать коллектив. Каждый из детей, а там были от восьми до шестнадцати лет, имели за плечами преступление. В каждой группе был свой «воевода». Вот я и решила начинать с него. Но, как его выявить? Начала с того, что просто ходила, смотрела, слушала. Приходила в класс, садилась за последнюю парту и наблюдала, а там в задних рядах шла своя жизнь. Тетрадки, выданные учительницей русского языка для диктанта, молниеносно превращались в карты и тут же шло «сражение». Проигрывали все, вплоть до обеда. В столовой можно было наблюдать такую картину: один, объедаясь, съедал несколько обедов, а у проигравших текли слюни…

Дом, в котором размещалась колония, был с калориферным отоплением, и вот по ночам, после отбоя, часть ребят уходила в подвал и там среди котлов со свечкой играли в карты. Воспитатели чего только не предпринимали: и заколачивали подвал, и закладывали кирпичом, и уговаривали, и стращали — отвадить от подвала долго не удавалось. Выдали одной группе новые бушлаты. На второй день уже часть их была продана на «толкучке», которая находилась неподалеку от колонии. Ухитрились спуститься со второго этажа на простынях вниз, на улицу — продали бушлаты и купили водки. Напились, переломали в спальне все кровати, стол, тумбочки, выпустили пух из подушек, забаррикадировали дверь. Пришлось вызывать

пожарную команду и водой из брандспойта усмирять мятежников. После этого «бунта» часть отправили в колонию более строгого режима, а остальных бунтарей расформировали по разным группам. На мое предложение записаться в кружки: стрелковый, авиамодельный, мореходный — никто даже бровью не повел.

Присмотревшись еще и еще раз, посоветовавшись с воспитателями, учителями, я отобрала восемь мальчишек из разных групп и повела во Дворец пионеров, который в Ульяновске был просто замечательный. А там, по моей договоренности заранее, приняли нас как старых, хороших друзей. Лед тронулся.

Затем повела ребят в бронетанковое училище и авиатехническое. Везде встречали нас заинтересованно: показывали, рассказывали и даже стали нашими шефами. К нам зачастили курсанты-танкисты и авиамеханики. Они-то, как я теперь понимаю, и зажгли огоньки в душах трудных ребят.

К концу третьего месяца моей работы пионервожатой был создан первый отряд юных пионеров. Впервые во дворе колонии прозвучал пионерский горн, забил барабан и тридцать мальчишек в красных галстуках, со знаменосцем и ассистентами промаршировали мимо импровизированной трибуны, вышли за ворота и влились в ряды первомайской демонстрации ульяновцев.

Когда дела наши более или менее наладились, пришел приказ, запрещающий всякую пионерскую деятельность в колониях несовершеннолетних правонарушителей. И я уволилась.

Дополнительного набора в летном училище еще не было. Жить продолжала при колонии. Работать поступила на военный завод имени Володарского за Волгой. Начальник отдела кадров спросил:

— Кем у нас хотите работать?

Я ответила, что прошу принять меня на любую работу, а специальность у меня строительная — арматурщица, чеканщица…

— Пойдешь в бухгалтерию счетоводом!

— Но я никогда не работала на счетной работе.

— Ничего, научишься, — сказал кадровик и добавил, как бы раздумывая:- В цех послать тебя — там работа по сменам, да и заработок будет первые три месяца ученический, а в бухгалтерии — в одну смену и оклад постоянный. Тебе же учиться надо. Придешь к главному бухгалтеру и скажешь, что работала раньше счетоводом.

— Я не сумею работать в бухгалтерии, — повторяла я.

— Сумеешь! Сумеешь! — И оформил счетоводом.

Когда пришла к главному бухгалтеру, он спросил меня,

каким я счетоводом работала?

— Как каким? — удивилась я.

— Ну, по учету или по расчету?

— По учету, — бойко ответила я, памятуя наказ кадровика.

— Вот и хорошо. Пойдете в транспортный отдел к старшему бухгалтеру.

В бухгалтерии транспортного отдела мне тут же предложили приняться за работу и указали стол, за которым я буду сидеть.

— Подсчитайте, пожалуйста, перечни, — бухгалтер протянул мне пачку исписанных цифрами листов. Но как считать, на чем?

Передо мной лежали счеты, стояла какая-то машинка. Кругом все бойко щелкают костяшками, а я ведь совсем не умела считать. И все же к обеду я все листы подсчитала, правда, не на счетах, а на бумажке, чтобы никто не видел, как я считаю в выдвинутом ящике стола.

В обеденный перерыв все пошли в столовую. Звали и меня, но я отказалась и решила поговорить с М.М.Борек — бухгалтером по учету, сидящей со мной рядом. Как только все ушли, а Мария Михайловна обедала часом раньше, чтобы отдел не пустовал, я обратилась к ней.

— Мария Михайловна, пожалуйста, объясните мне, как считать на счетах, и что это за машинка стоит передо мной?

Мария Михайловна удивленно взглянула на меня через пенсне.

— Это арифмометр. Но как вы будете работать, не имея специальной подготовки?

Я молчала, да и что могла сказать!

— Вот что, будем заниматься в обеденный перерыв и после работы час, а сейчас я вам объясню на счетах сложение и вычитание…

С тех пор прошло очень много лет, но до сих пор я с благодарностью вспоминаю Марию Михайловну Борек — потомственную ленинградку. Она научила меня бухгалтерскому учету, всячески поддерживала, оберегала. Она вовлекла меня и в общественную работу.

Но как только я узнала о дополнительном наборе в училище, тут же отнесла заявление в приемную комиссию. На предварительной беседе в приеме мне было отказано.

— В прошлый набор ты скрыла, что твой брат враг народа, а теперь опять хочешь пролезть в училище? Нас не проведешь — мы бдительные…

Спаси, господи, от напраслины!

И опять я ехала в поезде Ульяновск-Москва. В общем вагоне было очень людно, накурено. Плакали дети. На самой верхней полке вздыхала я о своем любимом брате и порушенной мечте.

— Умаялась сердешная, целый день вздыхает, в рот росинки маковой не взяла и не встает, — говорил пожилой, приглушенный голос с нижней полки.

— Может, хворь какая одолела? — высказывал свое мнение мужчина с лысиной по всей голове.

— Известно, какая — любовная, — противно хихикнул чей-то визгливый голосок. «Много ты понимаешь, — подумалось мне и я отвернулась к стене, а голову накрыла пальто. — Какой же это враг народа мой брат? Да ведь брат — сам народ…».

Нас у родителей было шестнадцать человек детей — восемь умерло, восемь осталось в живых. Нужда заставляла отца приниматься за отхожий промысел. Он работал то возчиком — возил рыбу из Осташкова, с Селигера, то ездил в Торжок за огурцами. А были годы, когда и в Петрограде работал на красильной фабрике. Мерз отец в окопах империалистической войны, с винтовкой защищал Советскую власть в гражданскую. Вернулся он после всех этих баталий больной и в 1925 году умер — сорока девяти лет от роду.

Васе, самому старшему из братьев, очень хотелось учиться. Но, окончив четыре класса Сидоровской школы, по решению семейного совета, пошел в «мальчики» к портному.

Отец тогда сказал так:

— Давай, мать, продадим овцу, и я отвезу Ваську в Питер. Попрошу там Егора Антоновича замолвить словечко у хозяина. Глядишь, мастеровым будет. А тут что?.. Учиться негде, да и возможности у нас нет никакой обувать, одевать, кормить. — И дальше он обратился к сыну: — Может быть, ты, сынок, не хочешь учиться на портного, тогда давай иди в сапожники к дяде Мише. Дядька родной, материн брат, худому не научит. Выбирай.

И Вася выбрал — портного.

До самой Октябрьской революции учился мой брат. В революцию шестнадцатилетний паренек раздобыл винтовку и пошел с ней против кадетов вместе с отрядом красногвардейцев. Был Вася ранен и кое-как добрался до тетки Аграфены, дальней родственницы отца. Тетка перепугалась, немедля послала в деревню письмо, написав, что выживет Вася или нет — одному Богу известно.

Мама, получив такую весть, бросила все и помчалась спасать

сына. Она выходила его, привезла домой — длинного, худого, наголо постриженного.

Дома Вася прожил недолго — поступил работать на железную дорогу в Кувшинове. А спустя какое-то время рабочие выдвинули его продавцом в свой магазин. В стране разруха, голод — продавцами выбирали самых надежных, тех, кому верили. А потом Васю перевели во Ржев, затем в Москву. Обычная биография рабочих парней тех лет: работал, учился на рабфаке, стал коммунистом. Затем уже он окончил Плановую академию, Комвуз. Рабочие фабрики «Москвошвей №5» избрали Василия своим депутатом в Моссовет. «Начальник планового отдела Наркомвнутторга СССР — какой же это враг народа? думала я, перебирая всю жизнь любимого брата. — Клевета! Напраслина!»

Да, напраслина. И я вспоминала, как мама молилась Богу, стоя на коленях перед иконостасом, как вначале перечисляла все наши имена — своих детей, прося у Бога нам здоровья и ума, а потом каждый раз в конце молитвы повторяла: «Спаси их, Господи, от напраслины!» Тогда в детстве я не понимала этого слова, а сейчас оно обнажилось передо мной во всей своей страшной наготе…

Как медленно движется поезд. Но мне, подъезжая к Москве, стало все как-то безразлично. Куда и зачем я еду, к кому? Вот и Москва. Город моей комсомольской юности. Именно здесь неожиданно круто повернулась моя судьба, накрепко связав деревенскую девушку с городом и небом.

Москва встретила пасмурным, дождливым днем. В этот раз меня здесь никто не встречал, никто не ждал. С вокзала я позвонила на квартиру брата Василия. Ответила его жена — Катя. Узнав мой голос, разрыдалась и долго не могла выговорить слова. Немного успокоясь, спросила:

— Ты где сейчас, Нюрочка?

— На Казанском вокзале.

— Жди меня у главного входа, я сейчас приду.

— И вот я стою — жду. Прошел час, другой… И вдруг я заметила плохо одетую, с поникшим взором женщину.

— Катя!?

Оказалось, что она искала меня, одетую в военную форму, а я ее красавицу смолянку с пышной прической, с блестящими синими глазами и гордой статью… Опять были слезы. Она схватила меня за руку и повела в глубь вокзала. Мы нашли свободную скамейку, сели и Катя рассказала, что Васю судила «тройка», приговорила к десяти годам заключения, приписав ему шпионаж и связь с английской разведкой. Его статья в «Экономической газете» была, якобы, перепечатана англичанами

и этим он выдал какую-то государственную тайну…

— Десять лет! За что? — всхлипывая, говорила Катя. — Нюрочка, родненькая, ты, пожалуйста, больше мне не звони и не заезжай. Я сегодня только на минутку забежала в квартиру за Юркиными вещичками. Мы с ним теперь кочуем по знакомым, хотя многие нас боятся… А я боюсь, что меня дома могут арестовать… Что тогда будет с Юркой? — плакала Катя. Плакала и я. Мы расстались…

Куда мне было податься? К Виктору в авиачасть? — ни за что в таком-то виде… В аэроклуб? — Нет! На Метрострой? — Нет!

Под сожалеющие взгляды, чтобы все напоминало о самом счастливом времени, о дерзновенных мечтах, чтобы каждый намек о прошлом травил душу? Нет! Может, потом, а сейчас?.. Куда глаза глядят!

Вот в расписании поезд, который довезет меня до брата Алексея. Значит в этот город…

Поезд плелся, спотыкаясь на каждом полустанке, и от того колеса отстукивали не весело, а тоскливо: «пло-хо те-бе… пло-хо те-бе»…

В городе Себеж брата не оказалось, его перевели на новое место службы. Переночевала я там у соседей, а утром опять в путь. Денег в кошельке у меня оставалось только двенадцать рублей. Не хватало двух рублей до городка, где работал мой брат Леша. Ничего. Купила билет на все деньги, а то, что одну станцию не доеду — не беда — дойду.

Еду опять в общем вагоне и опять на верхней полке. Чтобы не плакать, прислушиваясь к стуку колес: «ку-да ед-шь… ку-да ед-ешь…», а затем колеса сменили свою «песню» на другую: «Где-е твоя во-ля, где-е твоя во-ля…»

Воля, воля… Неужели у меня ее нет? Если есть, то почему я лежу вот так пластом на полке и ничего не хочу предпринять? Почему не борюсь за свое право летать?.. Вспомнились слова любимого всей молодежью первого секретаря ЦК ВЛКСМ Саши Косырева:

«Ни когда не отступайтесь от задуманного. Смело и гордо идите вперед…»

— Смело и гордо идите вперед! — повторила я, и в этот момент состав вздрогнув всем своим длинным, неуклюжим телом, остановился, словно предоставил мне право выбора.

— Где это мы стоим? — свесив голову вниз, спросила я.

— Чай Смоленск, — ответил мужчина.

— Сколько стоим?

— Минут тридцать, не менее…

Неожиданно для соседей по вагону я ловко соскочила с

полки, накинула пальтишко, подхватила чемодан и — к выходу.

Мужчина, сидевший на нижней полке, переглянулся с попутчиком и произнес сочувственно:

— Как есть не в своем уме…

На что тот заметил:

— Может стибрила что?

— Тьфу ты, окаянный, — старушка сплюнула с досады, — зачем напраслину наводишь?..

Сам

Поезд ушел. В то время, когда он вильнул за последний смоленский семафор, я подходила к зданию обкома комсомола. Зимний рассвет едва только начинал подсинивать белые стены домов древнего города и, естественно, обкомовские двери были на запоре. Потолкавшись у входа и сильно продрогнув, я пустилась трусцой по улице. Добежала до афишной тумбы. Затем обратно. И так несколько раз, пока приятное тепло не растеклось по всему телу. А время шло. Город постепенно менял окраску, синие тона сменились розовыми. Начинался день. Вот уже где то совсем рядом прогромыхал первый трамвай, прогудел первый грузовик. Открылась и заветная дверь. Вместе с первыми посетителями ворвалась в обком и я. Сунула голову в одну комнату, в другую — не то.

— Где тут у вас секретарь помещается? — требовательным голосом спросила я у какого-то тщедушного парнишки в очках, важно шествовавшего с большущим кожаным портфелем по коридору. Тот глянул удивленно на меня по верх очков: кому это сразу «сам» потребовался? Но, уловив в моем лице и взгляде настойчивость, выяснять не стал, а просто сказал:

— Там, за углом обитая черным дерматином дверь…

Маленькая пухленькая секретарша грудью преградила мне ту дверь, но и тут не то мой вид, не то взгляд, не то рост заставили ее уступить мне дорогу к заветной двери. Воспользовавшись этим, я решительно переступила порог, и сразу со входа, боясь как бы меня не остановили, залпом выпалила:

— Мне нужна работа и жилье. И как можно быстрее!

Молодой человек, сидящей за большим письменным столом, удивленно сквозь очки посмотрел на меня, приподняв голову.

— Ты, собственно, по какому делу, товарищ?

— Дело мое не терпит отлагательства…

И страшно волнуясь, а оттого путаясь, я стала рассказывать о себе. О метро, об аэроклубе, о летнем училище, о брате… Ничего не скрывая, ничего не тая — как на духу. Секретарь слушал молча, в его взгляде виделась живая заинтересованность. По мере того, что он узнавал, в нем отражалось и теплое участие. Он понимал, как мне показалось, что отстранили девушку от любимого дела. И не просто девушку, а комсомолку, овладевавшую сложным летным мастерством. Большая война стояла на пороге. Крепила свою оборону и страна Советов. Невиданными темпами развивалась индустрия, перевооружалась армия. Обо всем этом прекрасно знал секретарь обкома и, слушая

мой сбивчивый рассказ, все более удивлялся: как могли учлета без всяких причин снять с самолета в то самое время, когда так требуются летные кадры, когда Осоавиахим не успевает готовить курсантов для военных училищ, когда программа допризывной подготовки напряжена до предела!..

— Документы у тебя какие при себе?

— Вот, — я положила на стол паспорт, комсомольский билет, красную книжечку — благодарность от правительства за строительство метро, первой очереди и справку о том, что я закончила планерную и летную подготовку в аэроклубе.

Читая документы, секретарь задавал мне вопросы, как бы невзначай сам отвечал, сочувствовал, куда-то звонил, кого-то вызывал к себе, а я сидела на диване и… плакала.

— Ну, а наших ребят сумеешь учить планерному делу?

— Конечно, смогу!

— Отлично. Мандаты у тебя подходящие.

У меня даже дыхание остановилось.

— Ну, рева, пойдем обедать, — слышу его насмешливый голос, обращенный ко мне.

— Спасибо, не хочу!

— Пойдем, пойдем, — он потянул меня за руку.

После обеда, увидев мой пустой кошелек, одолжил двадцать пять рублей до первой получки.

— Ты вроде бы работой и жильем интересовалась? — в голосе секретаря веселое лукавство. — Мы тебя тут, пока ты ревела, просватали на Смоленский льнокомбинат счетоводом. Будешь сальдо бульдо подбивать. Планерную школу организуешь. На комбинате коллектив боевой, молодежный. Езжай прямо в отдел кадров. Я об всем договорился. А как устроишься, иди в аэроклуб к комиссару, там, я слышал, есть тренировочный отряд для тех, кто уже закончил пилотскую подготовку. У тебя сколько братьев? — неожиданно спросил секретарь.

— Пять.

— Ну вот, какая ты богатая на братьев, а у меня ни одного. Если в автографии будешь писать о всех братьях — много бумаги израсходуешь. Поняла?

— Спасибо за совет!

— В аэроклубе покажи все свои «мандаты» и попросись принять тебя в тренировочный отряд.

На том и порешили.

— Какие возникнут вопросы, не стесняйся, приходи…

— Спасибо… — всхлипнув носом, пробормотала я, и пулей помчалась на льнокомбинат, благодаря свою судьбу: какая же я все-таки счастливая на хороших и добрых людей!

В тот же день меня приняли счетоводом по расчету прядильщиц, к вечеру поселили в общежитие, в комнату, где жила лучшая стахановка комбината Антонина Леонидовна Соколовская. А в аэроклубе меня зачислили в тренировочный отряд, и я опять стала летать.

Коккинаки

О, какое это счастье — после работы спешить в аэроклуб, где нас уже ждала полуторка, и мы катили на аэродром, далеко от города, от городской суеты…

Глубокой осенью мы сдали государственной комиссии теорию и практику полета и были распущены до особого распоряжения.

Надежды на то, что мне дадут направление в летную школу у меня не было. В отряде у нас училось еще пять девчонок — потомственных смолянок, а я ведь была приезжая. Так что решила не ходить в аэроклуб и занялась подготовкой в авиационный институт. Именно в авиационный, а ни в какой-то другой. Если уж не удастся летать, так буду хотя бы рядом с самолетами. Когда-то и брат Василий настаивал, чтобы я училась… Пишу когда-то, а ведь прошло всего полтора года, как я распрощалась с Москвой, Метрострое, аэроклубом, товарищами, Виктором, братом… Где-то далеко на севере отбывал Василий наказание без права переписки…

Мама сообщала, что сочинила она с помощью добрых людей прошение нашему земляку — Михаилу Ивановичу Калинину о невиновности Васеньки. Ответа не получила и тогда решила сама поехать в Москву.

«Катя с внучонком Егорушкой отвели меня в приемную всесоюзного старосты, а сами ушли. Большая очередь была, народу много понаехало. Дошел и мой черед. Я-то думала, что это сам Михаил Иванович, но взглянула на принимавшего, а бороды клинышком не обнаружила, — рассказывала мама. — Ждала, что помощник меня к земляку поведет, а он мне только и сказал: „Председатель Верховного Совета по таким вопросам не принимает…“».

Я продолжала работать на льнокомбинате. Два раза в неделю занималась с планеристами, посещала курсы по подготовке в институт.

Однажды вечером в выходной день, зашла я в кафе, села за столик и заказала мороженое.

— Егорова! — кто-то окликнул меня сзади.

Повернулась на голос — и вижу комиссара аэроклуба. Подошла к его столику. Он познакомил меня со своей женой, дочкой и усадил рядом.

— Почему же ты не ходишь в аэроклуб? — спросил меня комиссар.

Я высказала свои сомнения, а он мне и говорит:

— Зря, а ведь вчера после долгих споров мы решили отдать единственную женскую путевку в Херсонскую авиационную школу тебе.

— Мне?

— Да, тебе Коккинаки, — и, обращаясь к жене, пояснил: — ребята прозвали ее «Коккинаки», вот и я Аню так назвал, — и мы все дружно засмеялись.

— Ничего, называйте, — я, — мне даже нравится, ведь братья Коккинаки прославленные летчики, испытатели и рекордсмены.

— Завтра же бери в штабе аэроклуба направление, увольняйся с комбината и быстрей езжай в Херсон. Учти, придется там тебе сдавать кроме специальных предметов экзамены по общеобразовательным предметам за среднюю школу. Конкурс большой, готовься!

В Херсоне действительно был большой наплыв воспитанников аэроклубов страны. Приехали из Москвы и Ленинграда, Архангельска и Баку, Комсомольска-на-Амуре и Минска, Ташкента и Душанбе. На штурманское отделение в училище принимали только девушек, а на инструкторское — в основном парней.

В первую очередь нас направили на медицинскую комиссию. Кто прошел, того включали в группы для сдачи общеобразовательных предметов. Математику устно принимал старый преподаватель педагогического института и мы, убедившись, что он плохо слышит, помогали друг другу подсказками, и большинство получили пятерки. Но «ряды» наши заметно редели.

Вот уже пройдена и мандатная комиссия. По совету секретаря Смоленского обкома комсомола я ничего не сказала о своем старшем брате..

Наконец вывешены списки принятых, читаю: «Егорова — на штурманское отделение».

Большой, бурной радости, такой, какая была у меня в Ульяновске, не прорвалось, но все же, бегу на почту и посылаю маме телеграмму — хочу ее порадовать. Да, порадовать, сообщить, что ее дочь приняли в летную школу! Вот пишу это сейчас, а сама думаю о том, как мне не хотелось, чтобы сын Петя поступал в военное летное училище. Я его всячески отговаривала, и он, кажется, согласился со мной, а потом, спустя недели две, подошел ко мне и говорит:

— Мама! Любовь к авиации мне привита с твоим молоком. С раннего детства я слышу разговоры о самолетах. Знаю, как трудно было стать тебе летчиком, но ты добилась своего. Отпусти и меня… Мама, пожалуйста, отпусти…

И я сдалась. Втайне надеялась, что не примут сына, так как поехал он в училище поздно, без направления военкомата.

И вот получаю телеграмму: «Рад, счастлив: принят. Целую. Петр».

Но рада ли была я? Материнское чувство брало верх над разумом. Мне очень хотелось, чтобы сын жил в родном гнезде, учился или работал где-то рядом, чтобы я могла, когда нужно, опекать, подсказывать ему, подставить в трудную минуту плечо…

А что думала в те давние годы моя мама, получив телеграмму из Херсона?

Вот ее письмо:

«Родная моя, здравствуй!

Я получила твою телеграмму. Рада за тебя. Но еще больше бы я радовалась тому, если бы ты не стремилась в небо. Неужели мало хороших профессий на земле? Вот твоя подружка Настя Рассказова окончила ветеринарный техникум, живет дома, лечит домашний скот в колхозе, и никаких нет тревог у ее матери. А вы у меня все какие-то неспокойные, чего-то все добиваетесь и куда-то стремитесь.

От Васеньки никаких известий нет. Ох, дочушка, изболелось у меня о нем все сердце. Жив ли сердечный? Помню, как приехала к нему в Москву, а он уже директор и депутат какой-то. Надел он на меня свою кожаную тужурку, взял под руку и повел в театр. А там все зеркала, зеркала, а я-то думала, что это на нас похожие идут — удивленье одно. Хотя бы ты за него похлопотала.

А ты учись, старайся. Что же теперь делать, раз уж полюбила свою авиацию и она тебе дается. Вы, мои дети, счастливы — счастлива и я. Вы в горе — горюю и я, ваша мать.

Восемь человек вас, детей, у меня и за всех я в тревоге. Все разлетелись мои птенцы. Вот и последнего — Костю проводила в армию. Дала ему наказ служить верно и честно, но когда поезд с ним стал скрываться за поворотом — упала на платформе без сознания. И что это уж со мной такое приключилось — ума не приложу»…

Эх, мама, мама! Как тебе сказать, как объяснить, что такое для меня полеты. Это моя жизнь, моя песня, моя любовь. Кто побывал в небе, обретя крылья, никогда не изменит ему, будет верен до гробовой доски, а если случится, что не сможет летать, все равно полеты ему будут сниться…

Мне нравилось, как вели занятия преподаватели в нашем училище. Особенно интересно проводил занятия по метеорологии старый морской капитан в отставке, избороздивший все моря и океаны. Он был, как открытие для нас всех.

Капитан входил в аудиторию, важно подняв голову в

форменной фуражке с очень высокой тульей. Мы все вставали, приветствуя капитана, и мысленно, глядя на его тщательно отутюженную и подогнанную по фигуре форму, мне хотелось быть похожей на него. А роста капитан был совсем маленького, с глубоко посаженными глазами, которые как светлячки глядели на нас добро и уважительно. Каждый раз лекцию капитан начинал со старинного поверья календаря: «Если солнце село в тучу, берегися штурман бучи…» Или еще какую-либо поговорку, касающуюся нашей будущей профессии, вспоминал наш кумир.

Я впервые поняла, что такое хороший преподаватель: он любит свою профессию, увлечен ею, знает ее хорошо и уж обязательно слушателям своим привьет любовь к предмету и даст хорошие знания.

Война с Финляндией ускорила наш выпуск. Программу обучения в школе резко сократили, закруглили и подвели к экзаменам, которые мы сдавали тоже в спешке. Нам даже обмундирование не сумели пошить, так и выпустили — в старых гимнастерках и юбках, в каких были курсантами.

Дочушка, не упади!

Меня отправили в аэроклуб города Калинина — штурманом аэроклуба. На месте оказалось, что штурман там уже есть, а не доставало летчика — инструктора. Я согласилась с радостью, потому что очень хотела летать, и после проверки техники пилотирования была допущена к обучению учлетов.

Выделили мне группу в двенадцать человек. Ребята все разные и по общей подготовке, и по физическому развитию, и по характерам. Одно объединяло любовь к авиации. Всем не терпелось поскорее закончить наземную подготовку и начать летать. Я их понимала.

Часто к нам на занятия приходил командир звена старший лейтенант Черниговец. В армии он был летчиком — истребителем, и в Осоавиахим его послали на укрепление инструкторских кадров. Черниговец действительно мастерски летал, хорошо знал математику, физику, легко объяснял громоздкие формулы по аэродинамике. Курсанты любили его за уважительное к ним отношение. Очень помог Петр Черниговец в подготовке первого аэроклубовского выпуска и мне. В один из летных дней разбился старший летчик-инструктор И.М. Гаврилов. При ударе самолета о землю курсанта выбросило из кабины в сторону, он сгоряча поднялся и побежал… Врачи осмотрели его, послушали и дали освобождение от полетов, а через пять дней и его не стало. Полеты прекратились. Курсанты ходили понурые. Командир звена Черниговец приказал построить все звено для разбора случившегося.

— Самолет, как вы знаете, — начал он, — есть самолет и каким бы он ни был тихоходным и простым, к нему надо относиться на Вы, то есть внимательно и серьезно. И тот, кто этим пренебрегает будет наказан. Опытный летчик инструктор Гаврилов понадеялся на курсанта, а тот пренебрег законами аэродинамики или плохо знал ее — и вот результат. На последнем развороте, как все мы видели с земли, самолет задрал нос, потерял скорость и свалился в штопор. Высоты не было, чтобы машину вывести из критического положения, и он врезался в землю. Профессия летчика, — продолжал Черниговец, — как вы убедились, не только романтична, но и опасна. Но носы вешать не будем давайте, займемся делом! — И он начал рисовать тут же на песке различные положения самолета в воздухе, одновременно объясняя и спрашивая то одного, то другого курсанта. И лед тронулся.

Для инструктора самостоятельный вылет его ученика —

такое же событие, как собственный вылет. Помню, первым я выпускала в своей группе учлета Чернова. Уже получено «добро» от командира отряда, но я волнуюсь и прошу еще слетать с ним командира эскадрильи. Комэск сделал с Ченовым полет по кругу да как закричит:

— Чего зря самолетный ресурс вырабатывать — выпускай!

С волнением взяла я в руки флажки, как когда-то брал их инструктор Мироевский. Все смотрят на учлета, а он сидит в кабине сосредоточенный, серьезный и ждет разрешения на взлет. Тогда я поднимаю вверх белый флажок, а потом резко вытягиваю руку, показывая флажком направление вдоль взлетной полосы.

Самолет с курсантом пошел на взлет, а мне кажется, что я что-то не сказала, хочется громко крикнуть ему вслед еще какието наставления. Не выпуская самолет из поля зрения, иду к финишу, чтобы встретить своего питомца у посадочного «Т».

Вторым выпускаю учлета Жукова, он тоже вылетел отлично. Много хлопот доставил мне курсант Седов. Если Чернову все давалось легко, то Седов полеты усваивал медленно, но твердо. Это я поняла позже, когда все двенадцать курсантов летали самостоятельно, и я стала подсчитывать часы налета по вывозной программе. Оказалось, что Седов налетал со мной меньше всех.

Как же так, задумалась я, Чернова все время в пример ставила, а Седова больше заставляла заниматься наземной подготовкой. В результате на Чернова израсходовано больше и горючего, и самолетомоторного ресурса. Летают же оба к концу программы одинаково, даже Седов чуть-чуть изящнее, увереннее.

В один из дней нагрянула Государственная комиссия. Я была спокойна — мои ребята летали хорошо. Одному только учлету поставили четверку за высший пилотаж, остальным — отлично.

В день авиации у нас на аэродроме праздник. Мы, инструкторы — летчики, к нему готовились заранее. Летали строем, отрабатывали одиночный пилотаж, парами, шестерками. Летали и на планерах, а парашютисты готовили свою программу, но сбрасывать их должны были мы — летчики.

И вот рано утром аэродром готов к приему гостей. Толстым канатом отделены места для зрителей. Мы еще и еще раз проверяем самолеты, уточняем программу и праздник начался.

Наконец, диктор объявил мой полет. Выполнила я комплекс высшего пилотажа над аэродромом, приземлилась и не успела зарулить, как мне говорят: «Твоя мама здесь». Оказывается, узнав из областной газеты, что будет праздник, она приехала в Калинин и прямо с поезда — на аэродром. Мама, конечно, и корзиночку с гостинцами прихватила с собой. Устроилась за барьером на травке и стала смотреть, что же это делается в воздухе. Сидела

спокойно до тех пор, пока не объявили мою фамилию. Тут она заволновалась, а когда самолет стал делать пилотаж, мама с криком «Дочушка, упадешь!» — бросилась на летное поле, к центру аэродрома, держа свой повязанный праздничный фартук с кружевами так, как будто подставляла мне, чтобы в случае падения я попала на него.

Дежурные привели маму в штаб. Выяснилось, о ком она так беспокоилась, и тогда начальник аэроклуба предложил ей покататься на аэроплане. Мама от полета категорически отказалась.

После выпуска курсантов нас, инструкторов, премировали поездкой на пароходе из Калинина в Москву — на сельскохозяйственную выставку.

… Плывем по матушке-Волге, любуемся красотами ее берегов, а затем — по каналу. Я впервые вижу шлюзы, удивляюсь и восхищаюсь этим сооружением. Ну, вот и Москва. Мы осмотрели выставку. Побывала я и у своих на Арбате. Катя работала вязальщицей на трикотажной фабрике, Юрка учился в школе. Поговорили обо всем. Брат прислал с «оказией» записку. Писал, что плыли они долго по Енисею на барже вместе с уголовниками. «Урки» измывались над «политическими», отнимали и одежду, и пищу, а охрана словно ничего не замечала или не хотела замечать. В Игарке их высадили на берег и повели своим ходом в тундру. Многие простудились и погибли. Осталось меньше половины…

В Москве уже действовало метро второй очереди и меня потянуло посмотреть свою станцию — «Динамо». Колонны облицованы самоцветным ониксом. Между колонн — скамья, а над нею в проеме барельеф физкультурника. Красиво! Но я не поглаживаю ласково холодный мрамор рукой, как у «Красных ворот» — здесь я на отделочных работах не была, мрамор не шлифовала. Узнаю, что почти все мои товарищи по метростроевскому аэроклубу закончили летные училища и служат в частях Военно-Воздушных Сил. Виктор Кутов — летчиком-истребителем в авиационном полку на западной границе. Он-то пишет мне письма в стихах, просит отвечать на каждое, но мне, как всегда, некогда. После окончания училища Виктор приехал ко мне в Херсон с надеждой увезти меня с собой, но я и слушать не хотела.

— Вот окончу училище и сама к тебе приеду, — ответила тогда своему жениху.

— Не приедешь! Я тебя хорошо изучил. Тебя надо силой замуж брать.

— Вот и займись этим! — вырвалось у меня в сердцах.

Виктор уехал, а мне было очень и очень тоскливо. Я шла в училище и горько плакала… Может предчувствовала, что видела его в последний раз…

Пять дней мы гостили в Москве, а вернулись домой — принялись работать, да так напряженно, что не стало у нас даже и выходных дней.

Всю предвоенную зиму мы готовили летчиков по спецнабору из допризывников. Они были полностью освобождены и от работы на предприятиях, и от учебы в учебных заведениях. Аэроклуб выплачивал им стипендию. Мы же их к весне подготовили и почти всех рекомендовали на ускоренный выпуск в летные училища. Фактически у нас тогда было два набора — с отрывом от производства и без отрыва. Курсанты, занимавшиеся теорией без отрыва от производства, к полетам приступили летом — после выпуска спецнабора. День за днем мы помогали им обретать крылья, еще не все вылетели самостоятельно, вдруг…

Девчата, война!

… Полеты затянулись до вечера, а июньский вечер не скоро приходит. Я уже устала, но домой не пойдешь. Нужно еще провести разбор с учлетами, оформить документацию. Только села за стол в дверях голова подруги Машеньки Смирновой:

— Не засиживайся, Анюта — утром в лес. С солнышком поднимем! — сказала и упорхнула.

«Ну конечно же, вспомнила я, сегодня суббота. Уже сколько недель без выходных работаем, можно и отдохнуть. Здорово девчонки придумали — в лес. Погода как по заказу стоит. А мест заманчивых под Тверью тьма-тьмущая. И ходить далеко не надо. Садись на трамвай — довезет прямо в сосновый бор, тот, что за текстильной фабрикой „Пролетаркой“».

С первым трамваем и выехали. Обрадовались инструкторы — в кои-то веки собрались вместе. В вагоне смех, шутки, песни…

Кондуктор трамвая возмутилась:

— Расшалились, как школьники — управы на вас нет!..

Нас пятеро девчонок. Два авиамеханика — две Марии — Никонова и Пискунова, два инструктора — летчика-общественника — Тамара Константинова и Маша Смирнова и мы, два инструктора-летчика после Херсонского авиационного училища — я, Аня Егорова и Катя Пискарева. Это она, Катя Пискарева, потом, в войну, будучи летчиком женского полка на беззащитном самолете По-2 бросала ночью морякам-десантникам Эльтигена (ныне Геройское) боеприпасы и продукты. Спланирует тихо — с выключенным мотором, сбросит груз да как закричит в ночи: «Полундра! Забирай подарки!» — И улетит под градом снарядов в скрещенных лучах прожекторов. И так пять-шесть вылетов за ночь…

А пока мы идем, любуемся светлыми нашими просторами. В траве кое-где мелькают увядающие ландыши — как подарок нам от природы. Но мы их не срываем бережем. Вышли на берег Волги, нашей русской красавицы — реки, выбрали удобное местечко на ее высоком правом берегу и присели, любуясь проплывающими мимо пароходами. Но от них обычно летит музыка, а сегодня почему-то непривычно тихо. И вдруг над Волгой слышим отчетливый голос диктора, эхом отдающийся в лесу: «Война…».

Сразу померкли все краски природы. Куда-то девалось наше радостное настроение. Мы сразу стали старше своих лет. Сегодня наступило время наивысшего духовного накала, когда до конца обнажается правда характера и натуры, определяющая цену

человека в жизни, степень его мужества, верность Родине. Нам, стоящим молча в этом утреннем воскресном лесу, было ясно: страна поднималась на смертный бой. Каждая из нас, овладевших одной из военных профессий, тут же решили про себя не оставаться в стороне. Кто-то коротко сказал:

— Пора по домам…

Однако меньше чем через час все мы встретились в одном месте, в горвоенкомате. Маленькая хитрость не удалась. Но и визит к комиссару оказался напрасным.

— Занимайтесь, девушки, своим делом, — ответил военком на нашу просьбу направить на фронт, вам и в тылу теперь работы хватит.

Терпения сидеть на мирном аэроклубовском аэродроме хватило мне месяца на полтора. Тревожные сводки первых дней войны подхлестывали нас, да тут еще нам сообщили, что аэроклуб приказано эвакуировать в глубокий тыл.

Настал день, когда и я пошла к московскому поезду… Провожала меня Муся Никонова — авиатехник моего самолета. Муж ее, танкист, был тяжело ранен и умирал в одном из госпиталей города. Муся не плакала, только красивое ее лицо с карими миндалевидными глазами и длинными ресницами осунулось, потускнело. А в другой палате тоже лежал танкист — без одной руки. Это был муж Татьяны Никулиной, с которой мы вместе учились в аэроклубе Метростроя. Она приехала к нему из Москвы, оставив маленькую дочку на попечение соседей, и сидела в палате около израненного мужа и день и ночь, утешая, как могла и ухаживая за ним.

— Алешенька! Потерпи, родной, все будет хорошо, — шептала Татьяна, гладя мужу уцелевшую руку. Он молчал, хмурился, а она говорила и говорила ему ласковые слова, вселяя надежду.

— Что делать-то буду, Таня? — спрашивал долго молчавший Алексей. — Надо бы свести счеты с гадами, а что я теперь могу-то одной левой рукой?

— Вот чудак человек, мой дед в гражданскую ноги лишился. Подлечился и на протезе опять воевал. После гражданской учился, а теперь, ты знаешь, он ведущий инженер на заводе. А ты — что делать? — говорила Таня.

Война уже давала о себе знать — очень жестоко, порой, непоправимо…

На вокзале Муся Никонова поцеловала меня и, положив в левый нагрудный карман моей гимнастерки серебряный рубль, тихо сказала:

— Это талисман. Вернешь после разгрома фашистов.

Талисман, талисман… Он был со мной всю войну. Каким-то чудом я его сберегла, но вернуть Мусе смогла только спустя много лет. Она считала меня погибшей. И вот по одной газетной публикации Муся Никонова узнала мой приблизительный адрес и разыскала меня.

Помню, стою у калитки дома, а ко мне от автобусной остановки идет женщина. Лицо знакомое-знакомое. Подошла и стала расспрашивать, не знаю ли я, где живет… и тут заплакала — замолчала, узнала меня!..

Однако это еще когда-то будет, а пока я еду в Москву в Центральный Совет Осоавиахима. Едва вышла на площадь трех вокзалов, обратила внимание на камуфляж зданий. Словно театральными декорациями их прикрыли. Поражали бумажные кресты на стеклах окон. Угнетало отсутствие обычной вокзальной суеты. В залах ходили люди в армейских гимнастерках, гулко звучали слова команд. Когда перебегала площадь, чуть не уткнулась в серебристую гондолу — бойцы бережно несли аэростат. И еще поразило, что над Красносельской улицей, над крышами многоэтажных домов, словно аисты стояли на длинных ногах зенитные установки. И так на всем пути в Тушино: зенитки в скверах, колонны военных, зовущие в бой плакаты на стенах, суровая сдержанность на улицах. Не только окраины центральные магистрали столицы обросли, как щетиной, цепочками противотанковых ежей, прикрылись баррикадами. С каждым днем суровела Москва, теперь уже фронтовой город. По радио ежедневно голос Левитана сообщал москвичам одну сводку тревожнее другой. «После упорных и ожесточенных боев, в ходе которых…».

Сводки Совинформбюро настигали людей повсюду: дома, на работе, на улице. Примириться с ними было нельзя.

Как медленно движется автобус, подумалось мне, вот опять остановка. Прижавшись к стеклу, я увидела на перекрестке девушку в военной форме с энергично поднятым вверх красным флажком. Регулировщица открывала путь колонне войск. Далеко не первой уже за этот обычный, тревожный день войны. Полковник бегло взглянул на протянутый документ и охрипшим, усталым голосом произнес:

— Егорова? Ну чего тебе, Егорова, от меня нужно? Что у вас там в Калинине стряслось? Бензина нет? Машин не хватает?.. Докладывай, прошу тебя, быстро. Видишь, сколько людей дожидается. Действительно, дочерна прокуренная комната была плотно набита летчиками. Старыми и молодыми, в штатских костюмах и в полевой форме — все они переговаривались, обменивались последними новостями, ждали здесь, в одном из

кабинетов Центрального аэроклуба, решения своего вопроса, своей участи. Их временем я и не думала злоупотреблять.

— У меня, собственно, один вопрос. Личный, — громко, силясь перекрыть шум, проговорила я.

Полковник развел руками:

— Да время ли сейчас личным заниматься?

— Прошу прощения, я неправильно выразилась, — смутилась я.

— Просто прошу послать меня на фронт.

— Ишь ты — «просто»…

Хозяин кабинета расстегнул воротничок гимнастерки.

— Все вы твердите одно и тоже — на фронт, на фронт. Сделай по-вашему, так осоавиахимовскую работу совсем надо сворачивать. А кто же, я вас спрашиваю, по тому, как полковник обвел сердитым взглядом всю комнату, можно было понять, что он отвечал не только мне. — Кто, я вас спрашиваю, будет готовить кадры для фронта?.. Нет, дорогуша, возвращайтесь в Калинин и занимайтесь, чем вам положено. Кто ко мне следующий?..

Но я не думала уступать место. Наоборот, я еще ближе придвинулась к столу.

— Наш аэроклуб эвакуируется в тыл. Я в тыл не поеду. Прошу откомандировать меня на фронт. Поймите же, наконец, у меня большой летный опыт. В данный момент он важнее там, над полями сражений…

— Ну, знаешь, Егорова, позволь нам решать, что и где сейчас важнее… проворчал полковник, однако он понял, что от моего напора так просто не отделаешься. Задумался на минутку, повертел в руках какую-то бумагу и, искоса взглянув на меня, сказал: Ладно, так и быть, пошлем тебя поближе к огню, в аэроклуб города Сталино. В Донбассе это…

— Как в Сталино? Там же брата в 1938 году арес… — запнулась я и потом твердо сказала: — Пишите предписание…

По пути на вокзал я зашла на Арбат к своим. Катя была где-то на оборонительных работах, а Юрка, придя из школы, обрадовался, засуетился, желая, чем-либо угостить меня, но в буфете, кроме хлеба да куска сахару, ничего не осталось. Он стал мне рассказывать о том, что у них в 6-м «А» классе учитель географии ушел добровольно на фронт, а вот директора школы никак не отпускают.

— Я на его месте давно бы сам удрал бить фашистов, а он все разрешения ждет, чудак.

— А что слышно об отце? — спросила я племянника.

Он как-то сразу сник, а потом встал, взял с письменного

стола какие-то листки и подал мне.

— Вот читай. Вчера заходил полковник, сказал, что он недавно был вместе с папой где-то далеко, далеко на севере. Там зимой ночь круглые сутки, а летом солнце не заходит. Там папа строит красивый город, похожий на Ленинград, и большой горно-металургический комбинат, — без передышки, как бы я его не остановила, рассказывал Юрка. — Полковника и еще многих бывших военных направили на фронт. Он сумел заехать к себе домой и вот еще к нам забежал и очень сожалел, что маму не застал.

Читаю поданные Юркой листки, исписанные братом. На одном письмо жене и сыну, на другом — прошение с просьбой послать на фронт защищать Родину от фашистских захватчиков.

— Вот папа поедет на фронт, — доверительно говорит Юра, — и я с ним попрошусь. Если не возьмет — самостоятельно двинусь. Мы ведь с Витькой Тимохиным давно решили пойти на фронт, только вот Витька ростом мал, а меня ведь запросто пропустят, я выше всех в классе. Жаль, что ты, тетя Аня, не на фронт едешь, а то бы я с тобой с удовольствием поехал. А учиться никогда не поздно. Разобьем фашистов — и учись себе, сколько хочешь…

Ночью в городе была воздушная тревога, но мы в бомбоубежище решили не ходить — так до утра и проговорили. Утром, отправляя Юрку в школу, а сама собираясь на вокзал, я взяла с него слово без моего ведома никаких шагов в сторону фронта не предпринимать. Юрка обещал, но с условием, что если я сумею попасть на фронт, то обязательно выпишу его к себе, а пока он будет учиться в школе и постарается изучить винтовку и пулемет. С тем мы и расстались.

Так и не дождался племянник моего вызова на фронт и приезда отца.

С отцом Юрка встретился спустя много лет после войны, когда брату, после десятилетнего заключения, назначили ссылку. Вася да и многие другие «политические» заключенные выжили благодаря милосердию начальника строительства, а затем директора Норильского горно-металлургического комбината Завенягина. Он привлек к работе «спецов» из политических заключенных, смягчив их режим, а стойку обеспечил специалистами высокого класса. Брата самолетом под конвоем неоднократно привозили в Москву на утверждение каких-то планов. Домой, на Арбат, его, конечно, не отпускали и не разрешали даже позвонить. Жил он тогда в гостинице КГБ на площади Маяковского. Катю, жену брата, я часто называла декабристкой. Она на свой страх и риск, когда мужу дали ссылку,

забрала Юрку и отправилась в далекий Норильск водным путем — подешевле. Три месяца добирались — еле выжили. Но вот радость встречи, которая вселила в семью веру и надежду…

В 1953 году Василия реабилитировали, но он продолжал жить с семьей в Норильске. Работал он теперь заместителем директора Норильского горно-металлургического комбината имени Завенягина. Катя — в пошивочной мастерской, а Юрка учился. В семьдесят пять лет брат ушел на пенсию — персональную. А в Норильске долгие годы работал энергетиком на ТЭЦ-1 его сын Юрий Васильевич. Теперь там трудится уже третье поколение Егоровых — внуки Виктор и Андрей, подрастают правнуки — Антошка и Данилка. Жизнь продолжается…

Ближе к фронту

В вагоне не продохнуть. Люди сидят, прижавшись друг к другу. Долго молчать в таком «тесном единении» не будешь, и я разговорилась с соседом — пожилым, по всему видно, кадровым командиром. Разговор, естественно, велся вокруг фронтовых событий — других тем тогда не было. Я больше спрашивала — интересно было все разузнать у сведущего человека — и военный отвечал. Лишь единственный вопрос задал он. Зачем, собственно, девушка ты едешь в сторону фронта. Я показала ему свое направление.

— Вот чудаки, — удивился командир, — какой же сейчас в Сталино аэроклуб. Ведь эвакуировался город…

— Не может быть! — воскликнула я.

Сосед мой тяжело вздохнул:

— Однако может, девочка…

Действительно, в аэроклубе никого не оказалось: все эвакуировались. Командир оказался прав. В пустых помещениях аэроклуба гулял вольный степной воздух. Никого не пугая, он гулко хлопал дверями и окнами, озорно бил стекла. Я растерялась: что же делать, к кому обратиться?.. Вышла на улицу, сориентировалась и поспешила к центру, надеясь там найти какое-нибудь нужное учреждение или просто встретить людей, способных дать толковый совет.

Идти одной долго не пришлось. Квартал не миновала, как сзади кто-то ухватился за рукав гимнастерки.

— Ну и легка ты на ноги! — произнес над ухом молодой задорный голос. Едва догнал…

— А стоило ли ? — грубо ответила я и резко повернулась к незнакомцу. Ненавидела я вот таких уличных приставал, особенно неуместных во фронтовом городе.

— Да ты не подумай чего дурного, — голос человека, оказавшегося совсем юным, звучал успокаивающе. — Я видел, что ты заходила в аэроклуб. Подумал — не случайно, стало быть, дело какое привело. Будем знакомы, — парень протянул руку, — здешний учлет Петр Нечипоренко. Не особенно охотно, я все же ответила на приветствие. Настороженность моя еще не прошла, и это не осталось не замеченным.

— Не веришь, что ли? Так вот документы. Сейчас в военкомат иду, а там — на фронт…

— На фронт? — уже с почтением переспросила я.

— А то куда же. Но это тебя мало касается, дело мужское. А догонял тебя, увидя гимнастерку с птичками в петлицах, вот

зачем: слышал, завтра с утра кое-кто из начальства приедет. Так что не прозевай…

— За-а-втра. А куда сегодня податься?

Парень улыбнулся:

— Да хоть в театр. Оперный. Последний спектакль идет, — «Кармен», а затем театр эвакуируется. Он здесь в центре, совсем рядом.

Проводила я парня до горвоенкомата. Пожелала ему с возвратиться домой с победой и немножко позавидовала тому, что он уже идет на войну защищать Отчизну. В театр я тогда сходила. Помню на сцену смотрела, словно через матовое стекло. Все виделось расплывчатым, туманным, а ведь сидела в пятом ряду партера полупустого зала. Да, не до спектакля было — мысли уносились куда-то далеко-далеко. Испания, тореодоры, страсть и любовь… Не доходило это тогда, не волновало. И то, что красавица Кармен начала свою знаменитую хабанеру, я отметила как-то полусознательно. Но вот на самой высокой ноте вдруг сорвался оркестр. Певица застыла с раскрытым в недоумении ртом. Внезапная тишина опустилась в зал. Затем маленький сухопарый мужчина прошел по сцене, остановился у самой оркестровой ямы и загремел в тишину:

— Товарищи, воздушная тревога! Просьба ко всем — спуститься в бомбоубежище. Только соблюдайте, пожалуйста, порядок.

Финал спектакля получился непредусмотренным программой…

Из бомбоубежища я вернулась в помещение аэроклуба и обосновалась на ночлег в одном из кабинетов на диване, обтянутом холодным дермантином.

Утром раздался стук в дверь, и тут же на пороге появился широкоплечий ладный человек в форме военного летчика. В петлицах три кубика. Старший лейтенант, стало быть. «Старлей» заметил меня не сразу, так как я лежала на диване забаррикадированная столами.

— Вы что здесь делаете? — спросил он строго.

— Я из Москвы, получила назначение в местный аэроклуб. И вот жду начальство.

Лицо военного просветлело:

— Считайте что мы по одному делу. Мне тоже нужно начальство. За летчиками приехал, — тут старший лейтенант сделал выразительный жест рукой — по всему было видно, что дворец авиации его хозяева покинули и надолго…

— А как же быть?.. — с тревогой спросила я, но вдруг внезапная идея пришла мне в голову. — Так вы за летчиками?

Возьмите меня! Вот документы. Они в полном порядке.

«Старлей» внимательно прочел мое предписание из Центрального аэроклуба.

— Что ж, характеристика подходящая. Я беру вас, Егорова. Только все по закону нужно оформить. Поедем в военкомат.

Потрепанный пикап доставил нас к месту. Пробившись через плотную толпу мобилизованных, мы предстали перед комиссаром. Но тот, узнав в чем дело, лишь головой замотал: «Какое отношение она к нам имеет? Из Москвы приехала, пусть туда и возвращается.»

— Да не тяни волынку, майор! Нам летчики позарез нужны, наступал старший лейтенант.

— Не могу, не имею права анархию разводить, — упорствовал комиссар.

Спор ни к чему не привел. Пришлось давать задний ход. Листаревич (старший лейтенант успел представиться) успокаивал меня:

— Да бог с ними, с этими бюрократами. Поедем прямо к нам в часть, на месте все и решим.

По пути заезжаем в госпиталь, лейтенант прихватывает двух летчиков, после ранения, механика, отбившегося от части, и осоавиахимовского летчика. Листаревич повеселел — не с пустыми руками ехал в часть.

И вот мы несемся на пикапе в какую-то 130-ю отдельную авиаэскадрилью связи Южного фронта (ОАЭС). Лейтенант в прошлом сам летчик и старается это доказать, управляя пикапом. Скорость держит, как на У-2 — почти сто километров, не очень-то задумываясь о сидящих в кузове…

Наконец аэродром, вернее, площадка неподалеку от станции Чаплино, в хуторке Тихом. Пропыленные и изрядно измотанные тряской ездой, мы сразу же явились пред ясны очи начальства.

— Маловато войска…

— Эвакуировался аэроклуб, товарищ майор, — оправдывался старший лейтенант, — но ведь орлов привез!

— Орлов? — переспросил майор, — и как-то подозрительно, искоса посмотрел на меня.

Только сейчас я заметила на груди командира орден Красного Знамени и обрадовалась: значит, боевой, значит, никак нельзя упустить случая, и тут же бодро отрапортовала:

— Бывший инструктор-летчик Калининского аэроклуба Анна Егорова прибыла в ваше распоряжение…

— Так ведь нет еще приказа женщин на фронт брать.

— А разве для того, чтобы сражаться за Родину, обязательно нужен приказ?

— И то верно… — майор пристально посмотрел на меня.

— Документы, Егорова, при вас? — голос майора звучал обнадеживающе.

— Так точно!

Я быстро выложила на стол летную книжку, паспорт, комсомольский билет и направление в Сталинский аэроклуб. Внимательно познакомившись с документами, майор обратился к находящемуся здесь же капитану:

— Грищенко! Завтра проверьте у Егоровой технику пилотирования.

Я перехватила взгляд Листаревича. Довольный «вербовщик» подмигнул мне, дескать, все в порядке — считай себя пилотом 130-й отдельной авиаэскадрильи связи Южного фронта.

Заместитель командира 130-й ОАЭС Грищенко для проверки моей техники пилотирования избрал маршрут: хутор Тихий — Симферополь. Полет прошел благополучно и я получила «добро». Позже, когда я уже прижилась в эскадрильи связи, мне рассказали, что Петр Игнатович Грищенко, в прошлом летчик истребитель, после аварии был списан с летной работы, но началась война, и он добился назначения летчиком в 130-ю ОАЭС. Летал замкомэск смело, ему поручались самые ответственные задания.

Как-то в 1942 году под Лисичанском самолет Грищенко перехватили четыре «мессершмитта». Петр так умело и отчаянно маневрировал на своем беззащитном «кукурузнике», что фашисты ничего не могли с ним сделать и убрались восвояси. Правда, лейтенант на изрешеченном самолете не долетел до аэродрома — сел на болото и скапотировал. Наши бойцы помогли вытащить машину, летчик сам отремонтировал, выполнил задание и вернулся в эскадрилью. Докладывая о случившемся, бывший летчик — истребитель признал: «Оказывается, и У-2 самолет! Правда, стрелять не из чего, однако на таран идет запросто…»

Вот такую машину и получила я на третий день пребывания моего на фронте. Не скоростной истребитель, не пикирующий бомбардировщик, а просто У-2. Самолет, с которым связывала меня уже долголетняя служба, самолет, который в годы войны пережил свое второе рождение, и стал называться По-2 по имени своего конструктора — Поликарпова. Самолет, который заслужил славу и восхищение им фронтовиками и ненависть врага.

Природное чутье или все от бога?

Фронтовики помнят, как этот нехитрый биплан получал самые неожиданные, порой слишком громкие, порой иронические, но всегда добрые названия. Для пехоты он был старшиной фронта, партизаны за его невероятную способность совершать посадки на «пяточках» прозвали У-2 «огородником» или «кукурузником», а опытные пилоты почтительно именовали юркий самолет «уточкой». Но суть не в названиях. У-2 честным ратным трудом добывал себе славу: перевозил раненых, доставлял почту, летал на разведку, бомбил гитлеровцев по ночам. Его считали лучшим видом фронтового транспорта генералы и маршалы, военные корреспонденты и врачи. Необычная маневренность, неприхотливость в эксплуатации и простота в управлении позволяли проводить на «кукурузнике» такие операции, которые быстроходным и тяжелым самолетам были попросту недоступны.

Казалось бы, не хлопотно было летать на У-2 с приказами, на розыски частей, разведку дорог, с фельдъегерями да офицерами связи. Но какие неожиданности и опасности таила в себе эта будничная работа! Пишу вот «будничная», а сама думаю: какая же она будничная, если все полеты к фронту на оперативную связь, с секретной почтой, полеты в тыл врага по справедливости считались боевыми вылетами. Нашу эскадрилью не случайно дважды представляли к званию «гвардейская», но слишком уж мало было подразделение. Только в 1944 году 130 ОАЭС было присвоено почетное наименование Севастопольской.

Однако вернемся к сорок первому.

Фронт отступил на восток… Наращивал с каждым боем сопротивление врагу, наши части все же оставляли позиции. В условиях отступления порой терялась связь между соединениями. А нет ничего хуже потери управления. Чтобы восстановить его, чтобы получить необходимые сведения или отдать нужный приказ вот и поднимались в воздух летчики эскадрильи. Вылетали и в дождь, и в туман в любую погоду.

… 21 августа я получила задание лететь в штаб 18-й армии. Мне назвали примерный наследный пункт, где должен был находиться этот штаб, а там уже предстояло уточнить его месторасположение. По маршруту полета было много гитлеровских истребителей. Зазеваешься — тут же срежут. Командир эскадрильи предупредил меня об этом.

Помню погода была преотличной, самой августовской, и в

другое время я бы радовалась такому обстоятельству, но сейчас… В ясном небе «кукурузник» беззащитен перед фашистскими ястребами. Не уйдешь от них скорости. Да и фанера — не броня, от пуль не защита. Одно спасение — нырнуть к земле, распластать крылья над самой пожухлой травой и лететь так низко, чтобы слышать, как шасси косит степной ковыль.

И вот лечу на бреющем. Часто поглядываю на компас, часы, карту, слежу за землей — она совсем рядом, под крылом. Радуюсь, что опознаю мелькающие внизу хутора — время их пролета точно совпадает с расчетным. Хорошая, конечно, штука компас, но я не очень-то с ним дружу, мне больше нравится сличать пролетаемую местность с картой, да и работая инструктором-летчиком, редко приходилось летать по маршруту, мало было «слепых» полетов — в облаках ночью, где всецело доверяешься приборам. Когда под крылом самолета перестали мелькать хутора, балочки и потянулась обнаженная степь, в голову полезли тревожные мысли: а вдруг этот компас врет?.. Может быть, девиация на нем не устранена? Вот уже, кажется, меня сносит с курса вправо, нет, похоже, влево. «Верь компасу, верь… Он приведет, куда нужно… — твержу себе, — он не подведет». Вижу две приближающиеся точки. «Мессершмитты», мелькнула догадка. Точно — они. Уже пронеслись над головой, нагло выставив на показ пауки свастики. Дали очередь и унеслись куда-то. Но тут же вернулись. Видимо жаль было упускать беззащитную добычу. Помню, перекрыли мой У-2 своими тенями, а большего сделать не смогли. Так и ушли… Вздохнула я с облегчением: теперь опять можно все внимание обратить на быстро мелькавшую под машиной землю: как бы ориентировку восстановить. Вот оно село, где находится штаб 18-й армии. Увидела и маленькую площадку с тремя самолетами У-2 — звено связи штаба армии, там и села. Пассажир мой — капитан Днепровской флотилии ушел в штаб, я должна была его ждать. Тем временем летчики из звена связи армии заправили мой самолет горючим, угостили арбузом и рассказали обстановку на этом участке фронта.

На обратном пути я ослабила внимание, за что тотчас же была наказана: все вдруг перепуталось, все перемешалось в голове. Начала я беспорядочно метаться в разные стороны в поисках какого-либо заметного ориентира, но внизу молчаливо лежала только безлюдная степь… Немного успокоившись, взяла курс на восток и полетела по компасу. Вижу — железнодорожная станция. Хочу прочитать название, но мне это не удается. Тогда принимаю решение приземлится и уточнить. Был такой метод восстановления ориентировки — опросом местного населения.

Оказалось, станция Поровка. Хутор Тихий от нее находился совсем недалеко, и я благополучно вернулась на аэродром.

На аэродроме комэск Булкин, хмуря брови, спросил:

— Почему так долго летали?

— Задержалась с вылетом в армии, — слукавила я.

О встрече с «мессершмиттами» и о том, как я отчаянно маневрировала самолетом — рассказал майору офицер связи.

— Отдыхайте! — сказал Булкин. — Завтра полетите туда опять.

Брошенная

Но на следующий день лететь пришлось в Каларовку, под Мелитополь. Там стоял штаб 9-й армии, куда и предстояло мне доставить офицера связи с оперативным приказом. Погода в этот день была отличная, видимость бесконечная. Чтобы не встретится опять с фашистскими ястребами, летела бреющим. Впереди показалось утопающее в зелени село. Я чуть подняла машину: при низком полете недолго и зацепить за дерево, столб или там трубку какую. А как поднялась, улучшила обзор и сразу заметила невдалеке белые хатки, обступившие с двух сторон широкую балку. Обернулась к подполковнику, махнула рукой вниз: дескать, все, приехали, дорогой товарищ. Пока совершала заход на посадку, заметила необычное, какое-то судорожное движение на дорогах, уходящих из Каларовки. Войска двигались вперемежку со скотом, повозки, груженные скарбом, путались под колесами военных грузовиков. По обочине неслись полупустые полуторки, пехота шла не колоннами, а отдельными немногочисленными группами. Тревожный беспорядок ощущался во всем. Посадила я самолет около ветряной мельницы на пригорке, подрулила вплотную к мельнице и выключила мотор.

— Неладно что-то, пробурчал прилетевший со мной офицер связи.

— Оставайтесь здесь, ждите моего прихода. — И бегом пустился по тропинке в село.

Я стала искать, чем бы замаскировать самолет и, ничего не найдя, уселась под крыло, стала ждать. Жду час, еще двадцать минут, тридцать… А подполковника все нет и нет. Какая-то тревога овладела мной. Со стороны балки доносились трескучие звуки выстрелов. Сомнений быть не могло: там разгорался бой.

Я вылезла из-под крыла, прошла несколько вперед, чтобы лучше ориентироваться. В селе суета: ревет скот, шумят машины, бегут люди… С пригорка село виднелось как на ладони: балка рассекала его на двое. И если улицы восточной половины были забиты войсками, то на правой господствовала пустота. Но именно за этой пустотой лежала линия фронта. Оттуда, с запада, доносились звуки боя. Я понимала: вот-вот они прорвутся к тихим, задумчивым хатам, пристроившимся за балкой в полукилометре от нее. Так и случилось.

На безлюдной улице вдруг тяжело ухнул взрыв, затем другой, третий. Занялась огнем крыша одного из домиков. Согнулся под злым ветром пополам стройный пирамидальный тополь. Взметнулись в небо напуганные птицы. И передо мной, как на

экране, совсем близко вдруг показались тупые рыла танков. Они скрежетали гусеницами, отплевывались огнем. Жерла пушек, казалось, были направлены прямо на пригорок, где отличной мишенью застыл самолет. К несчастью, это непросто казалось: снаряд, разорвавшийся возле мельницы, заставил меня побежать к машине. Прошло уже добрых два часа, а офицера связи все не было. Видно забыл про меня. «Что же делать? Гитлеровцы вот-вот будут здесь. Надо спасать машину…» Мысли путались в голове. Второй снаряд разорвался рядом с моим самолетом и прорвал осколками обшивку фюзеляжа и крыльев. Я быстро — в кабину, пытаюсь запустить мотор, но ничего не получается: надо, чтобы кто-то прокрутил винт. Вижу по дороге на большой скорости мчится полуторка. Виляет — на одном колесе ската нет. Сбежав вниз, пытаюсь остановить ее. Шофер по виду мальчишка совсем, хочет объехать меня. Не долго думая, я выхватила наган из кобуры и стала бешено стрелять по уцелевшим скатам. Остановился. Матерясь, вытаскивает винтовку…

— Брось-ка эту штуку, — киваю на оружие. — Помоги лучше запустить мотор.

Шофер опешил, услышав женский голос.

— Стой, говорю! — я убрала наган.

— Чего тебе? Не видишь, что-ль: фашист прет, фронт прорвал. Мне своих догнать надо.

— Догонишь еще! Тут вот самолет пропадает.

— Черт с ним, садись ко мне, пока не поздно.

Новый взрыв заставил меня повернуть голову в сторону У-2. Я увидела, как осколки рвут перкаль моего самолета и весь он зябко вздрогнул. «Пропадет машина»…

Я рванула дверцу полуторки:

— А ну, вылезай! На минуту всего.

— Как есть — сумасшедшая! — парень подчинился. — Где самолет? — крикнул наконец.

Показала наверх, в сторону мельницы.

— Да ты с ума сошла!.. Не видишь, что ли, как стреляют? Твоя птаха вот-вот вспыхнет. Давай ко мне в кабину!

Я возразила. Тогда он быстро огляделся, схватил меня за руку и потащил наверх. Где ползком, где перебежками добрались до мельницы. Мельница была уже наполовину разворочена снарядами, подбитые крылья ее повисли. Плоскости моего самолета тоже продырявило.

Забравшись на крыло, я испугалась не на шутку: взрывной волной сорвало сиденье второй кабины и отбросило его на приборную доску первой кабины. А ну как все разбито? Забралась в кабину, проверила что надо. Вроде особых повреждений нет.

— Берись за винт.

Но парень и без приглашения уже ухватился за него.

— Поверни винт несколько раз и дерни за лопасть, а сам отбегай, чтобы не стукнуло!

Р-раз! И закрутило винт. Шофера словно воздушным потоком унесло. Пропал. Я заметила лишь как юркнула за пригорок полуторка. Немцы же усилили огонь по самолету. Пришлось вылезать из кабины и самой развернуть ее в сторону взлета. И откуда только сила взялась? Наверно от страха, да и желание во что бы то ни стало уйти от врага, спасти машину тоже свою роль сыграло. В общем взлетела я под самым носом фашистов… Однако, где приборы? Приборная доска разбита, но мотор тянет и я жива…

Лечу на восток. Солнце уже скрылось, и сумерки затянули землю. Как же садиться в темноте? Кружусь, ищу свой аэродром, а внизу терриконы, провода, железные дороги к каждой шахте. Наконец вдали вижу маленький огонек. Уж не для меня ли костер разожгли? Так оно и было.

Когда все сроки моего возвращения прошли, в эскадрилье решили, что я уже не вернусь. Да еще летчики из звена связи 6-й армии, отступая, сели на нашей площадке и доложили майору Булкину, что якобы видели мой самолет летящим в сторону села, занятого врагами. Словом, в эскадрилье меня перестали ждать. Один только механик моего самолета упорно ждал и верил, что я прилечу. Он-то и разжег маленький костер на посадочной полосе. После посадки долго не покидала кабины самолета: все не верилось, что вырвалась из лап вражеских. Сняла шлем, вытерла рукавом комбинезона взмокшее лицо да так и осталась сидеть в каком-то оцепенении. Закончился обычный фронтовой день…

Механик Дронов, осмотрев самолет, заметил:

— На самолюбии прилетели, товарищ командир. Ну ничего, исправим…

Утром механик доложил о готовности машины к полетам. Мой «кукурузник» стоял как новенький.

— Спасибо, Костя! — впервые назвала я Дронова по имени.

Он покраснел, что-то пробормотал и стал зачем-то перекладывать с места на место самолетные чехлы…

— Что-то в тебе от Бога, — шутили летчики, когда я заявилась докладывать комэску Булкину, — природное чутье. Мы ведь тебя уже помянули за ужином… Наверное, отключи все приборы, отбери карту — все равно дорогу нужную найдешь.

— Найду, обязательно найду, особенно если злость меня одолеет.

— А чего же злишься?

— Как не злиться! Офицер связи приказал ждать его, а сам не явился… бросил.

— Егорова! — позвал меня комэск — начальник связи фронта, генерал Королев спрашивал: вернулась ли ты с задания? Офицер связи, который летал с тобой, извиняется, что не смог предупредить тебя.

— Почему он меня бросил в Каларовке? — с гневом спросила я Булкина.

— Он не бросил, он догонял штаб армии на попутной машине, чтобы вручить командующему приказ штаба фронта об отступлении.

— Зачем вручать приказ об отступлении, когда армия уже давно отступила…

— Но он старался выполнить приказ и опоздал… А в штаб фронта вернулся. Он ведь извиняется перед тобой, — повторил комэск.

— Перед кем он извиняется, если еще не знает жива я или погибла…

Мне было больно и обидно. Подумалось — что же это за командир? И, наконец, мужчина ли он, если бросает женщину на смерть…

Ворюга

Нередко нам приходилось летать в штаб Юго-Западного фронта, который располагался в то время в Харькове. На Харьковском аэродроме была полная неразбериха. Одни самолеты садились, другие взлетали. По стоянке бродило много «безлошадных» летчиков, потерявших свои машины в боях, а то и без боев — мало ли побили наших машин прямо на аэродромах!..

Летчик Спирин прилетел в Харьков в штаб фронта с секретной почтой. Когда вернулся после сдачи пакетов, самолета на стоянке не было. Обегал он весь аэродром вдоль и поперек, а У-2 с хвостовым номером семь исчез. Спирин сообщил о своем горе в эскадрилью, и вот комэск послал меня со штурманом Иркутским на розыски пропавшего самолета. Мы облетели все аэродромы и посадочные площадки Южного и Юго-Западного фронтов, но самолета не нашли. Помню, прилетели на аэродром в город Чугуев голодные, злые. Решили разжиться какой-либо едой. Все эвакуируются, то и дело вражеский налет и бомбежка. На аэродроме в столовой без аттестата (а у нас его не было) хлеба даже не дали. Иркутский побежал по начальству, а я вернулась к самолету и, вижу, сидит в моей кабине майор, кричит: «Контакт», а другой тянет руками за винт, и, отбегая в сторону, вторит: «Есть контакт». Я обомлела, а потом вскочила на плоскость своего самолета и давай лупить кулаками майора, сидящего в кабине.

— Ворюга! Ворюга! Как не стыдно! — кричала я, а он повернулся ко мне лицом и так спокойно говорит: — Ну, что кричишь, как на базаре. Сказала бы по-человечески, что это твой самолет — мы уйдем искать другой «ничейный». А то раскричалась тут, еще и дерется… — Вылез он из кабины и пошел широкими шагами прочь от стоянки, а за ним посеменил второй майор. Мне почему-то стало жаль их…

В ходе отступления мы часто перебазировались, меняли площадки, выбирая около какого-нибудь леска или деревушки. Наши стоянки то и дело обстреливали, бомбили. Но, несмотря на трудности и лишения, связанные с отступлением, моральный дух эскадрильи майора Булкина оставался высоким.

— Полетите и посмотрите, чьи войска движутся по дорогам в этом районе, как-то приказал мне комэск и сделал отметку на карте.

Лететь днем на самолете из перкали да фанеры, когда и из простой винтовки могут сбить, не очень-то приятно. Однако приказ…

Войска на марше оказались нашими. Догадываюсь — выходят

из окружения. Истощенные и измотанные, они несут на себе раненых, оружие. Увидев краснозвездный самолет, машут руками, пилотками, касками. Но что это? На колонну пикируют четыре «мессершмитта»! Впервые вижу я трассирующую нить огня. Бойцы попадали. Кое-кто побежал в сторону от дороги. Сделав несколько атак по колонне, фашисты набросились на мой самолет. Выручили меня тогда лесок и речка, петлявшая среди деревьев. Едва не касаясь колесами воды, я выписывала все ее изгибы, повороты. Маневр удался — немцы отстали.

Вернулась на аэродром, села, зарулила на стоянку. Механник Дронов, как всегда встретил восторженно, хотя почти после каждого моего вылета ему приходилось много заделывать пробоин, ремонтировать самолет и мотор, но он всегда ухитрялся подготовить к следующему вылету.

В нашей эскадрильи много было москвичей, да и немудрено, ведь она формировалась в Люберцах. Каждое утро нашим первым вопросом к радистам был:

— Ребята, что в столице?

Тяжело приходилось Москве. Наступили грозные дни. Воздушные тревоги объявлялись почти каждую ночь. Враг стоял у ворот. Но мужественно встречали москвичи надвигающуюся опасность. В добровольческие дивизии народного ополчения шли люди самых мирных профессий — повара и ученые, служащие и сталевары, артисты, инженеры и кондитеры. Они не обладали военными навыками, но силы их удесятеряла горячая любовь к своему родному городу и жгучая ненависть к тем, кто решил поработить его. Москва поднималась на бой, Москва превращалась в крепость.

Метростроевцы

«Как там наши, метростроевские?» — все чаще думала я. А метростроевцы тоже брали в руки оружие, шли на рубежи обороны. Но и в тоннелях не прекращался рабочий гул. Мужчины, получив винтовки, передавали женщинам и подросткам отбойные молотки. Позже я узнала о судьбах многих своих друзей. Разных судьбах…

С гордостью расскажут мне о том, что двадцать семь воспитанников метростроевского аэроклуба получили за воинскую доблесть звание Героя Советского Союза, что с орденами и медалями вернулись в родные коллективы многие первопроходцы Метростроя, что под стать ратной славе была в годы войны и трудовая слава строителей подземных магистралей. Поведают подруги и о горестях своих. Война без горя не бывает.

Рая Волкова, учлет аэроклуба, боевая девчонка, заводила комсомольских дел, не смогла поехать на фронт, ждала ребенка. Проводила мужа в действующую армию, а сама поехала к матери. На маленьком полустанке, где-то под Камышином, родила до срока двух девочек. Санитарка роддома купила ей на толкучке простыню, и они вместе разрезали ее на пеленки. Когда детей принесли кормить, Рая обвела карандашом на бумаге четыре крошечные ручонки и послала листок мужу на фронт: «Леша, в твоем полку прибыло». Ответил Леша: «Я знаю, у тебя хватит заботы и ласки на двоих, я вернусь скоро…»

Он не вернулся. Погиб в августе 1941 года под Смоленском в воздушном бою. Рая держала на руках обеих девочек, когда принесли похоронку, и не выронила их, нет, донесла до кровати, положила, потом лишь приняла бумагу. Слез не было. Только жгло в груди, и от нестерпимого этого жара перегорело молоко. Девочки кричали по ночам. Через месяц умерла Галочка. Маленький гробик стоял на простом струганном столе посреди избы, и Рае все казалось, что он большой и в нем двое: дочка и муж. В гробик она положила и Лешину карточку. На могиле так и написала: «Родионовы». Написала и залилась слезами…

Сколько их было в первый год войны соленых материнских и вдовьих слез. Собери их тогда в один поток, и смыл бы он фашистскую нечисть. Но в первую военную зиму довелось советским людям изведать и первые слезы радости. На всю жизнь запомнила я, как ворвался в штаб эскадрильи молодой радист и крикнул с порога:

— Ребята! Разбили немцев под Москвой!

Закружились летчики тогда в каком-то фантастическом

танце. Потом буйствовало веселье во всех подразделениях. Все смеялись, пели, обнимались, а в глазах сверкали бусинки слез… Хороших, добрых слез… Да и как же было не радоваться первой большой победе Красной Армии над фашистскими захватчиками, вероломно нападавшими на нашу Родину, а перед этим почти безнаказанно прошагавшими всю Европу!

В 1939 году фашистская Германия напала на Польшу. В 1940 году оккупировала Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Чехословакию, Австрию, Францию. Вместе с фашистской Италией захватила Грецию и Югославию. И вот, наконец, фашисты споткнулись. Победа под Москвой имела не только военное, но и огромное морально-политическое значение, настроение у всех поднялось.

Восторженное письмо по поводу этой победы я получила с Метростроя. Писала мне Соня Киеня. В конце письма была горестная приписка: «Ты помнишь, Аня, Колю Феноменова — проходчика с тринадцатой шахты? Ну, того, который, помнишь, на метростроевском вечере в Колонном зале Дома Союзов покорил всех акробатическим этюдом? Его тогда вызывали на „бис“ раз пять. Да помнишь ты его наверняка! Он еще ездил с нами прыгал с парашютом. Так вот на него, как на проходчика, была броня — он в начале войны работал в тоннеле под Москвой-рекой. Но пришел Феноменов в райвоенкомат, положил на стол военкома военный билет и броню, освобождавшую его от призыва, как очень нужного для Метростроя работника, и не ушел из военкомата до тех пор, пока не добился направления в действующую армию — защищать Москву…»

С письмом Соня прислала мне и вырезку из газеты о нашем Николае, в которого мы все, девчонки-метростроевки, были немного влюблены. Листок этот у меня сохранился. Вот он:

> «В ночь на 7 ноября 1941 года сержант Феноменов с небольшой группой бойцов перешел линию фронта в районе Наро-Фоминска и уничтожил мост. За успешно выполненное задание Феноменов был награжден орденом Красной Звезды. Во многих боях участвовал метростроевец, защищая Москву от фашистского нашествия. И вот, преследуя под Москвой гитлеровцев, дивизия, в которой сражался Феноменов, вышла на реку Угру. Командование поручило командиру взвода гвардии старшему сержанту Феноменову пересечь линию фронта и блокировать дзоты, которые мешали продвижению наших войск. Шел снег, бушевала пурга, и под ее прикрытием бойцы во главе с отважным старшим

сержантом добрались благополучно до дзотов и забросали их гранатами и минировали пути подвоза боеприпасов. Фашисты открыли по смельчакам ураганный огонь.

Яркая вспышка ослепила сержанта. Руки точно обожгло, чем-то горячим ударило в лицо, и он упал. Наступил полный мрак. Николай попытался опереться на руки. Но ни пальцев, ни ладоней у него не было. Собрав все силы, пополз. Кружилась голова, в глазах темнело, он полз и полз, почему-то твердя про себя услышанное от кого-то или прочитанное где-то: „В движении — жизнь!“

Он полз до тех пор, пока ясно не услышал русскую речь: „Кто ползет?..“»

Много-много лет спустя я узнала о дальнейшей судьбе Николая Алексеевича Феноменова. Академик Филатов семь месяцев боролся за сохранение зрения старшему сержанту. Николай помогал ему своим оптимизмом, верой в выздоровление. И они победили. Один глаз был сохранен.

Затем Феноменов еще полтора года находился в ортопедическом госпитале. Расчленив локтевую и лучевую кости, использовав остатки мышц, профессор Берлинер создал двухпалые культи. Короткие, с двумя пальцами вместо пяти, без суставов, без сгибов. Профессор считал, что со временем больной сможет этими двумя пальцами удерживать предметы домашнего обихода, обслуживать себя: ведь ему пожизненно дали первую группу инвалидности. Но Феноменов решил работать…

На станции Луговая, в тридцати километрах от Москвы, Николай расчистил участок и посадил сад. В сарае он установил верстак, тиски и стал овладевать слесарными инструментами. Овладел и в 1950 году поступил слесарем в механический цех одной из шахт Метростроя. Более двух лет проработал Феноменов слесарем, а затем решил учиться — поступил в техникум Метростроя. Окончил он его с отличием и вернулся в родной коллектив уже на должность механика участка. В строительстве многих подземных дворцов участвовал бывший сержант. За ударный труд его награждают орденом Трудового Красного Знамени. Потом Николай Алексеевич Феноменов — наставник метростроевской молодежи, был отмечен высоким званием Героя Социалистического Труда. В 1987 году Феноменова не стало. Продолжает его дело сын…

Встретимся после победы

После захвата Мариуполя и Таганрога фашисты на нашем южном фронте перешли в наступление. Мы летали тогда по несколько раз в день в штаб армии, в дивизии. Гитлеровцы нацелились выйти в район Шахты, а оттуда к Новочеркасску, Ростову. И им удалось потеснить наши войска до Новочеркасска. Но затем войска армии Харитонова не дали врагу продвинуться ни на метр — стояли насмерть.

Гитлеровцы, оставив надежду на захват Ростова с севера и северо-востока, где их остановила наша 9-я армия, решили нанести фронтальный удар прямо по Ростову. 21 ноября фашисты захватили Ростов. В тот день мы перелетели на площадку шахты Лотикова у города Ворошиловска. Ночью посыльный разбудил летчика П.И.Грищенко и штурмана И.И.Иркутского. В штабе эскадрильи им дали задание лететь в 37-ю армию с совершенно секретным пакетом (очевидно, намечалась какая-то операция сил фронта и армии — так подумали тогда мы).

Осенью ночи темные, особенно на юге. Самолет совершенно не был приспособлен для ночных полетов. Несмотря на это, летчики нормально пролетели маршрут и опознали населенный пункт, где располагался штаб 37-й армии генерала А.И.Лопатина. Сделали несколько кругов над станцией, но никаких признаков о месте посадки — хотя бы зажженным фонарем.

Но сколько не крутись, а пакет приказано вручить во что бы то ни стало, поэтому Грищенко убрал газ, выключил зажигание и стал планировать. Пролетели над домиком, над чем-то еще темным и, наконец, самолет колесами коснулся земли и побежал. Только летчики хотели вздохнуть облегченно, вдруг машина вначале резко пошла вниз, затем как бы в горку и врезалась во что-то. Грищенко первый пришел в себя, спросил Иркутского:

— Ты жив, Иван ?

— Жив, только рука что-то болит.

— А у меня ногу зажало, никак не вытащу.

С трудом, наконец, они выбрались из разбитого самолета и пошли искать штаб армии. В станице, по-прежнему, было темно и тихо, ни одна даже собака не залаяла.

Но вот нашли штаб, передали пакет и рассказали о посадке. Потом летчиков отвели в дом, где на полу, на соломе, лежали раненные. Среди раненных была молодая девушка-санинструктор, раненная в ягодицу. Она умирала…

Утром начальник связи армии полковник Боборыкин приказал сжечь разбитый самолет, а летчиков отправить к

медикам. У Грищенко сильно была ободрана нога, а у Иркутского на руке переломало пальцы. За тот полет их не ругали, но и не наградили.

Наши войска начали наступление. И вот уже очищен от немецко-фашистских захватчиков Ростов. Попытка противника закрепиться на заранее подготовленных рубежах была сорвана, и войска Красной Армии продолжали теснить гитлеровцев на запад, к Минску.

Эскадрилья Булкина перебазировалась в хутор Филиппенко, а штаб фронта — в городок Каменск на Северском Донце. Здесь я получила письмо от мамы — первое с начала войны. Очень обрадовалась ему: все эти месяцы с боязнью думала, что мои родные могли оказаться в оккупации. Мама писала, что фашисты были только очень близко от нашего Кувшиновского района. Город Калинин Красная Армия освободила 16 декабря. Торжок не был под немцами, но они его весь порушили. Сколько было церквей, соборов древних — все с землей сровняли антихристы.

Далее мама сообщала, что недалеко от нашей деревни был штаб Конева и у нее квартировали его командиры. Уж очень славные, добрые. Согрею, пишет, самовар, заварю из разных трав чаю, они сахарку раздобудут, и вот все вместе пьем этот чай, а они мне и рассказывают о всяких новостях на разных фронтах. Я-то все о тебе расспрашивала, показывала им твое письмо с полевой почты. А они: «Жива ваша дочь, Степанида Васильевна, жива. На том участке фронта, где она сейчас, затишье.» Может быть, они мне и неправду говорили, но уж очень убедительно и вежливо так. Ты, дочушка, обо мне не беспокойся. У меня все хорошо, только вот о вас, своих детях и внуках изболелось сердце. От Егорушки давно нет весточки, с самого начала войны, как прислал письмецо о том, что идет бить врага, так и все. Костя воюет где-то на Южном фронте, Колюшку тяжело ранило и он сейчас в госпитале, Зина — в блокадном Ленинграде мастером на заводе «Красный гвоздильщик». На внука Ванюшу пришла похоронная. Мария от горя стала такая, что краше в гроб кладут. Об Алексее ничего не знаю, как прислал перед войной письмо из Дрогобыча, в котором сообщил о рождении дочки Лили, так и все. Вася из Норильска все пишет прошения с просьбой отправить его на фронт, но никто ему не отвечает. Как ты-то, дочушка? — спрашивает мама. — Береги себя, одевайся потеплее. Я тебе варежки связала с двумя пальцами, чтобы удобнее было стрелять.

В письме мама молила Бога о том, чтобы мы, ее дети, остались живы, а Красная Армия набрала бы побольше силы да очистила землю русскую от супостатов…

Письма на фронт приходили в основном бодрящие. Писали,

что у них все хорошо, что всем обеспечены, что работают с отдачей всех сил на победу над злейшим врагом человечества — фашизмом, и чтобы о них не беспокоились и скорее с победой возвращались домой. В письмах с фронта сообщалось самое главное жив, здоров, бью фашистов. Это была святая и праведная ложь…

Получила я письма и от Виктора с Северо-Западного фронта. Виктор писал, что летает на «маленьких» (так мы звали в войну истребители), что на его счету девять сбитых фашистских самолетов, что он награжден орденом Красного Знамени и двумя — Красной Звезды. «Когда встретимся, Аня ? — спрашивал Виктор, и сам же отвечал: — После Победы»…

Желторотик

Зимняя компания сорок второго года развеяла миф о непобедимости гитлеровских вояк. Но не все удалось тогда. Враг еще был очень силен и наши главные планы сбылись позже. Но непреходящая ценность первых успехов в том, что они воодушевляли бойцов, вселяли в нас дух веры в победу. Этот дух характерен был в те дни и для воинов нашего Южного фронта. Совместно с войсками Юго-Западного они прорвали оборону противника на участке Балаклея и образовали барвенковский выступ. Каждый солдат фронта переживал и за успех лихого рейда по тылам немцев двух кавалерийских корпусов Пархоменко и Гречко. В зимнюю стужу, в гололед они своими смелыми неожиданными налетами наводили панику в стане гитлеровцев. В штаб фронта летело по радио одно ободряющее донесение за другим. Но вдруг эфир замолчал. Командующему требовалось точно знать, в каком направлении могли продвинуться корпуса после того, как от них поступило последнее радиосообщение. Командование понимало, что измотанные жаркими схватками, бессонными ночами конники нуждаются в отдыхе. Их нужно вернуть, но как это сделать, если эфир молчит?

— Пошлем У-2, — предложил начальник связи Южного фронта, генерал Королев.

— У-2? — переспросил командующий, — и невольно глянул в окно: за мутноватыми стеклами бесновалась круговерть. А кто сумеет выполнить задание в такую погоду?

— Летчики эскадрильи связи…

В один из февральских дней, когда метелица намела сугробы снега на улицах хутора Филиппенко, меня вызвали в штаб эскадрильи. Там рассказали об обстановке на нашем участке фронта, дали задание лететь в район Барвенково, где предстояло разыскать кавалерийские корпуса Пархомеко и Гречко и передать пакет с грифом «Совершенно секретно». До Барвенково со мной должен был лететь начальник связи Южного фронта, а дальше — действовать самостоятельно.

… Злой ветер трепал машину. Мотор трясся как в лихорадке. Вой метели порой заглушал его. И все бы это ничего. Но вот как пробиться через сплошную снежную завесу? Она бесконечна. Она поглотила маленький самолет и цепко держит в своих объятиях. Снег залепляет очки, сильно бьет в лицо. Видимости практически нет. Тут уже надежда на интуицию и на опыт. Но бывают моменты, когда и эти надежные друзья летчика бессильны. Такой

момент переживала и я в тот день.

Но вот, наконец, и Барвенково. Я высадила генерала недалеко от железнодорожной станции и полетела дальше. Генерал, вылезая из кабины, наклонился ко мне, посмотрел печальными глазами и поцеловал мою голову в шлеме…

Снег все густел, буран усиливался. В кабине самолета я чувствовала себя, как в гондоле качелей. Все это, вместе взятое, привело к тому, что ориентироваться в полете стало невозможно. Что делать? Возвращаться? Нет, я не имела права на такое решение: приказано лететь и во что бы то ни стало найти кавалеристов… Найти — значит спасти многие тысячи жизней… И я, заметив где-либо лишь намек на жилье, сажала свой У-2, чтобы узнать, наши там или враги. Каждый раз приходилось совершать посадку в условиях крайней непогоды. Летчики знают, что это такое. Трижды я приземлялась и трижды взлетала наперекор ветрам и снегопаду. Летела очень низко, разглядывая каждую балочку, каждый овраг. В одном из хуторов заметила танки, но не успела рассмотреть, чьи же они, как по мне открыли стрельбу. Однако обошлось — спасла метель. И чем бы кончился этот мой полет, неизвестно — не заметь я в одной из балок лошадей. «Это свои», — мелькнула догадка. Пошла на посадку. Только села — подбежали два бойца в кавалерийской форме. Значит не ошиблась.

— Какой корпус? — спросила их.

— Первый, Пархоменко.

— Я из штаба фронта. Кто здесь из командиров?

— Начальник разведки.

Навстречу мне уже шел командир в маскировочном халате. Он назвался начальником разведки 1-го кавалерийского корпуса генерала Пархоменко и тут же рассказал мне сложившуюся обстановку, а я еле заметными штрихами отметила на своей полетной карте месторасположение частей 1-го и 5-го корпусов.

— Молодец ты, пилот! Ишь в какой день разыскал.

— Давай пакет, я передам комкору.

— Нет. Я должна лично вручить.

— Почему должна? — разведчик после небольшой паузы рассмеялся громко и раскатисто. — Я принял тебя за летчика, а ты летчица. Может проводить?..

— Нет. Я сама.

— Ну, повнимательнее, — предупредил он. — Придется ползти метров сто. Вон — до того сарая. В обход по оврагу далеко, да и небезопасно: на немцев можно напороться…

Наконец, пакет передан в руки смертельно уставшему генералу. Он глянул на приказ и крепко выругался, не

подозревая, что перед ним в летном комбинезоне, унтах и шлеме женщина. Где-то совсем рядом разорвался снаряд, за ним другой. Сотрясая землю, разрывы подняли столбы снежной пыли. Над головами со свистом полетели осколки, а генерал продолжал стоять в глубоком раздумье. Затем, обращаясь ко мне, решительно сказал:

— Давай так. Махни к Гречко, в пятый корпус, отвези ему мое письмо и лети в штаб фронта — привези нам рацию. Повоюем еще маленько здесь…

— Не успеваю засветло, товарищ генерал, а самолет для ночных полетов не приспособлен.

Тут последовала очередная ругань в адрес тыловиков, которые отстали от корпуса: людям и коням есть нечего. А еще рация не работает, а вчера послал в Барвенково подводу — и она пропала…

Генерал в отчаянии махнул рукой и вдруг спросил:

— А ты что простудился что ли, голос-то у тебя какой-то слабый?

— Да нет — ответила я, взяла конверт из его рук и спросила: — А что передать в штаб фронта?

— Що передаты? — не разжимая зубов, проговорил генерал. Насмехаешься, желторотик? Бачь, який огонь накликал своим «кукурузником»! Останешься туточки з намы…

— Но вы приказали передать письмо в пятый корпус. Разрешите выполнить приказание?

— Улетай!..

Отыскать 5-й корпус Гречко не составляло труда, так как мне уже было известно его расположение от начальника разведки 1-го корпуса. Посадила я самолет почти посреди хутора, передала конверт и тут же улетела. На аэродром вернулась ночью.

… Кружу, знаю, что точно прилетела, но садиться остерегаюсь — как бы самолет не поломать. А темень на земле непроглядная. Хоть бы кто догадался спичку зажечь или закурить. Наконец, увидела огонек и пошла на посадку. Приземлилась благополучно, а тут и механик подоспел — помог мне самолетную стоянку разыскать. Дронов, как всегда, ждал меня, не уходил с аэродрома. Это он, едва заслышав рокот мотора, поспешил на поле с паяльной лампой. Ее-то огонек я и увидела с воздуха.

Промерзшая до костей, смертельно уставшая, я тенью вошла на КП, чтобы доложить командиру эскадрильи о выполненном задании. Он молча выслушал меня, молча подошел к телефонисту, приказал соединить его со штабом фронта.

— Разрешите идти спать?

— Разрешаю! — Булкин небрежно махнул рукой. Мне было обидно. Миновав столовую, я направилась в дом, где квартировала. Несмотря на поздний вечер, хозяйка не спала. Увидела она меня в таком состоянии, засуетилась, запричитала:

— Да где же ты так умаялась, родненькая? Попей, на молочка топленого. Согрейся, милая… — Она не могла стащить намокшие унты и комбинезон, подала теплые валенки. — А, может, на печь желаешь? Натоплена…

— На печь, — вяло согласилась я.

Хозяйка, ну точь-в-точь, как моя мама. Видимо, все мамы чем-то похожи друг на друга. Каждый раз, когда я возвращалась к ней в хату на ночлег, она усаживала за стол и начинала угощать украинским борщом и наивкуснейшими солеными помидорами. Бывало, поставит все на стол, сама сядет по другую сторону стола и начнет рассказывать уже в который раз о трех своих сыночках, воевавших где-то на Севере. Она вспоминала, как трудно ей было растить их после смерти мужа, жалела, что не успели сыновья жениться и оставить ей внучат — началась война. При этом моя хозяйка горько вздыхала, утирая концом фартука слезы, бегущие по щекам и все потчевала меня:

— Ешь, доченька, ешь. Вот и моих сыночков, может, кто пожалеет, накормит чья-то мать. А, может, и твоя!

После выпитого горячего молока я согрелась на печи и задремала. К полуночи в дверь постучали. Хозяйка, ворча, сбросила крючок и впустила в дом человека в армейском полушубке.

— Где Егорова? — спросил он.

Я узнала голос Листаревича и отозвалась:

— Я здесь товарищ старший лейтенант, на печке!

— Как ни жаль, а придется с теплом расстаться. В штаб фронта вызывают. Я пошел за машиной…

— Не пущу, — запричитала моя благодетельница. — Виданное ли дело, чтобы девчонку так мытарили! Не успела обсохнуть, отогреться, а ее опять будят. Нет парня поднять ночью — все ее да ее…

Я спрыгнула с печи, быстро оделась, взяла наган, засунула в голенище унта карту и только вышли мы на крыльцо, как подъехала машина.

Бисов хлопец

Начальник штаба эскадрильи старший лейтенант Листаревич ловко открыл дверку «пикапа» и виновато сказал:

— Извини, Аннушка, что не дали тебе отдохнуть. Срочно вызывают в штаб фронта для доклада о кавалерийских корпусах, которые ты сегодня разыскала.

Листаревич, по натуре человек очень жизнерадостный, веселый, любит пошутить, посмеяться, но в последние дни его как подменили. Он узнал о новых зверствах фашистов в его родной Белоруссии, на Гомельщине, а там ведь отчий дом, старенькие мать-учительница, отец-связист. Тяжко на душе у Константина Семеновича, но он и виду не подает. Стал, кажется, еще более энергичен, работает с удесятеренной силой. Эскадрилья наша, хотя и предназначалась для связи, но выполняла кроме связи разведку в прифронтовой полосе, розыск частей, соединений, о которых не было сведений в штабе фронта.

Начальнику штаба приходится часто оставаться за командира эскадрильи. Он с удовольствием сам бы полетел на задание — ему полеты больше по душе, чем штабная работа, — ведь он в прошлом летчик-истребитель, летал на И-16. Но подвело зрение…

У Листаревича большое хозяйство: и инженерная служба, и ПАРМ (полевые авиационные ремонтные мастерские), и техническое снабжение, и продовольственно-материальное. Начальник штаба везде успевает. Находит время и с нами, летчиками и штурманами, побеседовать. Спросить, в чем нуждаешься или просто, бывало, перед вылетом скажет, улыбаясь: «Ни пуха, ни пера!»..

В Каменск-Шахтинский, где располагался штаб Южного фронта, мы с Листаревичем приехали за полночь, и тут же дежурный ввел меня в ярко освещенную комнату. Я увидела группу генералов вокруг большого стола с картой и растерянно остановилась, не зная, кому докладывать.

— Вы летали на поиски кавалерийских корпусов? — наконец, спросил меня кто-то.

— Да, я летала.

— Покажите на карте, где находятся конники Пархоменко и Гречко.

Я приблизилась к столу — благо два командира услужливо уступили мне место. Но, к огорчению своему, я не запомнила всех населенных пунктов, где расположились кавалеристы и, волнуясь, долго водила пальцем по испещренной цветными карандашами

оперативной карте. И все же район найти не могла.

— Разрешите показать на своей? — робко попросила я, зная, что там все точно помечено, и вытащила из-за голенища унта свою старенькую крупномасштабную, с проложенными вдоль и поперек курсами, но понятную мне полетную карту. Все рассмеялись раскатисто и дружелюбно, и мне стало легко, напряженность исчезла.

— Вот здесь… — начала я доклад.

Вопросы сыпались один за другим. Я четко отвечала. Кто спрашивал, я не успела заметить, но сама обращалась все время лишь к одному генералу. Его доброе широкое лицо с красивыми пышными усами притягивало. Он, улыбаясь, показывал мне из-за спины другого генерала большим пальцем: дескать, к нему обращайся — он здесь старший. Но меня, как магнитом, уводило и я, докладывая, опять обращалась к усатому с ласковыми глазами генералу. Когда все показала и рассказала, меня, поблагодарив, отпустили. Выйдя из комнаты, я столкнулась с начальником связи фронта. Тот поинтересовался:

— Ну как?

— Все доложила, товарищ генерал.

— Добро… — Королев чуть помедлил, и я, воспользовавшись паузой, решила все же выяснить, кто это мне улыбался.

Товарищ генерал, а командующий — тот, что, с усами?

— Нет, это член Военного Совета генерал Корниец. А что, понравился?

— Да, очень…

Из Каменска мы с Листаревичем вернулись под утро. Не успела я как следует согреться и заснуть, как опять:

— Придется тебе, Егорова, вновь перелететь за линию фронта, доставить рацию в кавкорпус. Теперь путь знакомый, надеюсь, также успешно справишься, говорил Булкин.

Оттого, что путь был разведан — он не стал легче. Та же метель, тот же снег, тот же, считай, слепой полет. Правда, зная точное расположение частей, легко было ориентироваться по карте. И все же поплутать мне пришлось изрядно, так как на старом месте кавалеристов не оказалось — скрылись где-то. Потеряв надежду на успешный поиск, я решила посадить самолет и поспрашивать у местных жителей. Села возле небольшого, малоприметного хуторка. Не выключая мотора, побежала через сугробы к ближайшей хате. Постучала в окно замерзшими пальцами, отчего и звук получился каким-то особенно звонким, раскатистым, будто сосульку об сосульку стукнули. Вышел на стук дед в исподней рубахе поверх штанов и в валенках. Древний такой, но крепкий, прямой…

— Дедушка, здесь наши не проходили?.. — спросила я.

Старик торопливо перебил:

— Тикай швыдче, сынок! Немцы тут, вчера в ночи пришлы! — проговорил и рукой показывает куда-то.

Обернулась я и увидела возле соседней хаты фашистов. Бежать бы сразу, да ноги словно отнялись, стали какими-то ватными, не трогаются с места. Старик выручил, подтолкнул в спину, и уж тут понеслась я к своему спасению, к родному «кукурузнику». Треск автоматной очереди накатился сзади, я оглянулась и увидела, как рухнул в снег старик в белой рубахе. И так пока я бежала к самолету, он все маячил передо мной, словно признак — этот крепкий, пришедший, казалось, из сказки, человек. но сказки не было. А быль напомнила о себе новой автоматной очередью. Тогда я проворно вскочила в машину и дала газ. Вздрогнул мой У-2 и заскользил на лыжах быстро-быстро по снежному полю. Взлетел он под градом пуль. Не все прошли мимо. Было разбито зеркало на стойке центроплана, болталась перкаль на правой плоскости… Мне стало очень жарко, но почему-то словно от холода стучали зубы… Лишь к исходу дня мне удалось вновь обнаружить стоянку кавалеристов…

В здании школы, где разместился штаб корпуса, я встретила уже знакомого полковника, начальника разведки.

— С благополучным прибытием, — приветствовал тот и, не задерживаясь, проводил меня к Пархоменко.

— Товарищ генерал, к нам связной из штаба фронта, — доложил полковник, и передал командиру корпуса пакет.

— Поклычте, хай зайде, — не отрываясь от карты и не замечая прибывших, распорядился генерал. Но вот он поднял голову, и я увидела лицо, носившее следы усталости и бессонных ночей. Однако трудности походной жизни похоже, не повлияли на привычки генерала. Он был тщательно выбрит, волосы причесаны. От него веяла аккуратность и подлинно кавалерийская выправка. Незаметно для себя я встала по стойке «смирно», что не ускользнуло от взора генерала.

— Вольно, вольно, — шутливо скомандовал он.

— Добрые вести привез, орел! А радио доставил?

— Так точно.

В это время за окнами послышались близкие раскаты разрывов. Судя по всему; фашисты усилили обстрел. Генерал насторожился:

— Вот бисов хлопец, — сказал он, — накликал-таки беду на нашу голову. Демаскировал штаб. Чуешь, что гитлеровцы вытворяют? Командир корпуса и не догадывался, что перед ними не хлопец, а дивчина. Разъяснять же, что к чему я находила

сейчас неуместным. Снаряды и мины рвались все ближе, сотрясая здание. Где-то совсем рядом дзинькнуло стекло. Слышно было, как по крыше пробарабанили осколки. Но Пархоменко оставался невозмутим. Все так же спокойно сидел он за столом, широко развернув грудь, украшенную боевыми наградами. Однако мне было не до спокойствия. Я не на шутку тревожилась за судьбу машины. Ведь задание выполнено, нужно спешить назад, да и темно скоро будет.

— Товарищ генерал, что передать в штаб фронта? — осмелилась, наконец, спросить я.

— Что передать? — пробасил Пархоменко. — Насмехаешся, чи шо? Бачишь, який вогонь наклыкал своим «кукурузником». Поздно, хлопче, летать. Останешься туточки з намы. Палы свою птаху к чертовой матери! Коня тебе подберем да и рубать научим.

Нет, не могла я сжечь свою «птаху». Ведь приказано было вернуться обратно, а приказы нужно выполнять. Выбежав от генерала, я вдоль хат и плетней заспешила к самолету. Длинным оказался путь. Огонь подчас прижимал к земле. Следуя старому фронтовому закону, я перебегала от воронки к воронке: снаряд в одно и то же место, говорят, не попадает. Благополучно, живой и целенькой добежала я к самолету. Но когда попробовала запустить двигатель, убедилась, что он поврежден. Вот беда-то… Задело, значит, осколком. Пришлось тем же путем возвращаться в штаб. По улице сновали кавалеристы. Возле домов бойцы загружали нехитрым скарбом повозки: штаб готовился к эвакуации.

Пархоменко встретил меня словами:

— Так решился, хлопец, остаться з намы?

— Нет, товарищ генерал, помощи вашей прошу!

— Какой такой помощи?

— Конь нужен, чтобы отбуксировать самолет…

— Нет у меня лишних коней, сам видишь, в каком положении.

Убедила-таки я командира: дал он мне доброго коня. Нашлась и веревка. Привязала я ее к оси шасси двумя концами, а у коня на шее сделала подобие хомута, присоединила все и только хотела взять лошадь под узды и тронуться в путь, как пожаловал в помощь мне ездовой — дюжий парень из кубанских казаков. Он ворчал, ладя постромки:

— И на кой леший нам эта колымага фанерная сдалась. Еще чуток проморгаем накроет нас фриц.

— А ты поспешай, чтобы не накрыл, — торопила я.

— «Поспешай, поспешай». Конь, он обстоятельность любит. Каждая веревка впору должна быть… Чего хорошего, когда

скотина натрет себе холку или еще что? Погибнет…

Наконец-то парень взял лошадь под узды и крикнул зычно:

— А ну, милая, трогай!

Я крепко ухватилась за дужку крыла, чтобы придержать его на неровной дороге. К счастью, вскоре пошел сильный снег, а там и ночь наступила — она и скрыла нас от вражеских снарядов.

Первый и единственный раз в жизни я «летала» таким необычным конным экипажем. Истощавшие за время рейда кони тянулись не спеша и не разбирая дороги. Самолет грустно вздыхал на ухабах. С каждой новой колдобиной внутри его что-то тревожно трещало. Неуклюжие на земле крылья то пригибались к самому снегу, то, упруго выпрямляясь, поднимались кверху вместе со мной. Такая неестественная вибрация совсем не радовала мое сердце: того и глядя без плоскостей останешься. Но, как бы то ни было, с помощью коня и угрюмого возницы удалось вывезти машину в безопасное место. Остановились мы в каком-то селе. Покопалась я наутро в моторе. Попросила хозяйку хаты, у которой мы остановились, нагреть воды. Слила в чугун масло и тоже поставила в печь. Помощники из конников помогли мне потом залить в бачок уже горячее масло, облили карбюратор мотора горячей водой и стали запускать. К всеобщей радости, мотор чихнул раз-другой и заработал.

В тот февральский день я не раз добрым словом вспоминала своих аэроклубовских учителей. Нет, не зря заставляли они учлетов разбирать и собирать все узлы двигателя, не зря оставляли после полетов повозиться с машиной вместе с механиком. Хочешь хорошо летать — знай отлично самолет! Таким было правило. И вот сейчас прочное знание материальной части помогло мне справиться с ремонтом.

— Разрешите улетать, товарищ генерал? — спросила я Пархоменко.

— Улетай! Возьми вот пакет и раненого, а на меня, старика, не сердись. На войне все бывает. Я ведь тебя за парня принял, а ты… В карих глазах генерала засветилось что-то доброе, он неловко махнул рукой и застенчиво по-юношески заулыбался.

Земляк

В эскадрилье уже знали о всех моих бедах — им сообщили радисты кавалерийского корпуса, наладившие связь.

Прилетев на свой аэродром, я села, зарулила самолет на стоянку, но рядом не обнаружила машины лейтенанта Алексеева. Вокруг все было разбросано в каком-то беспорядке.

— Что случилось? — спросила я механика Дронова.

— Погиб лейтенант Алексеев.

— С кем летал?

— Со штурманом лейтенантом Грачевым. Грачев жив, только сильно покалечен…

Больно защемило сердце, на глаза навернулись слезы, и я, едва передвигая ноги, пошла со стоянки.

— Что вы, Егорова, не идете, а плететесь? — слышу сердитый голос майора Букина. — Где пакет от командира кавалерийского корпуса? Поторапливайтесь!..

Я достала из планшета пакет, передала майору, а сама пошла искать комиссара Рябова и парторга Иркутского. «Как же так? думалось мне. — Погиб наш товарищ, летчик… Надо созвать людей, помянуть добрым словом. Как же так?..»

Ни Рябова, ни Иркутского на месте не оказалось. Они улетели на задание еще утром. Откровенно говоря, мы немножко недолюбливали Булкина за его высокомерие, сухость, грубоватость. Алексей Васильевич Рябов был полной его противоположностью. Зачастую комиссар сам летал как рядовой летчик, но находил время и по душам поговорить, и поругать, если заслужил. Однако если и поругает, то на него не обидишься.

Парторг Иван Иосифович Иркутский был под стать нашему комиссару — чуткий, добрый, внимательный и штурман отличный. Особенно он отличался в розыске частей, попавших в окружение. В эскадрилье шутили, что Иван фрицев под землей отыщет.

Как-то в поиске отряда конников Иркутский с летчиком Касаткиным наскочили на немецкие танки. Те немедленно их обстреляли. А вскоре Иркутский заметил в одном населенном пункте людей с охапками сена, суетившихся среди домов. Штурман предложил Касаткину посадить машину. Когда приземлились, выяснили, что в селе был именно тот отряд, который они искали. В целях маскировки кавалеристы укрыли коней в сараи, хлевы, даже в жилых домах. Задание экипаж выполнил.

В эскадрилье штурмана Иркутского считали везучим. С

летчиком Косаткиным он садился на минное поле — все обошлось удачно, оба остались живы и невредимы. С летчиком Сборщиковым Иркутский полетел как-то на разведку дорог в район Николаева. В пути им повстречались десять Ю-87 под прикрытием истребителей Ме-109. Истребители набросились на беззащитный У-2. Тогда Сборщиков посадил машину прямо по курсу, и они с Иркутским побежали от самолета в разные стороны. Гитлеровцы сделали несколько заходов по самолету, обстреляли и бегущих летчиков, но безуспешно. Весь У-2 был в пробоинах, однако не загорелся, а летчики, как говорится, отделались легким испугом. Возвратились они домой после разведки, а аэродром только что разбомбили, все поле опять было усеяно минами, словно тюльпанами. Как садиться?.. На земле им выложили крест, запрещающий посадку. Но Сборщиков все-таки посадил машину, маневрируя на пробеге между воронками и минами, как заправский циркач. За разведданные экипаж получил тогда благодарность от штаба фронта. А за посадку при запрещающем знаке Сборщикову объявили взыскание от комэска.

— Егорова! А мы с вами земляки, я ведь родом тоже из-под Торжка, обратился однажды ко мне Иркутский и спросил: — От матери письма получаете?

— Нет, давно не получаю. Боюсь, что в наших краях фашисты бесчинствуют. Очень мне страшно за маму.

— Я от своей матери тоже давно не имею весточки, — наклонив голову, тихо сказал парторг и продолжил: — Мне наш комсорг сказал, что тебя комсомол рекомендует в партию. Так вот я и готов за тебя поручиться. Я ведь, Егорова, в партию вступил в тридцать девятом году, а в комсомоле с двадцать восьмого года. Видишь, какой, я уже старый.

— Да что вы! Всего-то тридцать один год, — заметила я и, спросила: — А кем вы перед войной работали?

— Заворготделом ЦК профсоюза госторговли РСФСР! — Оттуда и на фронт ушел двадцать третьего июня 1941 года. Отец мой погиб осенью 1916 г. в районе Львова, во время знаменитого Брусиловского прорыва. Мне тогда было шесть лет, братишке четыре года, сестренке девять месяцев, а матери, как мне сегодня тридцать один год. До четырнадцати лет я жил в своем селе Стружня, помогал матери по хозяйству, учился в школе. Потом поехал в Москву учиться. Окончил техникум, плановый институт Центросоюза. Три года был на срочной службе в Благовещенске на Дальнем Востоке. В 1939 году закончил школу штурманов авиации в родном Торжке и так далее, и тому подобное! — Иркутский заулыбался этому своему «и так далее и тому подобное», засмеялся так непосредственно и так молодо, что я

рискнула спросить:

— А вы женаты, Иван Иосифович?

— Нет, Егорова, еще не успел. Все некогда. Была знакомая девушка, да и та вышла замуж, не дождавшись меня из армии…

Вот так мы и поговорили по душам с парторгом.

— Да, Егорова, вторую рекомендацию вам даст комиссар Рябов он мне сам об этом сказал.

— Спасибо! Постараюсь ваше доверие оправдать, — поблагодарила я и побежала к самолету.

Партсобрания в эскадрилье были всегда краткие, протоколы писались сжатые только постановляющая часть, а вопросы обсуждались в основном по приему в члены да кандидаты партии. На собраниях всегда присутствовал комиссар.

Батальонный комиссар Рябов Алексей Васильевич не был ни оратором, ни теоретиком. Он был просто хорошим человеком. Всем своим сердцем и делом наш комиссар старался воодушевить весь личный состав АЭ на выполнение стоящих перед нами задач. А задача у нас была одна, как и у всего советского народа разгромить врага до победного конца. И, нужно сказать, что за все время фронтовой деятельности летчики, штурманы, техники и весь личный состав АЭ добросовестно выполняли все задания командования штаба Южного фронта.

Кандидатом в члены ВКП(б) меня принимали на партийном собрании эскадрильи. Было это в апреле 1942 года. Мы стояли тогда в населенном пункте Воеводовка, около Лисичанска, а кандидатскую карточку мне вручили в штабе Южного фронта. Политотделец, вручавший мне кандидатскую карточку, неожиданно спросил:

— Вы, товарищ Егорова, случайно не сестра Василия Александровича Егорова?

— Нет, — бойко ответила я, а потом страдала от своего вероломства по отношению к брату. Как могла я так бездумно отречься от старшего брата, заменившего мне умершего отца!.. Мне до сих пор горечь жжет душу. Почему я так ответила?..

Много лет спустя, когда уже брата реабилитировали и он приехал в Москву, я рассказала ему об этом случае. Он подумал, потом улыбнулся и сказал:

— Ты, наверное, боялась, что тебе не дадут воевать?

— Боялась.

— Эх, ты, трусишка! — и брат крепко меня поцеловал, как бы прощая мое вынужденное отречение от него.

Мужика не нашлось для генерала?..

Впервые за последние дни Барвенковской эпопеи мне удалось выспаться как следует. Добрый сон прогнал усталость. Все, что было пережито за два тяжелейших рейса, осталось где-то позади, ушло в копилку памяти. Впереди ждали новые испытания.

Бодрая, полная сил я вошла в помещение штаба эскадрильи и первое, что мне попалось на глаза, это большой лист ватмана, приколоченный к стене коридора. Я хотела было пройти мимо, но один из летчиков, оказавшийся поблизости, с лукавой улыбкой произнес:

— Не гордись, Егорова, прочти — тебя касается.

— Меня? — удивилась я и подошла к бумаге… Какой-то самодеятельный художник изобразил на ней воздушную фею, несущуюся сквозь снежную метель! Под дружеским шаржем подпись: «Женщина летает, а у мужчин — выходной!»

— Ничего мужичков подковырнули? — спросил неожиданно появившийся Листаревич.

Я покраснела и пробормотала что-то невнятное.

— А что ты стесняешься? Отличный урок всем летчикам преподнесла, — и протянул мне руку. — Позволь поздравить: командование представило тебя за розыски кавалерийских корпусов к награде…

— Егорова, к командиру! — позвали меня.

— Полетите в 6-ю армию, за генералом Жуком — командующим артиллерией фронта, — приказал комэск.

— Есть! — ответила я командиру, повторила задание и стала прокладывать курс на своей полетной карте.

Вечерело. Лететь было приятно. От снега все кругом бело, чисто, и небо ясное — будто хозяйка перед праздником окна помыла, будто и войны нет. Однако, как говорится, береженого бог бережет! И я, на всякий случай, летела на бреющем, маскируясь в балочках, перелесках, как бы сливаясь с местностью.

Сразу после посадки к моему самолету подкатила эмка. Из машины вышел генерал, и я по всем правилам доложила ему.

— Что же, для командующего артиллерийского фронта у вас там мужика не нашлось? — недовольно спросил он.

Я ответила вопросом на вопрос:

— Разрешите узнать, куда полетим?

Полковник, сопровождающий генерала, назвал пункт. Вынув из планшета карту, тут же на крыле самолета озябшими руками я провела курс и села в первую кабину. Генерал, в папахе, закутанный почти до самых глаз шарфом, устроился за мной, и

мы полетели. В зеркале, что крепилось слева на стойке центроплана, мне хорошо было видно усталое лицо моего пассажира. Взгляды наши то и дело встречались, я показывала ему рукой то на принарядившуюся в серебристый зимний наряд землю, то на заходящее солнце. Генерал продолжал хмуриться.

Но вот неожиданно на самолет упала тень. Оглянулась — и предательский холодок пробежал по спине. Два «мессершмитта» нагло и самоуверенно пикировали прямо на нас!..

Над самой землей, едва не касаясь ее консолями, я начала бросать машину то вправо, то влево, уклоняясь от пулеметных очередей. А немцы еще и еще заходят для атаки.

Мотор сдавленно фыркнул, затем снова… Впечатление было такое, будто человек задыхается — воздуха не хватает. Внизу — насколько хватало глаз лежала ровная, плотно укутанная снегами степь. Ни приветливого дымка, ни домика обжитого. Волчьи просторы…

Вдруг мотор совсем заглох. Этакое невезение! Я обернулась к «пассажиру», показала рукой, что иду на посадку. Тот в ответ лишь мотнул головой. Но в этом движении сквозило откровенное недовольство. «Вот еще барин, — подумалось мне, — не понимает, что убить могут…» Будто из-за своей прихоти вынужденную посадку делаю. Тем более, что везла не просто офицера связи, а самого командующего «бога войны». Хлопот теперь не оберешься. Мотор заглох. Садилась с ходу. А «мессеры» все бьют и бьют по нам. Сильный порывистый ветер все время норовил подцепить хвост машины, прокинуть ее или в крайнем случае обломать ей крылья. Для хорошего степняка задача, в общем-то простая — не велика машина — фанера да перкаль. Упрямый ветер, но и я не из податливых. Тоже с характером. Крепко держала ручку.

Приземлившись, выскочила из кабины, чтобы помочь генералу, который был так одет, что сам выбраться никак не мог. А «мессеры» не унимались. Холодящие сердце огненные струи впивались в снег совсем рядом с нашим самолетом. Наконец мы остановили машину и побежали к лесу. Спотыкаемся, падаем, поднимаемся и опять бежим. Мой генерал уже совсем задохнулся от глубоких сугробов, одежда и возраст не для кросса. Вдруг все стихло. Тогда я попросила генерала обождать меня под деревьями.

— Вы что, предлагаете ждать вас до морковкиного заговенья? — сердито перебил, догоняя меня, артиллерист. — По такой погоде я лично этого делать не собираюсь. Нужно оставить машину и искать какое-нибудь жилье, пока не поздно. Самолет при каждом порыве ветра судорожно вздрагивал. Я с тревогой

смотрела на него, пропуская мимо ушей слова «пассажира» и думала о своем: «Чуть ветер подует посильнее — сломает машину, снесет. Нужно ее немедленно закрепить».

И я полезла в кабину.

— Что вы собираетесь делать? — удивился артиллерист.

— Достану трос из фюзеляжа, будем привязывать самолет.

— Позвольте, так мы ведь здесь дотемна провозимся. А в темноте нам крышка.

— До темна не до темна — а в таком состоянии я не имею права бросить технику.

— Ну, знаете ли…

Однако, посмотрев мне в лицо, «пассажир» понял, что от своего решения я не отступлюсь и принял из моих рук трос.

С величайшим трудом мы подтащили самолет хвостом вперед, к лесу. Осмотрела его. Все-таки изрядно «фрицы» покалечили мой У-2. Пробоины не в счет. Главное, отбита лопасть винта, нет одного цилиндра мотора и пробиты масляный и бензиновый баки. Как еще не загорелся!…

Наконец, закрепили машину, привязав к стволам деревьев, замаскировали ветками. Вдвоем управились быстро. И, забрав документы, прикинув по карте нужное направление, мы углубились в степь. Шли, по колено проваливаясь в снег. Ох, и тяжкий это был ночной путь. Шли час, другой, третий…

С небес, как из разорванного мешка, повалила без конца снежная вата. Временами казалось, что кто-то задался целью укрыть землю солидно, добротно. Идти становилось все труднее и труднее. Но самое страшное, что с усталостью приходило безразличие… Я низко опустила голову, пряча от надоедливых острых снежинок лицо, которые только и напоминали о реальности. «А может быть, это все-таки сон? — лезли назойливые мысли. — Ведь слышу же я дробный стук отбойных молотков, глухие крики проходчиков в тоннеле, шутки подруг по бригаде. Вот Тося Островская что-то шепчет мне на ухо. Но я не разберу. Тогда Тося начинает меня трясти за плечи. Нет, я не понимаю, что она от меня хочет. И почему в тоннеле снег?.. Он так нежно щекочет щеки, так тепло укутывает руки. Мне совсем не хочется освобождаться из его уютных объятий. И опять Тося трясет за плечо… Впрочем, это совсем не подруга, у нее не может быть такого мужского баса…» Я с великим трудом приоткрываю веки.

— Как тебя зовут?

— Анна.

— Встать нужно, товарищ Анна, встать и непременно идти. — Теперь я отчетливо различаю слова. — Так ведь и замерзнуть

недолго…

Но сил у меня не осталось ни на шаг, и я села опять в сугроб.

— Дальше не пойду. Идите один…

— Вставай, Анна, вставай, — тормошил меня генерал. — Заснешь и замерзнешь.

— Да, да, да, нужно идти, — машинально ответила я. Наконец, я поняла, где сон, а где явь. — Я сейчас, я обязательно встану…

Разум знает, что нужно делать, но ноги отказываются ему повиноваться. Где взять силы, чтобы подняться, чтобы снова идти в негостеприимной, заснеженной степи?… Нужно только подняться. Он протянул мне руку: я пошла, я сумела перебороть смертельную усталость… Первые метры я держалась за артиллериста, но с каждым шагом чувствовала себя все увереннее и увереннее. Мертвая точка осталась позади, я обрела второе дыхание. И уже не таким зловещим казалось завывание ветра, уже не пугала бездонная темнота.

… К утру, с обмороженными лицами и руками, мы наткнулись на наших бойцов. Ими оказались артиллеристы той части, в которую мы летели с командующим артиллерии фронта И.М.Жуком. Нас ввели в дом, где жарко топилась железная печь, а по всему полу спали бойцы. Я, как присела у порога, так и заснула. Утром связисты сообщили в эскадрилью о моем местонахождении и о том, что самолет и мотор нуждаются в серьезном ремонте.

Вскоре ко мне прилетел летчик Спирин, привез механика Дронова, а вторым рейсом — все необходимое для ремонта мотора и самолета.

Целый день потребовался, чтобы отыскать самолет в неизвестном лесу и прибуксировать его лошадью к населенному пункту. К счастью, помогло большое пятно на снегу от вытекшего масла.

Константин Александрович долго ругался, осматривая израненную машину. Посылал тысячу чертей в адрес немецких летчиков, самого Гитлера, обещал фюреру осиновый кол в могилу. Но дело делал: быстро соорудил подобие палатки над мотором — защитил себя от ветра — и снял для удобства в работе перчатки.

Я стала ему помогать.

— Ну куда вы, товарищ командир, с таким обмороженным лицом к мотору? Испугается — не заведется, — шутил мой механик.

Да, лицо у меня было действительно страшное. Почернело

все. Я смазала его жиром, надела сверху кротовью маску. Такие маски выдавали всем летчикам, но мы не любили их носить — меховая шкурка на подкладке с прорезями для глаз и рта, — как на карнавале.

Чтобы отослать меня погреться, Дронов выдумывал разные уловки, но потом смирился, и дело у нас пошло быстрее.

Удивительный народ авиационные механики! Как правило, это большие мастера своего дела, или, как сейчас говорят, мастера золотые руки. Они могут ни спать, ни есть, пока самолет не будет в полной готовности, а потом, сдав его летчику для полета, не уйдут с аэродрома и терпеливо будут ждать его возвращения.

Вот он начнет прибирать на стоянке — свернет чехлы, перенесет с места на место тормозные колодки, потом просто закурит, чтобы не так долго тянулось время ожидания. А сам то и дело поглядывает в небо: не летит ли?.. Приближение своего самолета механик узнает издалека — по гулу мотора, только ему одному известному. И тогда он побежит его встречать! Счастлив, очень счастлив этот скромный трудяга аэродромов, когда летчик вернется на землю жив и невредим. Ну, а если не вернется летчик с задания, то горю техника нет предела…

Нет, я бы, пожалуй не смогла быть механиком самолета. Не хватило бы сил ждать. Особенно в войну, когда проходят все сроки возвращения, когда надежда остается разве на чудо, а механик все ждет, все всматривается в небо, прислушивается, надеется…

В тот раз мы вернулись с Дроновым в эскадрилью, и он показал своим товарищам пробоины, которые ему пришлось заклеить на морозе.

— Восемьдесят семь пробоин насчитал, а у Аннушки и генерала ни царапины! Вот, что значит хвостовой номер «чертова дюжина» посмеивался Дронов. Но я-то уж знала: кроме всяких цифр, кроме везения в тех полетах меня надежно охраняли руки механика самолета.

А вот еще говорят — судьба. Лично я верю в судьбу. Если ею еще и управлять.

В общем, как говорится, все обошлось благополучно. Разве что пальцы рук да щеки пообморозили. Но кто на это обращал внимание в то фронтовое время… Пустячок, о котором и вспоминать-то не стоит. Вот только командующий артиллерией не смог забыть ту ночь в степи. И характер мой запомнил. Короче, как прилетел в штаб фронта, так сразу заявил начальнику связи Королеву:

— Егорову я заберу к себе. Мне в корректировочную авиацию

нужны боевые летчики…

Когда об этом узнали в эскадрилье, летчики стали меня вразумлять:

— Ты что, с ума сошла? — горячо говорили ребята. — Ты же пилот, живой человек, а не резиновый аэростат. Тебе летать надо, а не висеть мишенью над передовой.

— Это верно, мишенью служить не особенно приятно. Но ведь, честое слово, чем мы на своем У-2 днем не мишень для истребителей противника, да и надоело воздушным извозчиком быть… Воевать по-настоящему хочется. Корректировщики хоть помогают нащупать врага и уничтожить его, а мы что? Уж если переходить в другой род авиации, то я бы предпочла быть летчиком-штурмовиком. Корректировать артиллерию — не моя судьба…

«Катюши»

Задания, задания. Кажется, нет им конца.

— Егорова, летите на розыск «Катюш»!

И опять:

— Есть, лететь!

«Катюши» только что появились на нашем фронте. Дали мне примерный район, сказали, что это большие грузовые автомашины с установкой для реактивных снарядов. Сверху зачехлены. Еще приказали передать генералу Пушкину, командиру корпуса, совершенно секретный пакет.

Помню, стояла оттепель. В районе нашего аэродрома лил дождь, видимость меньше некуда — метров сто. Когда отлетела от аэродрома, повалил мокрый снег, затем туман закрыл все вокруг — ни зги не видно. Решила я тогда набрать высоту: может, там посветлее, чем у земли. Высотомер показывает уже 900 метров. Здесь туман стал пореже. Но что такое?.. Самолет начало лихорадить. Он затрясся всеми расчалками, задрожал. Глянула я за борт, а плоскости, фюзеляж машины, даже винт ее покрылись ровной ледяной коркой. Мотор-то работает, все рули исправны, а самолет не слушается их, проваливается вниз. Отдала я ручку управления полностью от себя, чтобы быстрее потерять высоту, и вот какое-то чутье подсказало, что земля уже близко, где-то совсем рядом. Но что там подо мной? Дом, лес, река, овраг или еще что?.. Выключила мотор, потихоньку тяну ручку на себя… Удар! Самолет коснулся земли, и понесло, понесло куда-то. Всячески стараюсь притормозить, остановить движение: на У-2 нет тормозов действую рулем поворота.

Наконец, остановился. Тихо так стало. И в двух шагах ничего не видно туман. Отойти от самолета боюсь — потеряешься. Пришлось ждать, пока туман не рассеялся. За это время очистила самолет ото льда, определила по времени и скорости полета местонахождение. И вот, когда просветлело, перед самым носом самолета вижу большой стог соломы. Как не врезалась в него?..

Корпус генерала Пушкина с «катюшами» в тот раз я все-таки нашла. Но, возвращаясь обратно, опять попала в сильный снегопад. Машину посадила в кромешной мгле — не видно было даже стоянки самолетов, так что после приземления порулила на авось. Хорошо, механик Дронов услышал «голос» своего самолета и побежал навстречу.

Командир эскадрильи долго меня отчитывал тогда: «Жить надоело!..» А летчики хмуро молчали: оказывается, все они вернулись с полпути, не выполнив задания. За этот полет

начальник связи Южного фронта генерал Королев объявил мне благодарность, а политотдел преподнес подарок — посылку.

И чего только в ней не было! Но самое интересное, что сверху в посылке лежал кисет для табака. «Дорогому бойцу от Маруси Кудрявцевой — на память» было вышито на кисете, а внутри его лежало письмо с фотографией миловидной девушки. В письме Маруся просила, чтобы молодой боец крепче бил фашистов и скорее с победой возвращался домой. Под кисетом аккуратно разложены табак в пачках, бутылка водки, вдетая в шерстяные носки и обернутая полотенцем с красивой вышивкой, мешочек с сухофруктами. На самом дне ящика лежала ученическая тетрадь в косую линеечку и десяток конвертов. Половина из них была с адресом: город Мары Туркменской ССР, Марии Кудрявцевой. Кисет, табак и водку я отдала механику своего самолета, полотенце — хозяйке дома, где жила, шерстяные носки и сухофрукты взяла себе.

Фотографию, тетрадь и конверты я решила отдать Виктору Кравцову — статному кубанскому казаку, от роду двадцати двух лет. Помню, в каком бы селении мы ни стояли, все местные девчата не сводили с него глаз, а казак никого не замечал, а может, так только вид делал, что все ему безразличны.

— Виктор, — обратилась я к Кравцову, — посмотри-ка на фото, какая славная девушка. Напиши ей, пожалуйста, письмо вместо меня. Порадуй, что посылка попала по назначению — молодому бойцу, да еще летчику.

— Вот еще выдумала, — буркнул он, но конверты и тетрадь взял…

Наступил день Красной Армии. Наша эскадрилья собралась на праздничное собрание, и начальник штаба Листаревич торжественно зачитал от имени Президиума Верховного Совета СССР Указ: лейтенант Спирин награжден орденом Красной Звезды, младший лейтенант Егорова — орденом Красного Знамени…

Я только что прилетела с задания и, немного опоздав, сидела позади всех. В ушах еще шумело от работавшего мотора, и я толком не расслышала, кого наградили. Но меня обступили все, поздравляют с орденом, а я стою и не верю: за что же меня-то ?

На фронт я, можно сказать, попала благодаря воле случая. Задания все, какие поручали, выполняла, как и положено солдату, от души, хотя зачастую, признаться, мне было трудно. Но я старалась. Почему-то вспомнился приказ на разведку дорог — узнать, чьи там войска на марше: наши или гитлеровские? Нельзя сказать, что слишком большое удовольствие лететь днем, на беззащитном самолете, единственное оружие которого — наган у

пилота!.. Все знали, что фашистские асы гонялись за нашими самолетами. «Мессершмитту» сбить У-2 не составляло большого труда, а вот награду они получали такую же, как и за сбитый боевой самолет…

— Товарищ командир, что с вами? Вам плохо? — слышу голос механика Дронова. — На вас лица нет…

— Все хорошо, а что?

— Вас в президиум приглашают.

Орден мне вручил член Военного совета фронта Леонид Романович Корниец, тот самый, который помогал мне мимикой и жестами докладывать о расположении кавалерийских корпусов Пархоменко и Гречко не ему, а командующему фронтом.

Хулиган на дороге

В мае 1942 года началось наступление войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении. Мы, летчики эскадрильи связи штаба Южного фронта, всегда были в курсе боевых событий. Перед вылетом нам сообщалась обстановка на фронтах, а мы, летая в ту или другую армию, корпус, дивизию, уточняли ее.

Войскам Юго-Западного фронта в мае сорок второго предстояло уничтожить группировку противника и освободить Харьков. Две армии нашего фронта 9-я и 57-я должны были взаимодействовать с Юго-Западным фронтом.

И вот 20 мая утром мне приказали лететь в 9-ю армию с совершенно секретным пакетом. Почему я должна была лететь одна, не помню. Обычно мы летали со штурманами, офицерами связи, фельдъегерями или там еще с кем. А тут я полетела одна. Помню, подлетая к городу Изюму, увидела на дорогах и просто по полю движение наших войск. В долине Северного Донца, у Святогорского и в Изюме, виднелось много пожаров.

Пожары с детства вызывали у меня неосознанную тревогу и волнение. «Вор хоть стены оставит, а пожар — ничего!» — говорили у нас в деревне.

На всю жизнь врезалось, как горел хлеб. Сжатый хлеб перед обмолотом обычно сушили в ригах. Снопы складывали на колосники в закрытом помещении, а внизу под ними топили большую, сложенную из камней печь — теплинку. Тепло шло вверх и сушило снопы для обмолота. От недосмотра за теплинкой и загорелась наша рига с хлебом.

Посреди ночи раздался душераздирающий крик: «Пожар! Горим!» Все повскакали с постелей, в темноте заметались по избе. Братья, полураздетые, выскочили из дома, а мама от испуга не могла никак до двери дойти, держа в руках первую попавшуюся ей в руки вещь — самовар. Так бы она и стояла, если бы не голос братишки Кости:

— Мама, да успокойся! Пожар потушен, и хлеб цел. Это Колька послал сказать тебе, чтобы ты не волновалась…

Шла война. Горели целые города, горела вся наша земля, но не могла я привыкнуть к пожарам. И сейчас тревожно стучало мое сердце при виде пылающей долины.

А в небе воздушный бой. Наша пара И-16 дралась с шестеркой Ме-109. Бой был неравный. Но «ишачки» искусно увертывались от огня «мессершмиттов», заходили в лобовую атаку, и фашисты, опасливо уклоняясь, ничего не могли поделать.

Преимущество было явно за нашими ребятами.

Я, признаться, засмотрелась и не заметила, как немецкий истребитель коршуном набросился на мой самолет. Резанула перед глазами огненной струей очередь. Нырнуть бы мне тут в овражек или лощину, только впереди раскинулось чуть ли не до самого горизонта ровное поле с зыбкими кучками прошлогодней кукурузы. Справа сплошной лес, слева — город.

Загорелась машина. Сразу стало жарко и душно в кабине. Едва приземлившись, выскочила я из самолета и, срывая с себя тлеющие лохмотья комбинезона, побежала к лесу.

Немец, видно, пришел в ярость. Снизился до бреющего полета и весь огонь пушек перенес на меня. В сорок первом, да еще и в сорок втором, гитлеровцы могли позволить себе такую роскошь — погоняться по полям за одиноким русским солдатом на танке, построчить из всех пулеметов и пушек, свалившись с неба. А я все бежала и бежала. Временами падала, притворяясь убитой, и поспешно прятала голову под стебли кукурузы.

Когда «месс» уходил на разворот, я вскакивала, прижимала к груди секретный пакет и снова бежала…

Израсходовав весь боекомплект, фашист улетел.

… Лес. Тихо. Вблизи ни души. И вдруг так захотелось мне лечь на лужайку, как в детстве, закрыть глаза и забыться. На деревьях уже пробилась молодая листва. Весна вступала в свои права. Никогда-то не боялась я смерти, а тут вдруг так захотелось жить. Плохо умирать весной. Весной жить во много раз дороже…

А самолет мой сгорел дотла. Сгорели мешок почты и кожанка, лежавшие в фюзеляже. Что было делать? Как найти штаб 9-й армии? Осмотрелась я. Вижу, на ветвях деревьев висит телефонный провод. Пошла по нему, надеясь, что приведет на какой-нибудь командный пункт. Но не прошла и тридцати шагов, повстречала двух бойцов сматывали провод на катушку.

— Где КП? — спросила.

— Какой тебе КП, там немцы! — крикнули они, не останавливаясь.

Выйдя из леса, через поле я побежала к дороге — она была пуста. Отдельные бойцы и небольшие отряды конников шли кто как, не придерживаясь дороги.

Но вот проскочила грузовая машина, объехала меня, стоявшую на ее пути с вытянутыми в стороны руками. Показалась эмка. Опять голосую, но тщетно. Не замедляя хода, эмка несется мимо. Тогда, не задумываясь, вытащила я наган из кобуры и выстрелила вверх. Шофер дал задний ход, остановился недалеко от меня. Затем открылась передняя дверца машины, и из нее

легко выскочил бравый капитан. Он ловко выхватил у меня оружие, выкрутил руки за спину, а сам полез в нагрудный левый карман моей гимнастерки за документами. Такого обращения с собой я не могла допустить! Не менее ловко наклонила голову да зубами как хвачу капитана за руку кровь брызнула!

Гляжу, из машины выбрался полный генерал, стал расспрашивать, кто я и по какому праву безобразничаю на дороге.

— А вы кто такой? — выпалила, но свое удостоверение достала. А удостоверение было весьма внушительное — выданное на мое имя, оно предлагало всем воинским частям и гражданским организациям оказывать предъявителю документа всяческое содействие в выполнении заданий.

— Вам куда ехать? — уже вежливо спрашивает генерал.

— В штаб девятой армии.

— Садитесь в машину, — предлагает и любезно так интересуется:

— Где это вас опалило?

Рассказала я, что со мной произошло, и вдруг как расплачусь. От обиды или от боли? Очень уж болели обожженные руки, а тут еще этот капитан, выкручивая их, содрал кожу — они кровоточили.

— Не плачь, девушка, — стал успокаивать меня генерал, — а то и лицо начнет саднить от слез. Мы тебя сейчас мигом доставим в штаб девятой армии.

Однако на войне и «сейчас», и «мигом» — понятия растяжимые. Только через три часа мы нашли штаб армии, где я и вручила пакет начальнику оперативного отдела.

В санитарной части мне смазали лицо, забинтовали руки. В столовой накормили, а к вечеру на грузовой машине отправили на аэродром.

В эскадрилье меня встретили по-братски. Начхоз Народецкий даже принес конфет вместо ста граммов водки, которую нам выдали за вылеты. Он знал, что я свою норму не пила, а отдавала механику или пилотам, и старался при случае побаловать меня конфетами или чем-то вкусным.

Когда мы базировались под Ворошиловоградом и жили в лесу, в палатках, летали мало. На фронте было затишье. Однажды Народецкий пригласил меня поехать с ним в Ворошиловград на экскурсию. Осмотрев город, мы зашли в универмаг, и там я увидела широкополую соломенную шляпу с роскошным букетом искусственных цветов. Долго я стояла да любовалась ею. Тогда начхоз, уловив мой взгляд, обращенный к соломенному чуду, о чем-то пошептался с продавщицей, и та вручила ее мне.

Шляпу пристроили в моей палатке на гвозде. Но раз

возвращаюсь я с задания — и что же? — вижу нашего любимца Дружка, собаку, кочевавшую с эскадрильей еще с хутора Тихого, в этой самой шляпе. Братцы-пилоты прорезали в ней отверстия для ушей, привязали накрепко бечевкой, и пес с лаем носился в таком шикарном украшении. Пилоты, конечно, попрятались от меня в палатки, смеются, а Кравцов выговаривает:

— Это тебе за то, что подарки принимаешь от начхоза!..

Сегодня, когда я вернулась живая, правда, с ожогами на лице и руках, в обгоревших сапогах, все радуются.

— Не печалься, Егорова, о самолете. Главное, что сама осталась жива, приказ в войска доставила… — успокаивает инженер эскадрильи Маликов. — А самолет — дело наживное…

Родился в рубашке

Да, конечно, самолет дело наживное. Но, как же горько и обидно, когда тебя сбивают, а ты ничем не можешь отомстить. Летчики говорили, что на фронт поступила новая техника. «Петляковы», «Яки», «Лавочкины»… Каждый самолет мечта! Но в душу мою запала одна машина. Раз или два видела ее в полете, но запомнила навсегда. Небольшой моноплан классической формы. Крылья чуть срезаны назад. Сбоку посмотришь — торпеда летит. Об этом самолете ходили легенды… Над самой землей летит стремительно, как стриж, а в небо высокое уходит, как сокол!… Машина маневренная, зрячая, защищенная. Разное поговаривали о ней. Слышала я однажды, как один летчик расписывал: «В штопор при некоординированных разворотах не срывается, по прямой летит устойчиво — даже с брошенным управлением. А садится? Садится почти сам. Словом, прост, как табуретка. И в воздушном бою не подведет, и земную цель поразит. Короче штурмовик». Конечно было отчего закружиться голове.

Однако, мне опять надо было лететь на У-2 в 6-ю и 57-ю армии, окруженные гитлеровскими войсками. Там не хватало боеприпасов, продовольствия, горючего, собралось много раненых. Попытки прорвать окружение ни к чему не приводили. Армии несли большие потери в живой силе и технике. В результате неудач в районе Барвенково-Харьков положение совсем ухудшилось.

Мы, как всегда, летали много, за нами, по-прежнему, охотились фашистские пилотяги. С земли нашему У-2 тоже доставалось, да и нам, летчикам, было тяжко…

В эскадрилью без самолетов уже вернулись Сережа Спирин, Виктор Кравцов. Тяжело раненного Ваню Сорокина отправили в госпиталь. Вот пять дней прошло с тех пор, как улетели на задание и Сборщиков со штурманом Черкасовым.

Наум Сборщиков — летчик милостью божьей! Перед войной он работал инструктором-летчиком, научил летать более сорока курсантов. Я его знала еще по Ульяновскому авиационному училищу, где мы занимались с ним в одном классном отделении. Потом наши пути разошлись. И вот, когда я приехала на фронт, в эскадрилью, Наум встретил меня, как родного человека. По натуре он был замкнутый, тихий, но меня оберегал, как мог и помогал во всем. Когда Сборщиков не вернулся, я долго не верила в его гибель. Ждала. Но вот уже и пять дней минуло, все уже перестали ждать, даже механик его самолета. И у меня оставалось

мало надежды на возвращение Наума, и невольно слезы наворачивались, когда никто не видел. Черкасова тоже было жаль. Всегда веселый, улыбающийся, блондин небольшого роста, в выцветшей гимнастерке и брезентовых, модных тогда, сапогах, трудно было даже представить, глядя на Лешу Черкасова, что столько испытаний выпало на его долю…

Добровольцем Черкасов пошел защищать республиканскую Испанию. Летал штурманом на бомбардировщике. В одном из боевых вылетов его самолет был сбит. Летчик и штурман попали в плен к фашистам. После долгих допросов и пыток оба были приговорены к смертной казни.

Советское правительство сумело защитить своих сынов. Перед самой войной они вернулись на Родину.

— А я в рубашке родился, — смеясь, любил повторять Черкасов.

Как же хотелось верить, что «рожденный в рубашке» вот-вот появится среди нас с очередной, придуманной им самим шуткой, от которой даже хмурый Сборщиков засмеется.

И они вернулись! Вернулись совершенно неожиданно, когда их уже никто не ждал. У Наума голова была забинтована так, что одни глаза в щелочки просматривались, правая нога без сапога — чем-то замотана. Вся гимнастерка в рыжих пятнах. У Черкасова же одна рука, забинтованная на ремне, висела, а второй он опирался на большую палку…

Ад кромешный

Однако шел июль еще только сорок второго года. Нависла угроза окружения войск Южного фронта. Противник занял Донбасс, вышел в большую излучину Дона и тем самым создал угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.

Около переправ через Дон скопилось множество наших войск, техники. К переправам же гнали скот, тракторы. Повозки, нагруженные домашним скарбом, с сидящими наверху детьми, тоже ждали здесь своей очереди. Это ночью. А на рассвете начинались беспрестанные налеты фашистской авиации. Наши зенитки стреляли у переправ, но мало. Самолетов же с красными звездами на крыльях почти не было. Так что гитлеровцы сначала бомбили, потом с немецкой педантичностью расстреливали с малых высот скопления людей. Эх, что же тогда творилось на этих переправах! Кричали женщины, плакали дети, ревел скот… Ад кромешный!..

Вместе с войсками отступали и мы. Отходя к Дону, одну за другой меняли полевые площадки. Очень уставали, буквально валились с ног: заданий поступало много. Отдохнуть было некогда, поесть негде, да порой и просто нечего. Обед, приготовленный на старом аэродроме, попадал на новый, а то и совсем не попадал. Спали мы где придется: и в кабине, и на чехле под крылом самолетам. Только задремлешь, кричат: «По самолетам!»

… Летчику Потанину приказали лететь на разведку: определить, куда продвинулись мотоколонны противника и каков состав; узнать, где находятся железнодорожные эшелоны с войсками, техникой и в каком направлении движутся; найти сосредоточение гитлеровских войск и прикинуть их примерную численность. Штурманом с Потаниным отправился на задание вчерашний студент архитектурного института Белов.

Летчики и штурман вскоре увидели, как гитлеровские танковые и моторизованные колоны, и мотоциклисты движутся на юго-восток, в сторону Дона, в направление его большой излучины. Наши войска отступали, и немецкая авиация неистовствовала — бомбила дороги, забитые беженцами.

Все разведали Потанин с Беловым, все узнали, определили и повернули домой. Летели они, маскируясь, вдали от дорог и населенных пунктов. Но и фашисты двигались стороной — большими и совсем маленькими отрядами и группами. Один такой отряд в лесочке привлек внимание экипажа своей

необычностью — человек сорок-пятьдесят в маскировочных халатах. Потанин подумал, что это свои, что они не знают, в какую сторону им двигаться, и решил показать направление. Сделал над ними один вираж с выводом на юго-восток, потом еще, и вдруг вся группа, как по команде, подняла вверх автоматы и застрочила по самолету трассирующими пулями. На фронте всякое бывает, решил Потанин, по ошибке могли обстрелять свои же бойцы. Но как оказалось, стреляли по У-2 фашистские десантники. После чего штурман замолчал. В беспокойстве оглянулся — Белов сидел бледный безжизненно уронив голову на борт кабины.

Тревога за жизнь товарища подсказала Потанину поскорей приземлиться и оказать ему помощь. И он посадил машину тут же, в поле. Но помощь уже не понадобилась. Белов был мертв…

Горе кольнуло Николая в самое сердце. Он в каком-то забытье снял с себя кожанку, свернул ее в несколько раз и стал подкладывать, как подушку под голову погибшего друга.

— Вот так тебе будет помягче, — приговаривал Потанин и беззвучно плакал…

В те тяжелые дни нашего отступления недалеко от Новочеркасска к нам пристал лет трех малыш. В одной рубашонке, грязный, изголодавшийся, весь в ссадинах, он ничего не мог сказать, кроме слова «мама», которую звал беспрестанно, да своего имени — Илюша. Плакать Илюша уже не мог, а только надсадно всхлипывал. Подошедшие бойцы рассказали нам, что недавно немецкими самолетами был разбит обоз с беженцами и что они видели этого мальчика около убитой матери. А потом, когда фашистские стервятники налетели еще раз, все бросились в разные стороны, побежал, видимо, и малыш — и так спасся.

Мы не знали, что же с ним делать, куда пристроить. Надо было улетать, а Илюша ухватился за мою шею, и, кажется, никакая сила уже не могла оторвать его от меня. Я решила тогда взять малыша с собой.

— Ты что, с ума сошла?

— Ребенку нужен уход. Что ты можешь дать ему?

— Где мы теперь остановимся, знаешь? — налетели пилоты.

Тогда я еще крепче прижала к себе Илюшу и побежала к станице. Навстречу попалась старая женщина с палочкой. Прикрыв ладонью глаза, она долго всматривалась в ребенка, а потом заплакала, запричитала:

— Илюшенька, внучок мой!..

Я передала малыша старухе и в слезах бросилась к своему самолету. И стало мне тогда вдруг так невыносимо больно, так обидно за все: и за этого сиротливого Илюшку — сколько их было

на дорогах войны! — и за уходящие годы, за себя… Я так любила детей, так хотелось иметь свою большую семью — много маленьких озорных мальчишек, вихрастых девчонок…

Война перечеркнула, разрушила все мечты. Мне часто вспоминался Виктор Кутов. Вот уже пять месяцев от него не было никаких вестей. Он воевал где-то на Северо-Западном фронте. В минуты, когда я оставалась со своими мыслями наедине, тяжелым камнем давило: да жив ли ?.. Письма не идут — это полевая почта виновата. Но я потерплю, я непременно дождусь… В такие минуты сквозь слезы я ругала себя, что до войны была такой дурой: ведь давно, еще с Метростроя, до самозабвения люблю Виктора, а ни разу ему об этом не сказала. Почему?..

«Ты любишь меня?» — спрашивал он на свиданиях, а я только смеялась: «Еще чего! Конечно, нет!» — «Поцелуй на прощание.» «Выдумал. Целуй сам, если надо…» — «Любит! Любит!» — звонко кричал Виктор и кружил, кружил меня вихрем, крепко держа меня за руки…

В эскадрилье связи ко мне все — и пилоты, и механики — относились хорошо. Находились и «женихи», но я как-то ухитрялась разговаривать с ними не наедине, а среди людей — так было легче отбить «атаку», дать понять, что любви не получится. Трудновато, конечно, женщине одной среди мужского коллектива. Порой, так хотелось с кем-то просто поговорить по душам. Но все-то сдерживало, все усмиряло одно суровое слово — война…

Приказ НКО № 227 или «Ни шагу назад!»

Под Черкасск мы прилетели на заранее обусловленную площадку, но там не оказалось ни штаба, ни столовой, ни горючего. Наш наземный эшелон, в связи с тем, что прямой путь на Грозный был захвачен противником, двигался какой-то долгой дорогой — через Майкоп, Туапсе, Кутаиси, Тбилиси, Орджоникидзе… Командиром наземного эшелона был назначен старший лейтенант Листаревич, комиссаром — лейтенант Иркутский. Выехали они 18 августа 1942 года — как раз в День Воздушного Флота, но нам в то тяжкое время отступления было не до праздника. А догнала эскадрилью наша «база» только 30 октября, когда штаб фронта стоял уже в Грозном.

Так что приземлились мы, включили моторы, собрались около самолета заместителя командира эскадрильи Пенькова и стали думать, как же быть дальше.

Глядим, из селения, неподалеку от которого сели, идет пожилая женщина. Поздоровалась, посмотрела на нас и говорит:

— А кушать-то у вас есть что, может, вы голодные?

Не услышав ответа, прямо и предложила:

— Я сегодня борща наварила ведерный чугун. Как знала, что прилетите. У меня ведь сынок летчик, только вот давно нет от него писем… — Она зашмыгала носом, утираясь подолом широкой кофты.

После вкусного обеда мы решили слить со всех машин оставшийся бензин и лететь на поиск наших тылов. Я полетела с Черкасовым. И снова под крылом земля, окутанная дымом, горящие дома, горящие неубранные хлеб, кукуруза, подсолнечник. На повозках и пешие — с узлами, коровами на поводках, — движутся люди. Больно смотреть. А еще больнее то, что ничем-то не можешь помочь им.

Только через несколько дней где-то под Пятигорском мы наконец нашли свой штаб. Здесь нам зачитали приказ НКО № 227, жесткий приказ войскам, смысл которого сводился к одному: «Ни шагу назад!..»

Как правило, номера приказов помнили только штабисты. А вот этот, 227-й спроси и сейчас любого фронтовика! — назовет каждый. В нем говорилось, что нам надо до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр нашей земли. Осуждались те, кто считал, что территория Советского Союза большая и что можно и дальше отступать в глубь страны, до выгодных для обороны рубежей. Приказ обязывал объявить решительную борьбу трусам, паникерам, нарушителям

дисциплины. Выполнить требование — значит спасти Родину, победить врага.

Организованные заградительные отряды в войсках сделали много хорошего по выполнению приказа, но случались и курьезы.

Между Пятигорском и Нальчиком фашисты опять сбили самолет Сережи Спирина, летавшего на поиски 17-го казачьего кавалерийского корпуса. Стояла августовская жара и летчик полетел на задание в одном легком комбинезоне, оставив свое обмундирование с документами на аэродроме. Его сбили, самолет сгорел, пострадал и летчик.

Стрельба на земле не давала никакой возможности поднять головы. Спирин полз. Когда добрался до своих, то его тут же арестовали, как дезертира. Чтобы он ни говорил в свое оправдание ему не верили. К счастью, летчика опознал офицер связи фронта, с которым Спирин много раз летал в войска. Суд скорый был отложен, а за Сергеем выехал комиссар Рябов с подтверждением и документами.

Линия фронта менялась в день по несколько раз. Нам приходилось летать по всему Северному Кавказу. Танковые соединения врага уже форсировали Кубань в районе Армавира, овладели Майкопом, Краснодаром. Немцы заняли почти все горные перевалы, захватили Моздок, небольшие плацдармы на правом берегу Терека.

Нам трудно было разобраться в обстановке отступления, которая сложилась осенью 1942 года на Северном Кавказе.

Помню, получив задание отыскать штаб 58-й армии, я снова со штурманом Черкасовым пролетела от Нальчика до Грозного. Армию мы нашли и передали почту штаба фронта, но сколько же пережили за тот полет!..

Вернулась я с задания усталая, удрученная всем виденным, злая. Сдала самолет Дронову, а сама поспешила к штабу эскадрильи. И вот уже вслед слышу горькие слова механика, обращенные к инженеру:

— Опять, как решето! Как, чем ремонтировать — ума не приложу. Мастерских нет…

Захожу я на командный пункт доложить командиру о выполнении задания, а там уже докладывают вернувшиеся Коля Потанин и Виктор Кравцов. Спокойный, рассудительный, Потанин сам на себя не похож Всегда причесанный и опрятный, сейчас он был в обгорелой форме, с измазанным маслом и кровью лицом, с опаленными волосами. Он докладывал командиру эскадрильи майору Булкину и начальнику штаба Листаревичу о случившемся и просил перевести его в боевую авиацию. А случилось с Потаниным вот что.

Его послали с важным грузом в район Ардона в окруженные противником части 37-й армии. Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин, бывший командующий нашей воздушной армией, в своей книге «Четвертая воздушная» написал об этих полетах: «Многие храбрецы летали в район окружения и днем». Яснее, кажется, и не скажешь. Ну, а разве не храбрецы? Днем, на беззащитном самолете, в район окружения… Летчики доставляли войскам продовольствие, боеприпасы, медикаменты, другие грузы.

В тот день Потанин, выполнив задание, вывозил из окружения тяжелораненого. На обратном пути он попал под сильный обстрел с земли, затем — под огонь фашистских истребителей. Как ни маневрировал Николай, как ни старался уйти от летящих в него снарядов, самолет все-таки был сбит, вспыхнул и упал в заросли. Потанин успел выскочить из-под горящих обломков, катясь по земле, сбил с себя огонь, бросился спасать раненого, но тот уже был мертв…

— Я хочу бить гадов! — сверкая чистыми и ясными, как небо, глазами, доказывал Николай комэску. — Больше так не могу. Они нас бьют, а мы — в кусты!..

Кубанец Кравцов молчал. Вместо доклада он протянул комэску какую-то бумагу, и тот, также молча, прочитал и, долго не раздумывая, что-то размашисто написал на ней, передав начальнику штаба.

Позднее мы узнали, что Виктор Кравцов отказывался летать на У-2 и просил перевести в штурмовую авиацию. Резолюция комэска уже в который раз! — была одна и та же: «Отказать»…

«В штрафную роту захотела?»

Страшное, тяжкое время было тогда, осенью 1942 года на Северном Кавказе. Все воины — от солдата до маршала — были, кажется, на пределе человеческих возможностей. Давно уже мы не получали писем. Полевая почта где-то заплутала. Но у меня в сердце всегда хранились мама и Виктор. Где они и как? Живы ли? «Конечно, живы и здоровы! — успокаивала я себя. — Это связь виновата.» В левом кармане моей гимнастерки лежали партийный билет и две фотографии — мамы и Виктора, а еще — совсем малюсенькая — Юркина. Мама, как всегда, повязана платком и смотрит на меня с грустью. А Виктор, наоборот, смеется задорно и чуть запрокинув курчавую голову. Он в форме. На петлицах три кубика и птички.

Юрка на фотографии — в белой рубашке, с пионерским галстуком. Его долго не принимали в пионеры из-за репрессированного отца, пока за него, да и за других таких же несчастных детей не вступилась завуч. Она сказала тогда: «Если мы не будем принимать наших учеников в пионеры, то ни одного пионерского отряда не соберем по всей школе. Все вы знаете, что в наших арбатских школах отцы учеников репрессированы почти через одного…»Многих тогда приняли в пионеры. Потом, правда, завуча уволили. Юрка в пионерах состоял до комсомольского возраста. Но вернемся опять в год 1942-й, на Кавказ.

Наши войска в чрезвычайно сложных условиях с тяжелыми боями отошли к предгорьям Главного Кавказского хребта. Враг захватил обширную территорию: Ростовскую область, Калмыцкую АССР, Краснодарский и Ставропольский края. Враг уже проник в Кабардино-Балкарию, в Северную Осетию, Чечено-Ингушетию.

25 октября 1942 года гитлеровцы бросили в бой до 200 танков и, прорвав оборону 37-й армии, 28 октября захватили Нальчик. Развивая успех, через неделю они вышли на подступы к Орджоникидзе. Однако 6 ноября подошедшие резервы нашей армии нанесли контрудар по фашистской группировке и в шестидневных боях разгромили ее. Немцы перешли к обороне и на грозненском направлении. План захвата Закавказья, Грозненского и Бакинского нефтяных районов был сорван врага остановили.

… И вот мой последний вылет в эскадрилье связи — в район Алагира. В пути меня атаковали истребители. Я пытаюсь от них спрятаться — маневрирую буквально между деревьями, кронами их. «Мессеры» бьют неприцельно, но длинными злыми очередями.

Кидаю свой самолет влево, вправо… «Когда же, наконец, отвяжутся!..» И вдруг… Правым крылом моя машина врезалась в дерево. Сильный удар… Треск… Еще удар!… Очнулась — и никак не пойму, где нахожусь. Болят ноги, руки, сдавило грудь, дышать трудно. Потихоньку пошевелилась — переломов вроде нет. Но где же самолет? Посмотрела кругом, а он тут, рядом, лежит — весь изломанный. Мотор уткнулся в землю, винт, вернее, обломки его в стороне валяются, на кустах висят элероны, еще какие-то детали. Словом, самолета нет. В душе боль, досада, горечь. «Что же делать? Что же делать..?» — твержу постоянно и ковыляю в сторону аэродрома.

Никаких доказательств, что меня атаковали фашисты, нет. Думаю, скажу-ка, что сама разбила самолет. Вот случай перейти в боевую авиацию!

Только на второй день к вечеру отыскала я аул Шали в ущелье за Грозным и предстала перед командиром эскадрильи.

— Я разбила самолет и готова отвечать за это по законам военного времени, — отчеканила скороговоркой, стоя по стойке «смирно».

Майор Булкин, как мне показалось, был не в духе. Сердито посмотрев на меня, он принялся кричать:

— В штрафную роту захотела? Вот там узнаете, почем фунт лиха! А то, видите ли, они стали хулиганить… чтобы удрать в боевую авиацию!

Кого имел в виду Булкин, я не знала, но слушать брань его мне было обидно. Заступился за меня Алексей Рябов.

— Давай-ка, командир, отправим ее в УТАП вместе с Потаниным. Пусть переучивается. Ведь на Егорову уже пять запросов было откомандировать в женский полк…

Об этом я услышала впервые, но не успела ничего сказать откуда ни возьмись — Дронов:

— Разрешите обратиться? Самолет Егоровой я отремонтирую. Обещаю!

Летающий танк

Много лет спустя я узнала, что Дронов самолет мой действительно восстановил, сдал его инженеру эскадрильи, а сам добился перевода в другую часть и до конца войны был механиком на истребителе Ла-5.

А я с Потаниным тогда все-таки укатила в город Сальяны в УТАП (учебно-тренировочный авиационный полк). И вот первое препятствие на пути к боевой машине.

— Значит, штурмовиком? — Это командир полка. — А знаете ли вы, что за адская работа — штурмовать? Ни одна женщина еще не воевала на штурмовике. Две пушки, два пулемета, две батареи реактивных снарядов, бомбы различных назначений — вот вооружение «ила». Поверьте моему опыту, не каждому даже хорошему летчику подвластна такая машина! Не всякий способен, управляя «летающим танком», одновременно ориентироваться в боевой обстановке на бреющем полете, бомбить, стрелять из пушек и пулеметов, выпускать реактивные снаряды по быстро мелькающим целям, вести групповой воздушный бой, принимать и передавать по радио команды. Подумайте! — урезонивал он.

— Думала уже. Все понимаю, — отвечала я кратко, но решительно.

— Не приведи бог, какая упрямая! Тогда делайте, как разумеете! — И командир учебного полка отступился.

Самолетов в УТАПе было много, но все устаревшие. Мы летали на УТ-2, УТИ-4, И-16, СУ-2. Штурмовика Ил-2, о неподвластности которого говорил командир полка, не было и в помине. А мне и моим новым товарищам хотелось освоить именно штурмовик.

С азартом взялась я за изучение новой, кроме УТ-2 для меня, техники. Научилась управлять истребителем и вести «бой». Уверенно поднимала в воздух легкий бомбардировщик СУ-2.

Этот самолет осваивала я с особым усердием: узнала, что у него скорости отрыва от земли и посадки почти такие же, как и у «ила».

Тренировочные полеты были каждый день. Питание в столовой, мягко говоря, было «жидковатое», и мы в свободное время устремлялись на реку Куру ловить миног. Мне они казались змеями и есть их я не могла. Но однажды после полетов вылезла из истребителя И-16 («ишачка»), голова у меня закружилась от истощения и я упала. После этого случая есть стала все, в том числе и жареных миног.

Как-то я прослышала, что к нам в УТАП приехал начальник

политотдела 230-й штурмовой авиадивизии полковник Тупанов — для отбора летчиков в боевые полки. Ну, думаю, двум смертям не бывать, одной не миновать — и бегом к штабу. У первого встречного спрашивают:

— Где Тупанов? — Мне в ответ только пожимают плечами. Наконец, я остановила коренастого мужчину в летнем комбинезоне и форменной авиационной фуражке и опять спрашиваю: — Не знаете ли, где тут полковник Тупанов с фронта? Незнакомец внимательно посмотрел на меня, разглаживая сборки комбинезона под офицерским ремнем.

— А зачем, собственно, он вам?

— Вот встречусь с ним, тогда и скажу.

— Допустим, я Тупанов.

— Вы? — Я испугалась своего дерзкого тона. Вот ведь какую оплошность допустила. Но отступать было некуда. Тем более и полковник повторил:

— Так, что же вы, все-таки, хотели мне сказать?

— Моя фамилия Егорова, — начала я издалека. — Я окончила Херсонское авиационное училище, работала летчиком — инструктором, с начала войны на фронте летчиком в эскадрилье Булкина — может слыхали…

— Ну, а если короче?

— Можно и короче… Возьмите меня в дивизию!

Полковник, видимо, не ожидал такого поворота событий. Он еще раз пристально взглянул на меня: уж не шучу ли я… Но на моем лице не было и намека на веселость.

— Хорошо, Егорова. Приходите завтра на собеседование…

Утром около штаба полка собралось человек тридцать. Среди взволнованной толпы пилотов были и приглашенные, и добровольцы. Тупанов побеседовал с каждым — расспрашивал о полетах, доме, семье.

Когда подошла моя очередь и я вошла в кабинет, Тупанов, не ответив на мое приветствие, продолжал молчать и наконец: — А вы понимаете, о чем просите? Воевать на «летающем танке»! Две пушки, два пулемета, реактивные снаряды! А высоты бреющие? А пикирование? Не каждый мужчина выдерживает такое…

— Понимаю, — спокойно ответила я. — Ил-2, конечно, не дамский самолет. Но ведь и я не княжна, а метростроевка. Мои руки не слабее мужских… — И я вытянула вперед обе ладони. Но не на них посмотрел полковник. Он только сейчас заметил на моей груди орден Красного Знамени.

— За что получили награду?

— За розыск кавалерийских корпусов и выполнение других заданий штаба Южного фронта, — отчеканила я.

— Да-а, — протянул Тупанов. — В первый год войны такие награды давали нечасто… — И продолжил: — Вы, кажется, сказали, что до войны работали инструктором-летчиком?

— Да, работала в Калининском аэроклубе.

— Сколько же человек обучили летать?

— Сорок два…

Тупанов помолчал, а потом пошли вопросы о матери, о братьях. О братьях я сказал, что они все на фронте, а о том, что старший брат репрессирован я опять скрыла. Рассказала о сестре Зине она была в блокадном Ленинграде, — мастером на металлическом заводе.

Вопросы сыпались, как из рога изобилия, и я отвечала, все ниже опуская голову, готовая вот — вот расплакаться — теряя надежду на то, что буду воевать на штурмовике. Подумала даже, что Тупанов специально отвлекает меня от основной темы и, конечно, в конце беседы сделает вывод, мол, не подходите женщины на штурмовиках не летают…

Но произошло совершенно неожиданное. Начальник политотдела авиадивизии улыбнулся мне, словно извиняясь, спросил:

— Утомил я вас своими расспросами? — а потом заключил: — Мы берем вас. Считайте, что вы уже летчик 805-го штурмового авиационного полка нашей 230-й штурмовой авиадивизии. Через три дня выезжаем. Будьте готовы.

До чего же я была счастлива! Выскочила на улицу и бросилась колесом на руках под дружный хохот товарищей (хорошо, что в брюках была…).

Перед отъездом сходила попрощаться с командиром учебно-тренировочного авиаполка. Он искренне поздравил меня с переходом в штурмовики, но, как бы между прочим, предложил:

— А ведь и к нам «илы» поступили. Получите комнату — все удобнее будет… К тому же и зенитки не стреляют. Оставайтесь.

— Нет!..

Не женщина — боевой пилот

Засветлело поездом на Дербент выехала к новому месту службы группа пилотов. Среди них сидела и я, первая женщина-летчица, получившая путевку на штурмовик… С детства мне везло на хороших людей. Где бы я ни училась, где бы ни работала, повсюду встречала верных друзей, добрых наставников. В ФЗУ ремеслу обучал меня старый мастер Губанов, перейти работать на самый ответственный участок, в тоннель, помог инженер Алиев-начальник смены. В аэроклубе учил прекрасный инструктор Мироевский. В трудную минуту жизни поддержали секретарь Ульяновского горкома комсомола, ленинградка Мария Борек, секретарь Смоленского обкома комсомола, комиссар Смоленского аэроклуба. В эскадрилью связи взял Листаревич… Да разве всех пересчитаешь, кто чуткостью своей, человеческой теплотой согревал мне душу, помогал осуществить мечту! И в штурмовом полку встретили меня с симпатией. Были, правда, и такие, особенно почему-то из технического состава, которые бурчали под нос: «К чему женщина в штурмовой авиации?» Но цикнул на них Петр Карев — штурман полка:

— Не женщина в полк пришла, а боевой пилот…

Но вот я в полку штурмовиков.

Батальонный комиссар Игнашов, заместитель командира полка по политической части, вызывал нас, вновь прибывших летчиков, на собеседование поочередно. Не знаю, о чем он говорил с моими товарищами, но меня удивил первым же своим вопросом:

— И зачем вам подвергать себя смертельной опасности?

— Сразу уж и смертельной? — недовольно буркнула я.

А Игнашев продолжал:

— Штурмовик — это слишком тяжело для женщины. Да и, учтите, потери наши великоваты. Скажу по секрету, в последних боях над поселком Гизель мы потеряли почти всех летчиков. Хотя самолет наш и бронированный, но пилотов на нем гибнет больше, чем на любом другом самолете. Подумайте хорошенько да возвращайтесь-ка обратно в учебно-тренировочный авиаполк. Там, я слышал, вас оставляли летчиком-инструктором. Штурмовик не подходит женщине.

— А что же подходит женщине на войне, товарищ комиссар? — с вызовом спросила я. — Санинструктором? Сверх сил напрягаясь, тащить с поля боя под огнем противника раненого. Или снайпером? Часами в любую погоду выслеживать из укрытия врагов, убивать их, самой гибнуть. Или, может, легче

врачом? Принимать раненых, оперировать под бомбежкой и, видя страдание и смерть людей, страдать самой.

Игнашов хотел что-то сказать, но остановить меня было уже трудно.

— Видимо, легче быть заброшенной в стан врага с рацией? А может быть, для женщин сейчас легче у нас в тылу? Плавить металл, выращивать хлеб, а заодно растить детей, получать похоронки на мужа, отца, брата, сына, дочь?.. Мне кажется, товарищ батальонный комиссар, — уже тише заговорила я, — сейчас не время делать разницу между мужчиной и женщиной, пока не очистим нашу Родину от гитлеровцев…

Свое неожиданное выступление я закончила, и тогда Игнатов улыбнулся:

— Вот-вот, и у меня такая же сумасбродная дочь. Работала в тыловом госпитале врачом, так нет, ей обязательно нужно на фронт, на передовую. Сейчас где-то под Сталинградом… Писем давно нет — ни жене, ни мне. Особенно жена страдает. Одна осталась… А вы-то домой пишете? — спросил Игнашов, доставая из кармана какие-то таблетки.

Я только сейчас разглядела, какой он больной. Под глазами мешки, губы синие, лицо бледное, опухшее.

— Я пишу письма. Но сама из дому не получаю давно. Бывает порой очень грустно. Тогда я внушаю себе, что виновата полевая почта.

— В твои-то годы можно еще внушить себе и что-то приятное, — сказал Игнашов, впервые обращаясь ко мне на «ты». — Замужем?

— Нет, — односложно ответила, и вдруг у меня вырвалось, словно я, наконец, нашла, кому выговориться, кому поведать свое самое сокровенное: — Но я очень люблю одного человека, летчика. Он истребитель. Воюет где-то под Ленинградом. Перед войной мы хотели пожениться, только я все откладывала. То, говорила, надо закончить летное училище, то выпустить еще одну группу курсантов, а потом война…

Беседа с Игнашовым явно затягивалась, но расстались мы, как старые друзья.

— Приходи ко мне со всеми своими вопросами, радостью и горем. Будем все вместе решать, — как-то просто сказал он на прощание и протянул мне руку.

Путь полка

На изучение материальной части штурмовика и подготовку к экзамену у старшего инженера полка нам дали только двое суток. Сразу же и распределили всех вновь прибывших по эскадрильям. Меня и летчика Вахрамова — в третью.

Щупленький, небольшого росточка, Валя Вахрамов выглядел мальчиком. А когда мы узнали, что и лет-то ему всего лишь около девятнадцати — удивились: умудрился же паренек при таком-то росте еще и прибавить себе возраст, чтобы поступить в летное училище.

Когда мы добирались до аэродрома «Огни», Вахрамов по дороге отстал от поезда. Пассажирских поездов тогда было очень мало, и пришлось ему догонять нас на цистерне с мазутом. Измазался, конечно, изрядно, да еще и документы потерял. Короче, когда вернулся Валентин в полк, его никто не хотел принимать за летчика и потребовалось мое подтверждение — «кто есть кто». Вахрамова выслушал сам командир полка и произнес только одно слово: «Отмыть!..»

Начальник штаба полка капитан Белов рассказал нам о боевом пути полка, о летчиках, отличившихся в боях с врагом. Мы узнали, что наш 805-й штурмовой авиаполк был сформирован из 138-го скоростного бомбардировочного. С первого дня войны он начал боевую работу. Летчики наносили бомбовые удары по колоннам немецко-фашистских войск, двигавшимся от западной границы в направлении Киева, и потери полка были очень большие. Ушел в разведку комиссар полка И.П. Привезенцев и с задания не вернулся. Сгорел над целью командир третьей эскадрильи капитан В.Н. Рульков. На боевые задания, как правило, летали девятками, без сопровождения наших истребителей, а «мессеров» над войсками противника было видимо-невидимо, да и плотным зенитным огнем они были хорошо прикрыты. Так что, сильно подверженные огню, самолеты СБ часто горели.

В этот тяжелый период начала войны полк потерял большую часть личного состава и самолетов. Когда же не осталось почти ни одной боевой машины, полк по железной дороге прибыл в Махачкалу, а потом морем в Астрахань, где летчики собирались изучить новый самолет Пе-2 — пикирующий бомбардировщик конструкции Петлякова.

Не успели разместиться, как новый приказ — начать изучение самолета-штурмовика Ил-2. И опять в путь. Теперь уже за боевыми самолетами. Здесь полк и получил наименование:

805-й штурмовой авиационный. Личный состав переучился на новую технику, и все перелетели на фронт в состав 230-й штурмовой авиационной дивизии.

Так началась боевая жизнь полка на прославленных ильюшинских штурмовиках.

Начальник штаба особенно расхваливал нам Петра Карева штурмана полка. И летчик-то он отменный, и страха-то не ведает, и молодых вводит в строй, как никто другой, и веселый, и общительный. Любое задание Петр Карев выполняет с честью. Вот, к примеру, переправу на Дону в районе Цимлянской разбил с первого захода и без потерь ведомых.

— А летчик Тарабанов? — спрашивал Белов. — Слыхали о нем?

— Листовка была о Тарабанове, — отвечали мы нестройным хором.

— Летчик Тарабанов свой горящий самолет направил на большую колонну гитлеровцев, врезался в нее и погиб, — подал голос сержант Вахрамов.

— Да нет же, в этот раз он не погиб, — уточнял начальник штаба. — Через два дня летчик вернулся в полк. Оказалось, он действительно направил свой пылающий самолет на фашистскую колонну, но сам сумел выпрыгнуть с парашютом и тем спасся. А о Герое Советского Союза Мкртумове что знаете?

— Расскажите, — попросили мы.

И вот узнаем о судьбе еще одного нашего славного однополчанина. Родился Самсон Мкртумов в 1910 году. Четырнадцатилетним вступил в комсомол и стал одним из активистов села. В 1928 году приехал к брату в Баку и устроился работать на нефтепромыслах, одновременно учился в педагогическом техникуме, сам обучил сотни неграмотных рабочих. Затем его избрали вожаком промысловой комсомольской организации, через год — секретарем райкома комсомола. А в 1933 году по путевке партийной организации Мкртумов поехал на учебу в Сталинградское авиационное училище.

Боевое крещение Мкртумов получил на войне с белофиннами. Когда напали гитлеровцы, он был одним из тех, кто с первых же дней войны вступил в смертельную схватку с врагом. На скоростном бомбардировщике летчик совершает налеты на вражеские колонны, громит танки, мотопехоту, наносит удары по тылам противника.

Будучи ведущим звена, Мкртумов однажды произвел штурмовку опорного пункта противника северо-восточнее Верхнего Акбаша и уничтожил в том боевом вылете скопление

вражеской техники. Как он ухитрился заходить и бить по этим горным скатам, как нашел отметку «444» и ударил по ней, трудно даже вообразить, не только выполнить.

Что и говорить, примеры из боевой жизни полка начальник штаба приводил убедительные.

Вражеская затея

Однако нам самим вскоре предстояло вылетать в бой, и традиционные в авиации зачеты по знанию самолета, мотора, аэродинамики начал инженер полка. Мотор на «Иле» конструктора А. Микулина был двенадцатицилиндровый — один из мощнейших моторов того времени, спроектированный специально для штурмовика. Все его технические данные я знала хорошо. Он не имел никакого сравнения с мотором стоящем на У-2. На У-2 у мотора было пять цилиндров и выхлопные патрубки помещались в коллектор. На «Иле» же все патрубки выходили наружу и потому стоял могучий рев, пугающий фрицев при атаке. «Черная смерть» — нарекли фашисты наш замечательный самолет, не имеющий себе конкурентов среди воюющих самолетов мира.

Знание оружия штурмовика у нас проверял инженер по вооружению старший техник-лейтенант Б.Д.Шейко.

— Так как все же прицеливаться при пуске эрэсов? — спрашивали мы чуть ли не в один голос.

— Да наводи перекрестие на бронестекле на цель — и жарь!

— А как установить электросбрасыватель на бомбометание?

— Смотря что бомбить. Можно одиночно, серией или залпом, — отвечал нам инженер по вооружению, совсем еще молодой парень, видимо только-только, как и мы, попавший в штурмовой полк.

— Скажите, а какая траектория полета эрэса с пикирования?

— А как установить сбрасыватель эрэсов?..

Вопросы сыпались как из рога изобилия, и молодой инженер вскипел.

— Кто кого экзаменует? Вы меня или я вас? — спросил он, крутя рукоятку электросбрасывателя то вправо, то влево, и, не найдя правильного положения, чертыхнулся, вылез из кабины и направился в сторону от аэродрома.

На самолетной стоянке нас ждали новые экзаменаторы. Начальник воздушно-стрелковой службы (ВВС), в дальнейшем заместитель командира полка по летной подготовке, капитан Кошкин встретил нас угрюмо. Он был далеко не спортивного вида, в форме с довоенной поры не знавшей чистки и утюга, флегматичный, с грустными серо-зелеными глазами, со скорбно опущенными вниз уголками губ, капитана, казалось, таил в себе неразгаданную тоску.

Но надо было видеть Алексея Кошкина в боевой работе! Рассказывали о его поединке с каким-то диковинным фашистским

изобретением. Придумали немцы чертовскую машину, которая за один час работы крушила 12-15 километров железнодорожного полотна. А сколько надо было времени, материалов и труда сотен бойцов, чтобы все это восстановить!..

И вот наземное командирование попросило летчиков помочь расправиться с той вражеской затеей. Оказалось, что замаскированный паровоз волок за собой что-то вроде огромного плуга-крюка, который выворачивал на своем пути все- и шпалы, и рельсы. Уничтожить паровоз командование полка приказало Кошкину. Но как его обнаружить? Только вчера видели стальные нити рельсов, а сегодня их уже нет. Кошкин летал много раз, извелся весь — паровоз найти не удавалось.

Но однажды в лучах заходящего солнца Алексей заметил тень. Она была большой, неправдоподобной, уродливой — тень паровоза. «Но где же дым? Где же сам паровоз?..» — передавал потом Кошкин свои недоумения. Снизившись до бреющего полета, он наконец увидел то, что так долго искал. Немцы прямо на паровозе, сверху, смонтировали площадку, разделанную под лес и кустарник. Маскировка была мастерской. Ну и пошел Алексей в атаку на весь этот «театр». Зашел он сбоку, взял паровоз на прицел и открыл огонь. Впустую. Машинист резко дал ход и снаряды, посланные Кошкиным, проскочили мимо. Атакует вновь — и вновь безрезультатно.

Поединок самолета с паровозом длился долго. Когда снаряд попал в котел, облако пара взметнулось вверх и паровоз остановился. Кошкин, однако, бил по нему еще и еще — из пушек, пулеметов, в упор выпустил реактивные снаряды: уж очень досадила Алексею эта немецкая чертовщина! Паровоз превратился в груду металла. Засняв для контроля свою работу, капитан прилетел домой без единой пробоинки, а ведь с земли да и с этого паровоза били немцы по нашему штурмовику из чего только могли бить.

Такие вот оказались в полку люди. Нельзя было не удивляться им, но, признаюсь, чуточку вкрадывались и сомнения: да справлюсь ли так, как они, смогу ли?..

Вынужденная посадка

После сдачи зачетов всю нашу группу представители для полетов на учебно-тренировочном самолете с двойным управлением УИл-2. Вывозить нас на ней будет капитан Карев.

Штурман полка Карев предстал перед нами удивительного элегантным. Кажется, та же была на нем, что и на капитане Кошкине, армейская форма, но тщательно отутюженная гимнастерка с белоснежным подворотничком, брюки галифе с необъятными пузырями, хромовые сапоги, начищенные до блеска и собранные в гармошку, фуражка со звездочкой на околыше — все это сидело на Кареве как-то по особенному изящно и не нарушая устава. С первого знакомства еще запомнились почему-то озорные смеющиеся глаза, нос с горбинкой. Он подвел меня к желаемой машине и отошел в сторонку — пусть, дескать, сама познакомиться…

А я действительно смотрела на самолет и не могла наблюдаться. Передо мной стоял красавец с удлиненной обтекаемой формой фюзеляжа, остекленной кабиной и далеко выступавшим впереди нее острым капотом мотора. На передней кромке крыльев угрожающе топорщились четыре вороненых ствола скорострельных пушек и пулеметов. Под крыльями были укреплены восемь металлических реек направляющих для «эрэсов» — реактивных снарядов. Я уже знала, что в центроплане машины четыре бомбоотсека. В них да еще на два замка под фюзеляж можно подвесить шесть стокилограммовых бомб. В общем не самолет, а крейсер. Я провела ладонью по холодной обшивке. Металл! Не то, что на У-2. Двигатель, кабина, бензобаки — все под надеждой броней. Вот какая птица доверена мне! Помолчав, сколько положено для приличия при первом свидании, Карев спросил наконец:

— Нравится?

— Очень! — с каким-то особым чувством ответила я.

— А теперь, давайте полетаем, посмотрим, понравится ли вам «Илюша» в воздухе? — и улыбаясь, галантно предложил: — Прошу!

Запомнилось, как я выполнила два полета по кругу. После посадки штурман полка по переговорному аппарату попросил меня зарулить самолет на стоянку и выключить мотор. Ну, думаю, сейчас начнется разгон: чем-то капитану не угодила, хотя в полете он лишь насвистывал мелодии из каких-то оперетт, и не проронил ни слова.

— Разрешите получить замечания, — стараясь казаться

бодрой, произнесла я.

— А замечаний нет, — ответил Карев. — Идите на боевой самолет — хвостовой номер «шесть» — и сделайте самостоятельно один полет по кругу.

Я никак не ожидала такой поспешности в переходе на боевую машину. Мне Уил-2 показался слепым, тесным, и я попросила Карева:

— Товарищ капитан, слетайте со мной еще разик на спарке.

— Нечего зря утюжить воздух! Сейчас каждый килограмм бензина на счету, отрезал штурман.

— Но, товарищ капитан, — взмолилась я, — вы ведь всем ребятам из нашей группы дали по нескольку вывозных полетов, и Кулушникову, вон, все двадцать пять. Почему же мне-то не хотите дать еще хотя бы один полет на спарке?

— Бегом к самолету! — скомандовал капитан.

И я побежала.

Механик самолета Вася Римский доложил мне о готовности машины. Надев парашют, я забралась в кабину, пристегнулась ремнями, настроила рацию на прием, все проверила, как учили, и запустила мотор.

Удивительно чувство взлета — ухода от твердой опоры под ногами. Самолет еще бежит по неровному травянистому полю, набирая скорость, еще мгновение — он оторвался от земли, и пилота уже несут вперед два стальных крыла. В первом полете по кругу я заметила, насколько быстрее завершился этот традиционный маршрут с четырьмя разворотами — мотор «Ила» не ровня тому, с У-2. Посадку рассчитала точно и села у «Т», как говорят летчики, на три точки. Значит, лучшего и желать не надо.

Зарулила. Вдруг вижу, капитан показывает руками: сделай, мол, еще один полет. Пошла снова на взлет. Аэродром наш был расположен почти на берегу Каспийского моря так что, летая по кругу, мы большую часть маршрута проходили над водой. И вот, выполняя разворот над морем, слышу, как раздался хлопок, другой — и мотор самолета заглох. Винт остановился. Наступила жуткая тишина…

Автоматически я дала ручку управления от себя, перевела машину на планирование — это чтобы не потерять скорости и не упасть вместе со штурмовиком в море. Затем тоже все делала по инструкции: убрала газ, выключила зажигание, перекрыла пожарный кран бензиновой магистрали. Словом, распорядилась в кабине по-хозяйски. И аэродром уже был совсем рядом, и все бы ничего, но скорость и высота падали катастрофически быстро.

Вот я вижу, что до аэродрома не дотяну — придется садиться прямо перед собой. Но что это? Вся земля изрыта глубокими

оврагами! Если садиться на них это конец! А тут по радио слышу взволнованный голос командира полка Козина: «Что случилось? Что случилось? Отвечайте!..»

Ответить я не могу: у меня нет передатчика. Да и не до ответов сейчас все мое внимание приковано к земле. Замечаю узенькую полоску между оврагами. Решаю приземлиться на нее и для лучшего обзора открываю колпак кабины, выпускаю шасси…

Стоит ли говорить, как мучительно долго тянулось время. Но в какое-то мгновенье машина коснулась земли, бежит по ней, а я всеми силами стараюсь ее удержать, не дать ей свалиться в овраг и усиленно торможу. Самолет понемногу замедляет бег, останавливается. И когда, выскочив из кабины на крыльцо, я смотрю вниз, то с ужасом вижу, что шасси моей машины остановилось на самом краю оврага, на дне которого множество скелетов погибших животных.

Осмотрела самолет — похоже, невредим. Все вроде бы на месте, все цело, только очень много заплат на крыльях и фюзеляже — весь изрешечен. Досталось бедному «илюшину» в последних боях под Орджоникидзе. Он грудью своей защищал подступы к Закавказью и к нефтяным районам Грозного, Баку. Досталось, должно быть, и мотору — вот теперь и сдал. Я знаю, что мотор самолета в бою испытывает большие перегрузки, перенапряжения и к концу своего ресурса начинает капризничать. Но все-таки что с ним? Почему заглох?.. Бензин есть, масло тоже. Правда, некоторые приборы, контролирующие его работу, отказали. Но я никого не виню, не на кого не в обиде. Знаю, что в бою летчику приходится порой резко, с форсажем давать газ, резко убирать, пикировать на больших оборотах, набирать высоту, не щадя мотора.

И вот теперь, когда я летала на нем по прямой, на заданной высоте, на определенной скорости и оборотах мотора, следила за показателями приборов, создавала наивыгоднейший режим для мотора, не насиловала его, а он заглох… Знала я, что как только мы, молодые летчики, овладеем самолетом Ил-2 полностью, он будет списан, а мы поедем на завод получать новые. Но от этого не легче.

Вдруг замечаю, что по полю в мою сторону мчится санитарная машина и бегут летчики.

Первым, оставив машину, запыхавшись, с санитарной сумкой на боку, показался доктор Козловский.

Сейчас, найдя меня целой и невредимой, Козловский запричитал, вытирая пот и слезы на своем морщинистом лице:

— Голубушка ты моя, целехонька! Как же я счастлив!…

К вечеру мотор штурмовика был осмотрен, отремонтирован и

опробован. Самолет развернули от врага в сторону моря, и капитан Карев, как самый опытный летчик полка, взлетел и благополучно приземлился на аэродроме.

На второй день был выстроен весь личный состав нашей части. По какому случаю никто не знал, но вот слышу:

— Младший лейтенант Егорова, выйти из строя!

Посторонились мои товарищи, пропустили меня вперед из задних рядов. Я шагнула из строя неуверенно и застыла: «Что-то будет? Припишут сейчас вынужденную посадку по моей вине. Не умеет, мол, эксплуатировать мотор. Чем докажу?»

И вдруг командир полка торжественно произносит:

— За отличный вылет на самолете Ил-2 и за спасение вверенной вам боевой техники объявляю благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — ответила я после большой паузы срывающимся голосом.

И пошли полеты, с каждым разом все сложнее, ответственнее — в зону, на бомбометание, на стрельбы. В горах, в пустынной местности, у нас был свой полигон. Там стояли макеты танков, пушек, железнодорожных вагонов, самолетов с белыми крестами — они служили мишенями для учебных атак. Сколько раз набрав высоту, я вводила штурмовик, в крутое пикирование, давила на все гашетки и яростно атаковала цели. Затем наша группа приступила к полетам строем в составе пары, звена, эскадрильи.

Меня вместе с Валентином Вахрамовым определили в третью эскадрилью. Командир ее, лейтенант Андрианов, выслушав наш рапорт о прибытии в его распоряжение, долго молчал, посасывая трубочку на длинном чубуке. Запомнился с первой встречи: высокий, черноглазый, с обветренным лицом, в черном кожаном реглане, в черной кубанке с красным верхом, сдвинутой на брови. Реглан его был подпоясан широким командирским ремнем, на котором висела кобура с пистолетом, а на другом, тоненьком, ремешке, перекинутом через плечо, висел планшет с картой, да не просто висел, а с шиком почти касаясь земли. Весь его облик и поведение говорили о том, что я уже не мальчик, а повидавший виды комэск, хотя по годам не старше вас.

— Так вот, — наконец произнес комэск, не вынимая трубки изо рта, — кто из вас быстрее и лучше освоит штурмовик, научится метко бомбить и стрелять, хорошо держаться в строю — того беру к себе ведомым в первый же боевой вылет…

Попасть ведомым к опытному ведущему — о чем другом можно было мечтать? Хороший ведущий может быстро собрать группу взлетевших за ним самолетов, точно провести по намеченному маршруту и вывести на цель, которую порой не так легко отыскать на искромсанной бомбами и снарядами земле, он умеет хитро обойти зенитки, истребительные заслоны противника и, сообразуясь с обстановкой, нанести удар. Не случайно гитлеровцы и с воздуха и с земли прежде всего старались сбить самолет ведущего. Собьют — строй рассеется, и будет ни точного бомбометания, ни прицельных стрельб — боевое задание не выполнено. Чтобы научиться мастерству ведущего, надо было побыть ведомым и выжить.

В первых боевых вылетах ведомый повторяет действия ведущего. Ему надо удержаться в строю, и времени взглянуть на приборную доску, обнаружить «мессеров», заметить разрывы зенитных снарядов никак не хватает. Ему некогда вести даже

ориентировку, и частенько он не знает, где летит. Больше всего гибло летчиков-штурмовиков в первые десять вылетов.

Валентин Вахрамов легко и быстро осваивал штурмовик. Мы с ним упорно соревновались: кто же из нас, все-таки, будет у комэска ведомым? Но вот однажды…

Вахрамов прилетел с полигона, уверенно посадил машину и уже на пробеге, нечаянно перепутав рычаги, убрал шасси. Колеса «ила» тут же сложились калачиком и самолет прополз на брюхе… Когда мы подбежали к нему, Валентин уже вылезал из кабины, тоскливо глядя на согнутые в бараний рог лопасти винта. В глазах летчика стояли слезы. Его тогда никто не ругал, никто не объявлял выговоров, но он сам так переживал, что жалко было на него смотреть.

По натуре Валентин Вахрамов был замкнутый, внешне грубоватый. Но эта наносная грубость исходила от желания казаться взрослее. В нем ничего не было ни смешного, ни загадочного, а вот летчики почему-то прозвали Валю «Факир». И прилипла к парню кличка, хотя всего-то только раз он, забыв про свою «возрастную солидность», показывал нам фокусы с игральными картами и горящими спичками. Я знала, Валентин очень любит поэзию, да и сам писал стихи, никому не решаясь их показывать. В нем угадывалось внутреннее благородство, душевная доброта. Знала я и то, что в Сибири у него живут мама — работница военного завода и сестренка, которую он нежно любит. Получая от них письма, Валентин уходил куда-нибудь в сторонку, подальше, чтобы никто не мешал, и перечитывал их по несколько раз. Как-то он показал мне фотографии родных. С них смотрели на меня все те же вахрамовские глаза с грустинкой.

— Красивая у тебя сестра, — заметила я.

— Красивая, — согласился Валентин, — но очень тяжело больна. Вряд ли я ее когда увижу. Да и маму тоже — туберкулез…

Я поняла, откуда у Вахрамова эта неизбывная грусть.

Бомбометание по лаптю

Приказ на командировку за новыми самолетами мы получили неожиданно. Нам казалось, что не мешало бы еще потренироваться на полигоне, да и в строю, но начальству виднее. И вот из Баку в трюме какого-то парохода плывем через Каспийское море в Красноводск, откуда предстоит добираться в Поволжье поездом — через Ашхабад, Мары, Ташкент.

Каспий так разбушевался, что укачал почти всех летчиков.

И сошли мы в Красноводске на землю бледные, помятые, пошатываясь из стороны в сторону.

— Ну, что, сталинские соколы, носы повесили? Это вам не воздушный океан, горько подшучивает кто-то из наших.

С трудом дошли до вокзала, сели в вагоны и поезд повез нас по казахским степям в тыл.

… Поезд движется так, что идти с ним можно рядом — и не отстанешь. От морского путешествия уже отдохнули, чувствуем себя куда увереннее и покойнее, чем на море. Кто читает, кто играет в домино, а вокруг воздушного стрелка Жени Бердникова собрались любители песни. Женя хорошо играет на гитаре.

На остановках мы выбегаем покупать молоко. Вахрамову показалась очень грязной пол-литровая банка, которой женщина черпала молоко из ведра. Он возмутился.

— Как можно грязной банкой лезть в общее ведро?

Хозяйка молча подняла юбку, подолом протерла банку и, мило улыбаясь, отмерила Валентину в котелок трижды по пол-литра. Валя заплатил за молоко и тут же, чертыхаясь, отдал его кому-то из очереди. Все присутствующие громко расхохотались.

На третий день пути начались занятия. В вагон к нам первым пришел начальник воздушно-стрелковой службы капитан Кошкин.

— Поговорим сегодня о прицельной стрельбе и бомбометании со штурмовика, предложил он и вынул из планшета инструкцию. — Вот ее мы должны проработать и сдать зачет.

— Зачем зачет? — спросил Ржевский. — Давайте лучше мы распишемся на брошюре, что читали — и достаточно будет для такого «труда».

Специальная инструкция о правилах пользования заводскими метками и штырями — визирами для определения ввода самолета в пикирование при бомбометании действительно заслуживала внимания. Для выполнения стрельбы на штурмовике

устанавливался прицел-перекрестие: подвел самолет к земле поближе — и дави на гашетки. Трассы от пушек, пулеметов эрэсов можно подправить одним движением рулей — и цель накрыта. Но вот для бомбометания прицела не было. Каждый летчик вырабатывал свой метод бомбометания. Бомбили как бы на глазок — «по лаптю» или «по сапогу», и шутники предлагали идеи: прицел Л-43 — лапоть сорок третьего размера, С-43 — сапог сорок третьего.

— А у Егоровой будет персональный прицел для бомбометания — ХС-38 хромовый сапог тридцать восьмого размера! — смеялись пилоты.

«Шутки шутками, но как быть на деле?» — невольно задумывалась я. Ну по метке на крыле ввод в пикирование, дальше на глазок нужно определить угол и начать отсчет секунд: двадцать один, двадцать два, двадцать три… Одновременно с отсчетом не прозевать высоту — смотреть за высотомером, а тут по тебе уже бьют зенитки. А еще как бы не оторваться от строя — тогда будешь легкой добычей истребителей. В общем, инструкция для нас была одна морока, но мы все же проработали ее и сдали тот зачет капитану. Надо сказать, впоследствии наша эскадрилья бомбила довольно метко. Не то эта инструкция помогла, не то сапоги у всех оказались одинакового размера…

В Марах мы простояли трое суток. Хорошо еще, что вести с фронтов радовали. Однако, почему вот мы едем в Куйбышев таким окольным путем? Да, оказывается потому, что под Сталинградом на нашей прямой к Куйбышеву идет ожесточеннейшее сражение века! Сегодня утром нам прочитали сводку Совинформбюро, в которой говорилось, что после артиллерийской и авиационной подготовки армии, фронта пошли в наступление. Враг не выдержал их натиска и стал поспешно отходить. Целые части и даже соединения гитлеровцев сдаются в плен. 21-ая армия генерала И.М.Чистякова ворвалась в Сталинград с запада, 62-ая армия генерала В.И.Чуйкова усилила свой натиск с востока. Обе армии, ломая упорное сопротивление противника, соединились в районе Мамаева кургана и расчленили всю окруженную группировку на две части — южную и северную.

На одной из многочисленных остановок мы узнали, что окруженные немецко-фашистские войска оказались в исключительно тяжелом положение. Их систематически бомбит наша авиация, атакует пехота, обстреливает артиллерия. Германское командование при помощи транспортной авиации пыталось наладить снабжение своих войск, эвакуировать их. Но воздушная блокада сорвала их планы. Сопротивление врага

становится все более безрассудным. Представители советского командования предложили Паулюсу, всем окруженным войскам капитулировать. Паулюс, скрыв ультиматум от младших офицеров и солдат, отказался принять это гуманное предложение. И советские войска приступили к ликвидации противника.

Мы все возмущаемся тому, что везут нас за самолетами уж очень медленно и мы не успеем повоевать…

ЧП

Однако не обошлось в нашем путешествии и без «ЧП». В районе, где мы едем, много эвакуированных семей наших однополчан. Некоторые уехали из Дербента пораньше — с тем, чтобы в пути нас догнать после свидания. Один из догнавших заявился и прямо к командиру:

— Арестуйте меня, товарищ подполковник, я человека убил…

Оказывается, он очень спешил к жене и дочке, которую и видел-то только в день рождения. Жена ему писала письма, полные любви и верности, срисовывала то дочкины пальчики с ладошкой, то ножку. И вот он примчался домой. Жена открыла дверь, ахнула и не хотела его впускать. Он прорвался в дом, а там толстый тыловик нянчит его дочку… Однополчанин в каком-то безумии выстрелил в него, схватил дочку и — на вокзал. Доехал до большого города, сдал девочку в детский дом, а сам поехал догонять полк. И вот явился с повинной…

В дальнейшем следствие установит, что тыловик не был убит, а только легко ранен в ногу. Девочку вернут матери. Однополчанина понизят в звании, но он продолжит воевать.

А мы все ехали и ехали…

Вот и Ташкент. Я его знала только по книжке Неверова «Ташкент город хлебный» — и все. А теперь, вот, увидела его, увидела восточный базар, на котором мы побывали. Купили там знаменитой кураги, исцелявшей от всех недугов, а главное, говорили, от нее делаешься молодым и красивым. Допустим, что молодость у нас была, а вот красивыми все хотели быть без исключения и курагу покупали все, даже если в наличии не было денег — одалживали у друзей. Купила я тогда и ташкентский кишмиш. Оказалось, что это всего-то вяленый виноград с косточкой. Ташкент очень хлебным мне тогда не показался.

Подъезжая к Куйбышеву, на станции Грачевка мы услышали из репродукторов сообщение Совинформбюро: «Южная группировка гитлеровских войск во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом сдалась в плен. Капитулировала и северная группировка. Это произошло 2 февраля 1943 года».

У нас в вагоне шумно. Мы радуемся большому успеху нашей армии, кричим «ура» и высказываем сожаление, что нам не удастся повоевать под Сталинградом…

«Ну, поплачь, голубушка!»

Наконец-то мы прибыли на завод, где нам предстояло получить новенькие самолеты и отправиться на них на фронт.

В ожидании машин поселились в большой, как тоннель метростроя, землянке с двумя ярусами нар. Здесь я получила письмо от метростроевки Раи Волковой. Она рассказывала, что метро наше продолжает строиться, что скоро сдадут в эксплуатацию третью очередь со станциями «Площадь Свердлова», «Новокузнецкая», «Павелецкая», «Автозаводская», «Семеновская».

«На всех станциях, — писала Рая, — будут барельефы с надписью: „Сооружена в дни Великой Отечественной Войны“. Идет война, а мы заняты мирным строительством. Правда, много метростроевцев строят и оборонительные сооружения. Мы помогали ленинградцам возводить оборонительные пояса, прокладывать Дорогу жизни через Ладожское озеро…

Наши аэроклубовцы все на фронте. Твой инструктор Мироевский и Сережа Феоктистов воюют на штурмовиках. Ваня Вишняков, Женя Миншутин, Сережа Королев — на истребителях. Погибли Лука Муравицкий, Опарин Ваня, Саша Лобанов, Аркадий Чернышев, Вася Кочетков, Виктор Кутов…»

«Какой Виктор?..» Меня словно током ударило. И все померкло. Ни солнца, ни людей, ни этой войны… Кажется, нечем было дышать, глаза ничего не видели, уши не слышали. Когда очнулась, увидела над собой доктора Козловского со шприцем в руке. Он все приговаривал:

— Ну, поплачь, голубушка, поплачь. Сразу легче станет… Но мне не плакалось. Что-то невыносимо тяжелое легло на сердце и уже не отпускало долгие годы, долгие годы…

Добрая душа наш доктор! Он опекал меня и лечил душу, в то тяжкое для меня время. Да и не только меня… В полку, пожалуй, не было более заботливого и внимательного к нам человека. Козловский следил буквально за каждым летчиком: как и что он ест, как спит, как настроение. Всегда вовремя и баню со сменой белья организует. Облюбует, бывало, сарайчик какой или развалюху на берегу реки, сложат умельцы-мотористы печку из камней, на нее бочку из-под бензина пристроят, нагреют воды побольше — и баня готова. Для меня доктор Козловский всегда просил приготовить «ванну», то есть отдельную бочку с теплой водой, и настоятельно требовал, чтобы я просидела в ней не менее десяти минут.

Мы, летчики, звали нашего доктора «Только для вас». И вот

почему. Раздавая шоколад или витамины, он поочередно отзывал каждого в сторонку, оглядывался и таинственно произносил: «Только для вас». Пилоты-насмешники, завидев Козловского, не сговариваясь, вытаскивали из планшетов шоколад и хором кричали: «Только для вас!» Доктор не обижался и точно также поступал в следующую раздачу витаминов. Там, где мы базировались, Козловский никому не отказывал в медицинской помощи. Помню, в Тимашевской под Краснодаром я прибежала к нему с просьбой помочь моей хозяйке после родов и ее ребенку. Он тут же, прихватив все, что нужно, отправился спасать мать и дитя. И так было часто.

Однажды наш доктор послал со старшиной, который ехал по делам службы в Куйбышев через Москву, посылочку своей жене. Старшина с трудом разыскал госпиталь, в котором работала супруга Козловского. Разморившись от жары, старшина расстегнул воротник гимнастерки, снял пилотку, уселся в кресло приемного покоя и стал ждать. Вот появилась и она, кого он ждал. Старшина встал, вразвалочку подошел к женщине и сказал:

— Здравствуйте! Я вот привез вам с фронта привет от мужа и гостинец.

— Почему не по форме одеты? Как вы разговариваете со старшим по званию? — услышал он писклявый голос, переходящий на визг.

Старшина опешил, резко повернулся, положил на стол гостинцы, надел пилотку и молча вышел из здания госпиталя.

Вернувшись в полк, он не стал расстраивать доктора, а только передал привет от жены и добавил: «Посылочку передал из рук в руки, не сомневайтесь!» В полку долго злословили и подсмеивались над старшиной, но все это происходило без нашего доктора. Мы его уважали.

«А ля малина»

На заводском аэродроме в столовой всегда длинная очередь. Когда она подходит, отдаешь свою шапку-ушанку и получаешь алюминиевую ложку. Обед у нас состоял из трех блюд: суп «погоняй», каша «шрапнель» да кисель «а ля малина», размазанный по большой алюминиевой тарелке. Ребята шутят: «Жив-то будешь, а к девочкам не пойдешь».

Целыми днями мы летаем и штурмуем — теоретически. Читаем все, что находим о воздушных и наземных боях, изучаем тактику свою и противника. Нам уже выдали полетные карты. Мы их подбираем, склеиваем — получаются целые простыни: далековат наш маршрут до фронта…

По настоянию доктора Козловского меня из общежития с трехярусными кроватями на девяносто человек перевели в финский домик. Там освободилась комната и командование предложило ее мне — все-таки единственная женщина. А я в этом милом домике чуть было богу душу не отдала.

Пришла под вечер с аэродрома замерзшая, смотрю: печка истоплена и еще угольки не потухли — так красиво переливаются то синими огоньками, то красными, то золотыми. Засмотрелась я на них, согрелась. Затем выпила какую-то таблетку, прописанную нашим доктором для успокоения, и прилегла на кровать, не раздеваясь заснула. Как будто наяву вижу Виктора в белой рубашке с галстуком, на голове у него расписная тюбетейка, а я в каком-то тумане вижу и себя в плиссовой черной юбке, голубой футболке с белым воротничком и со шнуровкой. На мне белый берет и белые с голубой окантовочкой прорезиненные тапочки с белыми носками. Берет держится буквально на макушке и правом ухе — шик.

Все это великолепие приобретено мною в торгсине на подаренную мамой старинную золотую монету. И вот теперь во сне, как наяву, вижу себя в этом торгсиновском великолепии, а Виктора при галстуке, который он никогда не носил. Мы с ним в Сокольниках среди ромашек, на какой-то громадной поляне. Виктор сорвал мне одну ромашку и говорит: «На, погадай, кто тебе больше из нас нравится. Я или „князь“ Тугуши?..»

Мне легко и весело и вдруг, как сквозь сон, слышу: кто-то стучится. Хочу встать, а не могу.

А в дверь барабанят все громче и громче и кричат, повторяя мое имя. Кое-как поднялась, пошла по стеночке. Упала, приподнялась, опять упала. Решила ползти — ничего не получается. Наконец дотянулась до двери и, повернув ключ,

сползла на пол.

Оказалось, угорела: истопник рано закрыл в печи задвижку. К счастью, поздно вечером мимо моего домика проходили наши летчики. Увидели в окне свет и решили заглянуть на огонек. Стали стучать, а дверь им не открывают. Тогда ребята поняли — случилось что-то неладное. Ну, а потом понесли меня отхаживать на свежий воздух. Именно отхаживать — всю ночь водили по улице. Я, уже плача, просила отпустить меня, дать отдохнуть, но пилоты были неумолимы: у них была своя «метода лечения» после угара — авиационная.

Утром я явилась на занятия. Их вел сам командир полка. Долго смотрел на меня, потом коротко сказал:

— Немедленно в санчасть!..

Доктор Козловский опять запричитал надо мной:

— Милая моя девочка, да что же это за напасти такие сыплются на тебя, как из рога изобилия… Где это тебя так угораздило лоб разбить?

— Упала на ключ дверной, — и я рассказала доктору о своем сне, и добавила: — Хорошо бы мне не просыпаться…

Козловский замахал на меня руками и стал отчитывать:

— Там все будем, а вот достойно на этом свете прожить не всем удается. По своему желанию умирают только слабые, безвольные люди, со слабой психикой… Запомни это, дочка!..

На второй день я пришла на занятия, как ни в чем ни бывало запудрив ссадины…

В те дни настроение у всех было преотличное. Радио сообщило радостную весть — полностью окружены и разгромлены гитлеровские войска под Сталинградом. Завершилась победой величайшая битва второй мировой войны. Красная Армия нанесла удар врагу такой силы, который потряс фашистскую Германию, начался коренной перелом хода войны в нашу пользу.

После Сталинградской победы Красная Армия развернула наступление на всех участках фронта от Ленинграда до Кавказа. И опять главное усилие сосредоточилось на южном крыле фронта.

После разгрома котельниковской группировки противника войска Южного фронта развернули наступление на ростовском направлении. Во взаимодействии с войсками Закавказского фронта они должны были окружить и уничтожить группировку противника на Северном Кавказе. Немецко-фашистское командование, стремясь избежать окружения своих войск, с 1 января 1943 года стало отводить их из района Моздока в северо-западном направлении. Войска Закавказского фронта перешли к

преследованию отходившего противника. Отступая, гитлеровцы бросали технику, награбленное имущество, даже раненых, и к началу февраля отвели к Ростову только часть северокавказской группировки. Основные же ее силы, избегая флангового удара Южного фронта, были вынуждены отойти на Таманский полуостров.

Крылом к крылу

Тем временем мы получали новенькие, серебристой окраски, самолеты с кабиной для стрелка, в которой устанавливалась полутурель с крупнокалиберным пулеметом. Эта новинка радовала нас. Теперь штурмовик будет надежно прикрыт с хвоста от истребителей противника.

Мы торопились поскорее вылететь на фронт, но задерживала погода. Шел март, а зима словно взбесилась и никак не хотела уступить весне. Но вот ударили морозцы, небо расчистилось, показалось солнце. Мы взлетели и взяли курс на Саратов.

Ничто не предвещало беды, скорее наоборот, было как-то по-праздничному радостно — и ясное голубое небо, и боевые друзья крылом к крылу.

Вот показался и Саратов. Мы должны сесть на аэродроме «Разбойщина». Горючее из-за дальности полета на пределе, на второй круг уходить опасно, а потому нужно было, как только сел, быстрее отрулить, освободить посадочную полосу. Вдруг кто-то замешкался и идущий следом за ним летчик пошел на второй круг. Мотор обрезал, машина зависла и с креном рухнула на землю… Погиб младший лейтенант Пивоваров. Мы все были потрясены гибелью товарища. Сажали свои самолеты, кто где попало. Я много видела смертей на войне, но здесь, в глубоком тылу, когда забылась, хотя и на короткое время, война, видеть гибель товарища было тяжко…

Только что, сегодня утром, в столовой за завтраком мы сидели с ним за одним столом и он, приглаживая светлые волосы, падавшие на высокий лоб, и скосив синий-синий глаз в мою сторону, говорил, обращаясь к летчику Соколову:

— Володя, ты не знаешь, кому Егорова будет отдавать свои сто граммов водки за боевой вылет?

— Я буду ставить свою стопку на аэродроме у «Т», чтобы ты и другие любители Бахуса на запах возвращались домой, на свой аэродром, а не блудили и не садились, где кому вздумается.

Ну, зачем я так грубо с ним разговаривала, ругала я себя, зачем? Какое-то сидит во мне второе «я». Это второе «я» совсем меня не слушается. Первое зачастую молчит, а второе — так и лезет на рожон. Когда-то брат мне говорил, что у меня «партизанский» характер. Может быть и партизанский, но я его стараюсь утихомирить, хотя не всегда мне это удается. Вот и сегодня сорвалась и казню себя ужасно…

Второй отрезок нашего пути — Саратов-Борисоглебск — короче первого, пролетели быстро. Однако, что это? Вижу — на

моей машине не выпускается левое колесо… Весь полк приземлился, а я кружу над аэродромом, на разных режимах полета стараюсь выпустить заевшую стойку, но не удается. С опаской поглядываю на бензометр: горючее скоро кончится. Последний раз пытаюсь энергичным пилотированием заставить открыться створку шасси. Все напрасно. С земли по радио мне уже приказывают садиться на «брюхо». Жалко новенький самолет. И я принимаю решение совершить посадку на одно правое колесо.

Захожу на посадку. Перед самым приземлением осторожно накреняю машину в сторону выпущенного колеса. Самолет мягко касается земли и с правым кренчиком бежит по полосе аэродрома. Стараюсь удержать штурмовик в этом положении, как можно дольше. Но скорость уменьшается, машина уже не слушается рулей, крен постепенно гаснет, и вот, описав полукруг, очертя землю левым крылом и винтом, «ил» замирает — кончилось горючее…

Народу собралось вокруг машины видимо-невидимо, а я сижу в кабине с закрытым колпаком в каком-то оцепенении. Пот льет по лицу, спине, руки мокрые… На крыло самолета вспрыгнул капитан Карев.

— Вылезай, что сидишь? Хотел тебя с цветами встретить, да в Борисоглебске даже цветочных магазинов нет. Считай, букет за мной!

Я спустилась на землю и первым увидела перед собой преподавателя аэродинамики Херсонской авиашколы. Оказывается, мою «альма-матер» эвакуировали в Борисоглебск и объединили со здешним истребительным училищем, где до войны учились: Виктор Кутов, Лука Муравицкий и другие метростроевцы.

В этот день механики заменили винт, выправили и закрасили крыло, и мой Ил-2 стоял в ряду со всеми самолетами полка, ничем от других не отличаясь.

Наутро мы летели дальше, к фронту. Дозаправились бензином в Тихорецкой и взяли курс на конечный пункт нашего маршрута — Тимашевскую в распоряжение 230-й штурмовой авиационной дивизии, 4-ой воздушной армии. В ту самую Тимашевскую на Кубани, где жила мать, проводившая на фронт девять своих сыновей. Не одного, не двух и не трех, а девять! — Александра, Николая, Василия, Филиппа, Федора, Ивана, Илью, Павла и самого младшенького — Сашу, родившегося в 1923 году и ставшего в 1943 Героем Советского Союза посмертно. Никто из сыновей не вернулся домой…

Штаб нашего полка был уже на месте и загодя приготовил нам жилье в школе. Всем остальным нас обеспечивало БАО —

батальон аэродромного обслуживания.

Меня поселили в домике, недалеко от школы, где жили летчики у славной молодой женщины — хозяйки дома, муж которой был на фронте.

Доктор Козловский постарался, как всегда, организовать баню. Теперь баня была не в развалюхе какой-то. Приехал большой автофургон, встал около речки, набрал воды, нагрел и пошли туда желающие париться, строго соблюдая очередность, установленную начальником штаба полка и доктором.

Тамань

В строй нас вводили недолго. Изучили пилоты район боевых действий, познакомились с разведанными и, как любил говорить замкомэск второй эскадрильи Паша Усов, «поехали».

И вот новый начальник штаба полка капитан Яшкин, назначенный к нам вместо убывшего капитана Белова, собрал в штабной землянке весь летный состав для доклада боевой обстановки на нашем участке фронта.

Вначале он доложил нам, что прибыл из академии, не закончив ее, а до этого был заместителем начальника штаба 366-го скоростного бомбардировочного полка. До войны Яшкин служил младшим командиром, а вообще-то он был из потомственных питерских рабочих. Отец его работал на заводе «Красный гвоздильщик» и погиб в блокаду. При этих словах Яшкин одной рукой, пальцами начал причесывать светлые непокорные волосы, а другой вытер на щеке слезу из ясных голубых глаз…

Бывает так в природе, подумала я, день ясный, солнечный и вдруг, откуда ни возьмись, темная тучка…

— Я тоже на «Красном гвоздильщике» начинал свою трудовую деятельность. Сестра Анастасия на фронте — медсестрой, — доверительно закончил Леонид Алексеевич. Затем он встал из-за стола, одернул гимнастерку, как бы стряхивая тяжелые воспоминания, поправил ремень, на нем кобуру с пистолетом, принял строевой вид и начал свой доклад. Приведу его.

Весна сорок третьего года принесла на Кубань дыхание победы. Вместе с первой капелью, с первым теплом в Краснодар пришло освобождение. Над столицей края вновь реет алый стяг. Развивая наступление на юге, наши войска очистили от фашистской нечисти советскую землю. Они продвинулись вперед на сотни километров и освободили многие районы Северного Кавказа, Ростовской области, часть Украины и вышли к Азовскому морю. Чтобы как-то выровнять положение, для поддержки своих войск с воздуха гитлеровское командование сосредоточило на аэродромах Крыма и Тамани около тысячи самолетов 4-го воздушного флота и около двухсот бомбардировщиков, базировавшихся в Донбассе. Наше командование не осталось в долгу и также перебросило на Кубань из своего резерва три авиационных корпуса. Вместе с находившимися здесь 4-й воздушной армией и 5-й, авиация Черноморского флота и две дивизии авиации дальнего действия.

Такого еще не знала военная история. На относительно небольшом участке сконцентрировались небывало крупные авиационные силы обеих сторон. В воздухе развернулось одно из крупнейших сражений второй мировой войны…

Немцы еще носят траур по погибшим у стен Сталинграда, а наша армия, воодушевленная этой победой, продолжает гнать фашистские орды на всех участках фронтов от Ленинграда до Кавказа. Планы захвата кавказской нефти, овладения побережьем Черного моря и его портами окончились для гитлеровцев их полным разгромом и бегством с Северного Кавказа в сторону Ростова и Таманского полуострова. Теперь, опасаясь прорыва советских войск, противник построил от Новороссийска до Темрюка мощный оборонительный рубеж.

Там железобетонные доты, дзоты, противотанковые и противопехотные укрепления, траншеи с ходами сообщения, густые минные поля, большое количество полевой, зенитной артиллерии. За обилие водных преград эту сильно укрепленную позицию гитлеровцы назвали Голубой линией. Она, по их замыслу, должна прикрыть отход войск в Крым.

Тамань… Невольно припомнилась мне лермонтовская «Тамань». Я люблю Лермонтова. Еще до войны Виктор Кутов подарил мне томик его стихов, и теперь он шагает со мной по военным дорогам…

-… Чтобы создать угрозу с флангов, — доносится откуда-то со стороны голос начальника штаба, возвращая в действительность, — и помешать немецкому флоту использовать Цемесскую бухту, в ночь на четвертое февраля из Геленджика был высажен десант морской пехоты. Отряд под командованием майора Цезаря Куникова бесшумно подплыл к окраине Новороссийска в районе рыбацкого поселка Станичка и занял плацдарм, названный Малой землей.

Гитлеровцы всячески стараются ликвидировать плацдарм. Они бросают в атаки большие силы пехоты, танков, артиллерии. Так что сейчас на плацдарме бои не затихают ни днем ни ночью. Там не осталось ни кусочка земли, куда бы не попали снаряд или бомба. Вот мы и будем помогать десантникам, уничтожать фашистскую нечисть на Таманском полуострове…

«Анюта, давай ростом меняться!»

Напрягая память, я вспоминаю, как на рабфаке историчка рассказывала нам, что Тамань основана греками полторы тысячи лет назад, что потом здесь побывали хазары, монголо-татары, генуэзцы, турки… Суворов построил там крепость…

— Получена задача. Прошу командиров эскадрилий задержаться для уточнения, — с этими словами в землянку вошел командир полка Козин и развернул на столе карту.

Мы оставили тесное помещение, но не разошлись- ждали решения: а вдруг кто полетит на боевое задание? «Может быть, и меня включат в боевой расчет?» — робко думала я.

Все возбуждены — и новички, и «старички», но стараются это скрыть. Ржевский рассказывает анекдот о том, как дочь попросила отца рассказать все, что он знает о паровозе, которые только-только появились. Отец долго рассказывал, показывал на рисунке, а потом спросил дочку: «Ну, все поняла?» «Все, папочка! Только покажи, пожалуйста, а куда лошади впрягаются…» Летчики смеются. Небольшого роста, крепыш из Рыбинска, Володя Соколов подбежал ко мне вприпрыжку и, с трудом придав лицу строгость, сказал:

— Анюта, давай ростом меняться!

— Давай, Вовочка. Я так люблю туфельки на высоких каблучках, а из-за высокого роста стесняюсь их носить. Только как мы это сделаем? И что я буду иметь за разницу, ведь у меня рост сто семьдесят сантиметров, а у тебя только сто шестьдесят?

— Соколов, Егорова, Вахрамов, Тасец, Ржевский, к командиру! — это приказ начальника штаба.

Враз забыли все анекдоты — и бегом в землянку…

Маршрут полета нам предложили не по прямой, а какими-то зигзагами.

— Обойдем зенитки противника стороной. Так будет лучше. От строя не отставать, делать все так, как я, — сказал штурман Карев, наш ведущий, и показал на схеме, кто где летит. Мое место — ведомой справа от Петра Карева.

О чем я думала перед первым своим боевым вылетом на штурмовике — трудно сказать. Страха не было. Было какое-то удовлетворение: вот включили в первую группу вылета, теперь мне надо не ударить лицом в грязь, ведь я — единственная женщина среди стольких мужчин, да еще каких — летчиков-штурмовиков!

Прикрывать нас с воздуха предстоит четверке ЛаГГ-3 из братского полка истребителей, что стоит с нами на одном

аэродроме. В нашей 230-й штурмовой авиадивизии было пять полков — четыре штурмовых и один истребительный; командовал тогда дивизией Герой Советского Союза полковник Семен Григорьевич Гетьман.

И вот мы сидим в кабинах боевых машин и ждем сигнала — зеленой ракеты. Взгляд скользит по приборам, пальцы пробегают, будто нащупывают, по многочисленным переключателям, рычажкам — проверяю правильность их положения. Механик моего самолета сержант Римский тут же, рядом с самолетом. Он давно подготовил его к боевому вылету, но теперь то чистой тряпкой протрет уже давно прочищенное и сверкающее бронестекло фонаря, то поправит парашютную лямку на моем плече и посмотрит, как бы спрашивая: «Ну, чем тебе еще помочь?..»

— Спасибо, друг. Мне надо немножко побыть одной и сосредоточиться, собраться с мыслями, — благодарю я механика и вижу впереди себя слева штурмовик Карева.

Ведущий группы спокоен. Он положил руки на борта кабины и, кажется, поет. «Неужели его нисколечко не волнует предстоящее задание?» — думаю я. Но мысли мои обрываются вместе с зеленой ракетой над командным пунктом. Противно шипя, она взлетала над полем и стала медленно-медленно падать и догорать. Нам взлет! Курс — на Малую землю.

В полете я стараюсь держаться ближе к Кареву, боюсь, как бы не отстать. Ведущий раскачивает самолет в маневре — и я тоже, он пикирует до самой земли и я пикирую, он стреляет- и я стреляю. Бомбы сбросила тоже вслед за ведущим.

После четвертого захода на цель при выходе из атаки все-таки отстала. Да не просто отстала, а потеряла всю группу. Что тут делать?.. Лечу одна в сплошных разрывах от снарядов. Маневрирую отчаянно, ищу группу — и не вижу…

Около Мысхако развернулась на свою территорию. Над Цемесской бухтой дрались десятки наших и вражеских самолетов. В море падали боевые машины, летчики на парашютах, от берегов враждующих сторон к ним спешили катера. Такую картину боя я видела впервые…

Трудно было разобраться новичку в той кутерьме, которая творилась над Таманским полуостровом. Два истребителя, как коршуны, бросились в мою сторону. Я почему-то приняла их за наши «яки», но, когда впереди справа прошла пулеметная трасса и они стали разворачиваться для повторной атаки, я отчетливо увидела на фюзеляжах белые кресты. Вели себя немцы предельно нагло, ничуть не заботясь о защите, атаковали с разных сторон, однако безрезультатно. Скорость штурмовика меньше, чем

«мессершмитта», и вот в одной из атак они проскочили вперед и оказались в моем прицеле. Нажала я одновременно на все гашетки, да жаль, выстрела не последовало: весь боезапас был израсходован над целью.

Спасли меня в тот раз наши истребители. Они отогнали фашистских стервятников от моего самолета, даже сбили одного, и я благополучно вернулась на свой аэродром.

На разборе боевого вылета капитан Карев строго укорял меня за отставание от группы. Не согласиться с ним было нельзя, и я покорно призналась в своем недосмотре. В этом вылете в районе цели были сбиты зенитками летчики Вахрамов и Соколов. А через несколько дней они вернулись в полк. Вахрамов с воздушным стрелком были подобраны в море нашим катером, Соколов же, дотянув до своей территории на подбитом штурмовике, сел в плавнях у реки Кубань.

Няньки штурмовиков

Нас, штурмовиков, надежно прикрывали с воздуха истребители. Позывные братьев Глинок — Бориса Борисовича и Дмитрия Борисовича — «ББ» и «ДБ» наводили страх на фашистских летчиков, а когда в воздухе был Покрышкин, то нам казалось, небо над Таманью становилось чище.

«Внимание! Внимание! В воздухе Покрышкин!» — открытым текстом радировали немецкие посты наблюдения, и фашистские асы без промедления покидали жаркое кубанское небо. Я и сейчас помню имена многих прославленных на Кубани воздушных бойцов: Г.А. Речкалов, В.И. Фадеев, Н.Ф. Смирнов, Г.Г. Голубев, В.Г. Семенишин, В.И. Истрашкин.

Лихим истребителям, мне кажется, не очень-то нравилось летать на прикрытие нас, штурмовиков, быть нянькой. Другое дело — получить задание на свободную охоту! Отыскал цель, завязал воздушный бой, не оглядываясь на штурмовиков, сбил фашиста и вернулся на аэродром победителем. А летая на прикрытие, когда-то еще там удастся сбить противника — жди…

Воздушные бои с гитлеровскими самолетами вели и мы помню, прогремел на всю Кубань бой летчики Рыхлина. В полк Рыхлин пришел без воинского звания — в осоавиахимовской гимнастерке с «птичками» на петлицах и с шикарным нарукавным знаком — эмблемой ВВС. Работал он летчиком — инструктором в аэроклубе. Налет у Рыхлина был большой, и в строй его ввели быстро. Уже во втором боевом вылете вчерашний инструктор шел в составе шестерки штурмовиков под командованием капитана Мкртумова — Героя Совецкого Союза.

… Промелькнула сероватая полоска реки Кубань. Слева сквозь пелену низких облаков изредка виднелись горы. К цели мы должны были подойти незаметно, с моря, и ведущий начал понемногу снижаться, увлекая нас за собой к земле. Теперь мы неслись на бреющем. Мне отчетливо виден в открытую форточку фонаря кабины сосредоточенный профиль Мкртумова. Шлемофон туго обтянул его красивую голову с восточным профилем, на длинной шее виднеются ларингофоны, застегнутые на последнюю кнопку, а из-под шлемофона выглядывает белая полоска подшлемника, отчего лицо кажется еще более темным, загорелым.

Вот станица Крымская осталась под крылом справа, и тогда ведущий опять изменяет курс, набирает высоту. Чтобы не отстать, я энергично двинула вперед сектор газа — скорость заметно

прибавилась. Пересекли линию фронта. Сквозь поднявшийся туман показалась морская синева. Далеко внизу орудийные вспышки это стреляют зенитки. Запрыгали, запрыгали вокруг самолета маленькие серенькие облачка разрывов. В правую плоскость штурмовика Мкртумова угодил крупный осколок снаряда, но машина продолжала быть послушной воле летчика.

В последние секунды перед атакой возникает особенно сильное напряжение. Кажется, ничего в мире больше не существует для тебя — все внимание приковывается к ведущему и на цель. В том полете целью были танки с крестами на броне. Наши танкисты и артиллеристы из последних сил сдерживали натиск врага. Помощь им с воздуха оказалась кстати. Бомбы точно накрыли цель, затем последовала страшная для немцев штурмовка — не случайно они дали нашим «илам» такое суровое название: «черная смерть».

Штурмовка танков — дело сложное, связанное с большим риском. Танковое орудие обладает завидной точностью попадания, и не раз опрометчивые летчики платили за просчет жизнью. Тут надо очень внимательно следить за высотой. Чуточку увлекся Золотой (так мы звали между собой Рыхлина за его огненно рыжую шевелюру), забыл в горячке боя о высоте — один из гитлеровских танков мгновенно задрал вверх хобот своей пушки и открыл стрельбу по самолету! Машина Рыхлина, с трудом выйдя из атаки, отвернула в сторону Геленджика. Но на нее, как снег на голову, свалились четыре «мессершмитта». Ничего не оставалось делать летчику, пришлось вступить с ними в бой.

Зная силу лобового огня нашего штурмовика, немецкие истребители с передней полусферы атаковать боялись. И высокая скорость «мессершмитта» в сложившейся обстановке была для них помехой, этим Рыхлин и решил воспользоваться. В то время, когда два стервятника, выпустив шасси для уменьшения скорости, подкрались к штурмовику сзади и в упор расстреливали его, Рыхлин резко развернул самолет в сторону противника, и сам пошел в атаку. Прямо в прицеле «ила», подставив свое желтое брюхо, оказался один «мессершмитт». Летчик нажал на все гашетки — желтобрюхий задымил, свалился на крыло и упал в бухту.

Такая же участь постигла второго гитлеровца. Третьего подбил воздушный стрелок Ваня Ефременко, будучи уже раненным в руку; задымил и четвертый «мессер», повернув в свою сторону.

Один, израненный, вышел наш штурмовик против четверки фашистских истребителей и одолел врага! Это была

внушительная победа летчика, совершавшего всего лишь второй боевой вылет.

У Рыхлина хватило сил дотянуть на изрешеченном самолете до узкой полоски земли у Черного моря. Он приземлился на Тонком мысе, под Геленджиком. Многие наши воины наблюдали с земли за столь редкой картиной воздушного боя, и, когда летчик посадил машину, моряки, оказавшиеся рядом, готовы были на руках нести бесстрашного героя.

Военный свет 4-й воздушной армии высоко оценил подвиг отважных воинов. Н.В. Рыхлина назначели командиром звена и повысели в воинском звании до старшего лейтенанта. Сержант И. С. Ефременко стал младшим лейтенантом. Указом Президиума Верхнего Совета Союза ССР от 24 мая 1943 года Н.В. Рыхлин и И.С. Ефременко были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

А ну-ка, девушки!

Великой русской литературе обязаны мы величием славянки, которая «коня на скаку остановит, в горячую избу войдет». Но, пожалуй, война так убедительно доказала всему миру, какие «есть женщины в русских селеньях», на какой взлет души способны они во имя Родины!

Тогда, в скорбную годину войны, героизм стал не уделом одиночек — судьбой поколения. А уж вынести то столько, сколько вынесла русская женщина, вряд ли еще кто сможет. Да и не приведи Господь такое никому на земле! Не надо…

«Девчата, вы сами не знаете, какие вы люди! Цены вам нет, девчата!» взволнованно говорил генерал-лейтенант И.Д. Долгов на слете женщин фронтовичек в Калинине. И вот захотелось рассказать о них, дочерях земли русской.

В войну Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова сформировала три женских полка: на пикирующих бомбардировщиках Пе-2, на истребителях Як-3 и ночной легкобомбардировочный на По-2, На нашем участке фронта в 1943 году пример мужества и высокого боевого мастерства проявляли мои подруги, летчицы на пикирующих бомбардировщиках Пе-2.

Девятка «петляковых» во главе с командиром эскадрильи Женей Тимофеевой полетела на боевое задание в составе колонны из двадцати семи самолетов. Их сопровождали истребители прикрытия. Девятка Тимофеевой замыкала колонну. Из-за сильной облачности на маршруте от «петляковых» оторвалась шестерка истребителей прикрытия. Этим воспользовался противник, и в момент нанесения удара по цели девятку капитана Тимофеевой атаковали восемь «мессершмиттов». Летчицы не растерялись, отражая атаки врага. Всей группой они набрали высоту, прижались к самой кромке облаков, и гитлеровцы, потеряв возможность нападать с верху, рассыпались, стали действовать в одиночку, с разных направлений.

Девушки с «петляковых», сохраняя боевой порядок, встретили «мессершмитты» сильным сосредоточенным огнем. Первый вражеский истребитель сбила Маша Долина, второй — А. Скобликова, третий уничтожили совместно Е. Тимофеева, К. Фомичева и М. Кириллова, а четвертый сгорел от огня В. Матюхиной и М. Федотовой. Экипажи Язовской и Шолоховой тоже успешно отразили несколько атак истребителей. Боевое задание девятка девушек на пикирующих бомбардировщиках

выполнила успешно. И мне было приятно узнать об этой фронтовой новости: все-таки молодец не только брат, но и наша сестра!..

В женском полку на По-2 служила Маша Смирнова, моя подружка по калининскому аэроклубу. 940 раз в небо, ночью с бомбовым грузом на тихоходном из фанеры и перкаля самолетике поднималась миловидная, небольшого росточка Машенька. Это о ней писала армейская газета:

Фриц обезумел от страданья,
Он ходит нынче сам не свой:
Одно небесное созданье
Его нарушило покой.

Лишает фрица сна ночного
Неуловимая Смирнова.
Настанет ночь — летит опять
И не дает фашистам спать,

Поднимет их, задаст им встряску,
Разбудит фрицев, а тогда
Своей увесистой фугаской
Уснуть заставит навсегда.

В том же полку у Бершанской воевала замечательная летчица Катя Пискарева, бывший инструктор — летчик нашего Калининского аэроклуба, где, как и мы с Машей Смирновой работали, и где все вместе встретили в сосновом бору у «Пролетарки» известие о начале войны. Мы с Катей окончили Херсонское авиационное училище. Только она — инструкторский курс, а я — штурманский. Летала Пискарева мастерски и, как педагог, была на лучшем счету. Все ее учлеты сдавали экзамены государственной комиссии только на отлично. Ее хвалили, вручали грамоты, благодарили в приказах. Потомственная тверячка с голубыми глазами и льняными волосами, крепко сбитая по-деревенски, веселая певунья и плясунья нравилась всем. И вот, как снег на голову, начальник аэроклуба Трофимов издал приказ, в котором Е.И.Пискаревой объявлялся строгий выговор за непедагогическое поведение в быту…

Все удивлялись — за что? Позже узнали: Катя вечерами ходила в городской сад на танцы. Туда ходили и учлеты аэроклуба спецнабора. Кто-то «засек» Пискареву, танцующую со своими учениками. «Ведь они почти ровесники и что особенного в том?» — шушукались инструкторы. В войну Пискарева попала к

Расковой по направлению ЦК ВЛКСМ одной из первых. Совершила более 800 успешных боевых вылетов на бомбометание вражеских объектов и позиций.

Однажды на Тамани она ночью полетела без штурмана, чтобы побольше взять груза, на своем легоньком По-2 — продукты и боеприпасы десантникам на Эльтиген. Ночью точно найти цель очень трудно, и тогда летчица подошла к Эльтигену на высоте 700 метров, выключила мотор и стала бесшумно планировать на берег. Сбросила осветительную ракету. На мгновение увидела цель и тут же сбросила груз, да как закричит в ночи: «Полундра, забирай подарки!» Это она для морской пехоты старалась… Вообще Пискарева не терялась даже в самых тяжелых ситуациях. Веселый характер и доброжелательность были с ней всегда.

В полку Бершанской двадцати двум летчицам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, но вот Катю Пискареву обошли. Успешных, эффективных боевых вылетов у нее насчитывалось предостаточно и по статусу ей положено звание Героя!

Пережила Катя обиду. После войны окончила институт, вышла замуж, вырастила троих хороших детей. Живет и работает во Львове.

Не все летчицы попали к Расковой. Многие из них воевали и в мужских подразделениях. На истребителе Як-3 в мужском полку летали москвички Лиля Литвяк и Катя Буданова. Лиля сбила двенадцать вражеских истребителей и аэростат, а Катя — десять. У Литвяк был такой случай, когда она сбила фашистского аса, награжденного высшими наградами фюрера. Фашист спасся, выбросившись из горящего самолета с парашютом. На допросе он первым делом попросил показать, кто его такого отважного сбил. Пришла очень красивая стройная девушка. «Вот она сбила тебя», — сказали фашисту. Летчик рассмеялся. А когда Лиля напомнила ему элементы, боя склонил голову. Имя Лили Литвяк занесено в книгу рекордов Гиннеса. Обе летчицы погибли…

Штурмовик Ил-2 далеко не дамский самолет, а вот моя землячка Калинина Тамара Константиновна летала на нем под Псков, Нарву, Кенигсберг… Весь Ленинградский фронт знал, что в 999-м штурмовом авиационном полку служит женщина-штурмовик, а при ней… пятилетняя дочка! Но не только дочкой прославилась Константинова, а и мастерством бомбовых и штурмовых ударов по вражеским позициям.

Командир полка Павел Зеленцов сказал о летчице, что она отлично летает, точно бомбит и стреляет, четко держится строя, а еще она — надежный товарищ в бою!..

У Тамары так сложились обстоятельства. Ее муж Василий,

летчик, погиб в первые дни войны, брат Владимир, тоже летчик был на фронте; мать Зинаида Михаловна- учительница, больная и была сестренка Августа, еще маленькая. Обстановка в Калинине после освобождения города складывалась тяжелой, так что дочка Тамары осталась с матерью на аэродроме. У нее было много друзей: летчики, воздушные стрелки, механики, девушки-оружейницы. Кто оказывался свободен, тот с ней и занимался. И когда Тамара улетала на боевое задание, она знала, что для дочки нет ничего надежнее, теплее и ласковее рук ее однополчан, боевых товарищей…

— Верочка, что ты здесь за каптеркой делаешь? — спрашивает командир эскадрильи Женя Иванов, который очень полюбил девочку. — О маме соскучилась?

— Соскучилась, — отвечает девчушка. — Но все равно, пусть полетает подольше.

— Верочка, — строго говорит ей летчик, сдвинув брови, — вижу я, что вы с мамой рассорились?

— Нет, все хорошо, мы с мамой дружные.

— Почему же ты хочешь, чтобы она подольше летала?

Девочка долго молчит, качает самодельную куклу и, наконец, решается сказать:

— Когда мама летает, я могу бегать везде. А при маме нельзя. Она ругается: «Мины кругом, мины кругом… Взорвешься…»

Летчик взял девочку на руки и ласково сказал:

— Знаешь, Верочка, а ведь мама права. Я тебе тоже самое хотел сказать…

На следующий день погиб Евгений Иванов — комэск первой эскадрильи. Сгорели над целью летчики Синяков и Таранчиев. Тяжело ранило Петра Гонтаренко. На изрешеченном самолете прилетела Тамара Константинова. И тогда командир дивизии, полковник Федор Хатминский, вызвал Константинову в штаб и сказал:

— У меня есть семья, жена и двое детей — две девочки. Они живут в Ленинграде. Давайте отправим к ним вашу дочь. Не беспокойтесь, ей там будет хорошо. Я списался с женой, договорился, нужно только ваше согласие.

— Спасибо, товарищ полковник, но я не могу этого сделать не могу обременять вас, вашу семью.

— А что будет с дочкой, если погибнешь?

— Я об этом не думала. Вернее, не о том, что будет с дочкой, а о том, что погибну.

— Ты права. Никто из летчиков, идя на боевое задание, не думает о смерти. Но никто из нас — и ты, и я в том числе — не застрахованы…

Тамара продолжала летать на боевые задания, а Верочка бегать, как ни в чем не бывало, на аэродроме, среди технического состава.

В одном из вылетов во время атаки танков группа штурмовиков попала под интенсивный зенитный огонь. Константинова ощутила удар в мотор самолета, вслед за этим увидела изморозь на стеклах фонаря и почувствовала характерный запах гари от прямого попадания в мотор. Тяга мотора падала, и самолет стал терять высоту. А под крылом — буераки, овраги, бой… Летчица пробовала менять обороты, включала форсаж, чтобы восстановить устойчивую работу мотора, но это ей не удавалось. Товарищи продолжали атаковать цель, а она, выйдя из строя, развернула штурмовик на восток.

Летит, а на земле все еще вражеская техника и бьют по ее штурмовику из всего, что только можно поднять в небо. Правда, двигатель периодически развивал полные обороты. Самолет тогда разгонял скорость и набирал высоту, а спустя некоторое время, опять снижался. Откуда ни возьмись, появились фашистские ястребы и атаковали его с двух сторон! Когда немцы проскочили вперед, Тамара ударила по ним из всего оружия, какое было на Ил-2. Один «мессер» задымил, а второго и еще одну пару отогнали наши истребители.

Совсем немного не долетела Константинова до своего аэродрома. Села она на ровное поле, окруженное вековыми деревьями. При осмотре оказалось, что у штурмовика полностью перебита водяная труба, ведущая к радиатору. Все это время мотор тянул, охлаждаясь, по существу, только маслом. На второй день после этого вылета Тамара улетела на По-2 с дочкой в Калинин. Отвезла ее к матери. Там она узнала радостную весть — брату Владимиру 13 апреля 1944 года присвоено воинское звание Героя Советского Союза.

Тамара Федоровна Константинова Героем стала в июне 1945 года. Брат и сестра боевые летчики, оба многократно вступали в смертельные схватки с врагом в воздухе. Тамара — на штурмовике Ил-2, а Владимир Федорович — на По-2 в ночном легкобомбардировочном полку.

Тит Кириллович

Полеты, полеты… Все уже измотались, а передышки не было. Редели ряды штурмовиков. Погода частенько портилась, облачность прижимала к земле, машины возвращались после боевых вылетов буквально изрешеченными, и техники едва успевали их латать.

Мы продолжали летать на Косу Чушка, Голубую линию — совершали налеты на аэродромы, железнодорожные узлы, эшелоны с техникой и живой силой противника. Штурмовали и бомбили так же корабли противника в Черном море. Такая работа требовала тщательной подготовки, и мы старательно готовились к каждому заданию.

В один из боевых дней в ожидании приказа на вылет пилоты, улегшись «солнышком» — в круг, голова к голове, — приготовились по очереди рассказывать смешные истории. Если выходило не смешно, то незадачливый автор получал щелчок по лбу (своего рода психологическая разрядка). От безделья всем захотелось есть, а обед запаздывал, так что наши взоры направились на дорогу, в станицу, откуда девушки из БАО (батальон аэродромного обслуживания) должны были привезти нам обед.

— Везут, везут! — радостно закричал Вася Костеров, богатырского сложения москвич, первым заметивший батальонную полуторку. Но в это же самое время прибежал посыльный с КП и объявил:

— Боевой расчет, к командиру полка!

Забыв о еде, все бросились к штабной землянке.

Подполковник Козин — в гимнастерке, при орденах, без головного убора стоял у стола. Светло-русые волнистые волосы его лежали волосок к волоску, и казалось, будто он только что из парикмахерской: легкий ветерок в нашу сторону доносил запах тройного одеколона. На этот раз его заветная трубка лежала на пепельнице — расплющенной гильзе от снаряда. И Михаил Николаевич не спеша принялся объяснять нам предстоящую боевую задачу:

— На станции Салын, на Керченском полуострове, скопилось много эшелонов с техникой и живой силой противника. Ваша задача нанести бомбовый удар и штурмовку эшелонов, с тем чтобы гитлеровцы не успели перебросить их на Тамань, через Керченский пролив. Ведущим назначаю летчика Усова. Маршрут вашего полета давайте продумаем и проложим вместе. Мне кажется, идти надо бреющим над Азовским морем, выскочить на

станцию внезапно и нанести удар…

Взвилась над аэродромом ракета — мы вырулили на старт и пошли по очереди на взлет.

Следом взлетают истребители прикрытие из братского полка шестерка ЛаГГ-3. Подлетая к Азовскому морю, мы начали снижаться, но тут гитлеровцы открыли по нам огонь из береговой артиллерии. На моих глазах вспыхнул и горящим факелом рухнул в море самолет капитана Покровского. Мне показалось, что на какое-то мгновение наша группа даже замедлила свой полет, а затем ведомые подтянулись к ведущему, и мы опять устремились вперед, к цели.

— Господи! За что же его?.. — вырвалось у меня с детства заученное обращение к богу.

Тит Кириллович Покровский… Он пришел к нам в полк уже боевым летчиком с тремя орденами Красного Знамени. Всех удивляло назначение капитана командиром звена. «Такого летчика, и только командиром звена?» — роптали однополчане. Ведь первый орден он получил еще за бои у озера Хасан, второй — в Испании, третий — в самом начале Великой Отечественной. Иногда Кириллыч как, мы стали звать Покровского, уважительно к его возрасту, — а был он с 1910 года, старше нас всех, — забываясь, рассказывал летчикам смешные истории, якобы происходившие с ним, и мы хохотали. Но чаще он был как-то замкнут, на долгое время уходил в себя. Однажды после ужина на аэродроме около станции Поповичевская мы устроили танцы. Покровский сидел очень грустный, ни с кем не разговаривал. Тогда я подошла к нему и пригласила на вальс.

— Спасибо, Егорушка. Пойдем лучше погуляем, — сказал Кирилыч.

И мы вышли. Вечер был теплый, светила луна. Мы направились вдоль станицы, и тут капитан поведал мне свою историю. Когда его сбили в девятый раз, самолетов в полку больше не стало. Летчиков оставалось человек пять-шесть, их отправили в учебно-тренировочный авиаполк (УТАП) для переучивания на новую материальную часть. Однако и там новых самолетов не оказалось — это был конец 1941 года.

Все, без исключения, «безлошадные» пилоты рвались на фронт. Они не хотели бездействовать в такое тяжелое время для Родины, и больше всех отправки на фронт — в любой род войск — добивался Тит Покровский. Он пошел к комиссару УТАПа и высказал о наболевшем, о том, что тревожило многих. Летчик конечно погорячился, а комиссар тут же привлек его для разборки в особый отдел…

Особист повел крутой разговор с Кирилычем — как на

допросе с протоколом, заносчиво, грубо. И тогда Покровский обозвал особиста бездельником, вынюхивающем среди летчиков легкую «наживу». «На доносах зарабатываешь награду, а сам скрываешься от фронта!…» — гневно говорил пилот. Особист молча застегнул папочку с неподписанным протоколом и ушел. Понятно, был сфабрикован злостный навет. Покровского арестовали, затем его судил военный трибунал и приговорил за уклонение от фронта и антисоветскую пропаганду к… расстрелу. В полку возмутились, зароптали, а летчики, еще когда только Покровского арестовали, немедленно отправились на телеграф, где уговорили молоденькую телеграфистку принять срочную телеграмму самому председателю Верховного Совета СССР. Телеграмма дошла в срок и по назначению. Покровский был реабилитирован с возвратом звания, партийного билета и наград. После всего этого ужаса Кириллыч и получил назначение в наш 805-й штурмовой авиационный полк.

… И вот Тита Кирилловича не стало. Самолет вспыхнул и навсегда ушел от нас бесстрашный летчик, честный и мужественный человек.

После гибели Покровского мы потеряли истребители прикрытия: видимо, где-то на высоте завязался воздушный бой. А через некоторое время наша группа пересекла береговую черту и выскочила не на железнодорожную станцию Салын, а на вражеский аэродром Багерово.

На стоянке под заправкой горючим выстроилось около тридцати, а то и больше двухмоторных бомбардировщиков с крестами. Навстречу нам по взлетной полосе уже взлетали «мессершмитты». Ведущий группы Павел Усов, не раздумывая долго, открыл по ним огонь.

— Бей их, гадов! — кричал в эфир Паша. И мы, его ведомые, ударили по фрицам из всего имеющегося на штурмовике оружия.

Усов поджег два «мессершмитта», не успевших взлететь, а мы строчили длинными очередями по стоянке бомбардировщиков. Прочесав аэродром, набрали высоту и тут же выскочили на станцию Салын. Сбросили бомбовый груз на эшелоны с техникой и живой силой противника и через Керченский пролив устремились домой.

Через несколько дней разведка доложила, что мы хорошо поработали на Багеровском аэродроме и на станции Салын. Поработали-то хорошо, да вот потеряли пять экипажей…

Помню механики свертывали, будто саваны, чехлы не вернувшихся из полета машин, а у меня перед глазами все стояли падающие в море и на землю мои боевые друзья… Я вылезла из

кабины самолета, не снимая парашюта, шлемофона, прыгнула на землю и побежала в сторону от стоянки самолетов. Не в силах больше сдержаться, упала тогда на землю и разрыдалась…

— Вы очень устали, Егорова? — услышала вдруг над собой голос командира полка. — Отдохните, успокойтесь. Я не включил вас в следующую группу боевого вылета.

— Нет, нет, я полечу! — вскочила я. — И пожалуйста, не делайте исключений, не обижайте меня!

И вот мой самолет заправлен горючим, подвешены бомбы, эрэсы, заряжены пушки, пулеметы. Я вижу взлетевшую в воздух ракету и снова торопливо лезу в кабину, на ходу вытирая заплаканное лицо…

Петр Карев

В этот раз ведущим у нас идет Петр Тимофеевич Карев — москвич из Замоскворечья. Я любила с ним летать. Лучшего ведущего в полку не представляла. В полете с ним было как-то по-домашнему просто: то шуточку скажет, то прибаутку отпустит — да перед самой атакой!.. Глядишь, и не заметишь, как три-четыре захода на цель сделали. Судьба неоднократно прощала ему дерзкие, а то и откровенно бесшабашные выходки в небе.

Карев на Тамани был кумиром молодых летчиков. Я помню, да и не только я, как Петр Тимофеевич, будучи за командира полка, в очень трудную минуту нашел смелое, находчивое и грамотное решение задачи.

В один из боевых вылетов, на разбеге самолета сорвалась авиабомба и взорвалась. Летчик со стрелком сумели отбежать в сторону и залечь. На самолете было еще пять бомб по 100 килограммов. Взлет тогда прекратили. Но боевое задание-то срывать нельзя. И вот Карев распорядился развернуть старт градусов на тридцать. Самолеты снова начали подниматься в воздух. Несмотря на отворот старта, взлетающие на разбеге проходили близко от горящей машины, в которой были еще бомбы снаряды, эрэсы и, вероятно, каждый мог ожидать взрыва, но самолет взорвался тогда, когда последний Ил-2, управляемый Каревым, был уже в воздухе.

Помню, как однажды Карев, выпив за ужином водки по сто граммов трижды, потому, что в тот день он трижды летал на боевые задания, а за каждый вылет полагалось сто граммов водки, пошел выяснять отношения с зенитчиками, прикрывающими наш аэродром.

— Уж больно вы, други, много снарядов посылаете в «молоко», когда налетают «лапотники», — сказал Карев. — Я вот сейчас взлечу на «иле», а вы стреляйте по мне. Я тоже буду стрелять по вам. Посмотрим, кто кого?..

Эксперимент, конечно, Кареву осуществить не удалось, но все летчики, свидетели того спора, были уверены в Кареве, как в себе, в его непогрешимости и неуязвимости. Мы любили его. Его в полку любили все за искреннее прямодушие, доступность. Он всегда был вместе с однополчанами, жил их радостями, заботами, а в трудную минуту лучше других умел поднять нам настроение.

Капитан не чурался черновой работы, часто можно было видеть, как он взваливал на плечо бомбу потяжелее и быстро нес ее к самолету. Девушки-оружейницы души не чаяли в таком добровольном помощнике и наперебой предлагали постирать

подворотнички, носовые платки… Петр отказывался, благодарил и в ответ, улыбаясь, напевал: «Как много девушек хороших, как много ласковых имен…»

Возле Карева всегда собирались в тесный кружек летчики, механики, техники, воздушные стрелки, и тогда начинался доверительный разговор, который заканчивался обычно взрывом смеха этот Петр напоследок рассказывал свою «абракадабру», как он любил называть анекдоты.

Карева можно было посылать в любой самый сложный полет и при этом быть уверенным, что задание он выполнит до конца. Карев воевал смело и дерзко. Презирая смерть, он шел к цели сквозь огненный заслон фашистских зениток, атаки вражеских истребителей. При разборе боевых вылетов штурман полка ставил перед летчиками различные тактические вводные. Мы все вместе разбирали, как лучше штурмовать железнодорожный эшелон, танковую колонну, бомбить мост или переправу и почему на такие узкие вытянутые цели рекомендовалось заходить не точно по курсу, а под небольшим углом. Речь заходила и о скорости, направлении ветра у земли, на промежуточных высотах, с учетом того, как в этом случае будет выглядеть эллипс рассеивания при бомбометании или стрельбе. Каревская задумка о том, чтобы маневр штурмовиков вести внутри группы стала широко применяться в полку. Раньше от летчиков при любых обстоятельствах требовали строго держать свое место в боевом порядке. Но, Карев добился изменений в тактике и требовал от летчиков — для их же живучести — маневрировать в определенных пределах: летать выше или ниже ведущего, изменять дистанцию между самолетами… Все это улучшило осмотрительность, затруднило атаки фашистским истребителям, а так же мешало их зениткам вести точный огонь по штурмовикам…

Но вот из этого боевого вылета — шестеркой, когда на разбеге взорвалась бомба — домой вернулись только двое: Карев и я, его ведомая.

… Когда после штурмовки мы выскочили на море, внизу под нами, будто гигантские грибы, плавали белые купола — парашюты сбитых летчиков. У меня остались еще две несброшенные бомбы, но позади висели «мессеры», готовые расправиться и с нашей парой. Вдруг прямо под носом самолета замечаю груженую баржу — соблазн очень велик. Дотянула я тогда штурмовик на цель, рванула рычаг аварийного сброса бомб — самолет вздрогнул, закачался и на какое-то время стал неуправляемым. А я слежу за баржей: как она там себя чувствует?

«Ага, все путем!» — как бы сказала сейчас моя внучка. Баржа накренилась и пошла в морскую пучину. Но вдруг сомнение, словно булавкой, кольнуло в сердце: чья же баржа?.. Опознавательных-то знаков на ней я не видела. Отходила она, правда от занятой врагом Керчи, но чем черт не шутит?!

При докладе командиру полка о боевом вылете, о потопленной барже я — ни слова…

Тайна, однако, была уже явью: мой ведущий и наши истребители еще до посадки донесли по радио о гибели немецкого транспорта. И вот на мою гимнастерку рядом с орденом Красного Знамени комдив генерал Гетьман привинтил большую серебряную медаль «За отвагу».

Комдив 230

Наш командир дивизии Семен Григорьевич Гетьман воевал в финскую войну, командуя полком легких бомбардировщиков «Р-зет». Перед Великой Отечественной войной Гетьман получил приказ срочно передать устаревшие «Р-зет» в другой полк, а ему с летчиками ехать переучиваться на совершенно секретный самолет-штурмовик, зашифрованный индексом «Н».

Штурмовик был одноместным, а для переучивания требуется учебно-тренировочный самолет того же типа, но со второй кабиной для инструктора и с двойным управлением — спарка. Такого самолета в помине не было. Тогда Гетьман с инженером дивизии раздобыли спарку самолета Су-2 и стали на нем вывозить летчиков. На планировании инструктор специально разгонял скорость, чтобы отработать скоростные посадки, как на штурмовике. Когда Су-2 летал, летчики смеялись и спрашивали: почему это на аэродроме блинами пахнет? Дело в том, что масляный бачок на моторе Су-2 (единственный, пожалуй, из всех авиационных моторов) заливался касторовым маслом. Так, с запахом блинов, пилоты и обучались летать сначала на Су-2, а потом и на самолете Ил-2, у которого будет удивительно славная боевая судьба.

4-й штурмовой авиационный полк под командованием Гетьмана одним из первых начал боевую работу на Ил-2. Как воевал полк, можно судить уже по тому, что Семену Григорьевичу Гетьману звание Героя Советского Союза было присвоено еще в октябре 1941 года. А тридцать два летчика и техника были тогда же награждены боевыми орденами.

В последствии 4-й штурмовой авиаполк стал 7-м гвардейским. Гетьмана назначили командиром 230-й штурмовой авиационной дивизии, присвоили звание генерал-майора.

Вот такой — боевой из боевых — был наш комдив. Под стать ему оказался и начальник политического отдела авиационной дивизии полковник Тупанов. Излюбленное изречение начальника политотдела мы знали все: «Хочешь, чтобы летчики тебя уважали, — иди не рядом с ними, а вместе».

Полковник Тупанов пришел в дивизию в 1942 году. О нем заговорили сразу же: простой, душевный, строгий, как отец. Он изо дня в день активно вникал в жизнь дивизии не по сводкам, а как бы жил вместе с нами от боя до боя.

В нашей дивизии тогда было шесть полков — пять штурмовых и один истребительный. И стояли они, как правило, каждый на своем аэродроме, разделенные друг от друга

километрами. Начальник политотдела успевал побывать почти в каждом полку перед боевым вылетом. Мы его видели то на старте, то на командном пункте, то на стоянках самолетов — и везде он был нужен людям. То проведет политинформацию, то собрание, то организует беседу, поможет выпустить боевой листок о летчиках, отличившихся в бою.

Меня наш начальник политотдела называл своей крестницей. Видимо, потому, что именно он взял меня из УТАПа в боевой 805-й штурмовой авиаполк. Бывало, просто подойдет, спросит: «Что новенького из дома пишут?» — и на душе вроде легче станет от доброго человеческого участия.

А письмо я получила, правда, не из дома, а от очень родного мне человека. От племянника Юрки. Его из Москвы эвакуировали в Саратовскую область, село Норки. Он написал, что живет в детском доме, что все хорошо, только вот очень тоненькие ломтики хлеба выдают на завтрак, а в обед очень жидкий суп, картошечки маловато. Далее Юрка сообщал, что если я немедленно не заберу его на фронт, то он убежит сам, «Это мое последнее слово!..» — заявлял племянник.

Впоследствии Юрка действительно убежал. «Зайцем» в товарных поездах, в ящиках для угля он катил на фронт. Уже под Москвой его обнаружили железнодорожники и больного, грязного, исхудавшего, привели к матери на Арбат, в дом № 35.

Голубая линия

В конце мая 1943 года командир полка Козин построил весь летный состав на аэродроме и взволнованно сказал:

— Товарищи летчики! Кто готов выполнить особое задание командования Северо-Кавказского фронта, прошу выйти из строя.

Все летчики, как один, шагнули вперед.

— Нет, так не пойдет! — улыбнулся Козин. — Придется отбирать.

— Майор Керов, три шага вперед.

Павел Керов, командир первой эскадрильи, ветеран полка, мастер штурмовых ударов, вышел вперед…

Чуточку отвлекусь, невольно вспомнила рассказ о том, как в полку осталось всего-навсего шесть исправных самолетов, а поступил приказ любой ценой уничтожить переправу около станицы Николаевской на Дону. Пришлось поднять в воздух все машины. На боевое задание их повел майор Керов.

Охрана переправы была такой, что шансов на благополучное возвращение группы почти не оставалось. Керов, однако, перехитрил врага: он зашел на цель с тылу, разбил переправу и вернулся на свой аэродром всей группой.

С летной полосы его самолет отбуксировал трактор. Керов, рассказывают, шел рядом со штурмовиком, изрешеченным осколками вражеских снарядов, и — как раненого друга — поддерживал за консоль крыла.

Нас, молодых, майор удивлял завидным спокойствием, добротой. Он как-то больше походил на школьного учителя, а не на бесстрашного мастера штурмовых ударов. Никогда ни на кого комэск не повышал голоса. Если кто провинился Керов только посмотрит как-то по-своему печально серыми с поволокой глазами, покачает головой и пойдет, раскачиваясь, как моряк, оставив подчиненного подумать о своем поступке.

-… Сухоруков, Пашков, Фролов… — обводя шеренгу взглядом, называл командир полка фамилии летчиков.

— Егорова, — услышала я свою фамилию. — Страхов, Тищенко, Грудняк, Соколов, Зиновьев, Подыненогин… — И все мы выходили из строя на три шага вперед.

Всего в группу командир полка Козин включил девятнадцать человек — трех комэсков, всех командиров звеньев и старших летчиков с боевым опытом.

Вскоре нас приняли командующий фронтом И.Е.Петров и командующий 4-й воздушной армией генерал К.А.Вершинин.

— Задача у вас, товарищи, по замыслу простая, а по

исполнению очень трудная, — обратился к нам командующий фронтом, поправляя пенсне и немного заикаясь. — Нашим войскам предстоит прорвать Голубую линию фашистской обороны. Но прежде всего надо замаскировать наступающих — поставить дымовую завесу. Это сделаете вы, — генерал Петров внимательно посмотрел в мою сторону, и я даже плечи сжала, думаю, вот сейчас спросит: «Зачем здесь женщина?» Но взгляд командующего перешел на других летчиков, стоявших вокруг макета Голубой линии, — от сердца у меня отлегло.

А генерал продолжал говорить о том, что дымовая завеса должна быть поставлена своевременно и точно, чтобы ослепить противника, закрыть ему глаза на время, необходимое нашей пехоте для захвата траншей главной полосы обороны. Петров четко определил направление и время выхода самолета на цель.

Затем о том, как выполнять задание, нам рассказал генерал Вершинин. Лететь предстояло без стрелков, почти над землей, к тому же без бомб, без реактивных снарядов, без турельных пулеметов в задней кабине, пушки и пулеметы вообще не заряжать. Вместо бомб на бомбодержателях будут подвешены баллоны с дымным газом. Этот газ, соединяясь с воздухом, и образует дымовую завесу.

— Самое сложное в том, что нельзя маневрировать, — генерал Вершинин склонился над картой. — Вот, семь километров без маневра по прямой и на предельно малой высоте. Понятно, почему маневрировать нельзя?

— Получится рваная завеса вместо сплошной, — сказал кто-то из летчиков.

— А рваная завеса, значит, атака где-то захлебнется, — заметил Петров, поглаживая рыжеватые усы. — Поэтому завеса должна быть такой, чтобы через нее луч прожектора не пробился, — сплошной, ровной, как линейка!

— Действовать будите так, — продолжил Вершинин. — Как увидел, что впереди идущий выпустил дым, отсчитай три секунды — и нажимай на гашетки. Маневрировать — значит сорвать задание. Но лететь будете над огнем, под огнем, среди огня… Остается только пожелать доброй работы да счастливого возвращения.

Прощаясь, генерал Вершинин предложил:

— Если кто передумал, не стесняйтесь, откажитесь. Это ваше право. Нужно, чтобы полетели летчики, твердо верящие в то, что выполнят задание и обязательно вернутся на свой аэродром.

Никто из нас на предложение генерала не ответил.

26 мая, едва зарозовел восток, мы на полуторке отправились на аэродром, Михаил Николаевич Козин, всегда веселый,

общительный, был мрачнее тучи. Не то сердился, что ему не разрешили лететь, не то переживал за нас.

А летчики? Каково было наше настроение перед столь ответственным вылетом?..

Гриша Ржевский. Вот он возится с котенком, своей новой причудой «талисманом», не желавшем сидеть за пазухой его кожанного пальто с меховой подстежкой. Мой брат Егор тоже любил животных. Мама, бывало, находила спрятанных под кухонным столом, забаррикадированных под кроватью котят, щенят с плошками молока. Поев, те начинали отчаянно мяукать, лаять, и мама гневалась, все грозилась побить Егора, да так и не могла собраться. Парень вырос, пошел в армию, а тут война. Не вернулся Егор домой. Погиб…

Коля Пахомов. Тихонько напевает про себя свою любимую:

Встань, казачка молодая, у плетня,
Проводи меня до солнышка в поход…

Толя Бугров. Этот о чем-то возбужденно рассказывает Валентину Вахрамову, и оба хохочут, как дети, держась друг за друга. будто и не предстоит никому через минуту-другую бросится в огненную метель.

Чему-то улыбаются голубые глаза Миши Бердашкевича. На его красивом от природы лице собралось столько рубцов от ожогов! Может, он вспомнил, как из госпиталя удрал в свой полк в госпитальной одежде?..

А вот стоит, задумавшись, Тасец — грек по национальности. Наверное, опять думает о том, как лучше зайти на цель, эффективен ли круг с оттягиванием на свою территорию при атаках фашистских истребителей. Тасец — большой теоретик, да и практик отличный.

Командир нашей третьей эскадрильи Семен Андрианов обнял правой рукой коллегу — комэска, второй Бориса Страхова. Молча глядят в даль кубанской степи, ожившей после долгой зимы.

Двадцатилетние комэски старались казаться солидными, напускали на себя строгость. Андрианов даже трубку завел и ходил, не выпуская ее изо рта. При разговоре чуточку передвинет ее в уголок губ, а в глазах столько юношеского задора, столько искр, готовых брызнуть на окружающих! Мы знали, что Семен Андрианов родился в семье металлурга в Нижнем Тагиле. Там он окончил школу, аэроклуб и оттуда ушел в Пермскую школу летчиков. Обычная биография пилота. Мы знали и то, что у Семена есть жена, ребенок. В нашем полку он с апреля 1941 года и вот командует эскадрильей.

Заместителем у Андрианова Филипп Пашков. Этот — джентльмен. Чересчур заботливо и нежно оберегает меня Филипп от толчков на ухабах по дороге к боевым машинам. Рассказывает мне о родном городе Пензе, о матери, сестрах и отце, инвалиде войны, умершем когда Филиппу было всего три годика.

— Вот война кончится, давай поедем в Пензу. Покажу я тебе, станишница, дома-музеи Радищева, Белинского, знаменитые лермонтовские Тарханы. А знаешь, Александр Иванович Куприн — он тоже наш, пензенский, из городка Наровчатов. А какой у нас ле-ес! Сколько грибо-ов, я-ягод! — покачиваясь из стороны в сторону, нараспев говорит Филипп и, видимо, как всякий заядлый грибник, немножко прибавляет. — У нас в лесу попадаются такие полянки, что рыжики можно косой косить. Ох и вкусно их мама готовит! Поедешь, да?..

Почему-то меня Пашков никогда не называл ни по имени, ни по фамилии, ни по званию или должности, а просто станишницей.

— Ну, станишница, как дела?

— Спасибо, хорошо.

Однажды (как много этих однажды!) Пашков полетел в тыл врага на разведку и фотографирование аэродрома. Его сопровождали истребители. На обратном пути, когда задание было выполнено, откуда ни возьмись — «мессершмитты». Шесть против наших двух ЛаГГ-3 и одного штурмовика.

Ведущий истребителей передал Пашкову, чтобы он «топал» домой, а они, мол, займутся «худыми» сами. «Худым» наши летчики прозвали Ме-109 за его тонкий фюзеляж.

Но вдруг Пашков видит, что один наш ЛаГГ-3 загорелся и камнем стал падать.

— Ах, сволочи! — выругался он и направил свой штурмовик к дерущимся, зная, что делать этого не следовало, — надо было срочно доставить разведданные и фотопленку на аэродром. Пашкову все же удалось сбить одного гитлеровца, второй подбитый им же, отвалил в сторону, а третьего срезал наш истребитель.

По возвращении на аэродром Филиппа сильно отругали, но, когда проявили пленку, командир полка обнял летчика и поздравил с наградой — орденом Красной Звезды. Через неделю Пашков не вернулся с боевого задания, и мы посчитали его погибшим.

Эта война-а… Сколько горя, сколько непредвиденных неожиданностей, порой просто чудес…

Спустя пять дней наш Филипп вернулся в полк с воздушным стрелком — весь обросший, оборванный, грязный, но веселый. Ко

мне по возвращении Филипп, впервые обратился по имени, сказал:

— Говорят, что горько плакала обо мне? Спасибо. Но лучше бы ты верила в мою жизнь, верила, что я обязательно вернусь…

Пашков все же погиб. Это произошло севернее Новороссийска, в районе Верхнебаканского. В тот раз я долго ждала, старалась не верить в его гибель, но так и не дождалась. О гибели Филиппа я написала его матери и сестре в Пензу, куда Филипп приглашал меня после войны.

… А пока что все мы были живы и ехали на аэродром. Мои раздумья неожиданно прервал какой-то сильный стук — это пилоты забарабанили по кабине грузовика и в несколько голосов закричали шоферу:

— Стой ! Стой ! Куда несешься ?..

Шофер затормозил машину, а ему приказывают:

— Пяться скорей назад!

Оказывается, дорогу на аэродром перебежала кошка. Это уже беда-а… Второй раз ребята остановили машину и заставили шофера дать задний ход, когда навстречу попалась женщина с пустыми ведрами на коромысле. Летчики, что там говорить, народ не суеверный, но на всякий случай меры принять не мешает. Мало ли что…

Наш полковой врач Козловский уговаривал кого-то из летчиков измерить артериальное давление перед вылетом.

— Доктор, измерьте лучше моему котенку — что-то он сегодня беспокойно себя ведет, — под общий смех остановил его Ржевский.

— А ты, наверное, забыл, Гриша, как вчера вечером за ужином скормил ему пять котлет?

— Сухо ли у тебя за пазухой!..

Начинаются шутки. Без этого нам просто нельзя. Со стороны, должно быть, могло показаться, что едут веселые парни под хмельком. Конечно же, это не так.

Но вот и аэродром. Техники, механики, мотористы, прибористы, оружейники все у самолетов. Так всегда: в морозы, в жару, под открытым небом готовили самолеты к бою мастера — потомки удивительных русских умельцев. Не было в полку случая, чтобы что-то не сработало или отказало на боевой машине по вине этих тружеников аэродрома.

Механик моего Ил-2 Тютюнник, на ходу вытирая огрубевшие, натруженные руки, доложил о готовности самолета. Потом помог мне надеть парашют, что-то поправил в кабине, а когда заработал мотор, сунул в мою ладонь где-то раздобытое моченое яблоко и

прокричал над ухом:

— Пересохнет во рту — укусите яблочко! — И, сдуваемый струей от работающего винта, шариком скатился с крыла самолета.

Включаю рацию. В наушниках голос ведущего группы майора Керова. Получаю разрешение выруливать. Впереди меня штурмовик лейтенанта Павла Усова, почти вплотную с ним рулит летчик Иван Степочкин.

Степочкин и Усов — два неразлучных друга, хотя по характеру и внешности совсем не схожи. Усов — небольшого роста, коренастый русак с пухлыми щеками, будто раздутыми от смеха, вечно улыбающийся насмешник. У Павла и походка кажется веселой — приплясывающая такая, как бы выискивающая кого-то для очередной шутки.

Степочкин — высокий, с черными глазами и кудрями красавец, похожий на цыгана. Он, как правило, молчалив и задумчив. Как-то, гуляя по Тимашевской, друзья заглянули в церковь. Шла служба. Заглянули пилоты да и задержались. Священник читал проповедь о пользе поста. Усов усомнился в пользе такого дела и сначала начал задавать вопросы, затем вступил с попом в полемику. Как ни тянул Степочкин своего друга вон из церкви, Усов упирался. Священник в конце концов сумел убедить Павла в своей правоте. И вот, выйдя из церкви, он решительно заявил Ивану:

— Буду поститься!

— А я поставлю вопрос об исключении коммуниста Усова из рядов ВКП(б) за связь с религией, — отрезал Степачкин и перешел от друга на противоположную сторону улицы.

Вечером в столовой со свойственным ему задором и юмором Павел доказывал нам всем пользу поста, только, говорит, не надо после объедаться, как делали это раньше на Пасху, — вредно. А вот поголодать, принимая пищу постную, очень даже полезно — дать отдохнуть желудку.

— А что же ты, Паша, заказал сейчас вторую порцию бифштекса? — спросил его кто-то. А истребитель Володя Истрашкин подошел к столу Усова и поставил перед ним пол-литровую банку с кислым виноградным вином местного производства.

— Вот тебе, друже, для лучшего усвоения пищи. Кажется, сегодня поп сказал: «Есть разрешение на вино и елей».

… В паре со мной летит Ваня Сухоруков, паренек из Иванова. Ваня на земле тихий, как красная девица, но в воздухе — неузнаваемый! Это он в ноябре сорок второго водил группу

штурмовиков в район Гизель, под Орджоникидзе, где в одной из лощин на подступах к Военно-Грузинской дороге уничтожал танки и автомашины противника. Впоследствии Ване Сухорукову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Первым взлетает майор Керов. Мы быстро пристраиваемся к ведущему и занимаем боевой порядок. Оглянувшись назад, я вижу на востоке огромное восходящее солнце и небо, озаренное яркими лучами, а на западе, по нашему курсу, небо темное, дым и туман по земле стелется.

Голубая линия встретила нас четырехслойным огнем дальнобойных зениток. Взрывы снарядов, преграждая путь штурмовикам, стали стеной. Наша группа пробилась сквозь этот заслон на минимальной высоте и вышла к станице Киевской.

Небо снова прорезали зловещие трассы. Снаряды «эрликонов» красными шариками чертят небо, осколки разорванного металла барабанят по броне самолета. Уже бьют и вражеские минометы, и крупнокалиберные пулеметы. Летим в кромешном аду. Но нельзя изменить ни курс, ни высоту. Надо идти только по прямой. Моря огня бушует, я уже невольно прижимаюсь к бронеспинке самолета. А секунды кажутся вечностью, и так хочется закрыть глаза и не видеть всего этого ада!..

Вдруг из-под фюзеляжа самолета, летящего впереди меня, вырвался дым. «Двадцать один, двадцать два, двадцать три»… — отсчитываю я три секунды. Ох, какие же они длинные, эти секунды! Наконец, нажимаю на гашетки. Теперь будь что будет, но я и впереди идущий летчик задание выполнили точно. Мы не свернули с курса и не изменили высоты.

Так хочется взглянуть, что там, на земле, как стелется завеса, не разорвалась ли где, но отвлекаться нельзя. Наконец, Керов, а за ним и все штурмовики развернулись вправо, на восток, и начали набирать высоту. Задание выполнено.

Пролетаем над аэродромом сопровождающих нас истребителей. В шлемофонах голос Керова — густой, ровный, как его характер:

— Спасибо, маленькие! Работали отлично! — Он благодарит истребителей за сопровождение.

На душе радостно: мы возвращаемся все, девятнадцать.

В шлемофоне снова раздается:

— Внимание, горбатые!

«Горбатые» — это мы. Так называли наши штурмовики за кабину, выступавшую над фюзеляжем. Я настораживаюсь.

— За успешное выполнение задания, — звучит в эфире, — и проявленное мужество все летчики, участвовавшие в постановке дымовой завесы, награждены орденом Красного Знамени…

Тишина. Ровно работает мотор «ильюшина». А вот и наш аэродром. На посадку первым заходит тот, у кого сильно повреждена машина. Так у нас заведено.

Села и я. Зарулив на стоянку, выключила мотор и только тогда ощутила смертельную усталость. Кабину, как пчелы, облепили техник, механик, моторист, оружейница, летчики, не летавшие на задание.

— Вы ранены, товарищ лейтенант? — кричит оружейнница Дуся Назаркина. — У вас кровь на лице!

— Нет, — говорю я, — это губы потрескались и кровоточат. Механик показывает мне на огромную дыру в левом крыле самолета:

— Хорошо, что снаряд не разорвался, иначе разнесло бы. Смотрите-ка, еще перебито и управление триммера руля глубины.

А я летела и не заметила, что «илюша» мой ранен…

Построен полк. Выносят Боевое Знамя. Мы, выполнявшие особое задание командующего фронтом, стоим отдельно — именинники. Командующий 4-й воздушной армией генерал Вершинин благодарит нас за отличную работу и прикрепляет на гимнастерку каждого орден Красного Знамени.

А вечером другая награда — проклятая Голубая линия гитлеровской обороны прорвана нашими войсками!

Нам рассказали, что через несколько минут после того, как мы вылили смесь, внизу перед передним краем противника выросла белая стена дыма. Она полностью оправдала свое назначение. Смещаясь в сторону противника, завеса закрыла узлы сопротивления, ослепила пехоту. Не зная, что делается впереди, гитлеровцы в панике покинули передний край. Наши войска ворвались в первую траншею, продвинулись на глубину полутора-двух километров.

Жили два друга в нашем полку

Жизнь полка шла своим чередом. Продолжались жестокие бои на Таманском полуострове. По несколько раз в день приходилось взлетать нам на боевые задания, и большую часть пути к цели мы находились над водами Черного и Азовского морей.

Я с детства боюсь воды, плохо плаваю. В полете над морем мне порой казалось, что и мотор плохо тянет. Выдали нам на всякий случай спасательные пояса, но летчики не верили в них как в спасение при посадке на воду. А вот я — как утопающий хватается за соломинку — перед каждым вылетом обязательно надевала пояс под шутки и смех товарищей, тщательно подгоняя его по фигуре.

Конечно, с высоты конца XX века спасательные пояса были далеко не совершенны. Судите сами: сбитый самолет падает в море — летчику надо успеть открыть кабину, вывалиться из нее, затем открыть парашют, клапан на спасательном поясе и ждать, когда этот пояс наполнится газом от соприкосновения с водой какого-то вещества, находящегося в нем. А если не успеет пояс наполниться газом — тогда что? Вот почему летчики и не верили в спасательные пояса. А на меня, надетый перед вылетом, он действовал психологически положительно, и на добродушное подшучивание ребят я не обращала внимания.

… Не вернулся после боевого вылета на косу Чушка любимец полка Боря Страхов. Только через день его привезли к нам моряки и рассказали, что лейтенанта прибило к берегу волной в районе Анапы. Мы хоронили Страхова дивизией со всеми воинскими почестями в станице Джигитской. В войну летчиков редко хоронили, потому что они, как правило, гибли там, где вели бой. Я стояла у гроба Бориса, горько плакала и не верила, что он мертв. Казалось, вот сейчас поднимется, взглянет серо-зелеными глазами, подкрутит несуществующие усы, спросит: «И зачем это девчонок на войну берут?» — и протянет мне сорванный у капонира полевой цветок, как это делал очень часто…

В последнем своем боевом вылете Борис водил шестерку «илов» на штурмовку и бомбометание парома с железнодорожным эшелоном у косы Чушка. Штурмовики летели под нижней кромкой облаков на высоте 700 метров. На подходе к цели летчики удивились: противник почему-то не открыл зенитного огня по самолетам. Страхов и его ведомые понимали,

что вражеские зенитки заранее сделали пристрелку по нижней кромке облаков, и стали выполнять размашистый противозенитный маневр по курсу, по высоте. Зенитки продолжали молчать. Летчики хотели поскорее увидеть их, увидеть первые разрывы, чтобы знать, куда отвернуть самолет, но небо было чистым до самых облаков.

Но вот у причала косы Чушка Борис Страхов заметил паром — с него сползал паровоз с вагонами. На платформах под брезентом, судя по очертаниям, танки, орудия, автомашины, а в крытых вагонах, скорее всего, боеприпасы. И только ведущий перевел свой самолет в пикирование, как несколько зенитных батарей одновременно рванули небо мощным залпом. Летчики не дрогнули, а продолжали свое стремительное движение на цель, ведя огонь из пушек, пулеметов, выпуская эрэсы. С малой высоты штурмовики сбросили стокилограммовые бомбы со взрывателями замедленного действия. Через двадцать две секунды их взрыватели сработали и ослепительное зарево закрыло всю косу Чушка.

Когда группа возвращалась домой, уже над Черным морем летчики увидели, что машина их ведущего сильно повреждена и идет со снижением. Видимо, и Страхов был ранен. Радио молчало. И вдруг из-за облаков выскочили четыре «фоккера». Как шакалы, они набросились на самолет ведущего. Он резко взмыл, возможно, хотел пропустить гитлеровцев вперед да сам атаковать, но самолет уже был неуправляем и с креном опустился в морскую пучину…

Так не стало Бориса Страхова, белокурого парня из Горького, командира первой эскадрильи. В полку переживали гибель Бориса, но тяжелее всех — его друг Ваня Сухоруков. Иван похудел, осунулся и все свободное время сидел у могилы друга.

Совсем недавно, как поощрение, Иван получил разрешение на поездку к себе на родину. Перед отъездом по секрету он сказал мне, что едет жениться на подруге детства и взаимообразно попросил у меня шинель, так как у него очень старая, солдатская. Мне же перешили в мастерской военторга шинель из английского сукна.

— Ну, раз жениться едешь, — согласился я, — бери!

Ивана не было в полку десять дней, а когда вернулся, то почему-то старался не попадаться мне на глаза. «В чем дело?» — недоумевала я и решила «допросить» Бориса Страхова. Боря как-то помялся, а потом сказал:

— Понимаешь, дело тут очень деликатное. Пожалуйста, не говори никому…

Оказалось, что Иван приехал домой, а его подруга в это

время ушла на фронт. Свадьба не состоялась. Земляки, когда отпуск Ивана окончился, преподнесли в подарок для его друзей, летчиков-фронтовиков, четверть самогона-первача: «Уж не осуди. Чем богаты…» Иван всю дорогу берег огромную бутыль, завернув ее в мою «фирменную» шинель. От Краснодара до аэродрома он добирался на перекладных, и вот уже в последней машине шофер так тряхнул своих седоков, что они все повылетали из кузова и сильно ударились о землю. Все остались живы, только вот Иван немножко пострадал: четверть с самогоном разбилась. Понятно, крепкий самодельный напиток пропитал шинель. По приезде Иван выстирал ее, чтобы освободить от запаха самогона, и повесить сушить где-то за станицей, на огородах.

— Вот как высохнет, он ее отутюжет и принесет тебе, — серьезно закончил Борис, а мне вдруг стало так смешно: я представила Ивана, летящего из грузовика в обнимку с бутылью, завернутой в мою шинель. И я предложила:

— Уж ладно. Шинель мне придется просить у командира батальона новую, а эту, так и быть, подарю Ивану — пусть напоминает о подарке земляков.

Так оно и чередовалось в нашей фронтовой жизни: редкие минуты молодого веселья, разрядки, горе потерь и боевые вылеты, атаки…

Летчик Кузьма Грудняк

В одном из вылетов подбитый штурмовик Кузьмы Грудняка приземлился, едва перетянув линию фронта. Ил-2 с поврежденным мотором стоял на колесах в лощине, недалеко от оврага, за которым проходил передний край обороны врага. Летчик под градом пуль и разрывов мин выбрался из кабины и залег. Затем он пополз в свою сторону, вскоре доложил о случившемся и к его самолету выехали техники. К машине пробираться пришлось пешком. Вся местность была перекопана траншеями, заминирована, поэтому отбуксировать самолет от передовой не представлялось возможным. Для спасения «ильюшина» оставалось только одно: после смены поврежденного мотора взлететь с того места, где он стоял. Но как это сделать? Ведь для взлета нужен разбег, а вокруг сплошные траншеи да минные поля. Можно было взлететь — но в сторону противника. В таком случае сразу после отрыва от земли самолет окажется за линией фронта и под огнем. Да ведь и менять мотор на виду у противника — дело опасное. Решили работать ночью, а на день самолет замаскировали ветками.

И вот ночь, техники прикрылись брезентовыми чехлами и при свете переносной лампы принялись снимать мотор. На следующую ночь поставили исправный мотор. Приполз к замаскированному самолету и летчик. Расстелил Кузьма Дмитриевич свой видавший виды реглан, улегся на него, закурил и стал думать, как же произвести взлет. Посмотрел на дымок папиросы и увидел, что ветер-то тянет со стороны противника. «Это хорошо, — подумал Грудняк, — при взлете против ветра разбег будет короче», — и спросил у техников:

— Ну, как, все готово?

Те пристально посмотрели на летчика, а заговорил старший Петр Панарин:

— Все гайки на подмоторной раме зашплинтованы, шланги и трубопроводы присоединены — сам проверял, водой и маслом заправили, горючим — тоже…

— Ты лучше скажи, Петр, покороче, — остановил его летчик. Ты скажи: лететь можно?..

— На аэродроме я бы его не выпустил.

— Это почему же?

— Мотор-то ведь не опробовали, как положено, да и все делали на глазок… Вдруг раскрутка винта? Или еще что?..

— А ты еще разок проверь хорошенько — на свой глазок — тросик регулятора оборотов и представь, что сам будешь

взлетать.

— Есть, товарищ командир. Но как мы будем мотор перед взлетом прогревать? Ведь сейчас под утро тишина стоит, как у нас под Омском.

— Попросим артиллеристов. Под шумок и прогреем моторчик-то.

Так и сделали. Командир артиллерийской батареи согласился:

— Хорошо, пошебуршим малость с запасных позиций — будто пристрелкой целей занимаемся.

И вот рано утром наша артиллерия заработала. А Грудняк запустил мотор и начал его прогревать, затем дал максимальные обороты — раскрутки нет. И тогда он спустил штурмовик с тормозов и пошел!

Самолет бежал прямо на блиндажи фашистов и их траншеи. В какое-то мгновение летчик включил форсаж и уже у самого блиндажа немцев рванул ручку на себя…

Вскоре штурмовик низко пронесся над нашими войсками, покачал крыльями, как бы благодаря за гостеприимство.

Баба на корабле

В один из дней меня вызвали на КП полка и приказали вести четверку штурмовиков опять на эту косу Чушку — штурмовать только что переправившийся через Керченский пролив резерв пехоты и техники противника. Я попыталась отказаться от роли ведущего и робко попросила командира полка разрешить мне лететь в качестве ведомой.

— А кто, по-вашему, должен вести группу? — спросил, глядя на меня в упор, Михаил Николаевич. — Осталась одна необстрелянная молодежь. Погибли Усов, Степочкин, Зиновьев, Тасец, Пашков, Балябин, Мкртумов… Обгорел Бугров. Тяжело ранен Трекин. Ну кто, по-вашему, поведет летчиков на боевое задание?…

Командир полка отвернулся, протирая глаза перчаткой, и тогда, быстро повторив задание, я выскочила из землянки.

— В такую погоду да на такую цель только смертников посылать… проворчал пилот Зубов, узнав о вылете.

А я, вместо того чтобы разъяснить задание, как-то успокоить летчика, вдруг резко приказала:

— Всем по самолетам! Бегом!..

Не выдержала, сорвалась…

После взлета все мои ведомые пристроились ко мне, заняв каждый свое место в строю. Зашла с группой за истребителями сопровождения: они почти всегда стояли ближе к линии фронта, а мы, штурмовики, подальше. Взлетела к нам четверка ЛаГГ-3.

Я знала, что лететь к цели на косу Чушку по прямой — сквозь зенитный заслон — невозможно. Решила действовать глубоким заходом со стороны Азовского моря. Низкая облачность работала на нас. Но пока мы летели над плавнями и морем, минуты показались вечностью: ведь любая неисправность в моторе или повреждение самолета — это бесследная гибель.

Наконец, в окнах облаков показалась песчаная отмель — Чушка. Здесь вокруг таилась смерть. Она могла вынырнуть из облаков пикирующим «фоккером», с земли — зенитным снарядом, шальной пулей…

При переходе к цели мы попали под сильнейший зенитный огонь. Я оглянулась — ведомые были на местах. «С зенитками надо хитрить, — вспомнила слова моего командира эскадрильи Андрианова, — иначе непременно окажешься подбитым или сбитым. Лучше бы вовсе не связываться с ними, а уж если бить, то ту, которая стоит поперек дороги, загораживая цель…».

Готовлюсь к атаке: раскачиваю самолет, меняю высоту,

скорость. Ведомые делают то же самое.

Проскочили первый пояс противовоздушной обороны, проскочили второй… Вот она — цель! Коса Чушка тянется на 18 километров и похожа на насыпь недостроенного моста через Керченский пролив. На этой узкой и плоской песчаной полосе, обмываемой двумя морями, столько фашистской нечисти собралось, что не видно и самой косы — машины, орудия, танки, люди…

Пикируем. Сбрасываем бомбы, бьем из пушек и пулеметов. Выводим над головами гитлеровцев, набираем высоту и стремительно опять в атаку. Вижу, как горят машины, что-то взрывается. Пехота бежит, танки ползут в разные стороны, давят своих же солдат. Так вам, сволочи, за все наше горе!…

Боеприпасы на исходе. Я развернула самолет в свою сторону, домой. Оглянулась — все ли со мной? — и противный холодок пробежал по спине, затем стало жарко, а во рту сразу пересохло: нет самолета Зубова… Где он? Как же так? Сбили летчика, а я и не заметила?…

Нас осталось трое. Четверка наших истребителей сопровождения чуть в стороне вела бой.

И вот лечу, а сама все на землю смотрю: может, где увижу самолет Миши Зубова? Как же так?… Еще и накричала на него перед боем… Только перелетели линию фронта — вижу, что недалеко от плавней лежит на бугорке штурмовик, хвостовой номер «23» — это Зубов! Он и воздушный стрелок вылезли из кабины на крылья самолета и машут нам, стреляют из ракетницы.

Я сделала вираж, помахала крыльями, мол, вижу, ждите помощи — и улетела.

На земле, доложив командиру о выполнении задания, я тут же на По-2 отправилась к плавням за Зубовым и его стрелком.

Позже, когда мы с Мишей сделали немало боевых вылетов, он как-то признался мне:

— Я ведь, Анна Александровна, тогда не косы Чушки и не плохой погоды испугался, а вас. Думал, ну, Михаил, добра не жди баба «на корабле». Но когда вы сделали над нами вираж, а затем прилетели, чтобы забрать нас на По-2, сомнения мои в отношении «бабы» пропали. Уж извините…

Впоследствии к месту вынужденной посадки самолета выехала команда техников и мотористов из нашего полка и из ПАРМ(а). ПАРМ — это полевые авиационные ремонтные мастерские. Предстояло определить степень повреждения штурмовика и решить его судьбу. Можно ли на месте отремонтировать или погрузить «Ил» в машины, да по частям отправить в мастерские? Эту задачу всегда решал начальник

ПАРМ-1 — капитан технической службы Петр Васильевич Комков, бывший моторист В.П. Чкалова. Он был мастер на все руки, особенно по мотору АМ-38. Как хороший доктор-диагностик, прослушает, простукает, затем сядет в кабину штурмовика, заведет мотор и — то на малых оборотах, то на средних, а то и на форсажном режиме все слушает, слушает. Наконец, выключит зажигание, заглянет во все отсеки мотора и только тогда сделает заключение. Все были уверены в том, что наш фронтовой «академик» всегда поставит точный диагноз — ошибок у него не случалось.

Одна, правда слабость была за горьковчанином Комковым сильно ревновал жену, да так, что она не раз бегала к начальнику политотдела дивизии с жалобой на мужа. Москвичка — Прасковья Семеновна, а для всех просто Паня, совсем молоденькая, хорошенькая, она появилась в ПАРМе неожиданно, да так и задержалась. Стала работать в мастерских у мужа — сшивать на машинке перкаль. До конца войны так и шила — вносила, как могла, свой вклад в Победу.

На курсы под «конвоем»

Командование дивизии решило отправить меня на курсы штурманов в Ставрополь. В штурмовых да истребительных полках штурманы-то на самолетах не нужны — сам летчик за штурмана. Но должность такая — штурман эскадрильи была. Он же — заместитель командира эскадрильи, а штурман полка — заместитель командира полка по штурманской службе.

Мне эти должностные ступеньки были как-то безразличны. Я хотела только летать и категорически отказалась ехать на курсы. Тогда командир дивизии генерал Гетьман приказал майору Кареву отвезти меня на По-2 «под конвоем»… Ничего не оставалось пришлось смириться.

И вот я учусь. Учатся вместе со мной еще шесть «невольников» — четыре истребителя и два штурмовика. Преподавателей столько же, сколько и слушателей. Начальником курсов у нас высокообразованный, доброй души человек подполковник Александр Петрович Килин.

Через два месяца курсы закончены. Поездом Ставрополь — Краснодар мы возвращаемся в свою 4-ю воздушную армию. На одной из станций покупаем свежие газеты, читаем и тут же кричим «ура». Нашему сокурснику летчику-истребителю старшему лейтенанту В.Калугину присвоено звание Героя Советского Союза! О подвиге товарища мы знали из армейской газеты, фронтовой, были еще листки-молнии, боевые листки, посвященные бесстрашному воздушному бойцу. Корреспонденты писали:

«Патрулируя в воздухе, старший лейтенант Калугин увидел группу вражеских бомбардировщиков, направляющихся бомбить наши объекты. Не раздумывая, он пошел на сближение и вступил с ними в бой. Атака смельчака следовала за атакой. Когда у старшего лейтенанта кончились боеприпасы, он решил идти на таран, ибо знал: если вражеские самолеты прорвутся и бросят на наши позиции бомбы, они нанесут нам большой урон. Выбрав момент, Калугин вплотную приблизился к одному из „юнкерсов“ и винтом своего самолета отрубил ему плоскость. „Юнкерс“ неуклюже перевернулся и через мгновение врезался в землю и взорвался. Остальные фашисты повернули на запад. Выполнив главную задачу, отважный летчик довел поврежденный самолет до своего аэродрома и благополучно произвел посадку.

На второй день Калугин снова вылетел на боевое задание. И опять в критическую минуту воздушного боя он совершил таран. На этот раз летчик отрубил хвостовое оперение вражескому

бомбардировщику. Сам герой возвратился домой невредимым. За два дня два тарана! Какое яркое и убедительное доказательство боевой отваги, высокого мастерства советского летчика, его неукротимой решимости во что бы то ни стало одержать победу над врагом!»

Мы, товарищи Калугина по штурманским курсам, знали еще и то, что этот симпатичный парнишка с непокорными каштановыми волосами, с доброй улыбкой и веснушками на носу сбил более двадцати фашистских истребителей. Мы очень рады высокой награде старосты наших курсов и решили отпраздновать это событие. Тут же на станции второпях купили арбуз, какие-то фрукты и, когда поезд тронулся, начали чествовать героя…

Художник из Нижнего Тагила

Из Краснодара, где стоял 4-й штаб воздушной армии, все разлетелись каждый в свой полк. Я к своим вернулась с радостью, как к родным, но тут же радость моя и померкла. Я узнала, что погиб двадцатилетний командир нашей эскадрильи Семен Васильевич Андрианов с воздушным стрелком Поцелуйко. Помню у меня комок подкатил к горлу — ничего ни спросить, ни сказать, не могу, только мысли работают, вернее, память. Почему-то вспомнились его замечательные рисунки в альбоме, который он однажды мне показал.

— Вы талант, товарищ командир, — сказала я тогда Андрианову.

— Нет, Егорова, ошибаетесь. Просто у нас в одиннадцатой школе в Нижнем Тагиле был очень хороший учитель рисования. Он же вел кружок по рисованию, который я усердно посещал. Сколько помню себя — мне всегда хотелось рисовать.

— Так поступайте после войны в художественное училище, Семен Васильевич, впервые обратилась я к комэску по имени и отчеству. — Уж очень хороши ваши рисунки, хотя я, конечно, мало разбираюсь в живописи.

— Я летать люблю, Аннушка, — неожиданно ласково назвал меня Андрианов. — А после войны, когда мы разобьем всех до одного фашистов, можно будет всерьез и рисованием заняться…

Не довелось командиру нашей эскадрильи дожить до победы. Погиб Семен Андрианов при выполнении боевого задания в восьми километрах западнее станицы Крымской.

А произошло это так. Шестерке штурмовиков поставили задачу нанести бомбовой удар по скоплению танков. Задачу ставил начальник штаба полка Яшин. Ведущим был назначен Андрианов. Прикрывала их четверка ЛаГГ-3 из братского полка. Удар по танкам группе Андрианова предстояло нанести с малых высот, так как погода стояла очень сложная — облачность висела над самой землей, шел дождь. Наши вооруженцы загрузили в самолеты ПТАБы (противотанковые бомбы) — в каждый отсек по 200-250 штук, зарядили пушки, пулеметы, подвесили эрэсы, и в строго назначенное время Андрианов с группой взлетел.

К слову сказать, при ударе с малых высот штурмовик не всегда мог использовать все свои возможности. ПТАБами по танкам, например, получалось хорошо, а вот стокилограммовые бомбы надо было сбрасывать с замедленным взрывом, иначе своими же осколками повредишь самолет, да и точность бомбометания на такой высоте резко снижалась. При атаках с

бреющего полета очень сложно использовать по окопам противника, и траншеям те же пушки, пулеметы, эрэсы. Для штурмовки требовалось набрать высоту — у танковых- то пушек прицельность завидная. Но у группы Андрианова высоты не было, а комэск знал, что задание необходимо выполнить любой ценой. И он его выполнил. Ценой своей жизни…

Воздушный стрелок

В полку на стареньком одноместном штурмовике я летала дольше всех. Мне он казался гораздо легче и маневреннее, чем машина с двойной кабиной. И вот теперь, когда я вернулась с курсов штурманов, предстояло летать на Ил-2 с двойной кабиной и адъютант нашей третьей эскадрильи Бойко предложил мне выбрать воздушного стрелка.

Дело в том, что в одном из последних вылетов мне изрядно досталось от атак «мессеров». Летали мы тогда на Темрюк — требовалось разбить мост через реку Кубань. Кажется, только что этот мост разнес в щепки Карев с группой. Но заразы-фрицы опять его восстановили! Сколько же можно возиться с ним?..

Город Темрюк почти у берега Азовского моря, с западной его стороны протекает Кубань. Здесь через мост проходит основная дорога от причала на косе Чушка до Голубой линии. Мост этот окружен сплошными зенитными батареями, да еще у Голубой линии неисчислимое множество противовоздушных средств. Над Темрюком и его мостом мы уже потеряли три экипажа — Подыненогина, Мкрутомова, Тасеца.

Сегодня на мост нашу группу ведет капитан Якимов. Статный, спортивного сложения, с барскими манерами, Якимов держался чуточку свысока, как бы пренебрегая нами, хотя по возрасту был не намного старше нас. Проработал он с нами весь полет, сделал боевой расчет и почему-то меня — на одноместном-то самолете! поставил замыкающей шестерки.

Приказы не обсуждаются — и мы полетели. Прикрывала нас четверка истребителей ЛаГГ-3, но, признаться, летать в строю последней и без воздушного стрелка было как-то неуютно…

После того, как мы сбросили бомбы на мост и выскочили на Азовское море, нашу группу перехватили «мессершмитты». «Лагги» уже вели бой с немецкими истребителями где-то в стороне. Так что в работу вступили наши воздушные стрелки, умело отбиваясь от наседавших «мессеров». Несколько раз они пытались расколоть строй штурмовиков, но напрасно. Мы летели плотно, крыло к крылу. И только один мой самолет с задней полусферы не был прикрыт стрелком. Не удивительно, что именно по мне и полоснула трасса огня: прошла справа по борту. Я метнулась влево, но поздно. Уже и вторая очередь огня ударила по моему «илюше». Затем «мессеры» разошлись в стороны, развернулись и теперь с разных сторон ринулись на мой самолет в атаку. Боясь лобового огня штурмовиков, с передней полусферы фашисты старались не заходить, а били по моему не

защищенному с хвоста самолету сзади.

И снова огненная струя с близкого расстояния… Тогда я резко дала форсаж, отжала ручку управления машиной от себя — увеличила скорость, обогнала свою группу и втиснулась в нее между ведущим и его ведомым справа — Володей Соколовым. Это меня и спасло.

На разборе боевого вылета пришлось выслушать нарекания.

— Вы нарушили боевой порядок, — словно чеканил, выговаривая каждое слово и каждую букву, капитан Якимов. — Летчик Соколов мог принять вас за противника и ударить по вам из пушек и пулеметов!

— А почему, — дерзко спросила я капитана, — когда меня расстреливали фашистские самолеты, вы не перестроили группу в оборонительный круг с оттягиванием на свою сторону?

Воцарилась тишина. Якимов покраснел. И тут, нарушив гробовое молчание, за меня вступился Володя Соколов.

— Товарищ капитан! Вы сказали, что штурмовик Егоровой я мог бы принять за вражеский. Да разве это возможно? И вообще, разве не видно, как у нее из-под шлемофона торчат концы голубой косынки вместо подшлемника?..

Летчики засмеялись, тяжелая атмосфера разрядилась. Обстрелянные летчики, как правило, весело вспоминают минуты серьезной опасности. Ее ощутимый сердцем холодок сменяется радостью видеть, дышать, жить. Возможно, потому с шуткой и говорят они об уже испытанной реальности смерти.

После этого случая мне дали Ил-2 с кабиной для воздушного стрелка. На этой машине до учебы на курсах я летала с разными стрелками — свободными от вылетов. Да и не только со стрелками. Однажды в полет, украдкой, взяла механика самолета Тютюнника. Вообще-то стрелков готовили на краткосрочных курсах из числа желающих летать и умеющих стрелять. Были среди них мотористы, механики, летнабы (летчики-наблюдатели со старых марок самолетов), даже пулеметчики из наземных частей. У будущих стрелков не было летной подготовки и они не знали сложных правил стрельбы по воздушным целям, но у них — у всех было огромное желание научиться этому делу и бить фашистов до победы. Во всех полках дивизии стали тогда распевать про стрелков незамысловатую песенку:

Крутится — вертится «Ил» над горой,
Крутится — вертится летчик герой,
В задней кабинке сидит паренек,
Должность у парня — воздушный стрелок…

Среди пареньков были и девушки — Саша Чуприна, Лена Ленская. Были «пареньки» и в возрасте отцов. У нас в полку, например, бывший летнаб — Сергей Михайлович Завернин — из села Корпогоры Архангельской области. Словом, когда я вернулась с курсов штурманов и адъютант эскадрильи предложил мне выбрать стрелка, я удивилась:

— Что значит выбрать? Если есть свободный стрелок, давайте его мне. А брать его из экипажа, в котором летчик и воздушный стрелок слетались, — такое не годится.

— У нас тут есть один, безэкипажный, да какой-то странный. Мы его хотим отправить из полка в наземные части. А вы теперь на правах замкомэска имеете право выбрать себе хорошего воздушного стрелка.

— Как фамилия стрелка, которого хотите отправить?

— Макосов.

— Давайте его мне.

— Настоятельно не советую, товарищ лейтенант, — заметил адьютант.

— И все-таки пришлите стрелка, пожалуйста, к моему самолету, — попросила я.

Вскоре, разговаривая на самолетной стоянке с инженером эскадрильи Шурхиным и техником-лейтенантом Степановым, я услышала сзади себя смешок:

— Вот я и явился.

Оглянулась. Стоит мальчишка лет от силы восемнадцати, с круглым лицом, расплывшимся в улыбке, от чего на тугих розовых щеках образовались ямочки. Пилотка бойца сдвинута на затылок, а чубчик светлых волос старательно зачесан на бочок.

— Вы кто такой? — спросила.

— Сержант Макосов. Адъютант капитана Бойко послал вот к вам.

— Ну и что же? Докладывайте, сержант Макосов, о прибытии.

— Да чудно как-то. Я ведь первый раз вижу летчицу.

И он опять захихикал, переступая с ноги на ногу, явно не дружа со стойкой «смирно».

— Вас кем прислали в наш полк?

— Воздушным стрелком.

— Вы раньше летали когда-нибудь?

— Я курсы стрелков окончил и все…

— Хотите воевать стрелком?

— Очень хочу, но мне летчика не назначают.

— Вы хорошо знаете материальную часть кабины, ракурсы стрельбы и силуэты вражеских самолетов?

— Знаю.

— Хорошо. Завтра буду принимать у вас зачет.

На второй день с утра я увидела Макосова в кабине штурмовика. При опросе он отвечал мне без запинок, не переставая улыбаться. Так и стали мы с ним летать на боевые задания.

Я, пожалуй, ни за что бы не согласилась быть воздушным стрелком на Ил-2. Страшно все-таки. Сидит стрелок спиной к летчику в открытой кабине. Перед ним полутурель с крупнокалиберным пулеметом. Когда фашистский истребитель заходит в хвост штурмовика и в упор начинает расстреливать его — ну, как такое выдержать? У воздушного стрелка ведь нет ни траншеи, ни того бугорка земли, за который он мог бы укрыться от пуль. У него, конечно, в руках пулемет, но управление-то самолетом у летчика, и прицеливаться стрелку, когда летчик, маневрируя, бросает самолет из стороны в сторону, очень трудно. А еще бывает и так — вдруг пулемет замолчит от неисправности или когда кончатся патроны… Нет, ни за что бы не хотела я быть стрелком на штурмовике.

Макосов же с первых боевых полетов вел себя довольно активно. Увидев самолет противника, он тут же давал выстрел из ракетницы в его сторону, предупреждая всех об опасности. Когда я, уходя от цели, переводила самолет в набор высоты, Макосов строчил из своего пулемета по наземным целям. Хвост моего самолета был прикрыт надежно. Больше того, воздушный стрелок передавал мне по переговорному аппарату все, что видел и на земле, и в воздухе.

— Товарищ лейтенант, — то и дело слышу теперь, — справа из лесочка бьет зенитка!

— Товарищ лейтенант, к Малой земле от Новороссийска ползут шесть танков. Стреляют на ходу.

И опять:

— Товарищ лейтенант, подбит штурмовик номер «шесть», со снижением идет над морем…

Казалось, ничто не могло ускользнуть от внимания моего стрелка. Я радовалась его успехам и при каждом удобном случае хвалила, поддерживала, а командование полка за успешно совершенные десять боевых вылетов и подбитый «мессер» наградило Макосова медалью «За боевые заслуги».

Свой крупнокалиберный пулемет воздушный стрелок всегда содержал в боевой готовности, своевременно чистил его, смазывал, предупреждал всякие задержки. Часами Макосов мог сидеть в кабине штурмовика и тренироваться в прицеливании по пролетающим мимо аэродрома машинам.

Я уже полностью доверяла своему стрелку и была уверена —

он не растеряется, не подведет в трудной боевой обстановке. Когда, случалось, в хвост нашего штурмовика заходил «мессершмитт» или другой вражеский истребитель, Макосов не паниковал, не горячился, а спокойно и деловито открывал огонь и достигал цели. Над станицей Молдаванской вместе с другими стрелками он сбил Ме-109. Макосова наградили еще одной медалью — «За отвагу». На разборах боевых вылетов его уже стали ставить в пример другим стрелкам, а он неизменно улыбался, показывая ямочки на щеках, и краснел. Девушки-оружейницы стали с интересом посматривать в сторону штурмовика, в кабинете которого сидел Макосов.

Оружейницы

А надо сказать, в полку у нас все девушки были, как на подбор — очень красивые. Прибыли они все из ШМАС (школа младших авиаспециалистов). Маша Житняк, Юля Панина, Маша Драгова, Варя Матвеева, Нина Гнеушева, Дуся Назаркина, Лида Федорова, Люба Касапенко, Нина Пиюк, Катя Кожевникова, Нина Швец, Катя Зелинская. Руководили ими техники по вооружению П.И. Панарин, Н.А.Калмыков и инженер по вооружению Б.Д.Шейко. Неимоверно тяжело было девчатам во время частых наших боевых вылетов. Сколько надо перетаскать к самолету бомб, эрэсов и все это хозяйство подвесить без всяких приспособлений. А между вылетами еще и зарядить сотни лент для пулеметов, пушек, заправить каждый самолет, летящий в бой.

В то же время появление в полку прекрасной половины человечества, волей-неволей, стало отражаться на мужском составе. До девчат у некоторых пилотов в полку пошла было мода на бороды (А может, поверье какое: мол, с бородой и пуля не возьмет!). Но вот появились красавицы-оружейницы — и бороды эти как ветром сдуло. Летчики стали чаще менять подворотнички, бриться, техники тоже не отставали. Обычно замасленные и грязные комбинезоны их стали едва ли не белоснежно чистыми от стирки в ведре с бензином, а то и отутюженными — под матрацем во время сна.

В полку все сразу заметили неравнодушное отношение техника-лейтенанта Петра Панарина к оружейнице Маше Житняк. Что тут поделаешь — полюбил с первого взгляда. В этой спокойной, неторопливой дивчине с теплыми карими очами привлекала ее скромность, доброта, трудолюбие, и Петр, не откладывая дела в долгий ящик, — как бы лихие пилоты не опередили! — объяснился Маше в любви. Но… получил отказ. А после очередного объяснения Мария сказала, как отрубила:

— Вы, товарищ техник-лейтенант Панарин, думаете, что я прибыла в полк, чтобы замуж выйти?.. Не буду скрывать, вы мне нравитесь, но до нашей победы свадьбы не получится!

Много лет спустя, после войны, ко мне в гости в Москву из города Червонограда Львовской области приехала бывшая оружейница Мария Тимофеевна Житняк — по мужу Панарина. Она была все такая же улыбчивая, приветливая, хотя война и годы, конечно, наложили свой отпечаток. О многом мы припомнили с Машей в ту встречу. И о том, как наши однополчане недоверчиво встретили девушек-оружейниц, и о том, как поначалу было действительно нелегко, не все ладилось:

многие не умели работать с инструментом, сбивали себе руки. Но жалоб от девчат никто не слышал. Со всеми тяготами фронтовой жизни мирились они, зная, что не только им тяжело. Маша припомнила, как в первый банный день девушкам, как и всем солдатам, выдали рубахи и кальсоны. Пришлось перешивать да приспосабливать все это хозяйство для себя индивидуально. Закройщицей у нас была Нина Гнеушева — скромная, очень симпатичная и гордая девушка, уроженка Кубани. Познав о таланте Нины, летчики, стесняясь и краснея, стали просить ее о переделке по фигуре то гимнастерки, то брюк или еще что. Все успевала кубанская казачка — и бомбы подвесить, и пушки зарядить, и эресы снарядить, да еще все заказы на пошив выполнить. Обуты оружейницы были в ботинки, полученные из Англии, которые называли «черчиллями» — за толстые подошвы. Выдавали их с обмотками. Потом из этих обмоток девчата научились делать чулки. Тоже «фирменное» название было — «зебры». Так называли самодельные чулки за некачественную окраску — полосами. Достанет кто-то у полкового доктора акрихина или чернил в строевом отделе у Ивановского, разведет водой — и ну, окунать в них обмотки да отжимать поскорее, чтобы и другие смогли покрасить. Летом громоздкие «черчилли» оружейницы не носили — щеголяли в тапочках, сшитых из самолетных чехлов. Только вот караульную службу все несли по форме.

О карауле следует сказать особо. Самое страшное это было для девчонок дело — стоять в карауле. Особенно на территории Польши, Германии. Там только и следи, только и крути головой по сторонам. А старшина Шкитин, как назло, ставил девчат для несения караульной службы на самые дальние посты. Считал, что по охране аэродрома они наиболее бдительные часовые. Что ж, действительно, красавицы-оружейницы неплохо овладели автоматом, и доверял им строгий старшина не случайно.

Однажды Юля Панина пришла с завязанной шеей на заседание полкового комсомольского бюро, членом которого она была.

— Что с тобой, Юля? Ты заболела? — спросил секретарь бюро Вася Римский.

— Нет, — ответила Юля, — я не болею. Сегодня ночью стояла в карауле и от страха так вертела головой, что вот шею повредила.

— Ты шутишь, Панина?

— Нет, нисколечко. Мне всю ночь казалось, что кто-то ползет к самолетам, и я так напрягала слух, зрение, так вытягивала шею, что вот… пострадала.

Все засмеялись.

— До свадьбы заживет! — весело заключил Женя Бердников.

— Тебе-то хорошо смеяться. Ты сильный пол, а в наряде я тебя часто вижу у штабной землянки. А мы — слабый — стоим ночью с автоматом у самых дальних стоянок самолетов…

Сон в руку

Расскажу о нашей, так сказать, культпросветработе. Полковые и эскадрильные комсомольские собрания в полку проходили обычно между боевыми вылетами или в нелетную погоду, поздно вечером. Помню такие повестки дня: «Все силы на разгром фашистского зверя», «Бить врага, как бьет его экипаж комсомольцев Героев Советского Союза Рыхлина и Ефременко», «Боевая выручка в бою — закон для комсомольца».

Комсомольцы полка упорно, настойчиво трудились по подготовке к боевым вылетам наших самолетов. Однажды с задания вернулся летчик Бугров, но на таком изуродованном самолете, что его впору было отбуксировать на свалку: в плоскостях фюзеляжа зияли дыры, да такие, что через них свободно мог провалиться человек, а рули высоты и поворота едва держались. Тогда старший инженер полка Куделин посмотрел на машину и сказал, обращаясь к Бугрову:

— Толя, сынок! Я старый авиационный инженер. За свою жизнь всякого насмотрелся, но такое вижу впервые. Мало того, что ты летел не на самолете, а на развалине, еще ведь и посадил с блеском! Честь и хвала тебе! — И Куделин тут же обратился к подчиненным. — Постараемся, ребята? Исправим?..

Это обращение старшего инженера полка сыграло добрую роль. Было сделано невозможное — штурмовик, управляемый летчиком Бугровым, через неделю поднялся громить врага. Все знали, что каждый восстановленный самолет, каждый его боевой вылет — это смерть десяткам фашистов.

Но в напряженной боевой работе однополчане все-таки находили время для разрядки и отдыха. Воздушный стрелок Женя Бердников был неутомимым и постоянным организатором полковой художественной самодеятельности. Весельчак, заводила, он часами мог рассказывать всякие небылицы и анекдоты. А когда, выпучив глаза, да вывернув ноги носками в стороны, Женя начинал вытанцовывать, подражая Чаплину и напевая его песенки из кинофильмов, — от смеха удержаться было просто невозможно!

Как-то в клубе станицы Тимашевской Бердников предложил поставить скетч Леонида Ленча «Сон в руку». Большинство ролей участники самодеятельности брали с охотой, но вот роль бесноватого фюрера никто не соглашался играть. Пришлось взять ее на себя комсоргу Римскому. Постановка получилась удачной, и тогда ее решили показать местному населению.

Концерт в клубе шел хорошо. Механик Ваня Куликов

исполнил танец «Яблочко», затем с оружейницами Ниной Пиюк и Дусей Назаркиной — «Русский перепляс». Маша Житняк и Вася Назаров читали юмористические рассказы. Бердников с Паниной спели «Огонек» аккомпанировал им летчик Павел Евтеев. Всем понравилось, как Вадим Морозов прочитал стихотворение «Жди меня». Затем начался скетч «Сон в руку», и вот в момент разговора Наполеона с Гитлером в зале при полной-то тишине раздалась громкая брань, и в Гитлера на сцену полетел какой-то предмет. Клуб взорвался хохотом, но артисту было уже не до смеха. Ему досталось от удара галошей, а главное, с головы слетел парик с известной на узком лбу челкой. С тех пор скетч больше не ставили: некому было играть презренную личность.

А тогда в клубе после концерта к Римскому подошел очень пожилой человек и стал извиняться:

— Сынок! Прости меня, не хотел я тебя обидеть. Вот Гитлера задушил бы своими руками! Ведь фашисты расстреляли двух моих братьев, сожгли дом…

Как было не понять это человеческое горе…

Геройское

16 сентября 1943 года наши войска освободили Новороссийск.

9 октября от фашистов была очищена коса Чушка и высажен десант севернее Керчи, на полуостров Еникале.

Высадили десант и на Эльтиген. Сейчас на картах нет такого населенного пункта — Эльтиген — есть Геройское. А тогда, в ночь на 1 ноября сорок третьего, в штормовую непогоду, когда огромные волны бешено бились о каменистые берега, высаживался туда бесстрашный десант. Тридцать с лишним километров от Тамани до Эльтигена предстояло проплыть им через бурный Керченский пролив на утлых суденышках. Тридцать с лишним километров под нескончаемым артобстрелом, в лучах прожекторов…

Мы, летчики, ничего еще о десанте на Эльтиген не знали. Погода стояла нелетная, все наши полевые аэродромы раскисли. Попытались было взлетать, но не смогли: шасси уходили в землю по самую ступицу. Только седьмого ноября удалось нам включиться в боевую работу.

Группу тогда повел штурман полка майор Карев. Перед вылетом он инструктировал нас: на разбеге не тормозить, иначе шеститонный штурмовик завязнет, зароется в грязь и может перевернуться; шасси могут не убраться, так как гондолы их при разбеге забьются грязью, а если и уберутся, то, возможно, не выпустятся перед посадкой — грязь засосет. Тогда шасси нужно выпускать с помощью аварийной лебедки — сделать тридцать два оборота правой рукой, а управлять самолетом левой. Карев предупредил, чтобы взлетать всем с закрытой бронезаслонкой маслорадиатора и сразу же после взлета открыть ее, иначе грязью залепит соты масляного радиатора, и мотор перегреется, откажет.

И мы пошли на взлет. Под плоскостями летела сплошная грязная жижа. Вырваться из ее объятий удалось не всем. Из девятки самолетов на боевое задание поднялись семь машин — две скапотировали на разбеге…

Маршрут наш лежал на Эльтиген. По карте между озерами Чурбашское и Тобечикское, там, где прибрежные холмы подходят совсем близко к морю, у их отрогов, на низком песчаном берегу, и находился этот рыбацкий поселок. Почти рядом с Эльтигеном, чуть севернее его, располагался порт Камыш-Бурун. В порту базировались фашистские боевые корабли. Но мы на этот раз везли не бомбовый груз, а контейнеры с боеприпасами, продовольствием, медикаментами. Штормовая погода не

позволяла быстро переправить на плацдарм подкрепление, это ослабило снабжение Эльтигенского десанта. И нашей задачей было сбросить им груз точно на пятачок.

Чтобы не ошибиться, требовалось учесть все — силу, направление ветра, скорость своего самолета, а с земли фашисты били по нас из всех видов оружия так что одновременно нам предстояло и отстреливаться от них.

О том, что творилось тогда на плацдарме, спустя годы рассказал мне Герой Советского Союза генерал-майор Василий Федорович Гладков, командир 318-й стрелковой дивизии, возглавлявший десант на Эльтиген.

… Расстояние между нашим десантом и фашистами сужалось. Немцы бросили против нас все силы — и танки, и самоходные орудия, и минометы, и пехоту. А что это стоило нам, рассказывает Герой Советского Союза, журналист С.А.Борзенко, участник боев на Эльтигене: «В штаб со всех сторон все больше приходило сведений об убитых офицерах и нехватке патронов и гранат, о разбитых минометах и пулеметах.

После тяжкого боя были сданы один за другим три господствующих холма. Время тянулось медленно. Мы ждали наступления ночи… В центр нашей обороны просочились вражеские автоматчики. Несколько танков подошли к командному пункту. Вся „наша“ земля простреливалась ружейным огнем. Положение было катастрофическое. Казалось, было потеряно все. Кто-то предложил послать последнюю радиограмму: умираем, но не сдаемся. И тогда командир полка, решительный и бледный, собрал всех и повел в атаку. Шли без шинелей, при всех орденах, во весь рост, не кланяясь ни осколкам, ни пулям. На душе было удивительно спокойно. Чуда не могло быть. Каждый это знал и хотел, как можно дороже отдать свою жизнь. Стреляли из автоматов одиночными выстрелами, без промаха, наверняка… И вдруг заработала артиллерия с Тамани. Она накрыла врагов градом осколков. Но это было только началом возмездия. Штурмовики с бреющего полета добавили огня. Прилетели еще штурмовики, поставили дымовую завесу, словно туманом затянувшую берег. К нему подходило одно судно. Фашистская артиллерия била по кораблю. Находясь на высотах, мы видели весь ужас положения, в котором совсем недавно были сами. Но воинам на корабле повезло. Судно пришвартовалось.»

… Контейнеры с боеприпасами, продовольствием и медикаментами мы в тот раз сбросили десантникам на Эльтиген

точно.

Спасибо, друг «Ильюша»

Теперь летаем с очищенного от гитлеровцев Таманского полуострова на Керченский.

Мне приказали вести шестерку штурмовиков в район Баксы, что севернее горы Митридат. Конкретной цели не дали, и нужно было пролететь вдоль линии фронта, самим найти объект для удара и поработать всей группой.

И вот летим. Я настойчиво повторяю для ведомых по радио одно и то же: «Маневр, маневр, маневр!..» И сама не дремлю — то бросаю штурмовик по курсу, то убавляю, то прибавляю скорость. Я знаю, что, если ударят зенитки, то мне, как ведущей, достанется больше всех.

И они заговорили. Невольно мелькнуло в сознании: значит, что-то таится внизу. Присмотрелась, а там, в садах, замаскированные танки! Пикирую. В прицеле танк. Выпускаю эрэсы.

— С маневром в атаку! — кричу по радио ведомым.

А у меня в прицеле теперь груженая автомашина. Нажимаю на гашетки. Хлещет огонь автоматических пушек. Быстро набегает земля. Кажется, будто она падает на меня. А пальцы опять касаются кнопок реактивных снарядов, и в тот же миг из-под крыльев самолета к земле устремляются смертоносные ракеты. Беру на себя ручку управления — штурмовик послушно выходит из пикирования. Сбросив серию бомб, перевожу машину в набор высоты, а мой воздушный стрелок старшина Макосов начинает бить мечущихся внизу фашистов из своего крупнокалиберного пулемета. Вот это атака!..

Закончив штурмовку, мы развернулись было в свою сторону, но тут набросились «мессеры». Одна их группа сковала боем истребителей, прикрывавших нас, другая атаковала «илы». Мы построились в оборонительный круг с оттягиванием на свою сторону. Нас шестеро против десяти гитлеровских машин. Силы явно неравны. Вижу, как падают в море чуть в стороне два истребителя: один — краснозвездный, другой — с черно-белым крестом на фюзеляже. На моих глазах идет ко дну Ил-2…

Выдержать, во что бы то ни стало выдержать! И мы бьем по тем, кто зазевался, кто проскакивает вперед и подставляет под наши пушки свое брюхо. Один «фриц» задымил и отвалил в сторону. Еще одного шарахнули, да так, что тот сразу пошел камнем в землю. Засуетились «храбрецы»: очень уж любили, когда семеро-то на одного.

«Мессеры» ушли и снова заработали по нас немецкие

зенитки. Перед моим лицом, пробив плексигласовую боковину фонаря, пролетает раскаленный осколок зенитного снаряда. Оглядываюсь, вижу кровь на бронестекле, разделяющем мою кабину и кабину воздушного стрелка. Макосов ранен?! В тот же миг чувствую, что самолет сносит вправо — перебиты тяги рулей. Еще не лучше! Мои ведомые летят на восток, домой, а мой самолет больше не слушается меня повернул на запад, к врагу. Предательски побежали мурашки по телу. Я осталась одна. Напрягаю все силы и умение. А тут еще худые, почуяв легкую добычу, зажали со всех сторон и бьют, и бьют огненными трассами израненную мою машину. Развернула все же штурмовик на свою сторону. Мотор то и дело захлебывается, но тянет, пока еще тянет, держится. Стиснув зубы, держусь и я — продолжаю управлять непослушной машиной. Лечу на предельно малой скорости, теряя высоту. Земля все ближе, ближе, а мне еще надо перелететь через Керченский пролив!

Вдруг вижу, из окопов пехотинцев летят вверх какие-то предметы. Гранаты? Нет. Это наши солдаты восторженно приветствуют краснозвездный самолет, бросая вверх каски. Они радуются за меня, за любимый пехотой штурмовик. Все-таки я долетела до своих, все-таки долетела…

Над проливом подоспели наши истребители и отогнали моих преследователей. Наконец вижу свой аэродром. Машину сажаю с ходу, не заходя по правилам. Мне сейчас не до правил. Лишь бы поскорей посадить едва державшийся в воздухе самолет.

… Тишина. Какая удивительная бывает тишина на земле! А это что? Почему-то руки окровавленные. И гимнастерка тоже в крови. Не заметила, как поранило в бою осколком снаряда. Но как Макосов? Вылезаю из кабины — и к стрелку. Жив Макосов, жив! Отлегло от сердца…

По аэродромному полю к моему самолету бегут летчики, на полном ходу катит «санитарка» с красным крестом, за нею тягач чтобы поскорее отбуксировать искалеченный самолет со взлетной полосы. Глотая слезы, я держусь за его крыло и шепчу: «Спасибо тебе, друг „ильюша“…»

Макосова укладывают на носилки. Он пытается встать и все повторяет:

— Товарищ лейтенант! Не отправляйте меня в госпиталь — пусть полечит наш доктор. Я скоро поправлюсь и опять буду летать, не берите себе нового стрелка!

— Хорошо, хорошо, Макосов, — успокаиваю стрелка. — Я попрошу, чтобы тебя лечили в медсанбате нашего батальона. Поправляйся быстрей. Буду тебя ждать!..

Штангистка

На следующий день иду проведать своего стрелка и вдруг слышу, что за последним капониром кто-то всхлипывает. Подошла. Сидит на ящике от снарядов, уткнувшись лицом в колени, и горько плачет оружейница Дуся Назаркина.

Обидел кто-то, подумала я, но тут же отказалась от своего предположения. Дусю в полку все очень любили. Задорная, веселая и очень трудолюбивая, оружейница пришлась по душе всем. Наблюдать за ней, когда она подвешивала бомбы, реактивные снаряды, заряжала пушки и пулеметы, — одно удовольствие. В выцветшей на солнце, но всегда чистой и отглаженной гимнастерке, в галифе Дуся мелькала вокруг штурмовика с необыкновенной быстротой и ловкостью. Как она одна ухитрялась подвешивать под фюзеляж самолета стокилограммовые бомбы — до сих пор остается для меня загадкой. А она шутила: «Я до войны работала в Москве на заводе „Красный богатырь“ и в кружке штангистов занималась!»

И вот «штангист» плачет. Потрясла за плечо — не отзывается. Тогда я села рядом с Дусей на ящик, взяла двумя руками ее голову, приподняла, положила к себе на колени. Пилотка, которую она зажала в руках, была мокрая и помятая. Я молча гладила Дусю по голове. Прошло минут десять, и вот она, не вытирая слез, стала рассказывать мне о своей большой любви к Сереже Бондареву. Механик самолета, он полетел за воздушного стрелка и не вернулся с задания вместе с летчиком Хмарой.

— Я не хочу жить без него! Мы только вчера объяснились в любви, первый раз поцеловались, решили пожениться, когда закончится война. И вот его нет. Сережа погиб!..

Она со стоном упала на землю, зажала лицо ладонями и глухо зарыдала.

Я сбегала в штабную землянку, принесла воды, нашатырный спирт из аптечки. Понемногу Дуся стала успокаиваться, и вдруг:

— Товарищ лейтенант! Анна Александровна! Прошу вас, умоляю, возьмите меня к себе воздушным стрелком. Я знаю все ракурсы и расчеты, я знаю все силуэты вражеских самолетов, я умею хорошо стрелять. Возьмите! Я хочу мстить за Сережу.

— У меня же есть стрелок — Макосов, — сказала я, растерявшись от неожиданной просьбы Дуси.

— Но он ведь ранен. Сможет ли после такого ранения стрелять? Ведь у него перебита правая рука.

Я стала отговаривать Назаркину. Рассказала, как страшно летать на штурмовике стрелком, как много их погибает.

— Мы, летчики, прикрыты броней, — убеждала ее, — стрелок же сидит перед фашистским истребителем в открытой кабине. А Сережа твой, возможно, и жив. Ведь ты знаешь много случаев, когда наши летчики и стрелки возвращались из «мертвых».

Дуся будто и слышать не хотела:

— Возьмите. Поддержите мою просьбу перед командованием полка, рапорт я сейчас напишу.

Не сумела я убедить Назаркину. А тут недели через две приехал начальник политотдела корпуса полковник Тупанов, и вопрос был решен. Назаркину назначили воздушным стрелком в мой экипаж. Был создан, пожалуй, единственный в штурмовой авиации женский экипаж.

Позже я узнала, что был еще один женский экипаж на штурмовиках, сформированный в августе 1944 года: летчик младший лейтенант Тамара Федоровна Константинова (в будущем Герой Советского Союза) и воздушный стрелок Шура Мукосеева.

Тогда же мне было жаль расставаться с опытным стрелком, да и он не хотел переходить к другому летчику. Но приказ есть приказ, и я ему подчинилась.

О судьбе Макосова узнала только после войны. На встрече ветеранов 230-й Кубанской штурмовой авиационной дивизии ко мне подошел дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г. Ф. Сивков, воевавший в 210-м штурмовом авиаполку нашей дивизии, и сказал:

— Замечательный у тебя был стрелок на Кубани. Ведь его к нам в полк прикомандировали, когда тебе Назаркину назначили.

— Макосов? — обрадовано воскликнула я.

— Да, Макосов. Твой бывший воздушный стрелок после войны уволился из армии, женился, вырастил вместе с супругой пятерых сыновей. И вот какая беда свалилась на их седые головы. От пуль нарушителей в пограничном конфликте на реке Уссури в 1969 году погиб один из их мальчиков…

А тогда, в сорок третьем, стала я летать с Дусей Назаркиной и очень удивилась — в первом же боевом вылете она ничуть не хуже Макосова справлялась с обязанностями воздушного стрелка. То и дело слышала я ее голос в переговорном аппарате. Дуся стала моими вторыми глазами. Изредка через бронестекло, разделяющее наши кабины, в которых мы сидели спина к спине, я видела, как она работала со своим пулеметом. Ствол его то поднимался вверх, то под углом вниз, изрыгая пламя. Маленькая фигурка Дуси буквально крутилась по кабине. Везло мне со стрелками!

Метростроевцы в боях

В эти дни из Москвы я получила от друзей с Метростроя несколько писем. В одно из них была вложена листовка политуправления Краснознаменного Балтийского флота. В ней говорилось о том, что при выполнении боевого задания по уничтожению кораблей противника, находившихся в Финском заливе, севернее острова Гогланд, смертью героев в беспощадной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками погибли заместитель командира эскадрильи 35-го штурмового авиаполка Вячеслав Людвигович Кротевич и воздушный стрелок младший лейтенант И. Ф. Быков.

— Кротевич — это же наш инструктор, потом он был начальником летной части аэроклуба! — воскликнул я.

Многих метростроевцев научил летать Вячеслав Людвигович. Дал путевку в небо и мне. Его ученики Сергей Феоктисов, Евгений Меншутин, Иван Вишняков, Иван Королев, Борис Окрестин, Владимир Наржимский, Лука Муравицкий, Аркадий Чернышев, Михаил Семенцов, Кузьма Селиверстов стали Героями Советского Союза, а Алексей Рязанов этого звания был удостоен дважды.

На своем «иле», говорилось в листовке, летчик Кротевич с воздушным стрелком Быковым уничтожал и танки, паровозы, десятки вагонов, орудия, самолеты, а летая над Балтийским морем, они подожгли и потопили четыре сторожевых корабля, четыре тральщика, транспорт, самоходную баржу.

19 ноября 1943 года летчик Кротевич совершил бессмертный подвиг.

… Группа штурмовиков во главе с Кротевичем обнаружила фашистские корабли. Яростный зенитный огнь не остановил штурмовиков-балтийцев. Их бомбы попали точно в цель — гитлеровский сторожевой корабль потонул. В этот миг с другого корабля противника ударил зенитный снаряд в машину Кротевича. Штурмовик загорелся. Вместе с самолетом горел и экипаж машины. Тогда Вячеслав Кротевич пошел на таран. С грохотом врезался его объятый пламенем самолет в левый борт вражеского корабля, увлекая его за собой в морскую пучину. Так погибли славные сыны советского народа.

В полках и соединениях прошли траурные митинги — летчики клялись отомстить за жизнь Кротевича и Быкова. Штурмовики Балтики открыли счет их имени, их светлой памяти, боевой счет героев ленинградского неба. Одному из лучших

экипажей эскадрильи, в которой воевали Кротевич и Быков, младшему лейтенанту П.Максюте, был выделен штурмовик с надписью по фюзеляжу «Вячеслав Кротевич и Иван Быков».

Смертью своей экипаж героев завоевал победу и бессмертие.

Я вспомнила Вячеслава Людвиговича, каким он был веселым, общительным, любил шутку, был прекрасным рассказчиком. Его лекции, мы, курсанты, очень любили. Часто его лицо озарялось какой-то новой догадкой, он уходил, как казалось нам, в сторону от программы, вызывал нас на спор. Но всегда получалось так, что эти отклонения в итоге оказывались необходимейшими для увязки с другой, не менее важной, темой программы.

Объяснения Кротевича значительно более прояснили и упрощали наши представления, чем сама лекция. Ему было свойственно в любой обстановке, когда оказывалось, что есть свободное время, вспомнить ошибку курсанта, подойти к нему и спокойно разъяснить. Подойти запросто, объяснить в чем суть его ошибки и предлагал не навязчиво свои варианты решения. В нем жил дар инструктора, учителя, стремившегося передать свои знания другим. Кротевич учил нас любить небо. Мы часто видели его вместе с семьей. Жена его Зина с маленьким сыном Людвигом приезжала на аэродром и часами ждала у проходной мужа, занятого нами, курсантами, в уже давно законченное его рабочее время. Наконец, он надевал свою «кожанку», не застегивая пуговиц, бежал навстречу сынишке, хватал его на руки, сажал на плечо, обнимал жену и они — молодые, красивые, счастливые — шли к станции Малая Вязема, чтобы поездом уехать в Москву…

Второе письмо было от Т.Никулиной — редактора многотиражки «Метростроевец». Она сообщила о том, что заходил на Метрострой, будучи в Москве, Сережа Феоктистов, в прошлом маркшейдер шахты, а теперь летчик-штурмовик Северо-Западного фронта. Рассказал он о том, как ему, летчику, пришлось повоевать в партизанском отряде, а случилось это так.

В один из вылетов на штурмовку вражеских позиций Феокристов, на счету которого было уже четыре «юнкерса» и один «хеншель», был сбит зенитным огнем врага, и его самолет с убранными шасси упал на кустарник и, зарываясь носом в сугроб, прополз несколько метров. Летчик выскочил из кабины и первая мысль «как быть с самолетом?» Достав ракетницу, Феоктистов открыл горловину бензобака. Глухо прозвучал выстрел. Летчик успел спрыгнуть с крыла и упал ничком в снег. Раздался оглушительный взрыв.

Гитлеровцы искали летчика. Дважды почти лицом к лицу сталкивался с ними Феоктистов и каждый раз уходил от них. Мерз ночами в снегу, голодал, но все шел и шел к линии фронта,

в сторону канонады, доносившейся с востока. Знал летчик одно: живым его не возьмут, будет драться, пока бьется сердце… На восьмые сутки — радость. Встретил партизанских разведчиков. Они-то и привели Сергея в штаб 1-й Белорусской партизанской бригады.

Так волею случая Феоктистов оказался на белорусской земле, занятой гитлеровскими оккупантами. Но он сознавал, что и эта земля, и небо над нею тоже наша Родина, и что здесь, в тылу врага, — тоже фронт. Здесь также ни на час не затихала боевая страда. Несколько тысяч бойцов насчитывалось в бригаде. Встал в их ряды и летчик Сергей Феоктистов. Он не мог поступать иначе. Вместе с партизанами ходил на задания. Помогал в разработке боевых операций. Наравне со всеми отбивал яростные атаки карателей. Ходил в разведку…

Потом за Сергеем прилетел самолет По-2 и увез его на «Большую землю». И опять летчик Феоктистов сел за штурвал «Ила» в составе 187-го гвардейского штурмового авиаполка, чтобы громить гитлеровских захватчиков до Победы.

Задолго до победы Феоктистов стал Героем Советского Союза.

Наследница

Вот уже в третий раз, пока мы воюем на Тамани, наш полк пополняется самолетами и летным составом. Затем наш путь на 1-й Белорусский фронт. Перелет полка в Карловку, под Полтаву, прошел без происшествий. Штаб и технический состав, как всегда, встречал нас подготовленным летным полем, стоянками для самолетов, жильем для летчиков.

Здесь, под Полтавой, царь Петр разбил шведов. А совсем недавно наши войска разгромили крупную группировку гитлеровцев. Вблизи бывших русских редутов, на том месте, где остались обломки вражеской техники, наши штабисты нашли для нас естественный полигон. Построили там наблюдательную вышку, обозначили траншеи деревянными «солдатиками», установили деревянные «пушки». Были на этой имитированной передовой линии и танки с крестами, и автомашины.

В эти дни в полк прибыло пополнение — много молодых летчиков, которых предстоит вводить в строй: учить бомбометанию, стрельбам, поиску целей словом, всему тому, чему когда-то учили нас ветераны штурмового полка на аэродроме «Огни». В нашу, третью эскадрилью прибыли летчики опытные, но не обстрелянные, еще не участвовавшие в боях. Они все приехали с Дальнего Востока: Степанов, Шерстобитов, Хомяков, Ладыгин, Ивницкий, Хухлин, Мустафаев, Кириллов, Евтеев, Иванов, Цветков, Коняхин…

Нам, «старичкам», признаться, не составляло особого удовольствия работать с молодыми. Уезжая с фронта, мы рассчитывали на недолгий отдых в тылу. Атаки полигонных декораций цементными бомбами не вызывали энтузиазма у бывалых фронтовиков, да и для молодых эта работа была лишь продолжением поднадоевших школьных занятий. Они тоже рвались на фронт.

В полку произошли изменения: штурмана полка майора Карева Петра Тимофеевича назначили заместителем командира 805-го штурмового авиационного полка, лейтенанта Егорову Анну Александровну — штурманом этого же полка. Так было сказано в приказе.

Назначению я перепугалась и помчалась к командиру «выяснять отношения». Козин недавно навестил свою семью — где-то в глубоком тылу. По приезде показал мне фотоснимок своей дочурки. С фотографии на меня смотрели широко распахнутые доверчивые детские глаза, очень похожие на отцовские, две косички, платочек, повязанный под подбородком.

— Наследница! — смеясь, сказал Михаил Николаевич.

Мы очень любили своего командира полка. Отважный летчик, справедливый к подчиненным и в меру строгий, сколько нес он в себе задора, радости, искреннего веселья! Батя — так звали его между собой в нашем дружном коллективе. Он с нами и песни пел, и танцевал, и горе разделял.

Показывая мне фотоснимок своей дочери, Михаил Николаевич признался:

— Знаете, лейтенант, когда моя жена узнала, что в полку есть летчица, то стала ревновать.

— Пусть поревнует. Это иногда полезно, — посмеялся тогда замполит полка Швидкий, назначенный к нам вместо убывшего Игнашова.

Казалось, после Игнашева, который завоевал в полку большое уважение за чуткость, доброе отношение к людям и принципиальность, трудно будет новому замполиту войти в доверие и обрести такое же уважение и любовь у личного состава. Но время шло, и Дмитрий Поликарпович, будучи еще и боевым летчиком, полюбился многим.

Удивительным он обладал свойством — знать, кому надо сказать ободряющее слово, кого надо пожурить, кого похвалить. И все это делал вовремя, не откладывая на завтра, и как-то незаметно, тактично. А летая на боевые задания то с одной группой, то с другой, часто бывая в сложных переделках, он, конечно же, лучше понимал запросы и настроения летчиков.

Разборы боевых вылетов с приходом к нам Швидкого изменили свой характер. Если раньше разговор в основном шел о точном нанесении штурмовых ударов, то теперь больше стали говорить о действиях летчиков, их мужестве, инициативе, тактике в бою. Много внимания Дмитрий Поликарпович уделял войсковому товариществу, спайке в бою. Любил повторять наш замполит суворовское «сам погибай, а товарища выручай»! И это откликнулось в полку добрыми делами. Так, высокую самоотверженность проявил летчик Коняхин, спасая своего друга Хухлина. Но об этом я расскажу позже.

Пока что мне предстояло поговорить с командиром полка о моем новом назначении, и я спустилась в штабную землянку.

— Товарищ командир, разрешите обратиться! — сказала, по-уставному приложив руку к головному убору.

— Обращайтесь, согласно кивнул Козин и с каким-то упреком посмотрел на меня.

— Зачем вы меня назначили штурманом полка? Ведь я же не справлюсь. На смех людям! Есть же Бердашкевич — командир второй эскадрильи, есть Сухоруков, Вахрамов. Им сподручнее

быть штурманом в мужском полку!

— Вы все сказали? — резко спросил подполковник. — Тогда кругом марш! Бегом — к исполнению обязанностей штурмана полка. И по этому вопросу ко мне больше не обращайтесь.

Отцовский подарок

Теперь, в новом качестве, я то провожу занятия с летним составом, то руковожу «боем» по радио с наблюдательной вышки полигона. Штурманская служба мне понемногу стала нравиться, стала по душе. Я ведь и Херсонское авиационное училище окончила по классу штурманов, а работая в Калининском аэроклубе летчиком-инструктором, несколько часов в неделю преподавала аэронавигацию. Курсы штурманов прошла в Ставрополе. Словом, командование полка знало о моих штурманских «классах» и, учитывая уже мой боевой опыт, не случайно назначило на эту должность.

И вот стою я на вышке, а вокруг такая чудесная панорама! По зеленому ковру летного поля рулят самолеты, в стороне Полтавы взлетают американские «крепости», чтобы бомбить общего врага, виднеется речушка, совсем рядом громоздится Петровский редут, на который напоролась армия Карла XII, а в небе вовсю заливаются жаворонки…

Зазвонил телефон. Сняла трубку — слышу голос руководителя полетов:

— Приготовиться, вылетаем!

Внизу под вышкой заработал моторчик радиостанции. Я взяла микрофон, для порядка дунула в него и заговорила:

— Алло! Алло! Алло! Я — «Береза»! Как слышите?

— Я — «Резеда-два»! Я — «Резеда-два»! Слышу вас хорошо. Разрешите двести…

— Разрешаю двести.

«Резеда-два» — это майор Карев, а «двести» — разрешение на бомбометание и штурмовку. И почему это начальник связи полка Матюшенко придумывает такие позывные, как «Резеда», «Фиалка», «Сирень», «Волга» и другие тому подобныевсе женского рода, для мужчин? А мне вот однажды дал позывной — курам на страх! «Ястреб»…

Группа штурмовиков уже над полигоном — делает круг, круто пикирует на цель. Летчики старательно ловят в прицел мишень и короткими очередями расстреливают расставленные фигуры, затем бросают бомбы и разворачиваются для набора высоты. Карев — «Резеда-два» — спокойно подает команды, внимательно следит за работой каждого летчика.

— Хухлин! Уменьши угол пикирования…

— Агеев! Не отставать…

— Цветков! Уменьши скорость самолета, а то выскочишь вперед группы.

— Молодец Кириллов, прицельно бьешь по целям, — летит над полигоном голос «Резеды-два», и, глядя на эту кропотливую работу Карева с молодыми летчиками, я невольно с добрым чувством глубокого уважения думаю об этом мужественном человеке, вспоминаю полеты с ним над Таманью. Отчаяннее, храбрее над полем боя, чем Карев, я не встречала.

Повторив атаку, каревская группа уходит в сторону аэродрома.

— «Береза», я — «Резеда-семнадцать», я — «Резеда-семнадцать» … слышится в микрофоне уже другой голос. — Разрешите двести!

— Разрешаю!

И вдруг слышу:

— Зубами мучаетесь, «Березочка»?..

У меня действительно болят зубы. На вышке я стою с перевязанной щекой, но гневно пресекаю вольного сына эфира:

— «Резеда-семнадцать», занимайтесь-ка своим делом! Уменьшить угол!

Но летчик не слушается и, пикируя с крутым углом, бросает бомбы.

— «Резеда-семнадцать», прекратите самовольничать! Не то закрою полигон!

— Вас понял, — весело отвечает он и заходит для повторной атаки. Ловко атакует мишень пилот, ничего не скажешь. Со снижением уходит он от полигона бреющим, оставляя за собой песню:

Ты ж мэнэ спидманула,
Ты ж мэнэ спидвэла,
Ты ж мэнэ, молодого,
З ума разума свела…

Это — летчик Иван Покашевский.

В полку среди прибывших новичков выделялся парень с широким лицом, с копной темных волос и озорными серыми глазами. Одет он всегда не по форме. Сверху гимнастерки старого образца и гражданских брюк ватник, стоптанные, видавшие виды сапоги, шапка-ушанка, сдвинутая на затылок — вот-вот упадет. Это лейтенант Иван Покашевский.

Нам Иван рассказал, что его сбили в бою и он попал в плен. Когда немцы увозили летчиков в Германию, они втроем проломили дыру в полу вагона и на ходу поезда выпрыгнули ночью. Затем бежали в лес — удалось найти партизан. Семь месяцев Покашевский партизанил, был награжден орденом

Красной Звезды. Затем летчиков доставили в Москву, распределили в авиачасти, и вот Иван попал в наш полк. А тут еще его отец, когда узнал, что сын жив — а похоронную с матерью они получили год назад, — на радостях продал пчельник и на эти деньги купил самолет. Отец очень хотел, чтобы сын летал на самолете, — считал, что так будет надежнее.

У нас в полку Покашевского обмундировали, назначили летчиком во вторую эскадрилью. И вот в Карловку приехал его отец — Иван Потапович Покашевский и привез с собой своего старшего сына Владимира, директора совхоза.

— Нехай послужат мои хлопчики у вас, — доверительно сказал командиру полка. — Посыдив Володька на «брони», як незаменимый, хватит! Пора и честь знать! Но тильки з одним уговором, ни якой поблажки сынам моим не творить, требуйте бильше, як установлено по вийсковому Уставу…

В тот день погода была чудесная. В синем небе ни облачка, солнце грело по-летнему. На аэродроме собралось много народу жители Карловки и окрестных сел с транспарантами, портретами руководителей партии, правительства и виновников торжества. Тут же, отдельно от других самолетов, новенький штурмовик с надписью по фюзеляжу: «От отца — сыновьям Покашевским».

На крыло самолета поднялись начальник политотдела дивизии подполковник И.М. Дьяченко и семья Покашевских. Сыновья помогли отцу взобраться и встали рядом с ним. Иван — справа, Владимир слева. Митинг открыл Дьяченко. На груди начальника политотдела два ордена Красного Знамени. Защищая Москву, Иван Миронович был тяжело ранен, после чего медики списали его с летной работы.

Дьяченко говорил страстно, взволнованно и о патриотическом поступке колхозника Покашевского, и о предстоящих боях, о нашей грядущей победе. Затем он предоставил слово Ивану Потаповичу. Старик встрепенулся, хотел было шагнуть вперед, но сыны удержали его, чтобы не свалился с крыла, а он сказал только два слова: «Браты та сестры!..» — и тут же умолк. Сыновья склонились к отцу, что-то подсказывали ему, видимо подбадривали.

Запомнилась мне надолго та краткая речь простого кристьянина:

— У меня два сына. Обоих я виддаю родной Батькивщине. Пошел бы и сам с вами бить захватчиков, да трохи стар…

Старик хотел еще что-то сказать, но, не в силах совладать с охватившим его волнением, махнул рукой, поклонился в пояс на все четыре стороны и трижды поцеловал своих сыновей.

Все зашумели, зарукоплескали, оркестр заиграл туш.

— Качать его, качать! — закричали в толпе, и старика подхватили на руки.

С этого дня Иван и Владимир Покашевские были приписаны экипажем к самолету отца: Иван — летчиком, Владимир — воздушным стрелком.

И вот я смотрю в бинокль: полигонная команда проверяет результаты работы Покашевских — отлично! Все попадания на месте. Вдруг подлетает штурмовик и без моего разрешения заходит на полигон.

— Я — «Береза»! Я — «Береза»! — быстро заговорила я. — Сообщите, кто летает над полигоном?

Ответа нет, а самолет уже разворачивается и пикирует на нашу вышку. С ума сошел! Перепутал, видно, сигнальный знак «Т» на вышке с крестом на полигоне.

— Все в траншею! — приказываю я и вижу, как шофер рации, техник, еще кто-то бросаются в траншею.

Бомба разорвалась. Взрывная волна смахнула стоявшую рядом палатку и покачнула вышку, осколки бомбы тоже ударили по вышке. Я ухватилась почему-то не за поручни, а за микрофон с телефоном и с ними покатилась, крича:

— Сигнальщик! Дайте красную ракету, ракету! Отгоните его от полигона!

Взвились ракеты. Летчик понял свою ошибку и улетел. Что же, отработал тоже неплохо, жаль только, что не по той цели. Но… учеба есть учеба.

А следующую группу на полигон привел комэск капитан Бердашкевич, добродушный белорус из Полоцка. У Миши большое горе: погиб отец — партизан, расстреляна мать за связь с партизанами.

— Зенитный огонь справа! — дает он вводные группе, и новички выполняют противозенитный маневр по высоте, направлению.

— Справа от солнца четыре «фоккера»! — снова голос ведущего, и вся группа перестраивается в оборонительный круг.

«Спасательный круг», как мы его называем, — это боевой порядок, придуманный для самообороны от «мессеров». Допустим, истребитель противника пытается атаковать наш штурмовик — идущий за ним по кругу сможет отсечь атакующего своим лобовым огнем. С круга мы работаем и по цели. Вот двенадцать штурмовиков уже пикируют, к земле полетели их эрэсы, мощно раздался по округе залповый взрыв. Затем пушечный и пулеметный огонь разносит мишени, а при выходе из пикирования разом от всех самолетов отделяются бомбы. Когда пыль опускается, в бинокль я уже не нахожу целей…

Незаметно пролетел май. Молодые летчики научились метко стрелять и бомбить, стали уверенно держаться в строю не только при полете по прямой, но и при маневрировании. Научились атаковать цели группами — до эскадрильи. Полк готов к отлету на фронт.

Наконец мы получили «добро». 197-я штурмовая авиадивизия, в которую теперь входит наш 805-й штурмовой авиационный полк, только что сформирована. Ее путь лежит в 6-ю воздушную армию генерала Ф.П.Полынина. Мы будем воевать в составе 1-го Белорусского фронта.

Командиром дивизии, в которую входит теперь наш полк, полковник В.А.Тимофеев. Многие пилоты помнят его по летным училищам Поставскому, а в войну — Оренбургскому, где он был начальником.

Когда Тимофеев знакомился с личным составом полка, мне он чем-то показался похожим на царского офицера, каких показывали в кинофильмах. Китель и брюки-бриджи строго подогнаны по фигуре. Хромовые сапоги на высоких каблуках и с наколенниками блестели, как лакированные. Фуражка с тульей выше обычного сидела на голове с каким-то изяществом, а на руках были кожаные перчатки.

— Сразу видно — тыловик, — сказал механик моего самолета Горобец, стоявший рядом.

— Нет. Вы что, не видите, что ли, на груди полковника орден Ленина и медаль «20 лет РККА»? — возразил летчик Зубов. — Он воевал на Курской дуге, был там заместителем командира дивизии. А орден Ленина получил еще в мирное время — в Забайкалье. Там Тимофеев после военно-воздушной академии командовал авиационной бригадой и вывел ее на первое место по боевой подготовке в Дальневосточной армии Блюхера.

— Ты что вспоминаешь Блюхера? Он ведь враг народа!..

— Никакой он не враг, — упрямо заявил Миша. — Он настоящий народный герой, мне еще в детстве рассказывал про него мой родной дядя, мамин брат-комбриг, я ему верил и верю. Да и сам Тимофеев, кстати: тоже был арестован в 1938 году, как враг народа и просидел в читинской тюрьме два года, пока не выпустили, как необоснованно репрессированного, восстановили в правах и назначили начальником авиационного училища. За него сам Шверник хлопотал, воспитатель Вячеслава Арсеньевича. А за Блюхера, видимо, некому было вступиться.

— Тимофеев, говорят, воевал еще в гражданскую? — спросили у Зубова.

— Воевал. Был разведчиком на Восточном фронте, затем заместителем комиссара 15-го Инзенского полка.

— Ты-то откуда знаешь?

— А как не знать? Я был учлетом Оренбургского училища. Вячеслав Арсеньевич нам рассказывал о гражданской войне, лекции очень интересно читал.

— На какую же тему?

— О, темы были разные! Я раньше такого нигде не слышал. И как правильно вилку и нож держать, и как красиво курить, не оставляя следов на пальцах. Нас и танцевать учили, и приглашать даму к танцу.

— Это что же — шла война два года, а вы учились танцевать? — сердито спросил Толя Бугров, летчик с обширными рубцами от ожогов на лице.

— Может, он еще учил вас, как выбирать добрую жинку? — усмехнулся Женя Бердников.

— Пре-екра-ати-ить разговорчики! — громко прервал нашу затаенную беседу начальник штаба полка майор Кузнецов.

Однако наше, можно сказать, знакомство с Вячеславом Арсеньевичем Тимофеевым состоялось…

197-я штурмовая авиадивизия успешно перебазировалась на аэродромы многострадальной белорусской земли. Погода нас в те дни не баловала. Слой толстого тумана уныло лежал над летным полем, и штурмовики, выруливая на старт, вынуждены были выключать моторы. Но вот подул ветер и разогнал всю туманную муть. Группа за группой летчики нашей дивизии пошли на боевые задания. Штурмовики бомбили передний край вражеской обороны, подавляли огонь артиллерийских батарей противника, штурмовали гитлеровские колонны войск, задерживая их на дорогах, жгли машины, танки, уничтожали пехоту… Обычная наша работа.

«Сам погибай, а товарища выручай!»

Этого суворовского изречения всегда придерживались в бою мои однополчане. Хорошо сказал А.Твардовский об этом.

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь!

С полевого аэродрома Чарторыск мы взаимодействовали с прославленной армией генерала Чуйкова — 8-й гвардейской. После боев на Тамани, на Керченском полуострове нам, летчикам, здесь казалось потише, но это было далеко не так.

В один из боевых вылетов девятку штурмовиков повел капитан Бердашкевич. Задачу им поставили сложную — предстояло уничтожить переправу на реке Буг и тем самым воспрепятствовать отходу вражеских войск. Миша тщательно проиграл весь маршрут с летчиками. Показывал на карте, чертил прутиком на земле характерные ориентиры, предполагаемые зенитки. Потом каждый из ведомых повторил «полет». И только когда Бердашкевич убедился, что всем все понятно, скомандовал:

— По самолетам!

При подходе к цели летчики снова услышали его спокойный и мягкий голос:

— Снять предохранители. Разомкнитесь, держитесь свободнее…

Группа с разворота зашла на переправу. Зенитки со всех сторон били по нашим штурмовикам.

— Маневр, ребята! Маневр! — скомандовал Бердашкевич и в пикировании бросил машину на переправу.

За ним устремились остальные, и вот цель накрыта бомбами. Но трассы огня с земли скрестились и над штурмовиками. Самолет летчика Хухлина как-то неловко, будто нехотя, без надобности, с развороченным крылом, с разбитым стабилизатором полез вверх, затем резко опустил нос с остановленным винтом и пошел к земле. Хухлин сумел выровнять, а затем посадить разбитый Ил-2 на маленькое, изрытое воронками поле за переправой на вражеской стороне.

И тут же, как воронье, к штурмовику бросились со всех сторон гитлеровцы. Все это увидел ведущий группы Бердашкевич и направил всю девятку «илов» на помощь своему ведомому.

Штурмовики, пикируя один за другим, отбивали окружающих наш самолет гитлеровцев, а Андрей Коняхин, верный и неразлучный друг Виктора Хухлина, пошел на посадку туда, где сидел его штурмовик.

Самолет Коняхина коснулся земли совсем недалеко от «Ила» Хухлина, попрыгал по кочкам да буграм и замер. Фашисты, почуяв двойную добычу вновь бросились в атаку. Бердашкевич с группой отбил и ее. Тем временем Андрей, спасаясь от наседавших автоматчиков, открыл по ним огонь из пушек и пулеметов своей машины, но трассы огня проходили высоко, минуя врага. Тогда воздушный стрелок Коняхина выскочил и нечеловеческим усилием приподнял хвост штурмовика! Летчик застрочил по гитлеровцам прицельно.

А Хухлин поджег израненный «Ил», подбежал к самолету друга и вместе со своим стрелком забрался в заднюю кабину. Коняхин развернул машину, дал полный газ с форсажем, и вот штурмовик понесся на растерявшихся гитлеровских автоматчиков — и в небо.

Позже Андрей рассказывал, как уже после отрыва от земли он засомневался: хватит ли бензина до дома? Оглянулся на кабину стрелка да так и обмер — рядом с пулеметом торчат две ноги!

Оторопел пилот, а потом понял, что это его воздушный стрелок, на ходу впрыгнул в уже занятую экипажем Хухлина кабину, так и не сумел развернутся в тесноте — застрял вниз головой.

После посадки мотор машины заглох — кончилось горючее. Все, кто был на аэродроме, помчались к замершему штурмовику. И вот начали разбираться: вытащили из задней кабины одного воздушного стрелка, второго, потом летчика. Коняхин сидел в своей кабине бледный, откинувшись головой на бронеспинку, закрыв глаза, его мокрые курчавые волосы прилипли к вискам.

Первым к нему бросился майор Карев и стал целовать его. Затем, прямо на крыле самолета, он взволнованно обратился к однополчанам:

— Товарищи! Летчик Коняхин выполнил заповедь великого полководца Суворова: сам погибай, а товарища выручай! Он трижды выполнил эту заповедь — и штурмовик привел на аэродром, и друга спас, и сам жив. Качать героя!

Летчики и стрелки вытащили Коняхина из кабины и так, на руках, донесли его до штабной землянки. На другой день нагрянули фотокорреспонденты из армейской и фронтовой газет. Хотели сфотографировать героя, а он спрятался от них и предал через друга полный отказ:

— Не дамся! Здесь не фотоателье, а боевой аэродром, и я

позировать не намерен.

Так и вышла статья в газете без портрета Коняхина.

Однажды я была свидетелем такого диалога друзей:

— Ты еще жив? — спросил Коняхин Хухлина.

— Я-то жив, но вот, как это тебя еще не сбили? А надо бы дать тебе шрапнелью по одному месту, чтобы ты вовремя спать ложился, а не засиживался с Катюшей из медсанбата.

Вот так они всегда подсмеивались друг над другом, но друзья были верные. Еще один эпизод из той фронтовой дружбы.

— Витек! — как-то обратился Коняхин к Хухлину. — Послушай, что мне мама пишет. И Андрей достал из нагрудного кармана гимнастерки сложенный вдвое конверт.

— Где она живет-то сейчас?

— Как где? В Сибири, в селе Ястребове, что в восемнадцати километрах от Ачинска — в «родовом имении»… И Андрей начал читать письмо:

«Андрюшенька, проводила я на фронт тебя и троих твоих братьев. Наказ дала — бить супостатов, гнать их с земли русской до полной победы!.. Петя воюет танкистом, Гаврюша — артиллерист, Лева — в пехоте. А ты у меня летчик… Рожала я тебя, сынок, в бане, на соломе, без всякой посторонней помощи. Помню, после родов лежала и смотрела через дымоход в потолке в небо. Оно было такое чистое-чистое, и очень много было звезд. Твоя, Андрюшенька, звезда светилась ярче всех. Это хороший знак..»

— А в кого ты такой курчавый?

— Как в кого? В отца. Он у нас красивый и веселый. Песни петь любит и нас научил. Отец наш ведь тоже на фронте. Бедная мама… Как кончится война, сразу поеду в Ястребово свое родовое, к маме…

Хухлин обнял правой рукой плечи друга и они зашагали на стоянку самолетов, на репетицию. Предстоял концерт художественной самодеятельности и друзья готовились петь свою любимую песню:

Славное море, священный Байкал…

Аккомпанировал им тоже сибиряк — Павел Евтеев. Он возил баян с собой всю войну — как только распрощался с институтом, в котором учился на третьем курсе. А как играл Павел! Мы заслушивались его вдохновенной игрой и были благодарны за те минуты, которые нас уводили от войны…

Женихи

7 июля от гитлеровских захватчиков был освобожден город Ковель, и мы перелетели на один из аэродромов в тот район. Там, помню, мне приказали сразу же лететь на разведку дорог, скопления войск противника и все это заснять на пленку. По пути я залетела на соседний аэродром за истребителями прикрытия. Пара самолетов уже поджидала меня с запущенными моторами. Пока я делала круг над аэродромом, они взлетели и начали набирать высоту.

Быстро связалась по радио с их ведущим и, не переводя дыхания, говорю:

— Буду вести визуальную разведку и фотографирование. Пожалуйста, далеко не отходите — прикройте. Ясно? Прием!

Обычно в таких случаях ведущий истребитель отвечал: «Вас понял», и повторяет задачу или уточняет, если что-то неясно. А тут, после короткой паузы — охрипший тенорок, полный сарказма:

— Эй, ты, горбатый! Чего пищишь, как баба? — Помолчав, добавил с досадой: — А еще штурмовик! Противно слушать… — и присоединил крепкое словцо.

Оскорбительное «баба» затронуло меня. Сгоряча хотела было ответить тем же, да сдержалась: они ведь и не подозревают, что в подчинении у бабы. Мне даже стало весело.

Задание я выполнила успешно. Возвращаясь домой, связываюсь по радио со станцией наведения и передаю обстановку в разведанном районе. Знакомый офицер со станции наведения нашей дивизии благодарит за разведданные:

— Спасибо, Аннушка!..

И тут истребители будто с ума посходили: такое начали выделывать вокруг моего самолета! Один бочку крутанет, другой — переворот через крыло. Затем утихомирились, подстроились к моему «ильюшину» и приветствуют из своих кабин, машут мне руками. Пролетая мимо их аэродрома, я поблагодарила истребителей на прощание:

— Спасибо, братцы! Садитесь! Теперь я одна дотопаю…

Но мои телохранители проводили меня до самого нашего аэродрома. И только после того как я приземлилась, они сделали над аэродромом круг, покачали крыльями и скрылись за горизонтом.

На командном пункте докладываю командиру о выполненном задании — все слушают мой доклад, но, замечаю, чему-то улыбаются и вдруг откровенно засмеялись.

— Лейтенант Егорова женихов стала приводить прямо на свою базу!.. добродушно прокомментировал Карев.

Смеются летчики, смеюсь и я, довольная удачной разведкой. Прилетела без единой царапинки.

Назаркина — стрелок отличный!

…Затишье. В такие дни в полку много мероприятий. На открытом партийном собрании прием в партию. Собрание проходит прямо на аэродроме, под крылом самолета. Открывает его парторг полка капитан Василий Иванович Разин. Он зачитывает заявление летчика Коняхина, в котором слова, идущие от сердца: «Жизни своей не пожалею за Родину, за партию, за Сталина..» Собрание единогласно решает принять Андрея Федоровича Конюхина в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.

Зачитывают заявление Евдокии Алексеевны Назаркиной: «… 1921 года рождения, русская». Она просит принять ее кандидатом в члены ВКП(б). Дуся заметно волнуется. Одернув гимнастерку, поправив медаль «За боевые заслуги», рассказывает автобиографию:

— Отец мой, — Назаркин Алексей Ильич, был солдатом в первую мировую войну. Воевал под командованием генерала Брусилова. Награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Дослужился он до чина старшего унтер-офицера. Был тяжело ранен. Когда мама умерла, в семье осталось шестеро детей — мал мала меньше: четыре брата, две сестры. Тяжело было отцу прокормить нас, и он отнес в торгсин свои Георгиевские кресты и купил нам по ботинкам да сахару… Дуся замолчала, наклонила вниз голову, а руки что-то нервно искали в карманах юбки, надетой вместо брюк ради такого торжественного случая. Наконец она достала конверт и начала сбивчиво говорить:

— Вот братишка Вася прислал письмо. Пишет, что похоронили они отца. Папа последнее время был председателем колхоза в деревне Тишково под Москвой. Сорвался с цепи колхозный бык, отец бросился его ловить, да зацепился за что-то деревянной ногой и упал. Лежачего отца бык начал поддевать рогами и бросать. Женщины, неистово крича, разбежались в стороны. Помочь отцу было некому… Сами знаете, — добавила Дуся, — в деревне остались только стар, да млад. Братья все на фронте, кроме Васятки. Иван погиб, защищая Севастополь, а Семен — под Москвой…

— Что еще пишет братишка? — спросил кто-то.

— «Похоронили отца рядом с мамой, — читала Дуся, а по лицу ее текли крупные слезы. — Поплакал я, дорогая сестра, на могилках, да и решил податься в Москву, там сказывают, всех принимают в ФЗУ, не смотрят на образование, а оно у меня не ахти какое всего три класса. Попрошусь, может, примут, и тогда я

буду сыт и одет. Ты обо мне не беспокойся, бей фашистов так, как бьет их брат Миша — его ведь орденом наградили. Сестра Даша зовет меня к себе в Кораблино Рязанской области, но я попытаю счастье на заводе „Красный богатырь“, где ты раньше работала».

Все молчали, а Назаркина продолжала стоять у стола, опустив бессильно руки с письмом и горько плакала…

— Кто рекомендует Назаркину? — спрашивают в президиуме.

— Комсомольская организация, старший техник-лейтенант Шурхин и лейтенант Егорова.

От имени комсомольцев полка выступил секретарь — Вася Римский, он сказал, что Назаркина, придя в полк из ШМАС (школы младших авиационных специалистов), сразу включилась в общественную работу. Она член полкового бюро, выпускает стенгазету, участвует в самодеятельности.

Коммунист, старший техник — лейтенант Борис Шурхин тоже рассказывал о Назаркиной, о том, как она, будучи оружейницей, быстрее всех готовила штурмовик к бою, умело разбирала и вновь устанавливала после чистки пушки весом по семьдесят килограммов! — Как ловко подвешивала бомбы. Не было случая у летчика, чтобы он пожаловался на то, что пушки заело или взрыватели у бомбы и эрэсов не сработали по вине оружейницы Назаркиной. А о том, как она сейчас справляется с обязанностями воздушного стрелка, Шурхин предложил сказать мне.

— Назаркина — стрелок отличный! — сказала я. — Но вот храбрость в бою граничит… Судите сами: вчера над целью руками бросала противотанковые бомбы по фашисткой технике. Когда их в свою кабину запрятала — никто из обслуги самолета и не видел…

Собрание постановило: принять Назаркину Евдокию Алексеевну кандидатом в члены ВКП(б).

Гибель командира

Уже позади Полесье. Наша армия идет освобождать многострадальный польский народ. Под крылом проносятся поля с узкими полосками неубранной ржи, от хутора к хутору — дороги серпантином.

Попадаются деревушки с крышами, покрытыми дранкой, костелы, деревянные кресты у каждого перекрестка.

Мы летим штурмовать резерв противника в районе города Хелм.

По радио слышу голос командира полка:

— Егорова! Справа по курсу в кустарнике замаскирована артиллерия. Пройдись по гадам из пушек!…

Резко отворачиваю вправо, перевожу самолет в пикирование, отыскиваю цель и открываю огонь. Заработали немецкие зенитки, преграждая нам путь.

— Вахрамов, — пренебрегая шифром, руководит командир, — дай-ка по батарее эрэсами!

Идет обычная боевая работа. На дороге возле Хелма механизированная колонна: бронетранспортеры, цистерны с горючим, грузовики, танки.

— Маневр, ребятки, маневр… — напоминает ведущий и с разворота ведет нас в атаку. — Прицельно — огонь!

С земли к нашим машинам потянулись дымные полосы — это малокалиберные пушки открыли огонь, заговорили четырехствольные «эрликоны». Довернуть бы да дать по ним пару очередей, но слишком заманчиво в прицеле маячит бронеавтомобиль, да и поздновато — уже проскочили.

На второй заход пошли, недосчитавшись замыкающего нашей группы — Виктора Андреева. Паренек из Саратова — не разговорчивый, не улыбчивый, но добрый, уважительный, лучший «охотник» полка, — летал он в паре с Володей Соколовым. Володя не вернулся с прошлой «охоты». В его самолет угодил снаряд, и штурмовик, рубя деревья винтом, сбивая их крыльями, упал в лес на вражеской территории. А вот сегодня не стало Андреева.

Набираем высоту для бомбометания. В небе больше и больше черных разрывов. Не обращая на них внимания, бросаем бомбы. Вот уже пора выводить из пикирования, но ведущий продолжает стремительный полет к земле. Вдруг залп зениток! Самолет Козина как бы остановился на месте, на мгновение что-то вспыхнуло — и штурмовик рухнул на скопление вражеской техники. Взвился огромный столб огня…

Трудно мне сейчас передать словами состояние, которое

охватило нас в те минуты. Яростно бросались мы в атаку за атакой. Кажется, не могло быть такой силы, чтобы остановила нас. Только израсходовав весь боекомплект, мы оставили поле боя — с земли по нас больше не было ни одного выстрела. Возвращались домой все экипажи вразнобой, как бы чувствуя за собой вину — не сумели уберечь Батю — каждый думал свою горькую думу… На аэродроме нас встретили понуро им уже по радио истребители сообщили страшную весть. Обычно механики самолетов восторженно встречали своих летчиков, а сегодня со слезами на глазах…

Механик командира полка плакал навзрыд и, не зная чем занять себя, чем снять тяжкую ношу большого горя, бросал в капонире инструмент, колодки, чехлы и еще что-то, что попадало под горячую руку.

Не сговариваясь со всех стоянок люди потянулись к командному пункту полка.

Начальник штаба вышел из землянки, залез на ящик из — под снарядов, валявшийся поблизости, и сказал: «Однополчане! Командир был бы недоволен нами. Куда девался боевой настрой? Куда девалась боеготовность полка? Ведь идет страшная война! Об этом забывать нельзя. Прошу всех разойтись по своим местам. Остаться летчикам третьей эскадрильи для получения боевого задания. Будем мстить за погибших Козина Михаила Николаевича, Виктора Андреева и других однополчан, отдавших самое дорогое — жизнь, за Отчизну».

Два Ивана

Наше предположение о спокойной, по сравнению с Таманью, обстановке не оправдалось. На второй день после гибели командира полка, погиб Иван Покашевский с воздушным стрелком Героем Советского Союза младшим лейтенантом Иваном Ефременко.

Это был полет на разведку. Брат Покашевского, Владимир, в тот день заболел и не полетел. Наводчики со станции наведения потом рассказывали, как одинокий штурмовик с надписью по фюзеляжу «От отца — сыновьям Покашевским» над самой землей проскочил линию фронта, сделал горку и скрылся в нижней кромке облаков. Ударили вражеские зенитки. Стрельба от переднего края удалялась в глубь немецкой обороны и где-то затихла. Прошло немного времени. Летчик передал, что в таком-то квадрате видит замаскированные самоходки, танки, что противник, очевидно, подводит свои резервы. Вскоре с большим ожесточением опять загрохотали все огневые средства врага, обрушивая огонь на возвращающийся с разведки штурмовик. Летчик не оставался в долгу — он пикировал, и тогда яростно работали его пушки и пулеметы. Молниями сходили из-под плоскостей реактивные снаряды.

На станции наведения забеспокоились: почему разведчик вдруг ввязался в бой?

— «Висла-пять», кончай работу! — передали Ивану по радио и вдруг увидели, как штурмовик медленно, как тяжело раненный, стал разворачиваться на свою сторону. Консоль его левого крыла была загнута вверх, в правом крыле зияла большая дыра, руль поворота сорван, а вместе с ним сорвана и болталась за хвостом антенна.

Все ниже и ниже опускался самолет Покашевского к земле. Иван старался перетянуть машину на свою сторону, не хотел умирать на вражеской. И он перетянул. Самолет тут же с грохотом рухнул на землю…

Группа за группой уходили в тот день штурмовики громить вражеские танки, о которых успел сообщить лейтенант Покашевский.

Первую шестерку повел Виктор Гуркин с воздушным стрелком Бердниковым.

Перед вылетом Виктор обратился к летчикам:

— Отомстим за наших боевых друзей — двух Иванов. Смерть фашистам! По самолетам…

За Гуркиным такую же группу повел Иван Сухоруков, а

третью группу на танки повела я.

Мы выполнили боевую задачу — разгромили танковую колонну гитлеровцев. Каждая атака в этом бою была посвящена памяти товарищей, героев, отдавших жизнь за освобождение польской земли от гитлеровских поработителей.

Войско Польское

На нашем участке фронта вместе с нами самоотверженно сражалась 1-ая армия Войска Польского. Читателя, видимо, заинтересует, как создавалась польская армия? В годы войны в Советском Союзе оказалось много граждан польской национальности. Многие из них покинули родину еще в сентябре 1939 года, когда гитлеровцы оккупировали Польшу. Весной 1943 года группа поляков организовала Союз польских патриотов в СССР. Вот он-то и явился организатором новой польской армии. Идя навстречу польским патриотам, Государственный Комитет Обороны СССР 6 мая 1943 года принял постановление о формировании в нашей стране 1-ой польской дивизии имени Тадеуша Костюшки, впоследствии ставшей ядром будущей польской армии. Наша страна приняла на себя все расходы, связанные с вооружением, обмундированием, содержанием личного состава дивизии.

Недалеко от старинного русского города Рязани у пологих берегов Оки, в деревнях Сельцы, Федякино, Шушпаново в годы войны размещались польские патриоты. Здесь они готовились освобождать оккупированную фашистами Польшу. Отсюда начинал свой путь и офицер Войцех Ярузельский. Теперь в селе Сельцы, на сохранившемся здании, где в 1943 году размещался штаб первой польской дивизии на фронтоне установлена мемориальная доска. Когда едешь в поезде Москва-Рязань из окна вагона хорошо виден на возвышении памятник советско-польского братства по оружию: почти на тридцать метров ввысь ударили бронзовые струны мощного залпа «катюш», а рядом польские и советские солдаты как бы идут в атаку…

Во второй половине 1943 года 1-я польская дивизия выступила на фронт, где 12 октября в составе 33-й армии приняла боевое крещение под белорусским поселком Ленино. Эта дата впоследствии стала в Польше национальным праздником — Днем Войска Польского. За подвиги в бою за Ленино капитан польской дивизии Владислав Высоцкий стал Героем Советского Союза. Семь танковых атак отразил командир батареи Высоцкий, а когда вышло из строя последнее орудие, повел бойцов в штыковую атаку… У Ленино погиб и командир батареи Григорий Лахин, который до последней минуты был у пушки. Ныне на месте кровопролитных боев высится мемориал. Это музей советско-польского боевого содружества.

Польские патриоты рвались в этот свой бой, который так много значил для освобождения их родины от фашистов. Анеле

Кживонь, стрелку роты автоматчиков, не пришлось участвовать в атаке. Командир приказал ей сопровождать в тыл грузовик с тяжело раненными бойцами и особо важными штабными документами. Анеля мечтала о боевом подвиге, а тут приказывали ехать в тыл и она не скрывала своего огорчения. Но приказ есть приказ. По дороге машина была обстреляна фашистским самолетом. Грузовик загорелся. Девушка бросилась в огонь и спасла всех раненых и документы, но сама при этом погибла. За свой подвиг польская патриотка Анеля Тодеушевна Кживонь удостоена звания Героя Советского Союза.

1-ю польскую пехотную дивизию вскоре преобразовали в армейский корпус. А в марте 1944 года было принято решение о создании 1-ой польской армии. Вступив на родную землю, солдаты и офицеры целовали ее и обнимали друг друга. Мы понимали их. Ведь столько мучилась поруганная, растоптанная фашистскими оккупантами многострадальная польская земля! С радостью и ликованием встречало польское население воинов-освободителей — советских и своих соотечественников. Прямо на улицах угощали, чем могли, дарили цветы, плакали и улыбались. Мы понимали глубину чувств поляков и знали о тех страданиях, которые перенесли они за черные годы фашистской оккупации. Тысячи поляков были безвинно убиты и замучены немецкими палачами.

Плечом к плечу с советскими авиаторами сражались польские летчики. И по мастерству и по отваге они старались не отставать от наших летчиков. Истинный героизм проявили польские летчики из полков «Краков» и «Варшава». Они дрались мужественно и умело. Много раз летчики-истребители из полка «Варшава» летали на прикрытие штурмовиков.

Наименование авиационного полка «Варшава» не случайно. Поляки очень любят свой город, гордятся им. За его многовековую историю город не раз подвергался разрушению, но он снова и снова возрождался, отстраивался, возвращался к жизни.

Наиболее трагические последствия принесли Варшаве гитлеровцы. Они обрекли польскую столицу на полное разрушение.

Существовал разработанный немецкими архитекторами и утвержденный Гитлером зловещий план уничтожения Варшавы. С марта 1943 года в Варшаве почти в самом центре города находился концлагерь «Варсау», в котором было убито и замучено не менее 25 тысяч человек, в основном, варшавян. Лагерь был обнесен заграждениями, сторожевыми вышками, имел крематорий, бетонные площадки, на которых производились

расстрелы.

Концлагерь «Варсау» — осуществление преступной гитлеровской директивы: «Варшава должна быть стерта с лица земли».

В освобожденном Советской Армией и армией Войска Польского городе Хелм, куда мы летали на штурмовку и бомбометание, был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО).

И вот уже освобождены города Люблин, Демблин. Нашему, 6-му штурмовому авиационному корпусу присвоено почетное наименование Люблинский, а 197-й штурмовой авиационной дивизии, куда выходил наш 805-й штурмовой авиаполк Демблинской.

Стремительно продвигается вперед Советская Армия в боевом содружестве с польскими войсками. В Люблине находился один из гитлеровских лагерей смерти Майданек, в котором от рук фашистских палачей погибло полтора миллиона женщин, детей, стариков, военнопленных. Майданек посетили делегации многих частей. Побывали там и мы, представители полка. Своими глазами увидели адские печи, газовые камеры, в которых гитлеровские палачи уничтожали людей. Я помню, зашли мы в длинный барак и замерли… Перед нами лежали горы детской обуви разных размеров, дамские сумочки убитых с детьми матерей… Я не могла сдержать рыданий, да и не только я.

Когда мы возвратились в полк, был организован митинг. Вначале все почтили минутой молчания память погибших. Затем однополчане выступали. Их короткие речи были полны ненависти к фашистским вандалам и твердой решимости отомстить гитлеровцам за их страшные злодеяния. Выступающие призывали к беспощадной борьбе с врагом!

Пани Юзефа

Наш полк перебазировался. Теперь мы стояли у польского городка Парчев. Хозяйка квартиры, в которой разместили меня и Дусю, каждый день встречает нас с кувшином молока. Она тут же, на крылечке, наливает по стакану и упрашивает выпить. Подходит хозяин, высокий гордый поляк в домотканой одежде, и тоже настаивает на угощении пани Юзефы. Отказать невозможно, особенно когда хозяева потчуют колобками из творога.

Однажды я вернулась с аэродрома одна. Хозяйка встретила меня испуганными глазами.

— Матка боска! Дева Мария! А где же паненка Дуся? — воскликнула в тревоге.

— Дуся задержалась на аэродроме. Она сегодня дежурная по штабу, слукавила я, не глядя на польку.

Пани Юзефа засморкалась в свой фартук, стала поспешно вытирать глаза, перекрестилась, а я поторопилась уйти из дома — на душе было неимоверно тяжко. В этот день Дуся Назаркина не вернулась из полета.

Вышло так, что наш комиссар, как мы по старинке звали замполита Швидкого, полетел на боевое задание на моем самолете. Ну и взял моего воздушного стрелка. Летчики, с которыми он летел, и ведущий группы Бердашкевич по возвращении с задания доложили, что комиссар, не дойдя до цели, отвернул на свою сторону, и больше его никто не видел…

Послали на поиски самолет, но Швидкого и Назаркину не нашли.

Только на следующий день к вечеру они вернулись в полк, измученные, но невредимые.

Оказалось, когда они подлетали к цели, мотор штурмовика начал давать перебои. Швидкий сумел развернуть машину и спланировал на нашу территорию. Машину он посадил на болоте, около озера. Еле выбрались…

— Анна Александровна! — обратилась ко мне Дуся. — Я только с вами хочу летать. Не отдавайте меня больше никому!.. — И я поняла, что неудачный полет с замполитом — причина ее тревожного состояния.

— Хорошо, Дуся, хорошо, — успокоила я ее, — только на майора не сердись. Такое ведь с каждым летчиком могло случиться.

Дуся после того неудачного полета с замполитом, явно горячилась:

— Летать на боевые задания в полку есть кому. Пусть свои

наземные дела утрясает!..

Я была не согласна с ней. На мой взгляд, когда политработник летает сам, он лучше понимает душу летчика, все трудности его работы. Случалось, вернется штурмовик с задания, еще не остыв от боя, — сам сильно пострадал потерял товарища, — глядишь, что-то и нарушит на земле, порой допустит просто оплошность — его прорабатывать! А как бывало обидно пилоту, когда политработники не понимали его да еще и указания давали по технике пилотирования, ничего не смысля в этом. Нет, нашему штурмовому полку очень повезло, что замполитом у нас был боевой летчик.

Пир в имении князя Желтовского

20 августа 1944 года с утра боевых заданий у нас не было. По традиции мы собирались отпраздновать наш авиационный праздник День Воздушного флота, и комбат Белоусов предложил для этого мероприятия имение князя Желтовского.

Совсем недавно в этом имении состоялось совещание летчиков нашей дивизии с истребителями. Речь шла о взаимодействии — прикрытии нас, штурмовиков, взаимной выручке, тактическом мастерстве.

Помню, поправив китель с двумя орденами Ленина, начал свое выступление командир нашей дивизии, полковник В.А. Тимофеев.

— Мы проанализировали боевые действия полков. Получается вот что: от огня зенитной артиллерии противника мы потеряли больше самолетов, чем от истребителей. Происходит это так потому, что к возможной встрече с истребителями противника наши экипажи готовятся, знают все их силуэты, да и истребители прикрытия хорошо помогают в боевом вылете. А вот перед зенитками пасуем, залпы их для штурмовиков часто бывают внезапными. Я считаю, продолжал комдив, — что летчикам необходимо изучать перед каждым вылетом средства противовоздушной обороны противника на подходах к цели. Для этого штаб и оперативный отдел обязаны готовить разведданные в районе предполагаемой цели.

Майор П.Т. Карев, замещающий командира полка после гибели М.Н. Козина, сказал, что истребители прикрытия в сопровождении нас, штурмовиков, зорко смотрят за противником, отражают их атаки на штурмовиков, не дают спуску ни «мессерам», ни «фокке-вульфам». Но бывает, что не разгадывают замысла противника, вступают в бой с отвлекающей группой, а в это время другая безнаказанно нападает на штурмовиков…

Мне тогда тоже предоставили слово, и для примера я рассказала о боевом вылете шестерки, которую водила на подавление техники и живой силы противника в районе Пулавы. Пока мы работали над целью, делая заход за заходом, истребители прикрытия увлеклись где-то там в стороне боем с группой «мессершмиттов». Мы уже закончили работу, отошли от цели, и тут на нас набросилась поджидающая свора «фокке-вульфов». Трудно бы пришлось нам, не появись два Ла-5. Откуда-то сверху они свалились на головы «фоккеров» и так решительно вступили с ними в бой, что двух гитлеровцев вскоре сбили, а другие два задымили и пошли на свою сторону.

— Мне как женщине, — заметила я, — неудобно просить мужчин не покидать меня. И уж тем более досадно, когда меня бросают.

— Это ты зря прибедняешься, — зашептал мне Миша Бердашкевич, когда я села. — Помнишь, как на Тамани тебя оберегали наши истребители? Даже приказ по армии о «болтовне в воздухе» был написан и пример там приводили: «Анечка! Не ходи далеко…».

Действительно, случай такой был. Это когда я повела группу на косу Чушка и решила зайти на цель с тылу. Ведущий истребитель прикрытия Володя Истрашкин подумал, что я заблудилась, и несколько галантно, на старинный манер, завел со мной разговор по радио…

Совещание наше в имении князя продолжалось часов пять, а затем был концерт настоящих артистов. Их отхлопотал в армии начальник политотдела дивизии.

Дом князя Желтовского в Мелянуве, где проходило совещание и концерт, стоял посреди огромного парка. Широкая мраморная лестница вела на второй этаж, в зал. Все было сохранено так, будто вот-вот выйдут к гостям хозяева. Даже слуги еще не разбежались. О князе они говорили, как о герое. Фашисты казнили его два месяца назад в Варшаве.

Что там за герой был этот князь Желтовский, мы, летчики, не задумывались, не вникали: князь — он и есть князь. И под руководством комбата Белоусова готовились отметить в барском доме свой праздник. Настроение у всех было приподнятое. Летчики вообще удивительный народ! Только что смотрели смерти в глаза, а сейчас вот шутят, смеются, словно и не они летали в огонь, не им лететь. И это не бахвальство, уж я-то знаю. Презрение к смерти? Тоже нет. Страх присущ всем людям. Только вот подавлять его могут не все. Среди своих однополчан я ни разу не встречала растерянности в бою, не видела на лицах летчиков и стрелков следов обычной человеческой слабости. Они умели себя защищать от этого улыбкой, шуткой, песней.

Вот и на наш праздник пилоты придумали концерт самодеятельности. Все эскадрильи подготовили свои сольные номера. Особенно в полку любили песню, сочиненную в 7-м гвардейском штурмовом авиаполку еще на Тамани. Музыку к ней написал штурман полка Герой Советского Союза В.Емельяненко, в прошлом студент консерватории. А припев песни был такой:

Эх, «ильюша», мой дружочек,
Штурманем еще разочек!..

«Уходи на свою сторону!»

Однако пир штурмовиков в княжеском имении оказался под угрозой. Уже в полдень летчики дивизии отбивали яростные атаки немцев на магнушевском плацдарме за Вислой, южнее Варшавы. Гвардейцы Чуйкова сдерживали натиск врага. Помощь штурмовиков на плацдарме была нужна как воздух.

Получено задание и для нашего 805-го штурмового авиаполка лететь эшелонированно, двумя группами. Машину приказали заправить противотанковыми бомбами.

На командном пункте нас было трое: П.Т.Карев — командир полка, Л.П.Швидкий — замполит полка, и я — штурман полка.

— Первую группу в 15 штурмовиков поведу я, — сказал командир полка, вторую половину полка с интервалом в десять минут поведет Егорова. Вылетают все экипажи полка. С какой группой вы полетите, Дмитрий Поликарпович, с моей или с Егоровой? — спросил Карев.

Швидкий долго молчал, а затем выдавил:

— Я не полечу!

Мы были ошеломлены его ответом, но время полета поджимало, и все же командир полка сказал в сердцах:

— Какой же вы комиссар, если в трудный час и в опасный вылет бросаете своих однополчан!..

Мы быстро вышли из землянки и увидели зеленую ракету уже в воздухе первой группе вылет. Карев рванулся к своему самолету, а Швидкий тихонечко куда-то исчез. В нелегких раздумьях я уселась на пенек и, чтобы как-то отогнать «злые» мысли, замурлыкала песенку:

«Мишка, Мишка, где твоя улыбка…»

Я с волнением ожидала своего вылета. Ох, эти минуты ожидания!.. Они тянутся часами. Мне всегда хотелось лететь сразу, едва получив боевое задание. Правду говорят — хуже всего ждать и догонять.

От командного пункта я пошла на стоянку своего самолета. Еще издали заметила в кабине стрелка Назаркину. Давно не видела ее такой улыбающейся. Щеки разрумянились, глаза блестят. Ну, думаю, оживает понемногу мой воздушный стрелок от пережитых потрясений.

Механик самолета Горобец доложил о готовности машины, а затем сделал таинственный кивок в сторону Дуси и зашептал:

— Товарищ старший лейтенант, сержант Назаркина втихаря уложила к себе в заднюю кабину противотанковые бомбочки со взрывателями…

— Да что она, с ума сошла! — вырвалось у меня. — Сейчас же очистить кабину!

Посмотрела на часы. До вылета оставалось три минуты.

— Она не подпускает, — снова подошел ко мне Горобец, — грозит пистолетом…

Я подошла к Назаркиной. Дуся, как наседка крыльями, заторопилась что-то прикрыть руками. Я легонько отодвинула ее и просунула руку к дну кабины. Бомбы!.. Вытащила одну полуторакилограммовую и передала механику. Когда хотела взять другую, Дуся взволнованно заговорила:

— Товарищ старший лейтенант! Оставьте их мне. Ведь эти бомбочки при прямом попадании насквозь пробивают любые танки — «королевские тигры», «пантеры», «фердинанды». Оставьте! Над целью, когда нет фашистских истребителей и не надо отбивать их атаки, я буду бросать эти ПТАБы руками. Ведь мы летим сейчас отбивать атаки танков. Оставьте!

— Механик! Немедленно очистить кабину! — приказала я…

Вспыхнула и описала дугу зеленая ракета. Поспешно надев парашют, сажусь в кабину, запускаю мотор, проверяю рацию и выруливаю. По переговорному аппарату слышу голос Назаркиной — ей что-то очень весело. С чего бы? Сумел ли Горобец вытащить все бомбы из-под ее ног? Взлетаю. За мной — пятнадцать штурмовиков.

Впереди нас виднеется Висла с островами посередине. Справа, как в тумане, Варшава…

Вчера, возвращаясь с боевого задания, я видела, как город, охваченный огнем и облаком густого дыма, горел. Над Варшавой сгорел и наш летчик Коля Пазухин, паренек из городка с поэтическим названием — Родники, Ивановской области. Коля возил восставшим варшавянам продовольствие, оружие. Не вернулся тогда с задания и польский летчик майор Т.Вихеркевич. Он прорвался через огненные заслоны зениток, сбросил на парашюте груз. При развороте был сбит и упал вместе с самолетом на обгоревшие дома родной Варшавы…

А восстание в Варшаве возникло так. Когда был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО), лондонское эмигрантское правительство Польши, боясь оказаться не у дел, решило организовать в Варшаве восстание, с целью утвердить там свои порядки, пока советские войска не вступили в польскую столицу, а потом заявить: «Власть имеется, будьте добры с ней считаться.»

Тысячи польских патриотов, по сути обманутые призывом эмигрантского правительства выступить с оружием в руках против немецко-фашистских оккупантов, 2 августа 1944 года начали возводить баррикады. Но оружия у восставших не хватало. Гитлеровцы бросили против патриотов танки, артиллерию, броневики. Истекая кровью в неравной борьбе, жители Варшавы самоотверженно дрались за каждый дом, каждую улицу. Отвага и геройство варшавян не знали границ, но силы их таяли…

И вот я лечу и с грустью смотрю в сторону Варшавы. Мне очень жаль обманутых варшавян, жаль их разрушенной столицы, былой красоты этого старого города.

— Слева над нами четыре «фоккера», — слышу голос Назаркиной. Она первая увидела истребителей противника и, чтобы все обратили внимание, дала в их сторону ракету.

Дальнобойные зенитки преградили путь нашей группе. Маневрируем. Снаряды, однако, рвутся так близко, что, кажется, осколки их зловеще барабанят по броне «ила». Красными шариками полетели по штурмовикам трассы «эрликонов». Со стороны они такие красивые, что даже не верится, что в каждом из них — смерть.

Мои ведомые на месте — идут в правом пеленге. Крыло в крыло со мной — Петр Макаренко. А огонь с каждой секундой усиливается. Если идти прямо но цель, то попадешь еще под более плотную его стену. Тут же созревает решение отвернуть вправо. Плавно, чтобы не сразу было заметно с земли, разворачиваюсь. Ведомые выполняют разворот за мной — мощная огневая завеса остается в стороне. Но мы удалились от цели, да и противник вот-вот опять пристреляется, взяв поправку. Разворачиваемся влево, идем, маневрируя против зенитного огня. Кажется, пора в атаку!

Перевожу самолет в пикирование. Теперь за ведомыми наблюдать некогда, но я знаю, что они следуют за мной. И мы обрушиваем на танки противника огонь реактивных снарядов, пушек, забрасываем их противотанковыми бомбами. Под нами горит земля. В азарте боя уже не до зениток противника, не вижу я их снарядов, не вижу огненных трасс пулеметов.

Еще атака, еще… Но вот мой самолет сильно подбрасывает, будто кто-то ударил его снизу. Затем второй удар, третий… Машиной стало трудно управлять. Она не слушается меня — лезет вверх. Лечу без маневра. Все силы мои, все внимание на то, чтобы перевести штурмовик в пикирование и открыть стрельбу. Кажется, удалось. Я снова веду группу — на второй заход по танкам. Мои ведомые видят, что у меня подбит самолет. Кто-то кричит мне по радио:

— Уходи на свою сторону!

«Видимо, самолет подбит», — подумала я. Неожиданно все смолкло. Нет связи и с Назаркиной. «Убита?..» — проносится в голове. А самолет трясет, как в лихорадке. Штурмовик уже совсем не слушается рулей. Хочу открыть кабину — не открывается. Я задыхаюсь от дыма. Горит штопорящий самолет. Горю с ним и я…

Погибла смертью храбрых

Летчики, вернувшиеся с задания, доложили, что экипаж Егоровой погиб в районе цели. Как и положено в таких случаях, матери моей, Степаниде Васильеве Егоровой, в деревню Володово Калининской области послали похоронную.

Смерть, однако, отступила и на этот раз. Каким-то чудом меня выбросило из горящего штурмовика. Когда я открыла глаза, увидела, что падаю без самолета и без парашюта. Перед самой землей, сама уже не помню как, рванула кольцо тлеющий парашют открылся, но не полностью.

В себя пришла от страшной, сдавливающей все тело боли — шевельнуться не могу. Огнем горит голова, нестерпимо болит позвоночник и обгоревшие едва не до костей руки, ноги.

С трудом приоткрыла глаза и увидела над собой солдата в серо-зеленой форме. Страшная догадка пронзила меня больнее всех болей: «Фашист! Я у фашистов!..»

Это, пожалуй, было единственное, что я больше всего боялась. Моральная боль страшнее огня, пуль, боли физической во сто крат. Лихорадочно бьется мысль: «Я в плену!» Беспомощная, лишенная возможности сопротивляться. Даже руку не могу протянуть к пистолету. А немец уперся ногой в грудь и зачем-то потянул сломанную руку.

Забытье…

Очнулась я от удара о землю. Это гитлеровцы пытались посадить меня в машину, но я не удержалась на ногах. Чуть отпустят — падаю. Принесли носилки, положили на них. Как во сне слышу польскую речь. «Может, партизаны отбили?..» — мелькнула надежда. Ведь все происходит на польской земле, мы и воевали бок о бок с польской армией. Но нет, опять вижу гитлеровцев, слышу их речь.

— Шнель, шнель! — торопят они двух поляков-медиков побыстрей обработать мои раны: идет налет советских самолетов. И вот с криком «Шварц тод! Шварц тод!» панически исчезают куда-то. А у меня опять мелькнул маленький лучик радости — наши прилетели! Хорошо бы ударили по этому помещению, где лежу…

Медикаментов мне никаких не дали, и поляки просто забинтовали меня и под бинтами ловко скрыли все мои награды и партибилет. Когда штурмовики улетели, фашисты снова сбежались, обступив носилки, на которых я лежала. Я собирала в себе все силы, чтобы не выдать перед врагами стона…

Помню разговор шепотом между поляками-медиками — что-

то о Радомском концлагере. Потом — в провалах сознания — какой-то бесконечно длинный сарай, и я лежу на полу…

— Что же сделали с тобой, ироды! Мазь бы какую сейчас ей наложить… слышу молодой женский голос.

— Где ее взять, эту мазь-то? Немцы не заготовили для нас лекарств, ответил мужской и тут же спросил: — А ты, девушка, собственно, кто будешь, как сюда попала?

— Санинструктор я. Юля Кращенко. А попала, как и вы, на магнушевском плацдарме за Вислой. Танк проутюжил окоп, где я перевязывала раненых, а затем гитлеровские автоматчики нас и захватили.

— Вот какое дело, сестричка, я ведь тебя знаю. Ты из второго гвардейского батальона. Командир твой, капитан Цкаев — мой земляк. Двигайся-ка сюда поближе к нам, санинструктор Кращенко, поговорим. Мы тут осмотрели летчицу, и, понимаешь, под бинтами у нее… ордена. Надо бы снять да спрятать куда подальше, чтобы фрицам не достались. Сделай это ты, сестра, тебе сподручнее, а нас могут обвинить фашисты бог весть в чем.

— Понимаю. Но куда же спрятать их?

— Давайте положим в ее обгорелые сапоги — они фашистам ни к чему, им хорошие подавай, — предложил кто-то еще.

Когда я услышала родную речь, спазмы сдавили горло, вместе с первым стоном у меня вырвалось первое слово:

— Пи-и-и-ть!..

С этого времени около меня постоянно находилась Юля. Гитлеровцы не могли отогнать ее от меня ни руганью, ни побоями. Теперь лежу на топчане в какой-то комнате барака. Около меня сидит плачущая Юля. Вошли три человека в резиновых фартуках и марлевых повязках на лицах. Содрали с моих обожженных рук и ног повязки, которые наложили поляки, засыпали каким-то порошком и ушли.

Как впоследствии расскажет Юля, я металась от боли, билась головой, кричала, теряла сознание. Заступились за меня поляки, находившиеся в Радомском лагере за участие в Варшавском восстании. Они стали бить стела окон, ломать все. Стали требовать, чтобы перестали издеваться над русской летчицей.

Пришли опять эти трое «врачей» и смыли мне с ожогов все, что насыпали раньше. На второй день нас погрузили в товарный вагон и куда-то повезли. Видимо, фронт приближался, ведь шел уже сентябрь 1944 года. Нас — это меня, Юлю, израненного, еле живого солдата из штрафной роты и замполита батальона совершенно здорового капитана. Он все мечтал убежать, но не было удобного случая и капитан с отеческой заботой ухаживал за умирающим солдатом. Половину вагона занимали мы, пленные.

Все лежали в ряд на полу. На второй половине были встроены большие нары, на которых лежали, спали, ели, пили шнапс, играли в карты, пели, рассказывали анекдоты два немецких солдата и три украинских полицая. Немцы держали себя сдержанно, но вот полицаи напрочь были лишены, мягко говоря, милосердия к нам, их соотечественникам.

К счастью, рядом была Юля. Я металась в бреду. Все казалось, что падаю в горящем самолете, что огонь обручами стягивает голову, что нужно что-то сделать, чтобы вырваться из жестких тисков…

Когда сознание возвращалось, я видела сидевшую рядом со мной Юлю.

— Потерпи немножко, миленькая, привезут же нас куда-нибудь. Найдем мы лекарства, обязательно найдем, — плакала и причитала она.

Пять суток эсэсовцы везли нас по Германии. На остановках с грохотом открывалась дверь товарного вагона.

— Смотрите! — кричал эсэсовец, и много глаз — и злобствующих, и сочувствующих, и равнодушных — смотрели туда, где на полу лежали полумертвый-полуживой пленный солдат и я.

Мне очень хотелось пить. Но как утолить жажду, если вместо лица страшная маска со склеенными губами? И Юля через соломинку, вставленную в щель рта, поила меня.

Стояла жара. На ожогах появились нагноения. Я задыхалась. Хотелось, чтобы скорее кончились все эти муки… Пять суток ада. Наконец эшелон прибыл на место назначения. Колонна пленных, окруженная многочисленными конвоирами, прошла через ворота гитлеровского лагеря «ЗЦ». Меня несли на носилках, как носят покойников на кладбище, товарищи по беде. Ворота закрылись за нами. Носилки поставили на землю. И тут сбежалось много немцев посмотреть на русскую пленницу. А я лежала беспомощная, обгоревшая, с переломами — умирающая…

После мне расскажут о том, что лагерь весь был ошеломлен, как разорвавшаяся бомба — русская летчица. Немцы, окружившие меня, о чем-то громко спорили. Я поняла одно — карцер!

И вот опять несут носилки по узкому коридору из колючей проволоки, мне видны вышки, на них автоматчики. За проволокой с обеих сторон слышу какой-то гул, а затем в меня что-то полетело. Оказывается, это французы, итальянцы, англичане — пленные Кюстринского лагеря бросали мне куски хлеба, сахара… — в знак поддержки и солидарности. Юля, шедшая рядом с носилками, все подбирала и складывала в подол армейской юбки.

Нас с Юлей Кращенко поместили в каменный изолированный бокс. Гладкие бетонные стены. Возле одной стены двухярусные нары. Низкий цементный потолок с деревянной перекладиной и лампочкой на ней. Два небольших окошечка с двойными решетками. Раньше в этом помещении размещался карцер.

Юля высыпала мне в ноги — больше некуда было положить собранные куски хлеба, и в это время вошел громадного роста гестаповец, прилично говоривший по-русски, и два немецких солдата с ним.

— Вам тут будет карошо! — обратился он ко мне и тут же: — А это что за мусор? — немец показал плеткой на лежавший у меня на наре хлеб. — Убрать! Солдаты сгребли все, не оставив даже кусочка. Юля стала просить, чтобы оставили хлеб и сахар, но гестаповец был неумолим. Ушли.

У дверей карцера замер гитлеровец с деревянным лицом и автоматом на шее. Подо мной, вернее под моим ложем, Юля спрятала в обгорелом сапоге мой партбилет, два ордена Красного Знамени и медаль «За отвагу».

Началось полное душевной и физической боли мое кошмарное существование в фашистском лагере «ЗЦ».

Солидарность

Карцер, по мнению гитлеровцев, наверное, самое подходящее место для человека, находящегося между жизнью и смертью. Все, что делали со мной нацисты, было в их духе. Они не пытали меня, не истязали, волею случая попавшую в их лапы. Нет, они просто бросили меня в этот сырой бетонный каземат, бросили на произвол судьбы без элементарной медицинской помощи. Они не убили меня сразу, а с изуитской жестокостью дали возможность умирать самой — медленно и мучительно. Но на пути смерти встала человеческая солидарность. В тот же день, когда меня упрятали в карцер, в лагере началась настоящая битва за жизнь русской летчицы, битва, в которую включились десятки, сотни людей доброй воли, представляющих в Кюстринском лагере самые разные национальности. Человеческая солидарность!

К тому времени в лагере действовала крепкая, глубоко законспирированная подпольная организация сопротивления. Подпольщики вели широкую агитационную работу среди заключенных, доносили до них правду о положении на фронтах, организовывали акты саботажа, разоблачали предателей, поддерживали больных и раненых.

С первой минуты своего появления в лагере я, сама того не подозревая, попала в поле зрения организации, одним из руководителей которой был доктор Синяков — «русский доктор». Врача Синякова, естественно, в первую очередь волновало мое медицинское состояние. Для опытного врача даже беглого взгляда во время транспортировки было достаточно, чтобы убедиться в том, что летчица находится в тяжелейшем состоянии. Если не оказать немедленную помощь, то…

Подпольный комитет поручил доктору Синякову и профессору Белградского университета Павле Трпинацу добиваться от администрации лагеря разрешения на лечение раненой пленной. И вот Синяков в лагерной канцелярии стоит перед комендантом. Если посмотреть на доктора со стороны, то почти невозможно было предположить силу, энергию и твердость, какими он в действительности обладал. Невысок ростом, истощен, медлителен в движениях, копна полуседых, непокорных волос. Говорит по-немецки неторопливо. Но в каждом слове — металл, уверенность в своей правоте.

— В лагерь поступила израненная русская летчица…

— Ну и что же? — произнес фашист. — Каждый день к нам прибывают новые партии заключенных. Рейху нужна рабочая сила…

— Она не как все, она искалечена и в ожогах… Десять дней ей не оказывается медицинская помощь.

— У нас не госпиталь…

— Я требую от имени всех пленных лагеря, чтобы меня и доктора Трпинаца допустили к раненой…

— Требуете? — гестаповец побагровел. — Да только за одно это слово я могу тебя просто…

Да, здесь в лагере, все было просто… Смерть каждый день выкликала из рядов заключенных очередную жертву. Непослушание пуля, отказ от работы — пуля. Любой охранник — судья. Здесь — все просто, как в каменном веке. Это все знал Синяков, но он все так же прямо смотрел в бешеные глаза гитлеровца. От ярости нациста доктора защищали руки. Да, искусные, сильные, умелые руки хирурга…

Когда с одним из этапов Георгий Федорович поступил в Кюстринский лагерь, его назначили хирургом и тут же приказали сделать операцию на желудке. На эту первую операцию русского доктора пришли все лагерные немцы во главе с доктором Кошелем. Кошель привел своих врачей, а заодно французских, английских и югославских специалистов из заключенных. Пусть, мол, убедятся, что за медики у этих русских.

Принесли больного. У ассистентов Георгия Федоровича от волнения дрожали руки. Кто-то из фашистов громко утверждал, что самый лучший врач из России не выше немецкого санитара. А доктор Синяков, еле держась на ногах, бледный, босой, оборванный делал резекцию желудка. Движения его были точными, уверенными, и присутствующие поняли, что в экзамене этому хирургу нужды нет.

После операции, блестяще проведенной Георгием Федоровичем, немцы ушли. Остались французы, англичане и югославы. Они стоя приветствовали эту первую победу в плену русского доктора.

— Вам только надо лучше выглядеть, коллега. Надо иметь хороший вид, заметил югослав Брук.

— Товарищ… — сказал единственное слово, которое знал по-русски, Павле Трпинац и пожал Синякову руку.

Трпинац, как агитатор, стал рассказывать в лагере о русском докторе. Из всех блоков потянулись к Синяку за исцелением: он воскрешает из мертвых! И Георгий Федорович лечил прободные язвы, плевриты, остеомиелиты. Делал операции по поводу рака, щитовидной железы. Каждый день по пять операций и более пятидесяти перевязок! Доктор страшно уставал, но сознание того, что в бараках ревира лежит более полутора тысяч раненых и больных, не давало ему покоя.

Посредине лагеря за колючей проволокой и под охраной часовых находился так называемый ревир, или просто лазарет. В ревир однажды и привели вновь прибывшего в лагерь пленного Синякова. Доктор очень удивился, увидев здесь, в этом аду, в этой стационарной фашисткой душегубке, хирургический стол, скальпель, бинты, йодоформ и другое. Не сон ли это? Он понимал: лазарет — не от гуманизма. Просто пришло время, а это был конец 1944 года, наша армия уже вступила в Европу, когда фашисты уже не могли убивать всех пленных. Фронт пожирал дивизии гитлеровцев. Германия позарез нуждалась в рабочей силе, но заключенные, живущие в адских условиях, умирали сотнями, тысячами. Такое положение стало невыгодным рейху. Поэтому и оборудовали лазарет.

Правда, имелась и еще причина в создании лазарета. Пленные — разносчики болезней, а фашисты, как огня боялись инфекций в своей густонаселенной стране. Поэтому при малейшем подозрении болезни — туда, в ревир, за третий ряд колючей проволоки. И вот тогда перед комендантом Синяков не испугался угрозы, он вновь повторил свое требование… В конце концов гестаповцы разрешили доктору Синякову и Трпинацу лечить меня.

Сумерки. Со скрипом открылась дверь, и как призрак вошел немецкий фельдфебель.

— Ого! Здесь уже покойником пахнет, — сказал он, раскуривая сигарету, потом склонился над нарами и, ошеломленный, воскликнул:

— Тысяча чертей! До чего живучи эти русские ведьмы! Дышит… Живого места нет, а дышит!

От меня действительно пахло покойником. Сильные ожоги на лице, руках, ногах покрылись гноем. Впоследствии это меня спасло от грубых рубцов на местах ожогов.

— Заходи! — сказал фельдфебель стоявшему у двери человеку.

Это был «русский доктор» — так называли в лагере военного врача 2-го ранга Георгия Федоровича Синякова.

Русский доктор

Доктор Синяков, выполняя поручения подпольной организации русских военнопленных, готовил побеги. В лазарете, где он работал, всегда находились человек пять — шесть ослабленных военнопленных, которых следовало подкормить перед побегом, помочь насушить сухарей на дорогу, достать часы или компас.

Первый побег был устроен в лагере весной 1942 года. Тогда убежало 5 человек, из них трое — летчики. На всю жизнь запомнился Синякову один из этих беглецов — паренек лет двадцати трех. Доставили его в лагерь в очень тяжелом состоянии, с отмороженными пальцами обеих стоп, высокой температурой. Самолет этого летчика был подожжен и сбит в глубоком тылу врага, сам он выбросился на парашюте. Больше двух суток шел лесом и отморозил ноги: унты у него сорвало еще при прыжке из самолета. Выбившись из сил, решил передохнуть, забылся во сне, и тогда на летчика набросились две немецкие овчарки.

В лагерный лазарет его привезли гестаповцы. У него была большая скальпированная рана головы. Синяков гестаповцам сказал, что у пленного повреждения костей черепа и мозга, что он без сознания. Синяков понимал — на другой же день немецкие врачи легко обнаружат его обман, но шел на это сознательно.

Ночью вместе с санитарами Георгий Федорович заменил летчика умершим от ран солдатом, а ему ампутировали половину стоп, так как уже начиналась гангрена. И вот, выздоровев, летчик научился ходить, а затем совершил побег. Для доктора это была еще одна победа.

Как-то к Георгию Федоровичу нагрянул встревоженный охранник с переводчиком из заключенных и заорал:

— Немедленно к коменданту!

В лагере не спорят. К коменданту так к коменданту. Почему только такая спешка? Дело оказалось и впрямь неотложным. У сына одного из гестаповцев в трахею попал какой-то предмет — не то пуговица, не то еще что-то. Никто, собственно, толком не знал, что же все-таки проглотил парнишка. Мальчишка задыхался, гасла в нем жизнь, требовалось немедленное хирургическое вмешательство, но все врачи отмахивались — бесполезно! Тогда вспомнили о русском докторе. Вспомнили о том, что этот чудо-врач в лагерной обстановке, без нужного инструмента и без помощников исцелял безнадежных больных. Конечно, он русский, представитель «низшей расы», но выбора у

нацистов не было.

А был ли выбор у доктора Синякова? Ведь гестаповец сказал ясно: «Умрет сын — убью?..» Если бы приказали оперировать отца гестаповца, садиста, отъявленного негодяя, он без колебаний сказал бы: «Нет!» Но тут — ребенок. Пусть немец, но все же ребенок, не виноватый в том, что родитель его — фашист. Ребенок, которому, в этом не сомневался Синяков, уготована совсем иная судьба. И он согласился оперировать. Причем немедленно.

Чудо свершилось. Человек, шатающийся от постоянного недоедания, каждый день испытывавший физические и моральные страдания, но сумевший сохранить светлый разум и свое искусство, спас мальчика. И когда смерть отступила от того, произошло другое чудо. Мать ребенка, «чистокровная арийка», надменная и чванливая, встала на колени перед русским доктором и поцеловала его в руку, только что отложившую в строну инструмент. Вот с этих пор он и получил кое-какую независимость и право высказывать свои просьбы. Словом, немцы допустили доктора Синякова и профессора Трпинаца лечить меня.

Еще не зная, кто эти люди, я, едва увидев их, поняла — передо мной свои. Георгий Федорович и Павле Трипинац не только лечили, добывая для меня медикаменты, они отрывали от своего скудного лагерного пайка хлеб. Не забыть мне никогда этой человеческой щедрости! Помню, как Трпинац то сам принесет галет, то подошлет своего соотечественника Живу Лазина, крестьянина из Баната, с мисочкой фасоли. Ведь все пленные, кроме русских, получали продовольственные посылки и медикаменты от Международного Красного Креста. Советский Союз вышел из членов этой организации. Сталин сказал тогда: — У нас пленных нет, а есть предатели… Когда Трпинацу удавалось добыть сводку Совинформбюро, он поспешно надевал халат, совал часовому сигарету, чтобы тот пропустил ко мне, и быстрым шагом входил в камеру.

— О, добрые вести имею я, — наполовину по-русски говорил Павле. — Червона Армия славно продвигается вперед, на запад…

Однажды он принес мне топографическую карту. На ней красным карандашом было обозначено продвижение советских войск к Одеру. Павле встал на колени спиной к двери и, показывая мне красную стрелу, направленную острием на Берлин, сказал:

— Скоро до нас прибудут…

В это мгновение открылась дверь и в камеру с руганью вбежал фельдфебель.

Трпинац успел спрятать карту и, сделав вид, будто закончил перевязку, молча вышел.

А как-то профессор принес кусочек газеты «Правда», в которой сообщалось о подвиге полковника Егорова.

— Радостная весть — это тоже лекарство, — сказал он, предполагая в моем однофамильце мужа или родственника. Не знал дорогой Павле, что Егоровых в России, как Ивановых или Степановых!…

Трпинац иногда рассказывал мне о своей прекрасной родине Югославии. Рассказывал о своих родных и тяжко вздыхал. Сестру Мелку фашисты повесили в 1941 году. Вторая сестра Елена вместе с дочкой, в будущем народной поэтессой Югославии Мирой Алечкович ушла в партизанский отряд. Самого Павле фашисты арестовали прямо на кафедре биохимии Белградского университета, где он читал лекции студентам. В Белграде у Павле осталась жена, чернооκая Милена. В Кюстринском лагере Трпинац находился с 1942 года, а до этого его мытарили по тюрьмам. Трпинац всей душой ненавидел фашизм и как мог с ним боролся. Он глубоко верил в победу Красной Армии и не скрывал этого. Вел большую пропаганду среди военнопленных против фашистов, не щадя своей жизни.

«Сестрица, помоги!»

Нужные для меня лекарства нашлись в бараке военнопленных французов, англичан и американцев, которым разрешались передачи посылок международного Красного Креста и из дома. И мало-помалу я стала поправляться. Вот тут ко мне зачастили с визитами провокаторы, изменники всяких мастей. Однажды пожаловал какой-то высокопоставленный эсэсовец, говоривший по-русски.

— Гниешь, девочка? — спросил с наглой усмешкой. Я молча отвернулась к стене. Эсэсовец ручкой резиновой плетки постучал по моему плечу:

— О, я не сержусь, детка! Мы уважаем сильных, — и, помолчав, добавил: Твое слово — и завтра будешь в лучшем госпитале Берлина. А послезавтра о тебе заговорят все газеты рейха. Ну?..

— Эх, звери! Человек, можно сказать, при смерти, а у вас только одно на уме, — послышался звонкий голос Юли.

— Молчать, русская свинья! — взорвался эсэсовец.

— Сам ты свинья. Немецкая!

— Сгною! — завопил гитлеровец и выбежал из камеры.

Позднее к нам зашел Георгий Федорович. Я рассказала ему о посещении эсэсовца.

— С врагом надо хитрить, а вы вели себя как несмышленыши. Не скрою, вам будет худо, — сказал он, и тогда я призналась Синякову:

— В моем сапоге тайник. Спрячьте, пожалуйста, партбилет и ордена. Если вернетесь на родину, передайте кому следует…

Синяков ушел. А мы стали настороженно прислушиваться к каждому стуку, шороху. На душе было очень тревожно. Мы молчим, долго молчим, думая каждая о своем. Потом я, прервав молчание, попросила Юлю рассказать о том, как она попала на фронт.

— Очень просто, — начала она. — Только окончила семилетку в своем селе Ново-Червонное на Луганщине, как началась война. Четыре брата ушли на фронт. Наше село оккупировали гитлеровцы. Ох, и страшное было время!… Нас с мамой выгнали из хаты, и мы долгое время жили в сарае. А когда пришли наши, я первым делом, захватив с собой значок и удостоверение «Готов к санитарной обороне», полученное еще в школе, побежала к командиру части и попросилась на фронт…

— Сколько же тебе было тогда лет?

— Семнадцать.

И вот семнадцатилетний солдат Юлия Кращенко — армейский санинструктор.

Кто не помнит первого боя, кто может забыть это самое серьезное в жизни испытание? Маленькая, подвижная, она металась по полю, спешила на каждый стон, на каждый зов.

— Сестрица, помоги!

Не под силу ей, вынести большого, грузного человека. Пугают тяжелые раны, страшат молчаливые мужские слезы.

— Надорвешься, не вынесешь, — хрипит раненый.

— Ты, дядько, не беспокойся, все ладно будет, — сыплет скороговоркой Юля, напрягая последние силы. — Я и не таких вытаскивала.

Пусть неправда, пусть это только первый бой и первый раненый, которого она выносит с поля боя. Так ему легче будет. Шаг… два… десять… Спасение. Он будет жить! И снова санинструктор слышит:

— Сестрица, помоги!

Уже не первый раненый, не пятый и не десятый… Южный Буг. Она ползет по льду. Фашисты стараются разбить тонкий лед Буга, потопить ее роту, рвущуюся на занятый ими берег. Берег крутой, вода холодная, огонь кругом, стоны, просьбы: «Сестрица, помоги..» Юля перевязывает раненых, но тащит их не в тыл, а вперед: ползти назад нельзя, снаряды разбили лед.

Рассвет встречали на высоком берегу Буга. Это было 23 февраля 1944 года. Тогда гвардии сержанта Ю.Ф.Кращенко наградили медалью «За отвагу.» А потом, через несколько месяцев разгорелся бой на реке Висле, которую немцы превратили в неприступный рубеж.

Ночью группа советских воинов форсировала реку и закрепилась на противоположном берегу. Там была и Юля Кращенко. Не переставая била немецкая артиллерия, десятки фашистских самолетов бомбили крохотный пятачок плацдарма, пытаясь сбросить его в Вислу. А они стояли. Погиб командир роты.

— За Родину! Вперед! — загремел чей-то молодой голос и умолк, навек умолк…

А они держались. Они поклялись выстоять, удержать во что бы то ни стало плацдарм. На наши прижатые к Висле позиции железными клиньями двигались колонны «тигров», «фердинандов», «пантер». Все эти трудные часы наша авиация помогала наземным войскам. Юля не знала, что там, в небе, на штурмовике женщина, с которой сведет ее вскоре общая беда.

Фашистские танки проутюжили окоп, где санинструктор Кращенко перевязывала раненых. Так она оказалась в тылу врага.

А тогда, после нашего разговора с гестаповцем, к вечеру пришли два здоровых немца и, показав пальцем на Юлю, сказали:

— Коммен. Шнель, шнель!..

Я спросила гитлеровцев: куда и зачем уводят девушку? Один из них, приложив палец к виску, выдавил:

— Пиф! Паф! — И ушли.

Меня закрыли на замок. Тишина. Какой страшной бывает тишина…

Горе лишило меня сил. Хотелось закрыть глаза и не открывать их никогда. Состояние крайней апатии скрутило в тугой узел мои последние силы, мою волю. И кто знает, чем бы все кончилось — не почувствуй я с удесятеренной силой поддержку друзей. Пленные различными способами стали выказывать мне свою симпатию, и я сквозь стены каземата чувствовала братское пожатие их рук. Англичане передали шинель, поляки сшили из нее «по последней моде» жакет, югославы — теплый шарф, а наши, русские, сшили мне из шинельного сукна тапочки с красными звездочками на мысах. Узнай администрация лагеря о любом из этих подарков и дарителя ждала кара. Да что расстрел перед великой силой человеческой солидарности!..

Желание жить вновь пробудилось во мне. Жить для того, чтобы увидеть своими глазами конец ненавистного фашизма.

Но вот отстранили от меня Синякова и Трпинаца. Перевязки стал делать изменник с черными глазами разбойника. Но товарищи по беде и тут не оставили меня. Каким-то чудом однажды мне передали пайку хлеба с запиской внутри: «Держись, сестренка!..»

Памятная пайка хлеба… Не буду распространяться о том, что значил он, скудный кусок хлеба в ту пору. Кто голодал — знает.

Ну, а тем, кто не изведал голода, как говориться, не дай бог!.. Я все-таки о другом. Двести граммов эрзаца и литр супа из неочищенной и плохо промытой брюквы с добавлением дрожжей — такой была суточная норма для русских пленных в лагере «ЗЦ». И вот изголодавшийся, доведенный до дистрофии человек пересылает свою пайку хлеба…

В один из тяжких дней одиночного заключения мое внимание привлек высокий и худой часовой — лет семнадцати. Он находился в карауле уже не первый день и каждый раз с нескрываемым любопытством всматривался в «летающую ведьму».

Вижу, часовой хочет заговорить со мной, но не решается. Озираясь на дверь, достал из кармана сверток, вынул кусок пирога и все-таки шагнул к нарам. Проворно положив на мою

грудь пирог, улыбнулся.

— Битте эссен, руссише фрау! — сказал приветливо и вернулся на свое место. — Битте…

— Убери! Не надо мне вашего! — больше знаками, чем словами, ответила я.

— Найн, найн! Их бин фашистен нихт! — воскликнул часовой и торопливо начал объяснять, что из деревни приехала мать, привезла гостинцы…

А шел уже январь сорок пятого. В последний день месяца танкисты майора Ильина из 5-й ударной армии освободили проклятый лагерь «ЗЦ».

За два дня до прихода наших войск эсэсовцы выгнали из бараков всех, кто мог стоять на ногах, построили в колонны и, окружив овчарками, погнали под конвоем на запад. В лагере остались только умирающие да часть врачей и санитаров под командой доктора Синякова. Тайком они выкопали глубокую яму под операционной и спрятались в ней до освобождения.

Через решетку окна я видела, как гестаповец, а с ним два автоматчика вбегали в бараки французов и стреляли. Видимо, добивали тех, кто не мог идти.

Но вот орудийные выстрелы, долетавшие до лагеря далеким грозовым громом, зазвучали совсем близко, рядом. Снаряды рвались то справа, то слева от карцера, который был закрыт на замок. Уже давно не было около меня и часового. И вдруг все смолкло. Наступило затишье. Неожиданно дверь распахнулась, гляжу а на пороге наши танкисты…

Майор Ильин, командир танковой бригады, предложил мне поехать в госпиталь вместе с ранеными танкистами. Я отказалась:

— Буду искать свой полк. Он где-то здесь, на этом участке фронта. — И тут же с полевой почтой танкистов я отправила письма маме в деревню Володово Кувшинского района и в полк. От радости я тогда поднялась и потихонечку пошла. Помню, надела дарственные тапочки с красными звездочками на мысах, сшитые для меня неизвестным другом, уперлась руками в нары и подалась вперед, а ноги дрожат, как струны, вялые мышцы не слушаются, кожа только что обтянула ожоги и тут же потрескалась, закровоточила… «Стоп. Посиди немного, передохни», говорю себе, а затем опять осторожно скользнула по полу — еще шажок. Покачнулась, но не упала, удержалась. И вот держась за стену, уже шагаю.

А бывшие узники лагеря, все, кто мог держать оружие, забрались на броню танков и пошли в бой на Кюстрин.

Синяков по просьбе танкистов организовал в лагере полевой госпиталь — наши тылы-то отстали при стремительном броске

вперед. За несколько суток Георгий Федорович сделал операции более семидесяти танкистам. А мне он тогда, там в лагере, сразу же после освобождения принес и отдал партийный билет и ордена.

Вперед на Берлин!

Тем временем наш 805-й ордена Суворова штурмовой авиационный полк продолжал воевать. Уже форсировали Вислу — штурмовали скопления танков и артиллерии на зависленском плацдарме. Там сбили летчика Анатолия Бугрова. Подкараулили его самолет гитлеровские зенитки. Снаряд попал в мотор штурмовика. Толя развернул боевую машину на свою сторону, и тут в лицо ему ударил густой запах бензина. Он отдал в перед до упора сектор газа, попробовал задрать нос штурмовика, но двигатель остановился…

Штурмовик падал — крылья не держали самолет в воздухе без тяги мотора. Тогда Бугров, прорубив лесную просеку, сел на лес. Хоть и сильный был удар, но деревья все-таки самортизировали падение. Летчик пришел в сознание и осмотрелся: руки в крови, по лицу тоже сочится кровь; воздушный стрелок жив вот-вот придет в себя, а кабина штурмовика изуродована, приборная доска висит на проводах, от крыльев остались одни лонжероны, в фюзеляже зияют рваные пробоины, хвостовое оперение валяется где-то в стороне…

И все-таки главное — живы. Теперь надо определить, где находятся. Толя вынул планшет с картой, но не успел экипаж, как следует сориентироваться и опомниться как оба увидели своих солдат. Врачи в медсанбате продержали штурмовиков недолго и отпустили в полк.

Когда они заявились, их, признаться, уже и ждать перестали, и похоронки поторопились родным послать.

— Рано еще мне умирать, — сказал тогда Толя, — пока идет война, надо рассчитаться с фашистами за мое обгорелое, изуродованное лицо…

Летчик обгорел еще на Кавказе в одном из боев. Его лицо и руки покрывали глубокие рубцы. Бугров опять стал летать. Воевал он смело, по целям бил беспощадно и упорно искал встречи с врагом. А бомбил и стрелял Толя без промаха. После боевых вылетов радовался — чувствовал, что отомстил. Еще бы! Когда под крылом видишь горящие, изуродованные взрывами танки, пушки и автомашины противника, тут состояние души, прямо скажем, возвышенное исполнил долг!..

В бою за Зееловские высоты отличился летчик Виктор Гуркин. Он был не просто храбрым и умелым воином, но как-то по-особому профессионально хладнокровным и мужественным. Прекрасная техника пилотирования сочеталась у него с искусством меткой стрельбы, точного бомбового удара. В то же

время он выходил невредимым из самых сложных переделок! Воевал Гуркин не по шаблону. Хорошо знал тактику врага, в совершенстве владел боевыми приемами.

… В тот раз облачность на маршруте была десятибалльная. Но в районе цели в облаках появились небольшие разрывы — окна, и в голубом разводье неба летчик заметил, как промелькнули силуэты «мессершмиттов».

Гитлеровцы заходили с задней полусферы. В своей излюбленной манере они занимали выгодную позицию, чтобы потом открыть прицельный огонь. На группу направлялась первая атака гитлеровцев. Воздушные стрелки приготовились отбить атаку. Но Гуркин ловко упредил гитлеровцов. Всей группой он выполнил энергичный разворот в сторону противника, и «мессеры» с разгона наткнулись на плотный залповый огонь штурмовиков. Тогда истребители противника метнулись, словно ошпаренные, и скрылись за облаками. Двух «мессеров» наши все таки сбили. Штурмовать цель никто уже больше не мешал и с первого захода ударами бомб штурмовики накрыли скопление техники, а потом пулеметно-пушечным огнем эрэсов расчистили движение нашей пехоты вперед на Берлин.

Виктор Гуркин пришел в полк бывалым летчиком, знающим себе цену. И по земле он ходил уж очень уверенно! Среднего роста крепыш с глубоко посаженными карими глазами и непокорной прядью темных, прямых волос над широким лбом, он ходил, помню, в хромовых сапогах, голенища которых были собраны в широкую гармошку, и вышагивал как-то твердо, наступая сразу на весь каблук. Однажды, когда мы летали в Куйбышев за самолетами, Виктор пригласил меня поехать в гости к его родителям, эвакуированным с заводом из Тулы. Отец его был оружейных дел мастером, мать тоже работала на заводе. Дорогой в электричке Виктор обратился ко мне с необычной просьбой — поговорить с его сестрой и вразумить ее, чтобы не выходила замуж до окончания войны.

— Мне стыдно, — наклонясь ко мне, волнуясь и чуть не плача, шепотом, чтобы никто не слышал в вагоне, говорил Виктор. — Идет война, а она, видите ли, решила играть свадьбу. И родители ей потакают.

— Ты говорил с отцом или с матерью на эту тему? — спросила я Гуркина.

— Говорил. Отец сказал: «Пусть женятся, я на матери твоей женился в гражданскую войну и ушел бить Колчака. И вот ты теперь бьешь фашистов — плод нашей с матерью любви, а меня тоже тогда отговаривали».

Да и мама сказала: «Витенька! Уж больно пара хороша. Твоя сестра лучшая работница в цеху, жених ее — по снабжению работает ударно»…

Виктор наморщил лоб, сжал кулаки и выдавил:

— Мне это — «по снабжению работает» — убивает…

— Почему, Виктор? — Снабжение тоже очень нужное, хлопотное и ответственное, и чтобы они любили друг друга.

Так разговаривая, мы приехали к Виктору домой. Сестра работала в вечерней смене, мать нас накормила и вручила билеты в театр на оперу Мусорского «Хованщина». Мы очень обрадовались подарку, ведь артисты были из московского Большого театра. Сам-то театр в войну был эвакуирован в Куйбышев.

А с сестрой Виктора я тогда так и не поговорила — она из вечерней смены осталась в ночную, срочный военный заказ выполняла. Да и о чем было с ней и говорить-то. Лучше уж Виктору разъяснить, что он не прав.

И вот не стало среди нас лучшего снайпера полка летчика-штурмовика Гуркина… Дружок Виктора, азербайджанец Миша Мустафаев, в одном из боев там же на подступах к Зеeловским высотам сильно обгорел. Особенно обгорела у него правая рука, которой он держал ручку управления самолетом. Кое-как дотянул до наших войск и посадил машину. Тут же его и воздушного стрелка подхватили медики. Дали ребятам спирту, поместили в госпиталь — они там пробыли пять дней, а услышали, что их собираются направить в далекий тыл — сразу сбежали.

Удрав из госпиталя, летчики обратились за помощью к командиру базировавшейся здесь танковой роты, и тот, долго не раздумывая, отправил Мустафаева и его воздушного стрелка на легком танке домой, на аэродром.

Доброжелательно, по-дружески относились все наземные воины к летчикам-штурмовикам. Общевойсковые командиры от души благодарили авиаторов за поддержку с воздуха, восхищались нашей боевой работой. Да и как было не восхищаться! Взять хотя бы танки противника. Наши наземные части, напрягали все силы, боролись с ними в неравном единоборстве из противотанковых ружей, гранатами, бутылками с горючей смесью, орудиями прямой наводки, и, в основном, в прицеле — один танк. А мы били сразу по скоплениям танков. Находясь над полем боя от 15 до 30 минут, летчики делали до 8-10 заходов на цель. Штурмовики уничтожали танки в предбоевых порядках. В результате штурмовики подавляли огонь батарей, вызывали пожары. Уничтожали танки противника ударами с воздуха еще и далеко за линией фронта: в

железнодорожных эшелонах, в районе погрузки и сосредоточения, на марше. Вот поэтому, когда летчики-штурмовики попадали в беду, каждый боец, каждый командир старались ему помочь.

Мустафаев заявился в полк на танке. На обгоревшей руке была надета проволочная сетка, покрытая сверху марлей. Долго у Миши не заживали ожоги, но постепенно стала появляться тонюсенькая кожица. Главное лекарство для него было — поддержка фронтовых друзей-однополчан. Правду говорят, что дома и стены помогают. Миша поправился и опять стал летать на боевые задания. К сожалению, Миша Мустафаев погиб в берлинскую операцию, погиб смертью героя, не дожив до светлого дня Победы всего пять дней.

В боях за Берлин наш полк воевал уже под командованием полковника Косникова. А Карева перевели в другой полк нашей 197-й Краснознаменной Демблинской штурмовой авиационной дивизии.

Одно время у нас командовал подполковник Котик, но он уехал в Москву на учебу. Несмотря на то, что в полку менялись командиры, — полк воевал также успешно, как и при Козине, нашем «брате», погибшем под Ковелем.

… В район Берлина восьмерку Ил-2 с двумя самолетами прикрытия Як-3 повел Миша Бердашкевич. Над целью ему пришлось сойтись с большой группой фашистских истребителей ФВ-190. Комэск потом рассказывал:

— Вначале я растерялся и не знал, что делать — вести бой с истребителями или выполнять основное задание по бомбометанию и штурмовке объекта. Случай-то не ординарный. Обычно над целью бьют зенитки, эрликоны, а тут истребители… Немцы в конце войны стали словно бешеные, и тогда решение мне навязали сами «фоккеры».

Мы встали в оборонительный круг и начали «щелкать» ФВ-190. Сбили четырех. Но и не досчиталось двух экипажей — Цветкова Бориса и Зубова Миши. К счастью, они и их воздушные стрелки остались живы…

Читатель, возможно подумает: как много в воспоминаниях автора сбитых штурмовиков. Но это так. Не зря наш Ил-2 называли «летающий танк». Штурмовик выглядел внушительно, привлекал внимание своей воинственной внешностью, этакой, можно сказать, монументальной прочностью. Особенно нравилась нам кабина, закованная в прозрачную и стальную броню. Сядешь в токую кабину, закроешься сверху колпаком и чувствуешь себя отгороженной от всех опасностей. Впечатление надежности кабины и самолета не покидало и в полете. Весь облик машины

вызывал боевой подъем, помогал подавлять чувство опасности в огне противника. Но при всем при этом нас, штурмовиков, горело и гибло больше, чем в любом другом роде авиации. На высоте при подходе к цели нас ловили истребители противника; когда мы бросали бомбы, нас били зенитки, а когда штурмовали цель с малых высот — по нам стреляли все, кому не лень, и изо всех орудий, какие могли стрелять! Вот и теряли мы своих боевых друзей при знаменитой штурмовке…

Сквозь Дантов ад концлагерей

Время разбросало дорогих и близких моему сердцу людей, проверенных в жестоких невзгодах. Позже на поиски их уйдет много лет. И вот однажды через газету откликнется Георгий Федорович Синяков.

Он жил в Челябинске, преподавал в медицинском институте и заведовал хирургическим отделением больницы Тракторного завода.

Бесстрашная дочь украинского народа Юлия Кращенко живет и работает в Луганской области в своем родном селе «Новочервоное.» Она воспитала троих детей. А тогда в лагере гестаповцы увели ее и распустили слух, что расстреляли. В самом же деле Юля оказалась в штрафном лагере Швайдек. Ее постригли наголо и целый месяц два раза в день — утром и вечером — выводили на плац и избивали. Юля выстояла и выжила. Затем был женский лагерь смерти Равенсбрук. Здесь узницы работали. Из них выжимали все силы. Юлю направили на военный завод. Но, как было отважной патриотке работать на фашистов ? И она стала подсыпать в заряды фаустпатронов песок. Немцы обнаружили это. И снова побои. Полумертвую, ее бросили в штрафной блок.

Во время одной из бомбежек помещение концлагеря, где находилась Юля, рухнуло. На нее обрушилось что-то тяжелое, но судьба и на этот раз смилостивилась: оглушенной от контузии, ей удалось выбраться из-под обломков, и с подругами по лагерю через пролом в стене она сбежала из Равенсбрука.

В одну из наших встреч Георгий Федорович расскажет, как удалось сохранить в лагере «ЗЦ» мой партийный билет и ордена. Помог в этом немецкий коммунист Гельмут Чахер.

Мне захотелось разыскать Чахера и поблагодарить его. Я написала много писем в Германскую Демократическую Республику. Одно из них было напечатано в немецкой газете. И вот летом 1965 года я получила письмо от жены Чахера, русской женщины Клавдии Александровны.

Она сообщила о том, что Гельмут после войны работал секретарем райкома партии в городе Форсте. Последнее время семья Чахера жила в Котбусе. Умер он в 1959 году, и его именем была названа политехническая школа № 16 в Котбусе.

«Мой муж хранил какие-то документы, — писала Клавдия Александровна, — но меня интересует, получили ли вы их обратно? Ведь Гельмута после того, как он похитил плетку, которой до смерти избивали русских, отправили на Восточный

фронт…».

Мы стали переписываться. В ноябре 1965 года Чахер приехала с немецкой делегацией в Москву и, конечно же, побывала у меня. Клавдия Александровна рассказала, что отец Гельмута, Карл-Вильгельм-Густав Чахер, был рабочим высокой квалификации, узнав, что Советскому Союзу нужны специалисты по электросварке, в 1931 году он приехал к нам вместе с семьей и стал мастером электросварки в железнодорожном депо станции Панютино Харьковской области. Рядом с отцом работал и сын — Гельмут.

Молодой Чахер быстро изучил русский язык, вступил в комсомол, в профсоюз. Как электросварщика, его посылали в Пермь, Свердловск, Магнитогорск, другие наши города. Гельмут стал ударником, а затем стахановцем.

В 1935 году его премировали путевкой в дом отдыха Крыма, где он и познакомился с ленинградской Клавдией Осиповой, дочерью рабочего путиловского завода. Молодые люди полюбили друг друга и сыграли свадьбу.

Клавдия привезла Гельмута в Ленинград к своим родителям, но отец вдруг запротестовал против такого зятя. Дочери он выговаривал, что вот-де в Германии фашизм свирепствует, а ты мне немца привела в дом, а я коммунист со стажем… Словом, начал сопротивляться. Тогда молодые поехали опять в Панютино, к отцу Гельмута. Жили они счастливо, но в 1938 году отец и сын Чахеры были арестованы НКВД. Без суда и следствия их посадили в харьковскую тюрьму.

Девять долгих месяцев Клавдия возила мужу и свекру передачи в тюрьму. Там она выстаивала длинные очереди, плакала, просила передать Гельмуту и Вилли Чахерам. Больше у нее ничего не было. Мать Гельмута и сестра продолжала жить в Панютино, боясь каждого стука. Они почти не знали русского языка. На работу их не брали. И вот однажды передачу у Клавдии не приняли, как она ни просила тюремщиков.

— В списках нет!.. — рявкнули, и закрыли окошко, прищемив ей пальцы руки, в которой она протягивала узелок с сухарями, и на том, казалось конец. Но через год, после последней поездки Клавдии в тюрьму всех трех женщин вызвали в районный НКВД и под подписку вручили документы о высылке в Германию — в течении двадцати четырех часов. И вот чудо! В Берлине на вокзале их встречает… Гельмут, одетый в военную форму с фашистскими знаками… Клавдия, как увидела его, так и рухнула у вагона на платформу у вагона — потеряла сознание…

Гельмут привез мать, жену и сестру в город Форст — домой. Рассказал им, что тогда из харьковской тюрьмы их с отцом

выслали в Германию, но как только они пересекли границу — снова арест. На этот раз уже гестапо обвинило в шпионаже и коммунистической пропаганде. Отца заточили в концлагерь в Заксенхаузен, а сына полгода мытарили по разным тюрьмам и неожиданно отпустили под надзор полиции домой, в город Фрост. Долго Гельмут не мог найти себе работу, а потом все же устроился на текстильную фабрику и сразу же стал хлопотать о выезде из СССР в Германию родных. Потом его призвали в армию, но, как политически неблагонадежного, включили во вспомогательные войска.

Клавдия стала жить в доме Чахеров. У них часто проводили обыски. Три раза в неделю она должна была являться в гестапо…

Мать и сестра работали в швейной мастерской, а Клавдию на работу не принимали. Гельмут часто навещал ее. У них родилась дочь Вера. В гестапо предупредили Клавдию, чтобы по-русски с дочерью она не разговаривала — только по-немецки!

Когда гитлеровские войска напали на Советский Союз, Клавдии стало жить во сто крат хуже. Особенно донимали ее чистокровные арийки — оскорбляли ее, бросали в нее чем попало, плевались в ее сторону. А однажды, когда она шла с Верочкой на руках, толпа немок набросилась на нее, сбила с ног и начала топтать… К счастью, полицейский заступился. Правда, узнав, что она русская, повернулся и пошел в сторону, не оказав никакой помощи.

Гельмут стал навещать родной дом все реже и реже. Теперь он охранял лагеря с советскими военнопленными. Почти полтора года его переводили из лагеря в лагерь. Послужил он в Губене, затем Кюце, Розенберге, Реусе, Остпройзене, Шпандау, Ландсберге, Пилау, Кюстрине — и всюду находил способ, как помочь русским пленным, как больше навредить гитлеровцам.

При встрече Клавдия Александровна передала мне копии писем Г.Ф Синякова, А.М. Фоминова, И.З. Эренбурга, написанных Гельмуту Чахеру, когда его отправляли из Кюстринского лагеря «ЗЦ».

«Дорогой Гельмут, прощайте! У меня о Вас, о немецком патриоте, остались наилучшие воспоминания, — писал русский доктор Синяков. — Всей душой Вы, как и мы, ненавидите фашизм и страстно желаете победы русским. Вспоминаю Ваши слова: „Если победят немцы, русским будет плохо, а если победят русские, немцам будет хорошо.“ А вообще вы верите в нашу победу, и за это вам большое русское спасибо! Спасибо и за то, что вы делаете для победы советского народа».

Когда представилась возможность, Гельмут с пятью другими немцами перешел линию фронта на нашу сторону.

После окончания войны Чахер вернулся в родной Форст. Здесь он вступил в Социалистическую единую партию Германии, стал учиться и, получив диплом юриста, был судьей, секретарем партийной организации, председателем общества немецко-советской дружбы.

Вот еще два письма о верном нашем товарище.

«Вы храбро защищали наши маленькие права военнопленных. Вы вдохновляли нас радостными сообщениями с нашей великой Родины. Результаты сталинградского окружения мы хорошо знали от вас. Вы приносили нам газету „Роте Фане“, и мы знали о борьбе немецких коммунистов, которые несли слово правды в массы, в армию. Многие из них за это поплатились жизнью. Мы знали, что все эти сведения вы, товарищ Чахер, доставали с риском для жизни, но эти сведения передавались среди узников из уст в уста, воодушевляли нас, придавали бодрости, терпения. Чахер! Мы уверены, как и вы, в том, что кровавый фашизм во главе с головорезом Гитлером предстанет перед справедливым судом всего человечества…»

Это писал узник лагеря «ЗЦ» А.М. Фоминов. А вот прощальное письмо И.З. Эренбурга.

«Зима 1941-1942 года была физическим истреблением советских воинов, попавших в плен. Как и полагалось во всех фашистских лагерях — ворота, за ними комендатура, тюрьма, виселица, баня, кухня и секции — французская, английская, американская, югославская, польская, итальянская и особо отгороженная несколькими рядами колючей проволоки, самая большая — русская. Внутри этой секции отдельно обнесены колючей проволокой с часовыми на вышке восемь фанерных бараков — лазарет, или ревир, как называли все.

Раненые и больные — по 250 человек в каждом на двухэтажных нарах-клетках обтянутые кожей скелеты. Лежат люди, умирающие от ран. Лежат обгорелые летчики и танкисты. У многих сложные переломы, абсцессы, плевриты.

А еще за двумя рядами проволоки — инфекционный барак — кромешный ад голод, грязь, избиения, стоны, смерть. Врачи из Берлина организовали в одном из бараков лечебно-экспериментальный пункт, где больным прививали различные инфекционные болезни, а у некоторых ампутировали совершенно здоровые конечности… Фашисты стремились любыми путями истребить советских людей. За малейшую провинность одного из пленных накладывали штраф на весь барак лишали истощенных до предела людей на срок до трех дней хлеба, супа или того и другого вместе.

В лазарете господствовали фашистские палачи Менцель и

Ленц. Каждую ночь эти два молодчика на глазах больных убивали очередную жертву. Никто не был застрахован от возможной участи. Полуживые, истерзанные голодом, холодом, недосыпанием, мы пытались выбраться из лазарета, но тщетно.

И вот в лазарете появились вы, Чахер, — немец, капрал, охранник, переводчик. Прекратились ночные посещения фашистских палачей. Прекратились „опыты“. Помещение лазарета стало немного отапливаться. Появились первые выздоровевшие и первые побеги. С вашим личным участием, Чахер, разрабатывались и готовились групповые и одиночные побеги. Вы сами разведывали места возможных подкопов и проходов для беглецов, отвлекали охрану, когда совершался побег. По национальности я еврей, а, как вы знаете, в лагере комиссаров и евреев уничтожали нещадно. Меня гестапо, как смертника, отправило на каменный карьер: там — мучительная гибель. Вы, Чахер, с доктором Синяковым сумели перевести меня в лазарет и списать в умершие. Днем я прятался за спины раненых на верхних нарах, а ночью ходил по бараку, „отдыхал“. Только вам и Георгию Федоровичу я обязан своим спасением от неминуемой смерти. Низко вам кланяюсь и говорю — до встречи после победы у меня дома, в Москве».

Все три письма Гельмуту Чахеру были датированы 7 июля 1943 года. Меня же в Кюстринский лагерь привезли в первых числах сентября 1944-го. Значит, Чахера в лагере уже не было и мои документы хранил кто-то другой?..

При следующей встрече с доктором Синяковым я все-таки решила сказать ему об этом и уточнить, кто же сохранил в страшной неволе мой партийный билет и ордена.

— Леня-комсомолец! — припомнил Георгий Федорович. — Это совершенно точно.

— А фамилия Лени? — спросила я.

— Не знаю. Все в лагере звали его Леней-комсомольцем.

Как-то, будучи с делегацией Комитета ветеранов войны, возглавляемой маршалом Тимошенко, в Югославии, мне довелось встретиться в Загребе еще с одним бывшим узником лагеря «ЗЦ». Это был фармацевт Жарко Иеренич. Мы сидели с ним долго, вспоминая те тяжкие дни нашего заключения. И вот Жарко достает из кармана и показывает мне маленькую, пожелтевшую от времени фотографию. На фоне аптечных банок сидит Иеренич — худой, изможденный, а позади него стоит какой-то паренек.

Я поинтересовалась, кто это. И тогда Иеренич ответил:

— Леня-комсомолец! Вот там наверху, куда немцы не лазили, он хранил какие-то документы в банке с ядом.

Перевернула я фотографию и с трудом прочитала уже изрядно стершиеся буквы — Алексей Кузьмич Крылов, село Юрьевка, Приморского района, Запорожской области.

Когда приехала домой, тут же написала письмо в Юрьевку. Ответ пришел не сразу, потому что Алексей Кузьмич жил и работал фельдшером в соседнем селе.

Но вот, наконец, получаю: «Мне живо представляется каменный холодный каземат для одиночного заключения, где находились вы, будучи тяжело больной, методы лечения ваших ран…

Я вспомнил, как хранил ваш партбилет, награды…».

Вот так отыскался Леня-комсомолец.

А в 1963 году через журнал «Огонек» я получила первую весточку от профессора Павле Трпинаца. Он писал, что жив, здоров, что заведует кафедрой биохимии в университете Белграда.

Через три года с волнением я читала Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик:

«За мужество и отвагу, проявленные при спасении жизни советских военнопленных в годы Великой Отечественной Войны, наградить гражданина Социалистической Федеративной Республики Югославии Павле Трпинаца орденом Отечественной войны 2-ой степени.»

Скуп и немногословен был Указ. А у меня, когда читала его, вместе с радостью за Павле невольно вставали воспоминания об этом мужественном человеке.

… В лагерь привезли тяжело раненного советского разведчика. На допросе он молчал, не проронил ни слова. Тогда гестаповцы решили подослать к нему провокатора. Узнав, что грозит нашему разведчику, Трпинац немедленно сообщил об этом Синякову — члену подпольной антифашистской организации лагеря. И вот Синяков и Трпинац берут трех санитаров (один из них радист, знающий азбуку Морзе) и идут на врачебный обход в барак, где находится разведчик.

Он лежал в отдельной каморке на топчане под охраной автоматчика, рядом провокатор, забинтованный, как мумия. Обход больных начался с того, что Трпинац встал между топчанами, а Синяков в это время громко расспрашивать провокатора о самочувствии тот тяжело стонал. Доктор сочувствовал «больному», обещал исцеление, а радист в это время отстукивал пальцами по бинтам разведчика морзянку: «Рядом лежит провокатор!» Так он повторил несколько раз, пока раненый

не дал сигнал глазами, что понял, в чем дело.

Врачебный обход закончился. Поразительная отвага и находчивость врачей спасли тогда от неминуемой гибели еще одного советского человека…

Спустя время после опубликования Указа по приглашению министра здравоохранения к нам из Югославии прилетели профессор Трпинац, а из Челябинска — доктор Синяков. Рассказам нашим и воспоминаниям не было конца! На встречу собрались и другие товарищи по беде.

Приехал Николай Майоров, бывший летчик-штурмовик, а в дни встречи уже работник одного из институтов Академии наук СССР. Фашисты сбили его над Сандамирским плацдармом в тот самый день, 20 августа 1944 года, когда сбили и меня на Магнушевском. Тут же, где он упал вместе с самолетом, его прошили автоматной очередью. Но не суждено было умереть гвардейцу 95-го штурмового авиационного полка. Его, чуть живого, подобрала похоронная команда, состоявшая из стариков и юнцов тотальной мобилизации. Так, с развороченной челюстью и газовой гангреной руки Майоров оказался в Кюстринском лагере «ЗЦ».

Георгий Федорович Синяков, наш русский доктор, из «кусочков» собрал челюсть, спас руку, а главное — жизнь. Русскому доктору Синякову помогал в исцелении летчика Майорова Павле Трпинац.

Прочтя указ, Майоров говорил мне по телефону и плакал… Он не знал, что Синяков и Трпинац остались живы:

— Анна Александровна! Я думал, что их нет в живых. Какая радость! Какое счастье! Дайте, пожалуйста, мне их адреса. Я сейчас же полечу к ним.

— В Челябинск вы можете лететь хоть сегодня, — сказала я тогда Майорову. А вот в Югославию, в Белград, где живет профессор Трпинац, достать визу, нам, бывшим пленным, вряд ли удастся…

На встрече был и бывший летчик-истребитель Александр Каширин, приехавший из города Ступино Московской области. Обращаясь к доктору Синякову, он сказал:

— Вы лечили не только раны, но и души людей. Вы не думали о своей жизни, ежедневно, ежечасно подвергая себя смертельной опасности со стороны гестапо. Вы каждый день сообщали нам, раненым и больным, положение на фронтах. Вы вели пропаганду против власовцев, вселяли в людей веру в победу над фашизмом, организовывали побеги, доставали ножницы для перерезания колючей проволоки, хлеб беглецам, компасы. Вы были для нас, пленных, всем: и врачом, и

командиром, и комиссаром, и отцом…

Я был летчиком-истребителем. С первого дня войны на фронте. Многое повидал, многое пережил. В последний свой воздушный бой я со своим ведомым дрался с шестеркой истребителей. Мы сбили одного мессершмитта, затем второго, а третий вышел из боя с повреждениями. Но и мне здорово досталось. Боли от полученных ран не было, а вот кровь откуда-то лилась. Я чувствовал ее запах и у меня от этого кружилась голова, дурманило. Тогда я повернул на восток, хотел — во что бы то ни стало — долететь до своих. Когда мотор заглох, я был уверен, что сажаю свой «ястребок», уже перелетев линию фронта — на своей территории. Но я не дотянул до своих…

Сознание ко мне вернулось не скоро. А может оно и совсем бы не вернулось, не окажись я в Кюстринском лагере у русского доктора. Вы, Георгий Федорович, ампутировали мои гангренозные ступни ног, очистили многочисленные раны и я ожил… Нас было шестнадцать летчиков. Вы нас лечили, берегли, как сыновей, прятали среди раненых пленных, ведь для летчиков у фашистов был уготован специальный лагерь с особым режимом. Трудно перечислить все, что вы сделали для спасения советских людей, да и просто для людей в многонациональном лагере «ЗЦ». И мы, спасенные вами, низко кланяемся вам и говорим большое русское спасибо, дорогой наш доктор! Стихотворение, которое вы нам читали в лагере, я запомнил:

Сквозь фронт, сквозь тысячу смертей,
Сквозь дантов ад концлагерей,
Сквозь море крови, жгучих слез
Я образ Родины пронес.
Как путеводная звезда,
Сиял он предо мной всегда…

Образ Родины придавал нам силы, вселял веру в нашу победу. И мы выстояли всем смертям назло!

«Смерш»

Память. Ох уж эта память… Ни с того, ни с сего заработала и вытащила такое… Не приведи Господь! Столкнула такие отдаленные времена, обстоятельства людей живых, сегодняшних, и тех, что были когда-то и погибли…

Я осторожна со своей памятью. Вообще стараюсь не увлекаться воспоминаниями. Память — памятью, а жизнь — жизнью. И все-таки я должна рассказать своим внукам и правнукам правду. Правду о том, как под Кюстрином, когда затихли бои и подоспели тылы, всем нам, оставшимся в живых, теперь уже бывшим узникам Кюстринского лагеря, приказали идти в город Ландсберг — на проверку. Я идти не могла.

И вот, помню, ехал по дороге солдат на повозке, и доктор Синяков упросил его довезти меня до ближайшего городка, куда тот солдат и сам направлялся. Мне Георгий Федорович сказал, чтобы при въезде в город ждала их у первого дома. Недолго пришлось ждать. Только успела присесть на лавочку, как подошли ко мне офицер, два солдата с автоматами и приказали следовать с ними. Так, с двумя автоматчиками по бокам, во главе с красным командиром я и поковыляла по поверженному немецкому городку.

На мне был жакет «по последней варшавской моде» — тот подарок от пленных англичан. На жакете два ордена Красного Знамени, медаль «За отвагу», а в нагрудном кармане лежал партийный билет. Опаленные огнем волосы еще только-только начинали вырастать, так что голову я прикрыла теплым шарфом. Подарил мне его югославский крестьянин из провинции Банат — Жива Лазин.

Так вот я и шла по городу — в таком обмундировании, тапочках из шинельного сукна с красными звездочками на мысах, и в сопровождении «почетного экскорта». Привели меня в комендатуру, к самому коменданту. Тот не долго думая, без особых проволочек и допроса «подозрительной личности» — теперь уже с усиленным конвоем — отвез меня прямо в отделение контрразведки «Смерш» 32-го стрелкового корпуса, 5-ой Ударной армии. Здесь меня «разместили» на топчане в караульном помещении. Внизу, в подвале, были пленные гитлеровцы, а я, слава Богу, не с ними вместе, а над ними. Как говорят летчики, имела преимущества в высоте.

В первую же ночь, два солдата с автоматами повели меня на допрос. Надо было подняться на второй этаж соседнего с караульным помещением здания. Плохо слушались ноги, при

движении лопалась тоненькая кожица, едва образовавшаяся на ожогах, саднили и кровоточили руки на сгибах и ноги. Остановлюсь — солдат толкает автоматом в спину.

Ввели в ярко освещенную комнату с картинами на стенах и большим ковром на полу. За столом сидит майор. На вид доброжелательный. Но для начала отобрал у меня награды, партбилет, внимательно и долго рассматривал их в лупу, долго не разрешая мне садиться. Вот-вот, думаю, упаду, но напряжением каких-то сил держалась и все просила разрешить мне сесть. Наконец разрешил. Думала, что никакая сила меня не оторвет теперь от стула, ан нет. «Доброжелательный» майор как гаркнет:

— Встать! — я и вскочила с того стула.

А дальше посыпалось:

— Где взяла ордена и партбилет?

— Почему сдалась в плен?

— Какое было задание?

— Кто давал задание?

— Где родилась?

— С кем должна выйти на связь?..

Эти и другие вопросы майор задавал мне по очереди или вперемешку почти до самого утра. Что бы я не говорила, он кричал: «Лжешь, немецкая овчарка!..»

Много ночей было одно и тоже. В туалет водили под конвоем. Есть приносили раз в сутки сюда же, в караулку — на топчан. Оскорбляли всякими нецензурными словами…

Мое имя было забыто. Я была «фашистская овчарка».

Вспоминаю, как после войны я впервые рассказывала о моем пребывании в «Смерш» нашему бывшему командиру полка Петру Кареву. Я говорила тогда и плакала почти до истерики, а он как закричит:

— А что ты? Что же ты не напомнила ему хотя бы тот случай, когда тебя в сорок первом посылали на беззащитном У-2 на разведку? Когда ты, Аня Егорова, в сорок втором на том же У-2 была сбита и подожжена фашистскими истребителями, обгорела, но приказ войскам доставила. То ли было! Через то ли прошла! Брали Новосибирск, Ковель, Луцк, Варшаву… Почему же ты, летчик-штурмовик, ему, подлецу, тыловику, ничего не бросила в морду?!… — Карев гневно рубанул по воздуху рукой и предложил: — Давай выпьем, Аня Егорова, по сто граммов наших, фронтовых!..

Да… Так вот продолжу свои «хождения по мукам», на десятые сутки пребывания в «Смерше» мое терпение лопнуло. Я встала с топчана и молча направилась к выходу, а там по широкой

лестнице прямо на второй этаж к тому майору.

— Стой б… ! Стрелять буду! — тонко так намекнул мне охранник и бросился в мою сторону. Но я продолжала подниматься по лестнице почти бегом. Откуда только силы-то взялись?.. Кажется, в восемнадцатом веке англичанин Джон Брамден заметил: «Бойтесь гнева терпеливого человека». Верно заметил…

Я быстро открыла дверь и с порога закричала — или мне это только показалось, что я кричала:

— Когда прекратите издеваться?.. Убейте меня, но издеваться не позволю!..

Очнулась. Лежу на полу на ковре. Рядом стоит стакан с водой. В комнате никого нет. Я тихонько поднялась, выпила водички и села на диван, стоявший у дальней стены. Потом дверь открылась вошел майор Федоров. Я уже знала его фамилию.

— Успокоились? — спросил меня вежливо.

Я промолчала.

— Вот дней девять тому назад вас разыскивали бывшие пленные Кюстринского лагеря «ЗЦ» — врачи. Они написали все, что о вас знают. Как вы попали в плен, как вели себя и как они лечили вас. Просили вас отпустить с ними вместе на проверку в лагерь в Ландсберг, но мы тогда не могли этого сделать. Уж очень подозрительно — в таком аду сохранить ордена и — больше того — партийный билет!.. Короче, мы вас отпускаем. Проверили. Если хотите, оставайтесь у нас работать…

— Нет, нет, — поторопилась сказать я. — Хочу в свой полк. Он где-то здесь воюет на этом направлении…

— Можете идти, куда хотите, — отрезал майор.

— А как же я пойду без справки? Меня тут же заберут и обратно куда-нибудь — упрячут…

— Справок мы не даем! Если хотите в свой полк, то советую выйти к контрольному пункту на дорогу и попросить, чтобы вас подвезли, куда следует.

— Вы издевались надо мной, майор, а теперь смеетесь! Вы видите: идти я почти не могу и кто меня посадит на машину без документов? Дайте мне справку и довезите до КП — Христом Богом прошу!

Майор смилостивился, дал мне справку, мол, такая-то прошла проверку. Потом он приказал довезти меня на повозке до контрольного пункта. Там подсказали, где находится штаб 16-й воздушной армии и посадили на попутную машину.

В отделе кадров армии меня сразу же определили в армейский «Смерш».

— Будем делать запрос в 34-й стрелковый корпус 5-ой

ударной армии, где вы проходили проверку, — сказали и отвели жилье — комнату со всеми удобствами и питанием в офицерской столовой. Жена начальника «Смерш» принесла мне журналы, книги — читай себе, почитывай…

Приходили какие-то женщины, офицеры штаба армии, летчики… Поздравляли меня с возвращением с того света, что-то дарили. У меня уже скопилась целая куча каких-то вещей, и кто-то, помню, пошутил:

— Вот вы, товарищ Егорова, в аду побывали, теперь вам рай уготован…

А однажды пожаловал капитан Цехоня. К сожалению, я не помню ни имени его, ни отчества. А вот доброту его во век не забуду! До штабной работы в 16-й воздушной армии он служил в нашем 805-ом штурмовом авиаполку адъютантом 3-ей эскадрильи. Была такая должность, теперь — начальник штаба эскадрильи. Будучи замкомэска 3-ей эскадрильи, я его часто ругала за всякие «мелочи», хотя говорят, что в авиации мелочей нет. Цехоня не сердился на меня, или делал вид, что не сердится, но ошибок не повторял. И вот теперь пришел навестить меня, узнав, что я нашлась, живая. Он принес мне в дар какие-то красивые платья и сказал:

— Собрал посылку жене, а вот узнал, что ты жива, принес тебе…

— Зачем мне платья? — настороженно спросила я. — Наверное, мне дадут вещевики гимнастерку с юбкой?..

— Тебе лечиться надо, Анночка, — ласково сказал Цехоня, — и начал искать по карманам носовой платок…

В полку мое письмо получили. Сообщили в дивизию, мол, жива и находится на нашем участке фронта. Командир дивизии полковник В.А.Тимофеев приказал тогда замполиту нашего полка Д.П.Швидкому срочно снарядить «экспедицию» на поиски меня. И вот наша встреча в отделе кадров 16-й воздушной армии.

… Я сидела на скамеечке, ожидая вызова. Рядом со мной лежал костыль, помогающий передвигаться, соломенная сумочка с эмблемой ВВС и моими инициалами — «А.Е». Эту сумочку мне сплели летчики узники Кюстринского лагеря (сейчас она хранится в Центральном музее Вооруженных Сил РФ). Швидкий увидел меня первым. Выскочив из машины, с раскинутыми в стороны руками он бросился ко мне. А я что-то не сразу узнала его: небольшого роста, в меховом комбинезоне и унтах, на голове шапка-ушанка — ну, как медвежонок.

Фамилия Швидкий очень соответствовала характеру Дмитрия Поликарповича. Он быстро поцеловал меня, всхлипнул носом и

побежал оформлять мои документы — с тем, чтобы сразу же увезти меня в полк.

Подошла и группа автоматчиков, сопровождавших замполита. Они шумно здоровались со мной, наперебой рассказывали новости полка, и только один стоял в стороне и, не скрывая своего горя, плакал, повторяя: «А Дуся погибла…». Я внимательно посмотрела на плачущего и узнала в нем воздушного стрелка Сережу, о котором так печалилась Дуся. Она и бомбы противотанковые укладывала в свою кабину — в последнем вылете, — чтобы мстить за Сережу…

Верная гадалка

Письмо от меня в те дни получила и моя мама — его отослали из лагеря танкисты, освободившие нас. Получила, прочитала несколько раз, перекрестилась и решила, что сходит с ума. Ведь была похоронка, была назначена пенсия вместо аттестата, была верная гадалка и, наконец, были отпевание в церкви и запись в поминальнике за упокой души воина Анны… Схожу с ума, окончательно решила мама, еще раз перекрестилась и направилась к соседке. Там, протягивая письмо ее сыну, стала просить:

— Толюшка, почитай! Что-то мне мерещится…

Оказывается, когда маме принесли похоронную на меня, она от горя слегла, но в гибель мою верить не хотела. Кто-то из деревенских ей доверительно сказал, что есть очень верная гадалка, которая дорого берет, но гадает только правду и только правду. Предупредили, что за гадание гадалка берет дорого. Мама собрала вещички, кое-какие деньги и написала записку старшей дочери в Кувшиново, где та работала и жила с семьей: «Манюшка! Ты мне очень нужна на сутки, отпросись на работе и приходи с ночевкой».

Мария с трудом отпросилась на работе, пришла в Володово затемно.

— Сходи, дочушка, в Спас-Ясиновичи. Уж последняя надежда на гадалку. Что скажет она, тому и быть.

И Мария утром чуть свет отправилась — тридцать километров туда, да столько же обратно — пешком. Надо успеть за день, завтра на работу в утреннюю смену. Дочь выполнила наказ матери. А гадалка нагадала, что меня нет в живых. Видимо, мало заплатили. Вообще-то это редкий случай, чтобы гадалка плохо нагадала, не вселила человеку надежду. И сестра — вместо того, чтобы поддержать мать святой ложью — сказала гадалкину «правду». У нас в семье была такая заповедь — матери говорить только правду, какая бы она ни была.

После такого сообщения мама опять тяжело заболела. А тут еще, как на грех, Калининский облвоенкомат вместо аттестата, по которому мама получала деньги от меня, назначил пенсию. Вера в то, что я жива, была начисто разбита.

Позже, лет пять спустя после войны, меня повесткой вызвали в Ногинский райвоенкомат — по месту жительства — и дали под расписку прочесть исполнительный лист Калининского облвоенкомата, в котором требовали с меня вернуть долг в сумме трех тысяч рублей за пенсию, якобы незаконно выплачиваемую

моей матери в течение пяти месяцев. В случае неуплаты, грозились дело передать в суд…

— Я не буду платить, — сказала я тогда майору — начальнику 1-го отдела военкомата. — Никто не просил назначать моей матери пенсию вместо аттестата. А впрочем, пусть Калининский областной военкомат взыщет с ВВС не выплаченное мне вознаграждение за успешно совершенные мной боевые вылеты, — пришла мне в голову такая мысль:- из нее возьмите себе, сколько надо, а остальное вышлите по моему домашнему адресу.

— Пишите докладную! — сказал майор.

Я написала. Но до сих пор — полвека прошло! — ни ответа, ни привета…

Проболев более месяца, мама с трудом дошла до церкви и договорилась с священником отпеть меня и отслужить по православному молебен за упокой души. Кстати, поминальник — книжечка такая с крестом на обложке, в которой записи о здравии и отдельно за упокой — хранится у меня в письменном столе до сих пор. В графе за упокой записано «Воин Анна», а потом — сердито так! — вычеркнуто другими чернилами маминой рукой…

После «похорон» были поминки. Собрались старушки, молодежи в деревне совсем не было. Об этих поминках мне потом расскажет тетушка Анисья — мамина родная сестра. Удивительная личность. Если мама была строгая, правдивая во всем, то тетушка — озорная, веселая такая балагурка. Две родных сестры, но как два полюса. Тетя с двенадцати лет работала на Кувшиновской бумажной фабрике сшивала тетради. Вышла замуж за балтийского моряка, своего земляка. Он погиб в Кронштадском вооруженном восстании. В нынешнюю перестройку Указом президента восставших против большевиков кронштадцев реабилитировали. А у тетушки, Анисьи Васильевны Шеробаевой, остался от него увеличенный портрет бравого моряка, да двое детишек — Коля и Паня, которых пришлось поднимать одной. С годами боль утраты стала проходить и Анисья вновь обрела свой веселый характер.

После всех моих бед я, наконец, приехала к маме в деревню Володово. Мы сидели в обнимку с тетушкой за столом, покрытым праздничной домотканной белой скатертью с кистями. На столе кипел самовар, начищенный кирпичом до сверкания, близкого, как мне в детстве казалось, к золоту. Этот самовар был средний. Почему средний? Да у нас дома было три самовара, подаренных священником Гавриилом — маминым родным дядей, братом моей бабушки Анны. Первый самовар был большой — ведро воды в него входило. Средний полведра, а самый маленький — на пять

стаканов. Его мама рано утром быстренько кипятила и, первым делом, пила из него чай. Большой самовар разжигался углями заранее — это когда вся семья была в сборе. Особенно хорошо было в доме по субботам. Топили баню, и вначале, в самый жар, мылись мужики, а потом — уже женщины. После бани пили чай до пота. На столе стояли блюда с брусникой моченой, клюквой, черникой…

У нас в доме было много художественной литературы. Откуда в глухой деревеньке много книг? Да все тот же священник Гавриил приносил нам, детям, в дар, и книг скопилось порядочно. Он много нам рассказывал из истории, географии, знал много стихов. Помню, отец Гавриил всегда советовал, что надо прочитать. А теперь вот, в 1945 году, когда мы с тетушкой сидели за праздничным столом в честь моего воскрешения из мертвых, в очередной раз, когда мама переступила порог из кухни, неся тарелки со снедью, тетушка громко, чтобы мама слышала, объявила:

— А теперь, племяннушка, я тебе расскажу, как твоя матушка справляла по тебе поминки. Не буду врать, — начинала тетя. — На столе было много еды, стояли рюмочки, и вот она достала из шкафчика графин, налила нам по рюмочке, а графинчик-то опять в шкаф, да ключик-то в нем и повернула на «заперто».

— Уж неправда твоя, неправда, Анисушка! — взмолилась мама.

А тетя Анисья, подмигнув мне, продолжала:

— Как неправда? — Правда, чистой воды правда.

Мама сокрушалась, не поняв очередной тетиной шутки, а тетя продолжала балагурить, и так радостно, так тепло было у меня на душе после пережитого, что передать все — и слов-то не найду…

Вот еще один эпизод из той давней поры. Значит, когда мама получила от меня весточку и у соседей убедилась, что она не сошла с ума — что ее младшая дочь Анютка жива! — на радостях надела она свою праздничную одежду и направилась в райвоенкомат.

Позже военком вспоминал этот визит:

— Заходит старушка, возбужденная такая — и прямо ко мне. «Сынок, говорит, — сними ты с меня эту проклятую пенсию!» Я стал расспрашивать старушку — как ее фамилия, кто такая, за кого пенсию получает, а она твердит одно и тоже: сними пенсию, да и только. Наконец разобрался, что к чему, усадил, напоил чаем — и, успокоенная, она ушла…

Сватовство полковника

Майор Д.П.Швидкий, когда нашел меня в штабе 16-й воздушной армии, передал мне письмо. Оно начиналось несколько необычно:

> Дорогая Аннушка!
>
> Я очень болен, пишу лежа, но я испытываю радость, когда пишу вам.
>
> Когда мы вас потеряли, я долгое время не мог прийти в себя от горя. Вам непонятно это чувство? Я сам его неясно понимаю, но твердо знаю, что вы мне очень дороги. Возможно, не время об этом писать, ведь вам сейчас не до этого. Я делаю для вас все, что я могу, и даже немного больше. Будьте хладнокровнее, но настойчивее. Я надеюсь, что майор Швидкий привезет вас в полк! Прошу, прежде всего, заехать ко мне, иначе вы меня обидите.
>
> Вас все ждут в полку. Если не отпустят- потерпите и помните, что я все время думаю о вас и буду надоедать начальству. Но очень хочу верить, что вы приедете…
>
> По-дружески обнимаю ваши худенькие плечики и желаю вам добра.
>
> *Глубоко уважающий вас В. Тимофеев. 21.02.45 года.*

Письмо это было от командира нашей 197-й штурмовой авиационной дивизии полковника В.А.Тимофеева.

Удивили, обрадовали и заставили задуматься его строки. Почему он мне так пишет? Ведь я его мало знаю. Больше того, я всегда с каким-то отчуждением и недоверием относилась к начальству. В полку летчики даже шутили, что Егорова игнорирует начальство, а потому и ходит в лейтенантах, занимая должность подполковника. С командиром же дивизии у меня был даже «конфликт». Полк тогда перебазировался на аэродром Дысь под Люблином. Мне запланировали перелет с последней группой. И вот стою с летчиками, разговариваю, вдруг, откуда ни возьмись, идет командир дивизии. Подходит к нам. Я по всем правилам докладываю ему, говорю, что сейчас вот будет готов из ремонта Уил-2 и мы улетаем.

— Возьмите и меня с собой, — вроде бы шуткой попросил полковник.

— Что значит «возьмите и меня»? Пожалуйста, полетим вместе. Только вы, по старшинству, будете ведущим, — ответила я.

— Да нет, ведущим я не хочу, лучше пристроюсь к вашей группе в хвосте, опять, как мне показалось, несколько наигранно сказал полковник.

— Не люблю, когда начальство в хвосте болтается! — отчеканила я, долго не думая.

Полковник обиделся, повернулся и, ничего не сказав, ушел.

Потом он старался меня не замечать, ну а я и рада была подальше от глаз командования.

И все же обрадовало меня это письмо. Приятно было сознавать, что на белом свете есть человек, который думает о тебе, заботится, старается облегчить твою участь.

Оказалось, комдив просил майор Швидкого заехать вместе со мной в штаб дивизии, который размещался в Замтере. Мы заехали. Командир дивизии встретил меня радостно, приветливо. Долго держал мои руки в своих, разглядывал следы ожогов, а затем вдруг поцеловал их. Я быстро отдернула руки, покраснела, а он стал нас с Швидким приглашать пообедать с ним. Вызвал ординарца и приказал принести из летной столовой три обеда. Достал откуда-то бутылку вина. После обеда комдив сказал:

— Теперь, Аннушка, вам нужно лечь в наш армейский госпиталь, подлечиться, а потом, когда врачи скажут свое слово, да и как вы себя будете чувствовать, будем решать о дальнейшей вашей службе…

В армейском госпитале меня продержали недолго и отправили в Москву, в распоряжение кадров ВВС (моя должность — штурман полка — была номенклатура отдела кадров ВВС). Начальник кадров генерал Шадский сказал мне тогда, что для прохождения дальнейшей службы меня направляют в распоряжение Серпуховского военкомата.

— С вами вместе поедет еще лейтенант. Завтра же выезжайте электричкой, лейтенант заедет за вами домой с личными делами в пакете, — объяснил кадровик.

И, действительно, на утро зашел лейтенант с авиационными погонами, и мы поехали. Явились в военкомат, там дежурный вскрыл пакет, а внутри оказался еще один — с сургучной печатью.

— Вам надо идти в школу. Это рядом с нашим зданием. Увидите, она за колючей проволокой. Проходная с другой стороны от нас, направил дальше дежурный. В проходной, когда лейтенант показал пакет, нас пропустили к какому-то начальнику. До меня, откровенно говоря, все еще никак не

доходило, куда меня вели?.. Вдруг лейтенант говорит:

— Вы посидите в приемной, а я вначале один зайду в кабинет.

И зашел. Мне было слышно, как кто-то там за дверью грубо матерился на лейтенанта и кричал: «Почему сопровождаете преступницу без оружия?!» Лейтенант спокойно объяснил: «Она, товарищ генерал, раненая, в форме, с орденами. И вот, какая у нее на руках справка… К званию Героя Советского Союза была представлена посмертно…»

Но опять мат — и лейтенант пулей вылетел из кабинета.

— Пошли скорее! Сволочи у вас в ВВС. Направляют на проверку проверенного человека…

В поезде ехали молча. Я совсем расклеилась, и лейтенант еле довел меня до Арбата. Больше я своего сопровождающего никогда не встречала.

Отлежавшись под всевидящим оком Екатерины Васильевны, я самостоятельно отправилась в Главное Управление ВВС, в отдел кадров, к генералу Шадскому с твердым намереньем плюнуть ему в лицо, а там будь, что будет… Но он меня не принял, словно разгадал мои намерения. В лечебном же отделе дали мне направление на ВТЭК. Сказали, что когда пройду ВТЭК, дадут путевку в санаторий.

Дальше все просто было. Врачи довольно быстро заключили: к военной и летной службе не годна — инвалид ВОВ 2-ой группы… Это было большим потрясением для меня. Но молодость и природный оптимизм победили. Я решила подлечиться и вернуться на свой родной Метрострой.

А тут и война закончилась. Из Германии в отпуск приехал Вячеслав Арсеньевич Тимофеев, отыскал меня на Арбате, в семье брата Василия, и предложил, как говорили в старину, руку и сердце. Меня удивило его предложение и испугало. Удивило тем, что вот он, старше меня более, чем на двадцать лет, просит моей руки. Испугало — что вот, почти не зная меня, и сейчас, искалеченную войной, просит быть его женой, а у меня еще кровоточит рана после гибели Виктора Кутова…

— Вы шутите? — спросила я тогда Тимофеева.

— Нет, мне сейчас не до шуток. Я делаю серьезный шаг в своей жизни.

— И сколько же таких вот шагов вы успели сделать за свою сознательную жизнь? — спросила я дерзко. — В полку летчики, которые учились в училищах под вашим началом, сказывали, что у вас таких шагов было много.

Полковник покраснел, затем сказал, что у него была жена и дочь, но когда его в 1938 году в Забайкалье посадили в

читинскую тюрьму, как врага народа, с должности командира авиационной бригады сняли — жена вышла замуж… Женился еще раз, когда меня реабилитировали с возвратом звания, ордена Ленина, которым меня наградили в 1936 году за отличную подготовку личного состава бригады. В 1942 году мы с ней разошлись. Семьи не получилось. Теперь я холост…

Жена брата — Екатерина Васильевна, у которой я теперь жила, сказала мне, как отрубила:

— Не будь глупой. Он тебя любит, жалеет, защищает, помогает. Человек он, видать, хороший. Выходи, Нюрочка, за него за муж и выброси из головы, вернее, постарайся выбросить все свои воспоминания… Надо жить!

Свадьбы, как таковой, и как сейчас ее играют, у нас не было. Мы расписались в ЗАГСе Киевского района города Москвы, да поужинали вдвоем в ресторане гостиницы «Москва», где жил Тимофеев. Потом дали нам путевки в санаторий на Кавказское побережье, пробыли мы там почти месяц, а по приезде в Москву решили съездить к моей маме, в деревню Володово. Мама была тогда такая радостная, такая счастливая, и не ведала я в те дни, что вижу ее в последний раз…

У мужа отпуск заканчивался, он должен был вернуться в Германию, а я решила пожить у мамы. Он уехал, но через три дня вернулся на легковой машине и забрал меня с собой. Пропуска у меня не было, и мы летели на перекладных до Варшавы, а там генерал Полынин дал нам двухместный самолет У-2. В первой кабине летчик, во вторую втиснулись мы — так и полетели. Около реки Одер заглох мотор, кончилось горючие, молодой летчик растерялся и направил самолет на прибрежный лес. К счастью, была высота. Тимофеев через смотровой козырек второй кабины молниеносно наклонился к летчику, вырвал у него ручку управления и успел отвернуть самолет от леса. Мы с «козлами» — самолет то подпрыгивал, то падал, потеряв скорость, — сели на поле, но у Тимофеева в воздухе слетела авиационная фуражка. Мы долго по полю и по кустам искали ее, к счастью, я увидела ее не на земле — она висела на дереве около реки. Это случилось неподалеку от Франкурта-на-Одере. Летчик остался у самолета, а мы пешком отправились в город. Там комендант дал нам машину, и к вечеру мы благополучно приехали в город Коттбус, к месту службы мужа.

«Где же вы, друзья однополчане?»

В Германии в городе Коттбус, вопреки всем запретам врачей, у меня родился сын! Назвали Петром. Я очень долго болела после родов, не могла ходить, видимо, сказалось мое неудачное приземление с парашютом не раскрывшимся полностью. Радовало одно — мальчик был здоровенький.

Через год мужа отозвали в Москву и мы поездом отправились в Союз. В Москве в отделе кадров ВВС Тимофееву предложили генеральскую должность — командира авиационного корпуса на… Камчатке. Он сказал, что не может туда поехать из-за болезни жены. «Другого ничего предложить вам не можем!» — отрезал начальник кадров, генерал Ш. Муж прошел медкомиссию, кстати, он был ранен еще в гражданскую войну. И так мы оба стали пенсионерами. Я — инвалид войны, а он — по приказу № 100.

Жить было негде и мы с горем пополам поселились в Подмосковье, в поселке Обухово, около Монино. Хотели хотя бы гул самолетов слышать… В Обухове родился у меня второй сын и опять «контрабандой» — Игорь. Почему «контрабандой»? Да потому, что врачи строго-настрого запретили мне рожать. И я к ним больше не обращалась до родов. Роды Петра принимал профессор Молитор в Коттбусе. Он тогда меня тоже предупредил, что мне рожать нельзя из-за травмы позвоночника в области крестца. Перед родами Игоря я немножко струхнула и попросилась в роддом города Электростали. Там-то меня и дитё спасли. Спасибо еще надо сказать директору 12-го завода Калистову. Он доставал какие-то лекарства в 4-ом Главном медицинском управлении, куда был прикреплен. С однополчанами связи никакой не было. Наш 805-ый ордена Суворова, Берлинский штурмовой авиаполк был расформирован.

И вот однажды смотрю и глазам свои не верю — стоят передо мной два капитана в летной форме с орденами по всей груди и с кучей детских игрушек в руках. Это были Андрей Коняхин и Лева Кабищер. Боже мой, сколько было разговоров, сколько новостей!..

Оказывается, когда наш штурмовой авиаполк был расформирован, многие летчики остались в боевом строю. Коняхин, Кабищер, Макаренко, Тарновский, Мазетов попали в Московский военный округ. Их часть участвовала и в воздушных парадах, и в крупных учениях.

— А как Макаренко поживает? — спросила я однополчан.

— Хорошо. Женился на Кате — прибористке. Помнишь, у нас в третьей эскадрилье такая серьезная была? Макаренко, между

прочим, когда мы летали на плацдарм за Вислой, в тот твой последний боевой вылет будто бы видел что-то белое, похожее на парашют, уже у самой земли, в районе цели. Тогда ведь нашим сильно досталось. Карева подбили. И он с трудом сел на остров реки Вислы, южнее Варшавы. Вечером они с воздушным стрелком заявились прямо в Мелянув на наш праздник — день Воздушного флота. Только праздник был очень грустный. Помню, помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу все показывал твои кожаные перчатки, которые ты бросила ему из кабины перед вылетом. Он тогда тебя еще приглашал вечером на первый танец в барском доме. Ты поблагодарила, бросила ему перчатки и сказала: «Жарко сегодня будет…».

В тот вечер я узнала от Андрея Коняхина и Левы Кабищера, что погиб Павел Евтеев, наш полковой баянист, песенник — осиротели мы тогда без него и его песен, задушевной игры. А Пашин баян осторожно и еще долго однополчане перевозили с аэродрома на аэродром, берегли его.

Молодости нужно свое — музыка, танцы, веселье, а баяниста в полку нет. И вот я, — это Андрей рассказывал, — как-то был командирован в Канатово, недалеко от Ворошиловграда, в запасной полк за летчиками и самолетами. Мне там приглянулся веселый, находчивый солдат — баянист Глеб. Кроме баяна он играл на пианино, гитаре. До войны был студентом Ленинградской консерватории. Привез я Глеба в полк без сопроводительных документов — вернее сказать, что украл его, с его же согласия, конечно. Так полк получил баяниста, а я пять суток ареста. Но это ничего, пережил. Главное, молодежь полка духом воспрянула. Музыка ведь поднимает настроение, зажигает, сближает. Летал Глеб у нас за воздушного стрелка. В предполагаемый тяжелый боевой вылет мы не брали его. — А Глеб берег Пашин баян. В душе мы были благодарны этому парню…

— А как сложилась судьба Виктора Гуркина? — спросила я.

— Погиб Виктор. Нелепая смерть… Прекрасный был летчик, командир, человек, — погрустнев ответил Андрей. И я узнала о гибели Гуркина. Уже после войны он ехал на велосипеде по автостраде и на него наскочил «студебеккер». Похоронили Виктора на кладбище в Штраусберге, это в сорока километрах от Берлина…

— Ну а, как твои партийные дела? Мы слышали, что ты сумела сберечь партийный билет.

— Да. Но его у меня отобрали в политотделе нашей дивизии, когда вернулась из лагеря. Я была в плену пять месяцев и, естественно, за эти месяцы были не уплачены партийные взносы.

В политотделе тогда какой-то инструктор отобрал у меня партбилет и вместо него выдал справку, мол, билет отправлен в главПУР непогашенным.

— А что же начальник политотдела Дьяченко не присутствовал при этой «процедуре»?

— Нет. Его не было тогда в политотделе. Ему некогда тогда было заниматься делом — медовый месяц справлял с машинисткой из политотдела, — вступил в разговор Коняхин. — Совсем обнаглел. Оставил на Украине жену, трое детей и вот — женихался…

— Ну, а дальше, что и как было у тебя с партийными-то делами? Расскажи.

— Слушайте, расскажу. По приезде в Москву я обратилась с той справкой в Главное политическое Управление Советской Армии. Там моего партийного билета не нашли и посоветовали поискать его по политуправлениям разных родов войск, в том числе и в ВВС. Я написала много писем и, наконец, нашла в политотделе складов и сооружений Московского гарнизона, где-то около Манежа. Прихожу, показываю справку, выданную в политотделе 197-й штурмовой авиадивизии. Меня приняли любезно, доброжелательно. Я была в военной форме с погонами старшего лейтенанта, с орденами и… с палкой.

— Да, ваш партийный билет у нас хранится. Вот я сейчас вам его выдам — и политотделец направился к сейфу. — Да, кстати, в каком вы госпитале лечились?

— Я в плену была…

Лицо политотдельца посуровело, он медленно открыл и тут же закрыл сейф:

— Партбилет не выдам! Обращайтесь в парткомиссию.

— Какую? Почему?

— У нас нет пленных — есть предатели! Освободите помещение…

Я вышла. Мне было так горько, так обидно… Пошла я вдоль Кремлевской стены, села в Александровском саду на скамейку. В голове шумит. Потом, кажется, успокоилась, а слезы льются и льются. Я никак не могу их остановить, меня трясет, как в лихорадке, зубы стучат… Помню, подошел милиционер и спрашивает:

— Что случилось? Вам плохо? Я сейчас вызову «скорую».

— Нет, нет, — отвечаю. — Помогите мне добраться до дома…

Так на милицейской машине я добралась до дома на Арбате, 35.

Екатерина Васильевна встретила меня, запричитала, уложила в постель, дала выпить какие-то порошки и я уснула…

— Ну, а дальше что? — нетерпеливо спрашивал Андрей Коняхин, сжимая кулаки. — Что дальше-то?

— А дальше? Через два дня после моего посещения политотдела складов и сооружений Московского гарнизона меня телефонным звонком срочно вызвали в ВВС Московского военного округа, которым командовал Василий Сталин. Почему «срочно», да потому, что Василий Иосифович собственноручно написал на моем письме в округ: «Мне кажется, Егорова права».

— А дальше?

Тут взмолился мой муж:

— Ребята! Давайте сменим пластинку. Расскажите лучше, как сложилась ваша судьба после войны, а то ведь Анна, рассказывая, очень нервничает, да и сами кулаки о стол чешите. Нервы после войны у всех на пределе…

— Вы правы, Вячеслав Арсеньевич, — заговорил Кабищер. — Тяжко сопереживать издевательство. Но нужно знать все «извилины» нашего строя.

— Причем тут строй, Левочка? — я решила досказать историю со своим партбилетом. — Значит после парткомиссии в Московском военном округе решения нет. Разбирала парткомиссия сухопутных войск разводили руками.

— А дальше?

Как нестерпимое стерпеть?

— А дальше была партколлегия в ЦК КПСС под председательством Шкирятова председателя партконтроля. Это уже мы жили в Обухово. Комиссия состояла из человек тридцати, если не более. Председатель доложил при мне на комиссии, что я выбросилась из самолета к немцам… с заданием!

Я встала и выкрикнула:

— Ложь!

Все смотрели на меня, как на заклятого врага. А мне думалось: «А судьи кто?» — Словом, в ЦК заключили: «Решение получите в Ногинском райкоме партии по месту жительства.»

— Какое же было решение? — в один голос спросили мои однополчане.

— Понятно — отказать в восстановлении в членах КПСС. Я и этому постановлению радовалась. Ведь могли и в «кутузку» запереть! Они все могли… А у меня-то уже двое детей было.

— И ты потом так и сидела тихой мышкой?

— Да, нет. Через год еще раз написала письмо в ЦК партии, хотя все мои друзья и знакомые отговаривали. Зачем тебе все это надо? — говорил и муж, Здоровье береги, чтобы сыновей поставить на ноги!

И вот опять вызывают в ЦК КПСС. Партследователь уже другой — полковник КГБ Леонов. Встретил меня очень учтиво. Усадил на диван, сам сел рядом, показал фотографии своих двух дочерей. Спросил о моих детях и муже. Потом начал расспрашивать, как я очутилась у немцев?

— Неужели это все правда? — удивился полковник. — Вот вчера так же, как и вы, сидел летчик и рассказывал, что он чист, как стеклышко, а у меня в это время в письменном столе лежали порочащие его документы.

— Я уверена, товарищ полковник, что в вашем столе нет документов, порочащих мое имя! — резко сказала я.

— Ну, что же, можете идти. Теперь ждите вызова на партколлегию в ЦК КПСС.

Партколлегия опять была очень внушительная — человек двадцать пять.

Спасибо полковнику Леонову, он там доложил все правдиво. Решение было такое: «Учитывая заслуги перед Родиной, может вновь вступить на общих основаниях».

Узнав о таком решении по моему делу партколегии ЦК КПСС, мне стали присылать и привозить рекомендации: Дьяченко — бывший начальник политотдела 197-й дивизии, начальник штаба

нашего 805-го штурмового авиаполка полковник Яшкин. В Обухово мне дал рекомендацию главный врач больницы Семенов и коммунист с 1917 года, отбывший десять лет лагерей, как «враг народа», а потом реабилитированный в хрущевскую оттепель, Леонов и другие… Но я опять заартачилась. Не захотела вступать вновь. А тут еще поляки прислали мне «Серебряный крест заслуги», которым я была награждена в мае 1945 года. Наградной отдел Министерства Обороны нашел меня и вручил должок — орден «Отечественной войны» 1 степени…

Дети росли здоровенькими, но я тогда очень много болела, так что мои «мужички» по хозяйству научились все делать сами. Игорь ходил за покупками в магазин, Петя убирал дома, обед готовил. Вячеслав Арсеньевич написал уже две книжки — «Штурмовики» и «Товарищи летчики».

— Мы читали! — в один голос ответили однополчане. — Вот бы с автографом получить…

Муж принес две книжки и вручил Андрею Коняхину и Леве Кабищеру. Оба сердечно поблагодарили автора.

— Но, пожалуйста, — не унимался Андрей, — уж расскажи, что было дальше?

— Я опять написала письмо в ЦК КПСС — уже после XX съезда с просьбой восстановить справедливость. Мне очень быстро ответили телефонным звонком.

— Ваше письмо получили. Когда сможете приехать?

Я ответила, что у меня простудился сын и я пока приехать не могу.

— Запишите наш телефон. Когда сможете приехать — позвоните, мы закажем вам пропуск.

На второй день я не выдержала и позвонила.

— Приезжайте в Москву — ответили, — на Старую площадь, дом четыре и дали номер подъезда, указали этаж, комнату…

Я поехала. Встретили меня опять очень любезно, но я насторожилась. Первым делом расспросили о доме, о семье, как меня лечат, многим другим поинтересовались. Потом вопрос:

— Обидели?

— Не то слово…

— Ну что же, товарищ Егорова Анна Александровна, будем восстанавливать вас в партии… Вам придется приехать еще раз к нам на партколлегию.

— Нет, не приеду! Уже было два суда правых и неправых — и я рассказала, как была на судилище у Шкирятова.

— Это формальность, — сказали мне ласково. — Всего будет четыре-пять человек. Нужно решение в вашем присутствии — и все.

— Хорошо, приеду.

Когда приехала и увидела в приемной Ивана Мироновича Дьяченко, бывшего начальника политотдела 197-й штурмовой авиации, по указанию которого у меня и отобрал партийный билет его заместитель — не по себе стало. Но гляжу, у Дьяченко почему-то руки и ноги трясутся. Я стала его успокаивать, как могла, и тут нас попросили на коллегию.

Было всего пять человек, как мне и сказали, да нас двое. Председатель коллегии Шверник попросил Дьяченко рассказать, как получилось, что Егорова сумела сохранить в гитлеровском аду партбилет, а он его отобрал у меня.

Иван Миронович встал, путаясь, начал говорить, что была поставлена задача, что Егорова повела в бой 15 штурмовиков под прикрытием 10 истребителей… Председатель остановил его и сказал:

— Короче, ответьте на мой вопрос.

Дьяченко опять начал что-то рассказывать о моих вылетах, но тут Шверник громко остановил его:

— Хватит! Можете идти.

Иван Миронович вышел, а Шверник, обращаясь к членам комиссии, сказал, что он разговаривал с маршалом С.И. Руденко, в армии которого воевала Егорова последнее время, и тот хорошо отозвался обо мне: «Егорова воевала честно!» И дальше продолжил:

— Товарищ Егорова, мы вас восстанавливаем в партии. Сохраняется ваш стаж. Партвзносы будете платить только с того дня, когда Ногинский райком партии вручит вам новый партийный билет. К сожалению, к Октябрьскому празднику не успеем — осталось всего пять дней.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей

После этой встречи с боевыми друзьями я стала часто получать письма от однополчан. Прислал письмо и наш комиссар Дмитрий Поликарпович Швидкий. Он рассказывал, что живет в Харькове, работает на тракторном заводе, что вместе с бывшим начальником политотдела корпуса полковником Турпановым разыскивает мой наградной лист, в котором ходатайствовали о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Написали уже во многие инстанции, даже в Президиум Верховного Совета СССР.

В конце письма Швидкий спрашивал меня — смотрела ли я фильм «Чистое небо» Г. Чухрая, советовал обязательно посмотреть, так как этот фильм о моей судьбе и о судьбе таких, как я.

Я много тогда получила писем от однополчан, и все советовали посмотреть «Чистое небо». «Что за фильм?» — думала я и, наконец, пошла в кинотеатр. Помню, смотрела и плакала, а сидящие рядом сыновья шепотом, чтобы не беспокоить соседей, уговаривали меня:

— Мамочка, перестань плакать. Это же кино, это артисты играют…

В те дни меня отыскали метростроевцы. Я вернулась с войны не «на коне», а потому считала ненужным идти — все, наверное, думала я, меня позабыли. Ан, нет. «Литературная газета» напечатала очерк Л. Кашина «Егорушка». Метростроевцы прочли его, а затем позвонили в «Литературку» и кричали в трубку, как рассказывал мне Л. Кашин: «Она же наша, наша первостроитель! Дайте нам ее адрес. Мы думали, что ее нет в живых…» Леонид Кашин дал им мой адрес и вот приехала целая кавалькада метростроевцев во главе с редактором многотиражки «Метростроевец» Татьяной Неволиной и фоторепортером. Затем нагрянули Таня Федорова с Ираидой Волковой. Они пригласили меня на встречу с шахтерами метро. После встречи со мной беседовал В.Ф. Полежаев, «Вася — комсомолец», а теперь начальник Управления Метростоя, Герой социалистического труда. (После кончины Василия Филипповича, в Москве одну станцию метро назвали его именем — «Полежаевская»). Беседовали со мной главный инженер Сметанкин, Федорова. Они расспрашивали о моем житье-бытье и сказали, что будут хлопотать перед Моссоветом о выделении мне квартиры из фондов Метростроя.

Я была бесконечно рада и благодарна «командованию» Мосметростроя, особенно Татьяне Викторовне Федоровой —

инициатору этого хлопотного дела.

А письма, телефонные звонки не прекращались.

Редактор журнала «Старшина, солдат» сказал мне по телефону, что в Москву приехал польский писатель Януш Пшимоновский и привез мне письмо из Варшавы. Писатель очень хотел встретиться со мной, и вот, на следующий же день, у нас в квартире за столом сидели подполковник Суворов из журнала «Старшина, солдат» и Януш Пшимоновский.

Пшимоновский прекрасно говорил по-русски. Я поинтересовалась, откуда у него такой чистый говор, без акцента. И Януш рассказал:

— В 1939 году мы бежали от гитлеровцев, оккупировавших Польшу. Наша семья жила в колхозе. Я, мальчишка еще, но уже работал трактористом. К концу войны подрос и добровольцем записался в польскую армию, которая формировалась в Рязани — освобождать от гитлеровцев свою родную Польшу. Вот так и научился русскому языку.

Януш подробно расспрашивал меня о войне, удивлялся тому, что я воевала на штурмовике.

— Это ведь далеко не дамский самолет! Да еще водить в бой мужчин ? Непостижимо…

А письмо мне Пшимоновский привез от польского писателя Игоря Неверли вместе с фотокопиями с западногерманского журнала «Дойче фальширмегер». Неверли обращался ко мне:

Дорогой друг!

Спешу отослать Вам документ, который должен Вас заинтересовать. Полковник Януш Пшимоновский, работая над литературной монографией битвы под Студзянками, прочел в западногерманском журнале «Дойче фальширмегер», №5 за 1961 год, воспоминание бывших офицеров и солдат гитлеровской армии. Один из корреспондентов этого журнала рассказывает о своих переживаниях в районе Варка-Магнушевом в августе 1944 года и о подвиге русской летчицы. Место и время говорят за то, что это были Вы, Анна Александровна. Рассказ свидетеля-врага и фотокопии посылаю Вам.

Шлю самый сердечный привет!

Игорь Неверли Варшава 5.04.1963 г.

Писателя Игоря Неверли у нас в Советском Союзе знают по книге о русском докторе Дегтяреве — «Парень из Сальских степей». Его книги — «Лесное море», «Под Фригийской звездой», «Архипелаг возвращенных к жизни» пользовались заслуженной любовью читателей и в Польше, и у нас в СССР.

Игорь Неверли прошел большой и суровый жизненный путь, перепробовал много профессий. Он много лет работал

воспитателем в детском доме, который основал известный польский педагог и писатель Януш Корчик. В годы фашистской оккупации Польши Неверли был арестован гестапо по обвинению в коммунистической деятельности и до конца войны томился в фашистских концлагерях: Майданеке, Освенциме, Бельзене и Ораниебурге. Его не раз избивали — пробили голову, поломали кости, но он выжил и после войны под впечатлением событий тех лет написал повесть «Парень из Сальских степей», посвященную героической борьбе советских и польских патриотов против фашизма. Это был рассказ о людях, которые в страшных условиях фашистского плена сумели проявить высокий героизм и мужество. Достоверность фактов и их высокохудожественное воплощение сделали книгу Неверли волнующим произведением. Свою повесть Неверли начинает так: «Не верьте в ад: бог слишком милосерден. Ад был на земле. Майданек, Освенцим, Бельзен…»

Я, помню, читала эту книгу и плакала о замученных, и радовалась живым… Повесть меня настолько взволновала, что мне захотелось поблагодарить автора книги и попросить у него автограф. И в это время я узнала из газет, что польский писатель Игорь Николаевич Неверли приехал в Москву по приглашению Союза писателей СССР. Я тут же написала ему короткое благодарственное письмо за его повесть и пригласила, если найдет свободное время, приехать в гости в нашу семью.

Неверли откликнулся на мое предложение и приехал, да не один, а с двумя польскими поэтами и с доктором В.И. Дегтяревым — парнем из Сальских степей. Доктор прилетел из станицы Цимлянской, где он работал ветеринарным врачом, на встречу с другом. Владимир Ильич Дегтярев рассказал, что книга, написанная Игорем Неверли, полностью восстановила его доброе имя. До этого у него не было никаких доказательств — как и при каких обстоятельствах он оказался в плену, не было свидетелей и того, как он вел себя в гитлеровских лагерях.

— Выходит, иногда стоит писать документальные книги? — смеясь, спрашивал польский писатель доктора Дегтярева.

Стоит, Игорь Николаевич, тысячу раз стоит! И спасибо тебе, дорогой друг, за этот труд… Книга Неверли «Парень из Сальских степей» в Польше стала хрестоматийной. Переиздавалась более десяти раз.

Неверли часто стал приезжать к нам по творческим делам — то на Мосфильм, то Александр Корнейчук пригласит в гости в Киев. Там у Игоря Николаевича на одном из кладбищ покоится мать. Приезжая в СССР, Неверли обязательно звонил нам с мужем и обязательно заезжал «подискутировать», как он называл наши многочасовые беседы. Часто раздавался звонок и из Варшавы.

— Пироги будут? — шутливо спрашивал Игорь Николаевич в ответ на приглашение посетить нас еще раз, а то мы забыли совсем русскую кухню.

— Будут, обязательно будут пироги с картошкой и луком! Будет и любимая вами селедочка под горчичным соусом…

Польский друг смеялся и обещал:

— Обязательно приеду, Анна Александровна. Даю честное слово старого корчековца. — Неверли никогда не забывал, что он ученик Корчека. Он и сам был чудесным педагогом, любил детей и они ценили этот редкий дар.

Однажды Игорь и его жена Зося приехали и привезли с собой малюсенькую собачку. Зося не расставалась с ней даже за столом. Кормила ее со своей тарелки. Откусит кусочек сама и тут же даст откусить собаке. Игорь Николаевич заметил, что мне это не нравится.

— Не обижайтесь, Анна Александровна, на Зосю и на нашу бесцеремонную собаку. Она ведь спасла ее от неминуемой смерти… и Неверли рассказал как это было: — Я работал поздно вечером в своем кабинете, а Зося на кухне переводила с русского на польский книги Коптяевой «Товарищ Анна», «Иван Иванович». Дверь была приоткрыта. И вот, чувствую, собаченка жалобно ворчит и тянет меня за штанину на кухню. Я ее легонько оттолкнул ногой, чтобы не мешала писать. Она убежала на кухню и тут же вернулась назад и опять скулит и тянет за штанину. Я опять досадливо отмахнулся от нее. И вот в третий раз она меня уже с лаем тянет из кабинета на кухню. Я встал, потянулся, поругался на собаку, чтобы Зося слышала и вышел в кухню. Зося лежала бездыханно на полу… Я бросился к ней, затем к телефону — вызывать «Скорую помощь». Стал делать Зосе искусственное дыхание, применил и нитроглицерин, и нашатырный спирт. Но она не дышала… К счастью, «Скорая» оказалась скорой, приехала быстро. Сделали Зосе укол, другой и она пришла в себя. Врачи сказали, что еще бы минут пять и… Вот Зося и не расстается со своей спасительницей.

Я молча положила на тарелку Зоси самый вкусный кусочек мяса для спасительницы…

А в западногерманском журнале «Дойче фальширмегер» («Немецкий парашютист»), бывший офицер гитлеровской армии, писал: «Наша парашютно-десантная дивизия была переброшена из солнечной Италии в кромешный ад Восточного фронта. Под ударами авиации русских мы пережили в тот день очень тягостное состояние. Мне не раз что-то нужно было на перевязочном пункте, и там я был свидетелем такого случая.

С передовой на санитарной повозке привезли русского

летчика. Парень выглядел довольно-таки сильно искалеченным в своем обгоревшем, разорванном в лохмотья комбинезоне. Лицо было покрыто маслом и кровью.

Солдаты, которые его доставили, рассказывали, что летчик выбросился из горящего самолета и опустился около их позиций.

Когда в санитарной палатке сняли с него шлем и комбинезон, все были ошеломлены: летчик оказался девушкой! Еще больше поразило всех присутствующих поведение русской летчицы, которая не произнесла ни единого звука, когда во время обработки с нее снимали куски кожи… Как это возможно, чтобы в женщине была воспитана такая нечеловеческая выдержка?!»

Вот так, много лет спустя после войны, я узнала кое-что еще о трагическом дне в моей жизни — взгляд со стороны противника…

Януш Пшимоновский показал мне и отзывы немцев о наших «ильюшах». Вот что они писали:

> «Впервые я попал под удары русских штурмовиков 15.8.44 г. вспоминает унтер-офицер 476-го батальона, 55-го полка, 17-й пехотной дивизии: — Штурмовке подвергся наш батальон, отступавший по лесной дороге. Нас застигли врасплох, потери были очень велики. Я насчитал более 25 трупов. Раненых было еще больше. Оставшиеся в живых лишились речи, они были оглушены…»

Другой немец, командир взвода, вспоминает все пережитое мною ранее:

> «После такой работы своей авиации русская пехота может продвигаться свободно. Небольшие зажигательные бомбы, применяемые штурмовиками, губительны по своему действию. Если они попадают в танк или бронемашину, последние горят как свечи. Я сам видел, как полыхали три танка, подожженные этими маленькими бомбами. Я не первый день на франте. Мне пришлось пережить не одну бомбежку. Большинство потерь приносит штурмовая авиация. Она устраивает сплошной ад…»

Через год Януш Пшимоновский прислал мне свою замечательную книгу «Битва под Студзянками» с трогательным автографом автора. «Студзянки» это «Магнушевский плацдарм», куда я водила в последний свой бой группу штурмовиков из 15 экипажей. Мы били тогда по танкам врага, которые хотели сбросить наш десант в Вислу. Это был тот плацдарм, где погибла

на огненных высотах бесстрашная русская девушка Евдокия Назаркина…

Позже Януш Пшимоновский написал повесть, а по повести сценарий — «Четыре танкиста и собака». Фильм Я. Пшимоновского «Четыре танкиста и собака» в Польше стал многосерийным. Тринадцать фильмов. После выхода очередной серии — шквал писем и звонков — Ждем продолжения фильма.

Собаку в сериале «играл» один и тот же пес «Шарик». Это была очень умная овчарка. Дети писали ей письма… Когда у Шарика отнялись лапы и он ослеп ветеринары предложили усыпить пса. Хозяин Шарика воспротивился. Он кормил его, выносил на руках гулять. Шарик прожил свои шестнадцать собачьих лет и умер естественной смертью. Фильм этот у нас был очень популярен. Большую поисковую работу провели Пшимоновский и наш писатель О.А.Горчаков по Сещенскому подполью — о разведчице Ане Морозовой и польских патриотах. Овидий Александрович Горчаков тоже был разведчиком. Вместе с Пшимоновским он написал документальную повесть «Вызываю огонь на себя» и одноименный сценарий. По сценарию тоже получился фильм — «Вызываю огонь на себя». За него О. Горчаков и Я. Пшимоновский были удостоены премии Ленинского комсомола. Впервые иностранный гражданин получил такую премию. Много лет Януш Пшимоновский занимался поиском советских воинов, погибших на польской земле. Он восстановил более 500 тысяч имен! И вот вышла книга «Память». Советское правительство наградило поляка Пшимоновского орденом «Дружбы народов».

Игоря Николаевича Неверли уже нет с нами… Остались его книги…

Марта

В 1987 году перед Днем Победы меня пригласили на телевидение и сказали, что 9 мая будет телемост Москва-Варшава. Просили поучаствовать в передаче.

Вас будет трое. Ведущий — писатель Горчаков, поэт Николаев и вы. Если хотите, возьмите с собой внучат. С польской стороны будут четыре мужчины и одна женщина, — сообщили из телестудии.

— Пшимоновский будет? — спросила я.

— Нет, не будет. Он где-то за границей.

Горчакова я знала давно, его передачи шли еще с Шаболовки. Тогда это называли перекличкой и вели ее Овидий Александрович и Януш Пшимоновский. С поэтом Александром Николаевым была знакома по его стихам и изумительной песне «Я славлю женщину!» Там это название еще как-то уточнялось — мать, жену, пани…

Тогда, в Останкино я спросила поэта:

— А почему «пани»?

И услышала такую историю:

— К концу войны лейтенантом я командовал батареей. Батарея моя и много других базировались на берегу Балтийского моря за Гданьском. Немцы разбили всю батарею и обслугу. Когда бой кончился, то стали хоронить убитых. Тут мой дружек еще по артиллерийскому училищу прибежал, осмотрел меня, бездыханного, и закричал: «Не дам хоронить Сашку! У него ноги лежат не как у покойника». Меня обступили. Подошел польский врач, местный житель, послушал и сказал, что лейтенант жив, только крови потерял много рука у него оторвана… «Ему срочно нужно переливание крови. Какая группа у вашего товарища?» — спросил доктор. «Не знаю.» ответил Паша. — «Какой же ты друг, если на войне не знаешь группы крови своего товарища?…»Все как-то растерялись, притихли. А тут подходит девушка-полька и говорит: «У меня в концлагере фашисты брали кровь и я слышала, что она у меня нулевая»…

— Очнулся я, — продолжал Саша, — и увидел, что лежу на столе, а за стеклом, рядом со мной, ну просто «небесное создание»! Белокурые волосы, голубые глаза, чудный цвет лица и… Больше я ничего не помню. Дальше пошли дороги, госпиталя. Кто была она, моя спасительница?..

Вот уже и война давно закончилась, я женился, а белокурая полька не выходит у меня из ума. Писатель Наум Мар как-то написал обо мне очерк «Бессмертный лейтенант». Поляки

перепечатали его, радио передало: «Кто спас лейтенанта Николаева?» И вот однажды в моей квартире раздался телефонный звонок: «Саша! Это я, Марта. Я в отеле „Белград“. Жду тебя…»

Я сразу догадался, кто эта Марта. Выскочил из дома, а живу я в районе Киевского вокзала, и понесся к гостинице. Летел, не чувствуя под собой ног. Бородинский мост, отель «Белград»… Она меня ждала. Мы обнялись и заплакали. Потом я повез Марту к нам в дом. А там тоже уже ждали — жена, дети, друзья. Мы чествовали Марту. Моя жена сняла свой перстень с красным камнем, и сказала: «Саша, подари от себя Марте. Пусть он напоминает ей, как она спасла тебя, отдав свою кровь…»Я подошел к Марте, надеваю ей перстень на палец, а она не берет. «Почему?» — спрашиваю. — «Меня на границе ваши таможенники не пропустят.» — «Пропустят, говорю — обязательно пропустят! Я вот тебе подарю свою книгу стихов, на ней напишу, кто ты есть для меня, пограничники прочтут и пропустят».

С тем Марта и уехала, пообещав писать. Но что-то долго от нее писем я не получал… Наконец, через полгода пришло и, о ужас! Марта писала, что на границе перстень у нее отобрали. «Затем отвели в отдельную комнату, раздели донага и женщина-таможенница всё приговаривала: „Какие вы, поляки, странные! Все норовите что-то неположенное увезти…“ После этого я долго болела…».

Прочитав письмо Марты, я не знал даже, что и предпринять. Позвонил Мару в «Литературку». Тот взбесился. Наум Мар человек эмоциональный, тут же позвонил начальнику Управления таможенных перевозок и начал с обещания что скоро перестанет платить партийные взносы… Мару ответили: «Выясним»…

Через два дня «выяснили». Позвонили мне домой и спросили: «Когда и куда можно привезти вам ваш перстень?» — «Это не мой перстень! — закричал я в бешенстве. — Это перстень полячки. Соизвольте ей вручить с извинениями!..»

И опять время тянется, а от Марты нет известий, и Управление таможенных перевозок молчит. Наума Мара уже не стало, о нем я сильно горевал.

Письмо из Польши пришло как-то незаметно, обычно, вместе с газетами и журналами, затерявшись в них. Марта писала, что ее вежливо попросили пожаловать с определенным поездом, к определенному часу в пограничный городок. Ее будут ждать и встречать пограничники. «Я, Саша, — рассказывала Марта, решила не ехать, но меня уговорили домашние. Приезжаю и вижу в окно группу пограничников с цветами — кого-то встречают. Оказалось, меня. Пограничники были польские и советские, а в

чинах, Саша, я не разбираюсь. Советские извинились передо мной и вручили мне, как орден, перстень с красным камнем твой, Саша, подарок. Предложили отобедать, но я наотрез отказалась, сказала, что очень спешу домой…».

Такая вот история. И вот теперь, когда шел телемост «Москва-Варшава», Марта сидела в варшавской студии телевидения среди своих соотечественников и не сводила своего взгляда с Саши и его внучки Ксенечки и, не переставая, крутила на своем пальчике перстенек с красным камнем.

В конце передачи ведущий спросил Марту:

— А сколько же вам было лет тогда, когда вы отдавали свою кровь русскому?

— Двадцать, — ответила Марта и почему-то смутилась.

«Живым не верится, что живы»

А письма ко мне все шли и шли. Теперь уже по другому поводу. Многие из них я сохранила. Вот письмо из Ташкента. Василий Петрович Рябов, преподаватель политехнического института, писал:

«Прочитал два очерка о вас, дорогая Анна. В „Литературной газете“ „Егорушка“ и в „Огоньке“ — „Штурман полка“. Горжусь вами, как русский человек. Вот уже вторую неделю хожу под впечатлением прочитанного о вас, расстроенный и встревоженный воспоминаниями о минувшей войне. Спасибо вам, русские женщины!

Тяжело было нам на вислинском плацдарме в составе 8-й гвардейской армии. В тот день, когда вас сбили зенитки врага, нам, наземным войскам, было особенно тяжело. Я там, на плацдарме, смотрел на штурмовиков, как на героев. Появление Ил-2 заставляло молчать фрицев, и захлебывались их атаки. Всегда хотелось расцеловать летчиков-штурмовиков, мне казалось, что они необыкновенные герои. Но, оказывается, своим героизмом нас выручали не только мужчины, но и наши милые русские девушки. Я прошел в боях всю войну, имею много орденов, но приклоняюсь перед вами и горжусь вами…».

Полковник в отставке Константин Ахеллесович Паппа из Белой Церкви рассказывал о себе, о том, что он, артиллерист, участвовал во многих войнах, многое повидал, еще больше пережил. «Я видел ваш последние бой на Магмушеском плацдарме за рекой Вислой, южнее Варшавы, — припомнил артиллерист. — Я тогда не знал, что горящий штурмовик вела женщина. Это был ведущий самолет второй группы. В первой группе тоже подбили ведущего штурмовика, но он сумел посадить его на остров посредине реки Вислы. Ваш же самолет вспыхнул на высоте факелом пошел к земле, к фашистским танкам, и взорвался…

Прочитав о вас очерк в газете „Правда“ — „Жить и побеждать“ — я живо вспомнил и представил всю картину боя за плацдарм. На нас с трех сторон шли фашистские танки, хотели сбросить десант. Мы отбивались, но силы были явно не равны. И тут большими группами прилетели наши грозные штурмовики. Атаки немцев были отбиты, и мы удержали плацдарм.

Я до сих пор не могу представить женщину на таком грозном самолете, как Ил-2. Как хорошо, что вы чудом остались живы!..»

Нашему 805-му штурмовому авиаполку за время войны довелось сменить три воздушные армии. На Кубани и Тамани мы

воевали в составе 4-ой воздушной армии. Командующий ее Герой Советского Союза генерал К.А. Вершинин. Под Ковелем и Луцком — в 6-ой воздушной армии, ею командовал Герой Советского Союза, генерал Ф.И. Полынин, а под Берлином полк был в 16-ой воздушной, командующий армией был Герой Советского Союза генерал С.И. Руденко.

На встречи ветеранов нас обычно приглашали в разное время во все армии! и тогда мои однополчане слетались со всех концов Советского Союза. Каждый раз на перекличке многих не досчитывались. У Симонова есть по этому поводу:

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду,
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится,
Что живы.
А к мертвым — выправив билет
Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет…
И ставит,
ставит
обелиски…

Одно время мы жили недалеко от монинского авиагородка. Если армейская встреча была там, то многие мои однополчане приезжали вначале к нам домой, а потом уже все вместе мы отправлялись в Монино. Как-то приехал Петр Тимофеевич Карев. Он ввалился — шумный, веселый, как всегда, наш настоящий «воздушный рабочий войны». Казалось, что он приехал к нам не впервые после войны, а будто никогда с нами не расставался.

— Летал на Севере, а теперь вот вышел в «расход», — помню, помню, невесело, несвойственно его характеру, пошутил Карев. Думал, что здоровье вечно, а оказывается — нет. Да и война, конечно, помогла, будь она трижды проклята…

И опять летели:

— Ты помнишь?.. Ты помнишь?..

— Да, я все помнила!..

Через год Карева не стало. Мы жили уже в Москве, и я поехала проводить его в последний путь. На похороны приехали

многие однополчане, в том числе Валентин Всеволодович Вахрамов, наш «факир». Он жил в Киеве, заведовал военной кафедрой одного из институтов. Вместе с женой Катей Валентин воспитал троих детей.

— Думал, вот вырастут дети — отдохнем, Катя ведь тоже фронтовичка. Ан нет, то и дело внуков подбрасывают наши детки житья от них нет, — Валентин говорит серьезно, а глаза его смеются…

Приехал моторист самолета Карева — Борис Дмитриевич Мурнин. Он работал директором школы в селе Даниловка, Саратовской области. У него были свои заботы — школьные: как бы школу отремонтировать? Где бы достать старенький автомобиль для той школы?

— Колхоз нам трактор выделил. А тут, — говорит Борис Дмитриевич, — личные заботы: сын Костя в военное училище поступил, дочка замуж выскочила, не окончив института…

Прилетел из Даугавпилса Герой Советского Союза полковник Иван Александрович Сухоруков, тот самый, который брал мою шинель в поездке к невесте Тамаре. Мечту он свою осуществил — после войны. Сухоруковы воспитали своих детей, да полковник дал еще путевку в небо почти сотне юношей, работая в летном училище.

В первый раз после войны навстречу 6-ой воздушной армии приехал Михаил Филимонович Бердашкевич, приехал с двумя дочерьми-студентками. Рубцы от ожогов на лице и руках Миши разгладились после многочисленных операций по пересадке кожи. Голубые глаза, схожие с озерами его родной Белоруссии, смотрели намного веселее, чем в войну. Дочки, похожие на отца, как две капли воды, оберегали его и с нежностью ухаживали, предупреждая каждое его желание. Они рассказали, что отец недавно перенес инфаркт миокарда. Врачи не разрешили ему ехать на встречу, но он не послушался.

— Мама, вот, срочно и «мобилизовала» нас — сопровождать папу…

Хорошая семья у Миши, подумалось мне тогда, а на фронте Бердашкевич был в таких страшных ситуациях, что, казалось и выжить-то невозможно. Но выжил и вышел победителем!

… Мне вспомнился рассказ о том, как он посадил свой подбитый штурмовик на клочке земли Керченского полуострова, занятого нашими десантниками. На клочке земли в гористой местности, изрытой окопами, изрешеченной артиллерийскими снарядами и в сплошных воронках от бомб.

Придя в себя, Михаил увидел тогда, что сидит со своим

воздушным стрелком в бронированной коробке с мотором, а крыльев и фюзеляжа с хвостовым оперением самолета нет. Потряс воздушного стрелка — жив курилка. Вместе стали удивляться чуду, что живы. Потом только увидели: плоскости и фюзеляж с хвостовым оперением висят на горе, метрах в тридцати от них…

— Слышим нам кричат: «Летчики! Ползите в нашу сторону» и как пароль — мать, перемать… — рассказывал Бердашкевич, припоминая всякие подробности — как они сидели в окопе до ночи, как их на шаланде переправили на Тамань. Потом Миша достал какое-то письмо и сказал:

— В том бою сбили моего ведомого Бориса Цветкова. Много лет о нем ничего не знали, а вот недавно он прислал письмо. Живет в Брянске. После демобилизации продолжал летать в ДОСААФ. Обучил летному делу 180 курсантов. С 1964 года летал в Аэрофлоте — помогал выращивать урожай, а теперь по возрасту да и фронтовые ранения сказались — вышел на пенсию…

Вот что писал Цветков: «После войны многие годы меня совершенно не беспокоило, что я — боевой летчик-штурмовик — и не имею наград. Но теперь подросли внуки и в праздники спрашивают: „Дедуля! А ты воевал? Где тогда твои ордена?“ Мне делается не по себе, я не знаю, что им ответить…

На фронт я попал после Оренбургского авиационного училища в июне 1944 года. За отличное выполнение боевого задания командования и за совершенные 14 успешных боевых вылетов был представлен к правительственной награде — ордену „Красного Знамени“. Но награду так и не получил. Был сбит над Берлином фашистским „фоккером“ 19 апреля 1945-го в известном вам, Михаил Филимонович, бою. А победа была совсем рядом!

Из горящего штурмовика я и воздушный стрелок Виктор Корочкин выпрыгнули на парашютах. Корочкина отнесло на нейтральную полосу, а я, раненый, упал в самое скопление немцев.

Семь дней отступая, фашисты держали меня, как заложника, а затем в пригороде Берлина сдали в Моабитскую тюрьму. Освободили наши части, и 1 мая 1945 года я прибыл в свой родной 805-й штурмовой, ордена Суворова, теперь уже Берлинский полк. А 9 мая меня и Мишу Зубова, который тоже был в плену пять дней, отправили на госпроверку в Алкино — за Урал. Четыре месяца нас „проверяли“, а затем и демобилизовали…

В моем личном деле осталась копия наградного листа, которую военкомат, по моей просьбе, выдал мне на руки. На мой запрос в Центральный Архив Советской Армии в город Подольск пришло сообщение, что, действительно, я был представлен к

награде орденом „Красного Знамени“ и в списках числюсь под номером 37. Вот и все. В списках числюсь, а ордена нет… Раньше награды меня не волновали. Я был горд тем, что хотя и в конце войны, но воевал, защищал свою Родину. Конечно, пострадал, но это не в счет. Многие летчики вели бои над территорией врага, и никто не был гарантирован, что не будет сбит…»

— А как тогда у вас закончился бой над Берлином, когда сбили Цветкова? — спросил кто-то из однополчан Бердашкевича, и Михаил Филимонович досказал письмо Цветкова:

— Мы встали в оборонительный круг и, отбиваясь, свалили четырех фашистов. Затем спокойненько отштурмовали цель и вернулись домой. Техники эскадрильи преподнесли мне подарок — бутылку наливки. Я удивился, но подарок взял. За ужином разлил наливку по стаканам, но только поднесли напиток ко рту, как в нос ударил запах бензина! Все поняли, что это — «ликер шасси», разбавленный каким-то сиропом. Спирт, вы знаете, со склада выдавался для технических нужд только в смеси с глицерином, и вот технические «рационализаторы» придумали, как его извлечь из-под глицерина. Брали технический шприц, погружали его конец на дно ведра и высасывали в бутылочку. Но тогда ошиблись малость — шприц оказался в бензине. Пришлось отдать подарок на перегонку…

На встречу 16-й воздушной армии приехали и два закадычных дружка, летчики-штурмовики Жора Ладыгин — из Норильска, где он уже много лет работал строителем, и Тарас Ивницкий — из Харькова. Тарас после увольнения из армии окончил институт, аспирантуру, защитил диссертацию. И вот уже много лет, как преподает в Харьковском инженерно-экономическом институте на кафедре высшей математики. Кандидат физико-математических наук. Друзья не виделись много лет после войны и теперь, обнявшись, уселись в уголок и только было слышно их: «А помнишь?..»

Миша Зубов рассказал Жене Агееву, как трудно и сложно было после проверки в Алкино устроиться куда-либо работать. Как посмотрят в документы — сразу отказ: был в плену. Чтобы поступить в финансово-экономический институт, пришлось обмануть.

Плен остался как клеймо, которое не отмоешь ничем. А то, что воевал «от звонка до звонка» — чиновникам было до лампочки! Главное, что попал в плен значит, враг. Слава Богу почти всех реабилитировали. Хотя, нет-нет, кто-то из бдительных политиков и уколет, напомнит, что ты «меченый» и не особенно-то «выступай».

Включи, Аннушка, радио!

7 мая 1965 года рано утром у нас в квартире раздался телефонный звонок. Я сняла трубку и тихо, чтобы не разбудить спящих сыновей, сказала обычное: «Слушаю…»

— Ура! Ура! Ура! — летел по проводам взволнованный голос поэта Гильярди.

Смеясь, я спросила:

— Что же это вы, Никодим Федорович, спозаранку-то торжествуете?

В ответ услышала:

— Включите, Аннушка, радио! Указ передают о присвоении вам звания Героя…

Тут же раздался второй звонок. Это звонил писатель Марягин. Георгий Александрович всю войну прошел артиллеристом, затем был корреспондентом газеты «Красная звезда». В памяти надолго сохранилось его доброе участие в моей литературной работе. Затем был третий звонок! Звонил и поздравлял писатель Иван Григорьевич Падерин. Полк, в котором он был в годы войны, сражался за Магнушевский плацдарм — памятный для меня плацдарм!..

Словом, весь май 1965-го меня поздравляли боевые друзья, общественные организации, школы, редакции газет и журналов, в которых в разное время были напечатаны очерки обо мне и о моих боевых товарищах. Прислали поздравления главный маршал авиации К.А. Вершинин, бывший командующий 16-ой воздушной армией маршал авиации С.И. Руденко, командующий 6-ой воздушной армией генерал Ф. Полынин.

Навсегда запомнились и строки Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза:

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом отвагу и геройство…» — читала я торжественные, сдержанные слова этого документа, а перед глазами поднимались навсегда ушедшие на огненные высоты однополчане, ревущие строи штурмовиков — тревожное небо моей молодости.

«И зачем это девчонок на фронт берут?..» — слышался будто голос Бори Страхова, и казалось, вот стоит он передо мной на аэродроме с полевыми ромашками в руках и улыбается по-юношески застенчиво, так светло и радостно. А за ним встали в памяти штурмовики: Пашков, Андрианов, Усов, Степочкин,

Зиновьев, Тасец, Подыненогин, Покровский, Ржевский, Мкртумов, Грудняк, Балябин…

Давно миновали страшные годы войны. Вот уже возмужали наши дети и выросли внуки. Как быстротечно время… Вспоминая прошлые бои и фронтовых друзей, с восхищением думаю об их мужестве и благородстве, высоком понимании долга, презрении к смерти и возвышенном чувстве фронтового товарищества, а еще — о любви к России. Нет краше ее на целом свете!..

Посвящаю свою книгу тем, кто погиб, кто остался жив и кого уже нет с нами после войны — моим дорогим однополчанам 805-го ордена Суворова Берлинского штурмового авиаполка. И простите, друзья, что не все увидела, не все вспомнила, не обо всех написала…

1984-1991